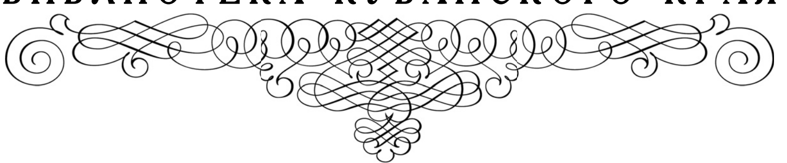
БИБЛИОТЕКА КУБАНСКОГО КРАЯ

ПРОТОКОЛЫ И СТЕНОГРАММЫ

ЗАСЕДАНИЙ КУБАНСКИХ КРАЕВОЙ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РАД 1917–1920 гг.

Том 3

Краснодар
2016

УДК 353.2
ББК 67.401.011
П 83

Протоколы и стенограммы заседаний Кубанских краевой и Законодательной Рад.
П 83 **1917–1920 гг.** Сборник документов: в 6 т. / под ред. А. А. Зайцева. – (Проект «Библиотека Кубанского края»). – Краснодар: Перспективы образования.
Т. 3. – Краснодар, 2016. – 316 с.

ISBN 978-5-93749-228-9

УДК 353.2
ББК 67.401.011

Публикация протоколов и стенограмм заседаний Кубанских краевой и Законодательной Рад 1917–1920 гг. продолжает проект «Библиотека Кубанского края», начало которому было положено работой над «Летописью Кубанского казачьего войска: 1696–2006 гг.» (Краснодар: Перспективы образования, 2006). В 2008 году в рамках проекта был издан первый сборник документов в 4-х томах, посвященный периоду Великой русской революции и Гражданской войны, – «Протоколы заседаний Кубанского краевого правительства. 1917–1920». Тогда публикация была осуществлена за счет средств гранта Президента РФ, полученного Краснодарской региональной организацией Общества «Знание» России. Ознакомиться с электронной версией издания можно на сайте Кубанского казачьего войска: www.slavakubani.com.

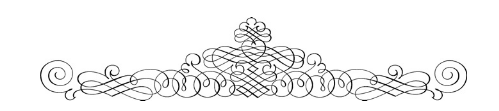
Следующим в серии «Библиотека Кубанского края» стал сборник документов «Это и моя война: Великая Отечественная в письменных и визуальных эго-документах» под ред. А. Ю. Рожкова и И. Г. Тажидиновой (Краснодар: Традиция, 2016). В книге представлены документы личного происхождения (дневники, записные книжки, письма, стихи, школьные сочинения, рисунки, фотографии), созданные во время Великой Отечественной войны в действующей армии, в тылу и в неволе. Издание было осуществлено в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ и администрации Краснодарского края.

Накануне столетия кубанского парламентаризма Законодательное Собрание Краснодарского края поддержало инициативу региональной организации Общества «Знание» по продолжению работы над воссозданием документальной истории кубанского казачества периода 1917–1920 гг. без идеологических клише и редакторских купюр. Публикация доселе недоступных массовому читателю архивных документов и раритетных публикаций 1917–1920 гг. адресована прежде всего исследователям истории кубанского казачества и краеведам, преподавателям, аспирантам и студентам-историкам, а также всем любителям истории Кубани.

Основной массив документов, включенных в сборник, составили архивные дела фонда Р-1542 «Кубанская Законодательная Рада», а также стенографические отчеты и протоколы общих заседаний Кубанской Чрезвычайной краевой Рады из справочно-информационного фонда Государственного архива Краснодарского края, электронные копии которых были подготовлены и предоставлены его сотрудниками.

Руководитель проекта и научный редактор издания – А. А. Зайцев, координатор проекта «Библиотека Кубанского края» – А. А. Рощин. Над подготовкой рукописи к изданию работали молодые члены Общества «Знание» – студенты его образовательного учреждения – филиала Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права в г. Краснодаре, а также учащиеся и выпускники краснодарских вузов и техникумов.

ISBN 978-5-93749-228-9

СОДЕРЖАНИЕ

1918 год

Стенографический отчет 26-го заседания Чрезвычайной Рады Кубанского края 28-го ноября 1918 года.

Заседание открыто в 10 час. 45 мин. утра председателем Н. С. Рябоволом.

Председатель. — Заседание возобновляется. Слово предоставляется для внеочередного заявления полковнику Гамалию.

Полковник Гамалий. — Я получил разрешение доложить высокому собранию о событиях в Терской области с прошлого года.

Я был командирован членом краевого правительства по военным делам полковником Успенским во Владикавказ. В это время на Тереке происходила полная анархия: ингуши грабили и жгли города; многие члены терско-дагестанского правительства были расстреляны; с занятием Владикавказа большевиками был издан приказ, которым не разрешалось без ведома советской власти выезжать из города; в то же время там начались страшные репрессии. В средних числах мая я пытался пробраться на Кубань, но был арестован в Кавказской, и только благодаря случайности удалось избегнуть смерти и попасть в злосчастный Владикавказ. В сентябре казаки окрестных станиц, терцы и осетины активно выступили против большевиков. В этом пришлось принять участие и мне. Владикавказскую красную армию составляли главным образом китайцы, грузины, армяне, которые стремились больше пограбить, чем воевать.

Начало казачьего выступления было удачно: человек сорок конных ворвались в «совдеп» и многих перерезали, советская власть разбежалась, но главные из вожаков были арестованы. Эти потом по неизвестным причинам были отпущены, чем, собственно, я лично и объясняю дальнейшую неудачу как казаков, так и осетин: освобожденные вожаки, перейдя под крылышко ингушей, продолжали свою работу. Война за обладание городом продолжалась 11 дней и кончилась отступлением казаков и осетин. Последние, т. е. осетины, в этот период времени проявили большую склонность к грабежам, что и послужило поводом к неудачам. Накануне отступле-

ния был издан приказ, в котором говорилось, что осетины и казаки заняли город не для того, чтобы его бросать; но в эту ночь ингуши напали на станицы, и наши отряды были вынуждены отступить на второй день. Мы разделились на две части: одна направилась на станицу Сунженскую, т. е. за Владикавказ, а другая сюда, ближе к Кубани. Таким образом, между казаками снова появился большевистский фронт. С этого момента центром военных действий становятся Моздок и станция Прохладная. Связь с полковником Бичераховым удалась после занятия большевиками Владикавказа, приблизительно через месяц; возле Кизляра от полковника Бичерахова терцы получили снаряды и патроны.

Еще до выступления казаков под Владикавказом Серебрянским в Большой Кабарде было поднято восстание против большевиков. Серебрянский обеспечил левый фланг казаков — Свято-Крестовский. В это время я принял предложенное мне Серебрянским командование вновь сформированным кабардинским полком. В октябре с 6-м кабардинским, 10-м и 2-м казачьими полками пришлось мне все время быть на левом берегу Малки, прикрывая Прохладненский фронт. Когда большевики прорвали казачий фронт, мы решили начать эвакуацию Нальчика и эту задачу выполнили удачно, вывезли все необходимое и вывели два кабардинских полка, сохранив их боеспособность.

Считаю долгом отметить, что Кабарда была единственной областью из всего Терского края, которая выявила свою подлинную физиономию и стала определенно на сторону казаков. Что касается ингушей, то они только громили и грабили, цепляясь за всякий удобный для этого случай. В то же время осетины в своей массе заявили себя нейтральными и затем даже на съезде, в то время когда шла война между казаками и большевиками, вынесли резолюцию — признать советскую власть. Исключение составляла станица Ч., которая держалась в отношении большевиков выше всякой похвалы. Вот в каком положении находились казаки Терской области.

Придерживаясь системы смены, т. е. одна часть стоит на позиции две недели, а потом ее заменяет другая, они не могли вынести ни одного выгодного для дела боя, так как одна часть всегда свою неудачу сваливала на другую. И вот отсутствие постоянных полков и было главным образом причиной поражения терцев. Но если учесть всю обстановку, то обстоятельство, что терцы имели, с одной стороны, враждебных ингушей, а с другой — нелояльных осетин, то приходится согласиться, что терцы находились в исключительных условиях.

Не стану скрывать, как ждут вашей помощи родные вам по духу и крови терцы. Эта помощь нужна им как никогда, и наш священный долг им помочь, ибо залог нашего успеха и счастья в будущем зависит от этого. Что касается дружественного нам кабардинского народа, то, смею вас заверить, добрососедское отношение даст как нам, так и им громадные выгоды в боевом и материальном отношении. Серебрянский, командируя меня сюда, убедительно просил явиться в Раду и передать вам от дружественного кабардинского народа, борющегося за общие идеалы, сердечный привет. Всякая вера имеет свои молитвы, и я творю эту молитву: отцы и братья, будем дружны, а когда мы будем дружны, мы будем духовно и физически сильны, и только в таком случае нам никакой враг не будет страшен. *(Аплодисменты.)*

Председатель. — От имени Рады президиум благодарит вас за доклад и просит передать кабардинскому народу наш привет.

Продолжается обсуждение земельного вопроса. Все статьи проекта комиссии были приняты, остались только резолюции, которые нужно будет обсудить и принять.

Постановление 1-е. «Принимая во внимание остроту малоземелья во многих населенных пунктах Кубанского края, и преимущественно нагорной полосы, Кубанская краевая Рада признает необходимым поручить краевому правительству принять все меры к тому, чтобы до окончательного распределения краевого земельного фонда отчуждаемые земли по возможности предоставлялись указанным населенным пунктам во временное пользование». Есть желающие высказаться по этому поводу? Слово докладчику.

(Председательское место занимает товарищ председателя Султан Шахим-Гирей.)

Докладчик член Рады Омельченко. — Господа члены краевой Рады! Комиссия, когда вынесла данное постановление, имела в виду следующее: в настоящее время поступила масса заявлений от малоземельных местностей, и главным образом от нагорной полосы, с просьбой о наделении их землей, и вот, чтобы удовлетворить их нужды и показать, что Рада вопрос о малоземельных считает предметом своего особого внимания, комиссия считает нужным вынести на утверждение Рады данное постановление. Если же мы ничего не сделаем, то малоземельные станицы подумают, что о них совершенно забыли. Со своей стороны я поддерживаю внесенное постановление.

Председательствующий. — Я ставлю на баллотировку. Кто за принятие такого постановления? Кто против? Мало. Кто воздержался? Пять. Принята.

Вторая резолюция гласит. «Признавая, во-первых, что при отмежевании станицам Кубанского войска земельных юртов допущены были явные неправильности, нарушившие принцип уравнительного землепользования и вызвавшие во многих станицах малоземелье, граничащее с безземельем; во-вторых, что настоящее земельное устройство казачьего населения не соответствует требованиям современной экономической и политической жизни казаков, Кубанская краевая Рада, в целях достижения наиболее справедливого и равномерного распределения земельного довольствия и урегулирования землепользования в войске, предлагает Законодательной Раде в первую очередь выработать законопроект о внутреннем земельном устройстве казачьего населения края, который представить на одобрение краевой Рады в ближайшую сессию, и поручает краевому правительству немедленно приступить к производству таксации земель Кубанского края.

Докладчик Омельченко. — Обсуждая вопрос, как быть с юртовым и паевым довольствием, которое, как оказывается, не во всех юртах одинаково, комиссия решила, что сделать что-либо сейчас мы не в состоянии, но в то же время нашла, что обойти молчанием такой вопрос тоже нельзя, ибо нужно, чтобы население малоземельных станиц знало, что краевая Рада по этому вопросу какие-то беседы вела, интересовалась этим вопросом и дала свои директивы краевому правительству и Законодательной Раде. И вот принята резолюция, в которой мы заявляем, что нужно приступить к разрешению вопроса юртового довольствия между станицами, а также говорим, кому мы это

поручаем. *(Читает резолюцию.)* Мы считали, что по этому вопросу, относительно внутреннего распределения, таксации, сейчас мы могли принять только соответствующее постановление, которое должно служить руководящим началом для Законодательной Рады. Нужно только заявить, что мы принимаем это близко к сердцу и даем директивы Законодательной Раде принять в этом направлении решительные меры.

Председательствующий. — Желающих по этому поводу говорить нет? *(Молчание.)* Ставлю на баллотировку целиком. Кто за принятие этой резолюции? Кто против? Кто воздержался? Трое.

Третья резолюция. «Признавая, что экономическая будущность Кубанского края зависит от возможно быстрого поднятия сельскохозяйственной техники среди его земледельческого населения, Кубанская краевая Рада в целях наилучшего использования производительных сил края и достижения прочного благосостояния казаков, горцев и крестьян предлагает Законодательной Раде в спешном порядке разработать законопроект агрикультурной реформы и принять все меры для возможно быстрого проведения в жизнь стоящих на очереди сельскохозяйственных улучшений».

Докладчик Омельченко. — Кубанская краевая Рада, по мнению земельной комиссии, должна торжественно, так сказать, заявить, что вопросы агрикультурной реформы, с целью повышения плодородности земли, не прошли мимо поля зрения краевой Рады. В речах многих ораторов указывалось на необходимость увеличения площади земли, но нужно научиться лучше обрабатывать землю. Принимая это во внимание, а также зная, что действительно в Кубанском крае слишком много негодных земель, особенно таких, которые заливаются водой, комиссия находит, что нужно принять самые решительные меры, чтобы эти земли из плавней обратились в годные для земледелия. Хотя в этом направлении многого сделать и нельзя, нужно все-таки населению показать, что краевая Рада понимает, что этот вопрос, эти нужды должны быть удовлетворены. Дабы ваши слова по этому вопросу служили исходным пунктом для Законодательной Рады и краевого правительства и чтобы действительно в этом направлении приняты были решительные меры, земельная комиссия считала необходимым по этому вопросу принять соответствующую резолюцию.

Председательствующий. — Ставлю на баллотировку. Желающие говорить по этому вопросу есть? *(Молчание.)* Кто за принятие этой резолюции? Кто против? Кто воздержался? Воздержалось два. Принята. Слово принадлежит представителю от Кавказского отдела члену Рады Каплину.

Член Рады Каплин. — Господа члены Рады! Кавказский отдел вчера в своем заседании возбудил один вопрос, который, по его мнению, должен волновать всю Раду: в связи с проведенным радикальным законом о земле, по которому все частновладельческие земли подлежат отчуждению, в связи с этим может осложниться вопрос производительности сельского хозяйства. Возможно, что многие частные владельцы ввиду радикальных мер, проведенных настоящей Радой, просто махнут, что называется, рукой на свои участки, и в настоящем сельскохозяйственном периоде участки могут остаться незасеянными, а вы знаете из вчерашних слов председателя правительства, что дело продовольствия, дело сельскохозяйственного производства у нас обстоит не так блестяще, как это было бы желательно. Вы знаете, что сельское хозяйство явля-

ется основой нашего благополучия; продукты сельского хозяйства — это наш золотой запас, это основа нашего торгового баланса. Вот почему, не находя возможным принимать каких-либо мер, конкретных мероприятий для того, чтобы все земли были использованы, Кавказский отдел вам предлагает следующую резолюцию: «Краевая Рада поручает Законодательной Раде и краевому правительству безотлагательно принять все меры, не исключая мер репрессивного характера, к тому, чтобы все частновладельческие земли сельскохозяйственного назначения не остались незасеянными в текущем сельскохозяйственном периоде». Кавказский отдел просит обсудить эту резолюцию и принять ее.

Председательствующий. — Желает ли Рада обсуждать этот вопрос? *(Голоса: «Голосовать».)* Ставлю на голосование. Кто за принятие резолюции, предложенной Кавказским отделом? Кто против? Принята. Господа члены Рады! Земельный вопрос уже закончен. Прежде чем перейти ко второму чтению проекта земельного, я предлагаю передать его обратно в комиссию для редакционных поправок. Прошу согласных поднять руки. Кто против? Принято единогласно.

(Председательское место занимает Н. С. Рябовол.)

Председатель. — Господа члены краевой Рады! На очереди у нас, как я уже сообщил, вопрос о зачислении в казачье сословие и об исключении из него, о помощи жертвам гражданской войны, о наградах, военный законопроект и выборы. В одном из предыдущих заседаний вы высказались, чтобы в ближайший срок были произведены выборы войскового атамана и членов Законодательной Рады. Эти выборы необходимо назначить на определенный день, потому что некоторые члены отлучаются и бывают не на всех заседаниях. Все должны знать, когда, в какой день будут произведены эти выборы. Есть предложение назначить выборы в субботу или в пятницу. Разрешите без прений проголосовать. Прошу согласных с тем, чтобы выборы были назначены в пятницу, поднять руки. Кто за субботу? Большинство. Таким образом, выборы войскового атамана и членов Законодательной Рады назначаются в субботу. Я вчера срочно просил, чтобы были присланы сведения для распределения мест членов Законодательной Рады по отделам. Завтра эти сведения будут представлены. Сейчас мы приступим к слушанию и рассмотрению доклада комиссии по принятию и исключению из казачьего сословия. Прошу докладчика. *(«Докладчика нет».)* Объявляю перерыв на десять минут.

После перерыва.

Председатель. — Господа члены Рады! Вам давно был роздан на руки законопроект о зачислении в казачье сословие и об исключении из него. Теперь мне докладывают, что законопроект не рассмотрен вами даже в отделах. Это ставит в затруднительное положение президиум. Правда, законопроект был роздан не в большом количестве — всего по одному экземпляру на отдел. Также не был вами рассмотрен законопроект о жертвах гражданской войны и о пособиях и наградах. Военно-морская комиссия представит доклад после переработки только к завтрашнему дню. В настоящем положении предлагаю три выхода: может быть сделан доклад о наградах, и мы приступим к его рассмотрению, второй выход — выслушать доклад о приеме в казачество, но обсуждение отложить, и, наконец, совсем прервать заседание, чтобы работать в комиссиях.

Член Рады Д. Филимонов. — Господа члены Рады! Законопроект, который представила комиссия по приему и исключению из казачьего сословия, очень громоздкий, и там есть такие положения, которые для нас в отделах могут показаться непонятными, если мы не выслушаем тех общих соображений, которые были положены в основание этого проекта. Поэтому я предлагаю заслушать доклад комиссии и прервать заседание, после чего приступить к обсуждению проекта в отделах. После доклада комиссии будут ясны все те положения, которые положены в основу законопроекта. Без общих же руководящих нитей нам трудно будет обсудить его.

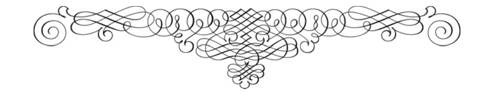
Председатель. — Я думал, что будет прочитан доклад, но докладчик заявил, что он не подготовлен и комиссия занимается в настоящее время переработкой законопроекта. Случилось то, что случилось. *(Смех.)* Докладчик комиссии о наградах предлагает заслушать свой доклад, но, может быть, нам лучше прервать сегодняшнее заседание и пойти работать в отделы, ибо оказывается, что у нас в отделах много работы не сделано, много вопросов не рассмотрено. Не рассмотрен, напр., законопроект о наградах, кроме того, не намечены даже кандидаты в Законодательную Раду, не намечен кандидат в войсковые атаманы. Я предлагаю прервать заседание и, чтобы не терять времени, пойти работать по отделам. Прошу в отделах рассмотреть законопроект о наградах для того, чтобы завтра его можно было поставить на повестку и рассмотреть.

Разрешите огласить телеграммы, которые были получены Радой.

(Оглашаются приветственные телеграммы: 1 — от населения станицы Зеленчукской, 2 — Каневского учительского союза, 3 — жителей села Коноково, 4 — георгиевских кавалеров ст. Поповичевской, 5 — георгиевских кавалеров ст. Новомалороссийской и 6 — почто-телеграмма второго чрезвычайного собрания уполномоченных Кубанского союза потребительных обществ. Оглашение телеграмм встречено аплодисментами членов Рады.)

Председатель. — Объявляю перерыв до 10 ч. утра завтрашнего дня.

Заседание закрыто в 12 часов дня.

Стенографический отчет 27-го заседания Чрезвычайной Рады Кубанского края 29-го ноября 1918 года.

Заседание открыто в 10 часов 35 минут председателем Н. С. Рябоволом.

Председатель. — Заседание возобновляется. Слово предоставляется для внеочередного заявления члену Рады генералу Карцеву.

Член Рады г.-л. Карцев. — Господа члены Чрезвычайной Рады! Я вчера по поручению войскового атамана и правительства был послан встретить прибывшего сюда английского генерала Пуля и английскую военную миссию, прибывшую от лица главного командования для организации помощи Добровольческой армии. Приветствовал я его на английском языке. Дословный перевод я считаю своим долгом сообщить вам, так как в своей речи я не мог обойти того факта, что в Екатеринодаре собрались представители Кубанского края. Я сказал следующее: «Я имею честь приветствовать ваше превосходительство и офицеров, вас сопровождающих, от имени кубанского войскового атамана и местного правительства. Представители населения области в настоящее время собраны в Екатеринодаре, и, как один из них, я могу вам сказать, что мы счастливы видеть среди нас членов храброй английской армии. Кубанские казаки в тесной связи с Добровольческой армией никогда не колебались в своей верности союзникам России. Борьба за воскрешение нашего отечества все еще свирепствует, но мы надеемся с помощью союзных держав вскоре увидеть ее окончание и водворение в нашей стране порядка и безопасности. Еще раз прошу вас принять наш искренний привет». Генерал Пуль на станции кратко выразил свою благодарность по поводу моих слов, но затем на обеде у войскового атамана он обратился ко мне и сказал следующее: «Союзные державы вполне осведомлены о том, какую мощную помощь оказали казаки Добровольческой армии в ее деле. Все союзники согласны видеть Россию единой, восстановленной, как мощного полноправного члена в семье великих держав». Затем сказал, что он лично вполне счастлив, чувствуя себя наконец в нашей стране среди славного Кубанского казачьего войска. Вот то, что я имел передать вам.

Председатель. — Слово предоставляется для внеочередного заявления члену Рады Демиденко.

Член Рады Демиденко. — Я выступил перед высоким собранием от имени комиссии по народному образованию из представителей ведомства по народному образованию и краевого учительского союза. Я извиняюсь, что отрываю у вас дорогое время, но думаю, что затраченное время не пропадет даром, а будет использовано с тою целью, ради которой вы сюда призваны. Господа члены Рады! Великими подвигами лучших сынов края и России поднято восстание на Кубани против насильников, и наконец мы свободно можем сказать, что Кубанский край, наш «рідний» край, освобожден от бандитов. Но, господа члены Рады, мало одного выздоровления больного организма от заразительной болезни, после нее необходима еще хорошая дезинфекция для того, чтобы специфические остатки идей большевизма были уничтожены. Вы помните хорошо то время, когда центральная совдепия, чувствуя свое бессилие, чувствуя,

что она не в состоянии справиться с теми массами, которые она разожгла, передала власть на места. Вы помните, как эти отбросы общества и политически незрелые люди приняли завещание предателей родины, и вы знаете, к чему привела эта власть на местах и что она сделала. В данное время, когда вы, лучшие люди края, собрались сюда, чтобы устроить край на началах правопорядка и законности, там, на местах, откуда некоторые из вас прибыли, творится другое. Со всех концов нашего дорогого края, из медвежьих уголков, из крупных центров, из станиц и сел доносятся вопли раздетых, голодных, холодных учителей, выгнанных не только из пределов края, но из пределов станиц по приговорам. С другой стороны, эти труженики народные подвергаются всевозможным оскорблениям и насилиям. Кроме того, раздаются душераздирающие крики детей-сирот иногородних, перед которыми закрылись двери храма науки, двери школы. Все это следствие, остатки того, что было. Я не стану называть вам тех станиц, но скажу одно, что болезнь эта принимает эпидемический характер. Наилучшие труженики, прожившие в станицах много лет и зарекомендовавшие себя не только как хорошие педагоги, но и как общественные работники, изгоняются из школ под всевозможными предлогами и поводами и на их места теми же приговорами приглашаются люди не только неопытные, а даже и неполноправные. Все в угоду «своим», забывая совершенно, что для пользы школы и общества нужны испытанные, любящие свое дело работники.

Чтобы не быть голословным, я расскажу вам, чему подвергаются в станицах учителя и к чему ведет все это. Быть может, есть виновные среди учителей, но в данном случае невиновных больше. Я, с вашего разрешения, оглашу официальный документ, если вы позволите. *(«Просим».)* Прежде всего разрешите прочесть рапорт учительницы одноклассного училища. Я не стану называл ее фамилии и имени. «2 ноября вечером в 8 часов я была вызвана, — пишет она, — в помещение местного гарнизона начальником его хорунжим З-м. По дороге от сопровождавших меня солдат я узнала, что одновременно со мною вызываются псаломщики К. и Т., а также заведующий 2-классным училищем М. И-ко.

Придя в помещение, я застала там гг. К. и Т., которые так же, как и я, не знали, зачем они вызваны. Спустя с полчаса явился в помещение хорунжий З-й в нетрезвом виде. Он вызвал из соседней комнаты солдат и приказал им выстроиться у стены. После этого, обернувшись в нашу сторону, крикнул: «Вас, псаломщики, объявляю арестованными, а вас, мадам, я высеку».

На мой вопрос, за что, З-й сказал: «Это мое дело».

Я возмутилась таким объяснением и крикнула: «Лучше меня расстреляйте, а не подвергайте такому позору».

На это З-й с насмешкою сказал: «А все-таки я сам выпорю вас».

Не помню, что еще я говорила, но З-й закричал что-то циничное и потребовал, чтобы я разделась. Я почти бессознательно сняла шубу и остановилась посреди комнаты, не зная, что еще делать с собою. З-й, помню, что-то кричал гадкое и приказал лечь мне на пол, сняв часть белья. Я стала просить, чтобы не раздевали в присутствии всех, а лучше прибавили количество плетей. Опять последовало циничное замечание. Я упала на пол.

3-й приказал двум солдатам сесть одному на голову, а другому на ноги мне, сорвал белье и начал лично хлестать меня плетью по голому телу. Сколько было дано плетей, я не могу сама сказать. Приговорена была к 25, но присутствующие говорили, что они насчитали 28 ударов.

Кажется, во время экзекуции 3-й кричал, что я бесчестная, подлая женщина, что я целый год преследовала его. После нанесенных ударов 3-й крикнул, чтобы я одевалась и встала: — «Вставай сейчас же, а то еще выпорю». — Одеваясь, я услышала: «Ну а теперь пожалуйтесь на меня атаману отдела». Одевшись, я выбежала на улицу». Документ этот засвидетельствует вам то, чего не видело средневековье. Согласно характеристике инспектора народных училищ учительница П-ва, подвергшаяся экзекуции, учительствует на Кубани 22 года. Будучи личностью незаурядной, П-ва все свои силы отдала делу служения народу как в школе, так и вне ее, организуя и устраивая чтения для взрослых, спектакли и проч. И над нею-то совершено такое издевательство.

Председатель. — Я прошу вас быть кратким.

Член Рады Демиденко. — Я изложу только, что помимо заслуг в прошлом названная учительница и в настоящем — в борьбе с большевизмом — была неутомимым борцом. Она спасла, как свидетельствует об этом документ, многие жизни от большевиков. Несмотря на это — вот пенсия ее.

В таком же положении обстоит дело и по вопросу о посещении школы детьми иногородних.

Председатель. — Расскажите все возможно короче.

Член Рады Демиденко. — Всяческими способами стараются исключить из школ детей иногородних. Для этого выбираются различные предлоги, напр., установление непосильной платы за обучение в размере 300 руб. в год. В иных местах прямо запрещают детей иногородних принимать в школы. Комиссия, обсудив эти вопросы, просила ведомство указать, какие меры ведомством приняты для уничтожения этого зла. И оказалось, что ведомство столкнулось с этой ненормальностью и уже вынуждено было отдать приказ, ввиду того что местные органы управления начали было составлять приговоры и ходатайствовать об этом. Несмотря на это, самовластие на местах осталось. Власть придерживается старых порядков: «Дело ваше — писать приказы, а наше дело — исполнять их на местах». Это зло принимает такие размеры, что в данное время многие заведующие районами отказываются далее служить. И я должен предупредить вас, как представитель комиссии, что болезнь, называемая гангреной, должна быть вырвана вначале. Должен быть созван консилиум врачей, и только от решения вашего, от правильной постановки диагноза будет зависеть успех лечения и наше будущее. Смотрите, вы строите здание для будущего, вы строите свободное здание, и материалы для этого здания вам должны дать только народные учителя как единственно культурные проводники просвещения. Все это зло делается, быть может, бессознательно; я не говорю, что оно делается так же сознательно, как делалось при разложении армии: там сознательно губили и разлагали армию, и правительству Керенского, для того чтобы исполнялись его приказы на местах, приходилось посылать отряды. Чтобы этого не случилось теперь, вами, как лучшими людьми края, должно быть вынесено особое обдуманное решение и отдан особый приказ. Комиссия, обсу-

див эти вопросы совместно с представителями ведомств и краевым учительским союзом, приняла резолюцию о том, что ввиду происходящих во многих местах случаев недопущения детей в школы, самочинного увольнения учителей и других подобных усиливающих невежество народное явлений надлежит, во-первых, подтвердить административным органам, что долг их всяческими мерами охранять личность граждан, в особенности же лиц учительского персонала, от произвола, а потому они обязаны подвергать насильников строжайшей ответственности; оставлять самовольные постановления об удалении учителей без движения; требовать, чтобы приговоры обществ по данному предмету, представляемые в соответствующие учреждения, были должным образом обоснованы, и, во-вторых, — не только не препятствовать поступлению в школы детей иногородних, но всячески способствовать этому поступлению на свободные места, за плату, установленную попечительными советами и утвержденную ведомством народного просвещения.

Вот это мы просим вас в спешном порядке издать и провести в жизнь.

Председатель. — Конечно, оглашенные сейчас тревожные явления и дикие факты, несомненно, возбуждают у членов Рады чувство глубокого возмущения и желание специально реагировать на них. Однако не следует упускать из виду, что эти явления и факты стоят в самой тесной связи с подобными же явлениями в других областях жизни края. Поэтому возбужденный вопрос я просил бы разрешить следующим образом. Нам, президиуму, уже дано поручение составить общий приказ об умиротворении на местах. К сожалению, выработка текста этого приказа несколько задержалась. Во всяком случае, именно при его составлении надлежит иметь в виду отмеченные факты. Что касается практических мер, то это — предмет ведения ведомства народного просвещения. *(«Правильно».)* Возражений против сделанного мною предложения нет? Большинством голосов принято. Слово предоставляется докладчику комиссии по оказанию помощи пострадавшим в гражданской войне и о наградах чл. Рады Перегородиеву.

Член Рады Перегородиев. — Господа члены Рады! На долю той комиссии, в которой я состою председателем, выпала тяжелая обязанность выполнить торжественное обещание наше, данное в день торжественного открытия Чрезвычайной краевой Рады 1 ноября. Обещание это таково: «Все до единого активные участники — как фронта, так и тыла — освобождения Кубанского края от большевизма, все оставшиеся без куска хлеба вследствие своей стойкой борьбы с анархией, как они сами, так и их семьи, не будут забыты Радой за понесенные труды и лишения. Этот вопрос считать срочным и, ввиду важности, передать в особую комиссию для подробной разработки и срочного доклада его краевой Раде». Как видите, задача очень трудная. Нам нужно было вознаградить тех лиц, заслуги которых едва ли поддаются каким-нибудь человеческим наградам. В первую очередь мы должны были охватить категорию лиц, которые, по мнению комиссии, подошли под это постановление Чрезвычайной краевой Рады. В эту категорию, по нашему мнению, должны были войти следующие лица: члены правительства, Законодательной Рады, участники Кубанского похода 28 февраля, затем — чины Добровольческой армии, которые были у нас, на Кубани, со дня перехода границы, т. е. с 23 февраля. Это, так сказать, основные элементы, которые дали

толчок к освобождению или даже к спасению Кубани. И вот на этих двух элементах, на этих двух категориях мы прежде всего остановились, и когда нами обсуждался этот вопрос, то, естественно, у нас поднялся другой: чем мы можем этих людей, оказавших заслуги выше всяких наград, вознаградить? Это люди, о которых здесь неоднократно уже упоминалось. Войсковой атаман нам говорил:

«Возможность нам, кубанцам, собраться сюда для осуществления своих гражданских прав, эта возможность куплена небывало страшной ценой и бесчисленными жертвами. Для того чтобы иметь возможность войти на эту кафедру, мне, вашему правительству и Законодательной Раде пришлось пройти более 2000 верст кровавого пути, 2000 верст, политых кровью лучших русских сынов. Мне пришлось быть свидетелем гибели славы и чести и надежды русской армии в лице ее представителей. Общие жертвы, принесенные лучшими русскими людьми во имя освобождения поруганной матери-родины, — все это обязывает нас не забывать, какой дорогой ценой куплен порядок. Честь и славу родного края — свою Кубань мы освободили под руководством Добровольческой армии». Наконец, в той же речи читаем: «28 февраля Кубанское краевое правительство и ваш войсковой атаман должны были уйти из Екатеринодара. Мы благоговейно разобрали стяг власти и сохранили его у себя в сердце. Мы действительно сохранили его для того, чтобы в этот радостный день этот священный стяг положить к вашим ногам».

И вот нам выпала задача вознаградить этих лиц, тех лиц, которые все то сделали, о чем поведал с этой кафедры наш войсковой атаман. Я знаю, что ни у кого не явится сомнения в справедливости его слов. Какую же можно им награду дать? Это выше сил человеческих — наградить этих лиц. Конечно, единственную самую ценную для них награду они уже получили: они получили Кубань, получили свободу, а это — то, к чему они стремились. Нам только остается ознаменовать это значение их подвигов. Поэтому мы решили в ознаменование этих событий основать орден — крест Спасения Кубани — и в первую очередь, конечно, просить тех лиц, которые были участниками спасения Кубани, принять этот знак от нас. Я думаю, что и в будущем в нашем крае это будет самой высокой наградой, и уверен, что и Россия, когда она станет единой, свободной, признает эту награду, ибо спасение России идет от нас, от Кубани. Так вот, единственное, на чем мы могли остановиться, что мы могли сделать в память этих исторических событий и в честь этих храбрейших и честнейших людей, — это создать награду, которую мы называем крестом Спасения Кубани. Конечно, дальше я буду говорить о том, что мы сделали в этом отношении для семейств погибших в этой борьбе, но сейчас я ограничиваюсь докладом постановления, которое касается оставшихся в живых защитников и освободителей Кубанского края. Мы полагали, что крест Спасения Кубани не должен служить украшением — он должен выражать идею, а потому и должен быть самым простым, так как борцы за свободу шли не за внешней красотой, а красотой внутренней, духовной, а эта красота может быть выражена только в простоте. Крест должен быть самым простым по той причине, что этот крест будет напоминать тот крест, который несли эти люди, спасители Кубани, и еще потому, что многим из матерей, жен и детей он может напоминать о тех незабвенных утратах, которые они понесли в этот момент исторических событий, потому что многие из погибших неиз-

вестно где погребены, а может быть, даже и не погребены. Этот крест должен остаться наследникам этих погибших как память об их лучших близких, и поэтому у нас есть статья, что этот крест переходит к наследникам. Крест должен быть черный, чтобы все помнили о тех черных днях, которые пришлось пережить Кубани. Конечно, последующие награды будут даваться только по особо выдающимся заслугам, и я думаю, что эти заслуги будут сравниваться с заслугами тех, в честь которых эти награды созданы. Крестом Спасения Кубани эту награду мы назвали потому, что Кубань действительно спасена, что Кубань не погибла, когда кругом нас все погибло, когда Россия погибла, ибо вокруг нас не оставалось ничего от России. Погиб было наш сосед Дон, ибо там не имелось ни правительства, ни войскового атамана, ни законодательных органов; погибли наши соседи-терцы; там тоже ничего не осталось, и только Кубань была спасена. И вот наша самая трудная задача — установить, так сказать, период, когда именно земля кубанская погибать стала.

Этот период нужно установить с 28 февраля по 1 апреля; некоторые мнения раздавались за замену последнего срока 17-м марта, ибо после соединения с Корниловым уже явилась надежда на спасение, но все-таки преобладало мнение отодвинуть этот срок к 1 апреля, потому что этот период самый тяжелый и самый опасный для Кубани. Таким образом, этот период нужно взять за основание и можно назвать периодом спасения Кубани. А вот тех лиц, которые, так сказать, помогли делу спасения, помогли спастись нашему правительству, Законодательной Раде и атаману, — их мы назовем спасителями Кубани.

Затем, как и заявлено в торжественном обещании 1-го ноября, мы должны сказать, что заслуги и прочих защитников Кубани не забыты нами, что мы хорошо помним их великие подвиги. Мы также полагали, что те лица, которые, хотя и не участвовали в Кубанском походе, но оказали особо ценные заслуги, не должны быть забыты и должны быть чем-нибудь отмечены, так что и они могут получить как особое отличие орден Спасения Кубани 1 и 2 степени. Так, например, мы говорим, что организаторы отрядов, борьба которых имела общекраевое значение и отряды которых присоединились к Добровольческой армии, также должны быть награждены крестом Спасения Кубани 1 степени. Когда мы устанавливали эту награду, когда мы перечисляли лиц, которые сейчас же могут быть награждены ею, мы не могли умолчать, что эту награду нужно считать высокой наградой края. Поэтому в ст. 7 сказано, что, имея в виду выделить и достойно наградить сынов родной Кубани за все их выдающиеся подвиги, мы полагали крест Спасения Кубани высшей наградой в Кубанском крае.

Далее могли быть оказаны в период освобождения Кубани и такие заслуги, которые в свое время остались неотмеченными — не потому, что их не было, а просто как-нибудь могли быть не замечены. Нельзя обойти молчанием и таких участников борьбы, и поэтому мы решили установить медаль, которую назвали медалью «За освобождение Кубани». Она охватывает тот период, когда возможность гибели Кубани не проявлялась так остро и когда уже появилась возможность подумать и об освобождении Кубани. Мы полагали, что эту медаль можно назвать медалью «За освобождение Кубани», и полагали, что ею могут быть награждены все те лица, которые перечислены в настоящем постановлении. Я не буду читать его, ибо оно у вас имеется. Так

как у нас было сказано, что должны быть награждены все участники борьбы, то нам пришлось подвести под эту награду — медаль «За освобождение Кубани» — и лиц, хотя и не выступавших с оружием в руках, но все-таки оказавших лично плодотворное содействие в деле формирования отрядов. Под эту награду подведены все участники похода и входившие в состав армии.

Кресту Спасения Кубани комиссия постановила присвоить некоторые преимущества, причем хотела подчеркнуть не столько материальный, сколько нравственный характер этих преимуществ. По ее предположению, все кавалеры креста Спасения Кубани освобождаются от всех натуральных повинностей: комиссия полагала, что человек, имеющий такую высокую награду, первую награду, может быть освобожден от отбывания натуральной повинности. Мы даем право имя и фамилию кавалеров занести на мраморную доску в станичных правлениях. Это станицы часто и сами делали, но мы решили подчеркнуть это, для того чтобы узаконить такой порядок. Детям упомянутых лиц должны быть даны преимущества при поступлении в войсковые учебные заведения, т. е. когда являются два ребенка, материальное положение которых одинаково и даже одинаковы баллы, то, безусловно, должно предоставить преимущество сыну кавалера. Кавалеры-неказаки по их желанию зачисляются в войсковое сословие. По этому вопросу не может быть никаких разговоров, потому что относительно тех людей, которые причислены к ордену Спасения Кубани, каких-либо сомнений по поводу зачисления в наше сословие быть не должно. Если скажут, куда мы их денем, то я на это скажу: «Пусть те, которые подлежат награждению, пусть они займут места недостойных казаков, которые ушли бороться вместе с большевиками, которые борются против нас, казаков». Крест Спасения Кубани переходит по наследству к старшему в роде с правом ношения, но без прав и преимуществ, указанных в пункте 7-м. Я должен подчеркнуть, что такие исторические события, какие у нас произошли, едва ли кто помнит во всей истории человеческой, и поэтому люди, проявившие большое мужество, не должны быть никогда забыты, а особенно их потомками. Я думаю, что все потомки будут гордиться, что у них были такие славные предки. Все офицеры, кавалеры ордена Спасения Кубани первой степени, уравниваются в чинах со своими сверстниками, произведенными в чин офицера до 28 октября 1918 года, потому что некоторые офицеры, не участники этого знаменитого похода, не имеющие права на этот крест Спасения Кубани, оказываются вдруг выше в чинах перед теми офицерами, которые оказали величайшие заслуги нашему краю. И поэтому естественно, что их нужно уравнять в чинах с остальными офицерами. Я думаю, что против этого пункта едва ли будут возражения. Те офицеры, которые прошли такую школу, как наш Кубанский поход, которые оказали величайшие заслуги нашему краю и имеют право на этот высокий знак, безусловно, достойны того, чтобы их уравняли с офицерами, окончившими в мирное время училища. Крест Спасения второй степени, как и первой, дает право имя и фамилию занести на мраморную доску в станичном правлении. Затем общие преимущества: кавалерам ордена Спасения Кубани предоставляются права занимать места в тыловых учреждениях края. Как будто бы это кажется неубедительным, что в отношении таких заслуженных лиц ведется речь о предоставлении им мест в тыловых учреждениях. Но это только кажется на первый взгляд. Если же рассматривать, что все эти люди, может

быть, с виду и здоровые, много перенесли, то вы все поймете, что они нуждаются в отдыхе. И я полагаю, что эти люди настолько достойны, что они сами могут разобраться, без всяких указаний, где они более окажут пользы краю — там ли, на фронте, с истрепанными нервами, или здесь, в каком-нибудь учреждении, где они могут исправить эти нервы. Мы не должны лишать их этого права. Затем орден Спасения Кубани сокращает срок на выслугу пенсии: первой степени — на 10 лет, второй степени — на 5 лет, равным образом сокращается состояние в очередях на те же сроки. Смысл этих мест понятен. Все эти лица, безусловно, не протянут тех пенсионных сроков на выслугу, которые установлены для людей, не прошедших этой тяжелой школы, не переживших тех тяжелых событий, тех ужасов, которые пережили они. И, естественно, мы должны сократить эти сроки на выслугу пенсии, а для казаков — состояние в очередях. Так как в отношении казаков имеется в виду разработать пенсионный устав, то также и казакам сокращаются эти сроки — как на выслугу лет, так и по состоянию в очередях. Как известно, господа члены Рады, в этом походе, в этих событиях принимали участие питомцы тех учебных заведений, которые здесь есть, в Екатеринодаре. Большинство из них погибло, но некоторые остались, и вот этих детей мы не должны забыть, как проявивших уже свое отношение к краю. Ясно, что мы можем от них ожидать только пользы. Некоторые из них по имущественному положению, может быть, не смогут закончить образования; поэтому наша обязанность, наш долг перед ними дать им образование, включительно до высшего. Кроме этих участников были еще и лица, которые принимали участие в партизанских отрядах — помимо этого знаменитого похода. Я думаю, что найдутся средства, чтобы освободить и их от платы за правоучение. Мы также не обошли молчанием и тех, которые с умыслом или по ошибке сделали какой-нибудь проступок. И, так как ясно, что права на эту высокую устанавливаемую нами награду они не смогут иметь, то вместо этого комиссия постановила освободить их от последствий судебной ответственности и восстановить во всех правах. Вот все, что касается наград.

Председатель. — Объявляю перерыв на 10 минут.

После перерыва.

Председатель. — Заседание возобновляется. Господа члены Рады! Ко мне поступило заявление: так как проект всем ясен, доклад сделан подробно, то не нужно открывать прений общего характера, а приступить к постатейному чтению. Я нахожу, что, прежде чем приступить к постатейному чтению или просто голосованию, нужно все-таки высказаться, находите ли вы принципиально нужным создание этого ордена, который бы назывался крестом Спасения Кубани. Если вы выскажетесь, что это нужно, то тогда можно будет приступить к постатейному чтению. Итак, находит ли Рада необходимым создание такого ордена? Желающие могут высказаться по этому поводу.

Член Рады Горбушин. — Господа члены краевой Рады! Лабинский отдел, рассмотрев проект, представленный комиссией, пришел к заключению, что этот проект не выдерживает никакой критики, и предлагает этот проект передать вновь в комиссию, пополнив ее новыми членами. Те мотивы, которыми руководился Лабинский отдел, следующие. Когда мы решили, что нужно наградить тех лиц, которые участвовали в спасении Кубани, мы думали и полагали, что эта награда должна быть общеполити-

ческого характера, а здесь нам представляют что-то вроде боевого ордена, которым будут награждать лиц разных категорий. Очень трудно определить, кто больше сделал для Кубани в этом отношении — те ли, кто участвовал в Ледяном походе, или те, кто восставал. Это положение совершенно ненормально. Если мы согласимся с этим проектом, который представлен, то, безусловно, действительные участники спасения Кубани награды не получат, а получат те, которые ее совершенно не заслуживают, не заслуживают имени спасителей Кубани. Получается картина очень печальная: мы делим спасителей Кубани на четыре категории, и при этом нет критерия, который бы определял, что к первой категории относится определенное количество лиц, ко второй — то же самое; ничего подобного нет здесь. Мы из первой категории свободно можем поставить в четвертую и наоборот — в зависимости от того, как поставить вопрос. *(Шум, звонок председателя.)* Этим лицам, которые будут награждены орденом Спасения Кубани, даются большие преимущества, даже до того, что наследников обязывают носить этот орден.

Поэтому Лабинский отдел считает, что основа наград должна быть общеполитического значения. При этом должно быть подразделение только на активных участников спасения Кубани и пассивных, и в данном случае без всяких привилегий. Вот основа будущих наград.

Председатель. — Я полагаю, что необходимо при обсуждении доложенного проекта принять следующий порядок. Сначала я просил бы высказаться принципиально — находит ли Рада нужным создание проектируемого ордена. Если Рада признает, что учредить орден необходимо, то будем доклад рассматривать по пунктам; если не надо, то примем то, что предлагает Лабинский отдел. Прошу высказываться по существу. Слово принадлежит члену Рады сотнику Д. Филимонову.

Председатель. — Простите, пожалуйста, я вас перебью. Моя вина, что я не дал докладчику возможности сделать весь доклад, в котором кроме оглашенного проекта есть еще и другие постановления. Докладчик разбил свой доклад на две части; первая касается принципиального вопроса об учреждении знаков отличия, и вторая, соответствующая постановлению Рады, излагает предположение об оказании помощи всем пострадавшим. Вторая часть будет отдельно рассмотрена в сегодняшнем заседании. Сейчас прошу касаться лишь вопроса об учреждении ордена.

Член Рады Филимонов. — Я хочу подойти к предлагаемому вашему вниманию проекту с принципиальной точки зрения. Господа, гражданская война — несчастье для всех нас. Несчастье как для населения Кубанского края, так и для населения всей России. В гражданской войне гибнут и лучшие люди, и культурные ценности, и несметные народные богатства. Уничтожают, душат братья друг друга. И вот, если мы примем это во внимание, то мы задумаемся, следует ли устанавливать награды в виде каких бы то ни было знаков отличия. Я лично на этот вопрос отвечу отрицательно. Я полагаю, что награды за участие в этой войне, за участие в освобождении края должны носить характер чисто временный, характер, который отличал бы участников в настоящий момент, и чтобы с течением времени все это отжило, отошло в область истории. Я полагаю, что эти награды в недалеком будущем не должны никому напоминать о тех ужасных днях, которые мы пережили. Ведь крест, который предлагает установить

комиссия, явится постоянным напоминанием о том, что мы сейчас переживаем. С другой стороны, тем, с кем мы боремся, эта награда будет служить постоянным напоминанием о тех, с их точки зрения, несправедливостях, которые якобы были учинены по отношению к ним и которые якобы послужили сигналом для начала этой войны. Это обстоятельство не внесет, конечно, умиротворяющего начала, когда мы примиримся, а ведь мы идем не к разделению, а к объединению. Мы стремимся к примирению, ибо не может же, в конце концов, продолжаться война для того, чтобы мы уничтожали самих себя и тех, с кем мы боремся. Награда, которая после прекращения братоубийственной войны будет напоминать, что мы убивали друг друга, своих братьев, — такая награда места иметь не должна. Если мы подойдем к вопросу, кто должен получить награды, то мы вынуждены будем раздать ее населению всего Кубанского края, как казачеству, так и горцам, ибо борьбу за освобождение Кубани вели не отдельные лица и группы, а все население, и на борьбу эту население встало тогда, когда невозможно стало жить, когда нельзя было свободно дышать, когда нас хватали за горло. Награда дается тогда, когда что-либо делается по призыву поставленной власти; в данном случае этого не было. Здесь каждый в целях самосохранения и самозащиты вынужден был подняться на борьбу. И, выходит, комиссия предлагает нам установить награды за то, что мы сами себя спасли и сами себя защищали. Я полагаю, что за самозащиту и за самосохранение никаких наград быть не может. Сознание, что я сделал то, что потребовал от меня момент и долг перед моим краем, — это сознание есть высшая награда. И вот кто сознательно это делал — не по принуждению, а в силу долга, тот за наградой крестом или медалью не погонится. Далее, если бы высокое собрание не согласилось с моей точкой зрения, то я полагал бы, что награда эта может быть установлена лишь для тех, кто сражался, кто защищал край по призыву власти, — это воинские чины. Только воинские чины, которые призываются поставленной властью для исполнения своего долга, могут рассчитывать на эту награду. Что же касается всего населения — а проект, безусловно, охватывает все население, — наградам места быть не должно. Кроме того, я хотел обратить ваше внимание на одну отрицательную сторону наград вообще. Кому неизвестно, сколько интриг, подвохов, уколов самолюбия приходится переживать и встречать из-за наград? Если бы стали раздавать эти награды тем, кто указан в проекте, то я смею думать, что мы внесем не умиротворение, а вражду в среду тех, кто боролся за спасение Кубани, ибо всех и каждого удовлетворить по заслугам вряд ли удастся, несмотря на громадное количество пунктов этого проекта. И начнутся споры, интриги, раздоры.

Еще одно обстоятельство в этом проекте заставляет меня высказаться против крестов — это сопряженные с наградами привилегии. Господа члены Рады! Мы живем сейчас в такое время, когда борьба происходит из-за привилегий, преимуществ, из-за неравенства. И сейчас в своей работе мы стремимся уничтожить эти неравенства, и то, что мы уничтожаем одним законом, то снова создаем в этом проекте. Этого быть не должно. Что касается остальных частей проекта, то я полагаю, что можно было бы оставить только ту часть, где говорится о наградах для учащейся молодежи, принимавшей участие в защите края. Третья часть проекта — единственно приемлемая, единственно целесообразная, поскольку имеет в виду вознаградить те подвиги, ко-

торые оказала учащаяся молодежь. По всем этим соображениям я предлагаю высокому собранию первые две части проекта отклонить целиком, а комиссии поручить изыскать новые формы награждения участников освобождения Кубани, при условии, чтобы эти награды носили временный характер. Кроме того, нужно обратить внимание еще на одно обстоятельство чисто исторического свойства. Пройдет много времени. Все события, которые сейчас совершаются, будут подвергнуты переоценке историей. И вот высшей наградой для всех участников будет суд истории. История воздвигнет участникам такой памятник, к которому не зарастет народная тропа. Награда, которая предлагается, не может той быть наградой, которая может удовлетворить всех. Если мое предложение о совершенном отклонении части проекта о крестах и медалях не будет принято, то я предлагаю ввести крест только для воинских чинов армии. *(Аплодисменты.)*

Председатель. — Ораторов больше нет; слово принадлежит докладчику.

Член Рады Перегородиев. — Обратите внимание, что здесь особенно протестует против установления высшей награды только Лабинский отдел. Нужно заметить, что в нашей комиссии члены Лабинского отдела не участвовали — по какой причине, не знаю, но знаю, что члены комиссии от этого отдела установили не одну только награду, а две равноценных награды, и назвали одну крестом Спасения Кубани, а другую — крестом Освобождения Кубани. Хотели провести, чтобы награды были одинаковы. Мы не пошли на это, потому что комиссия полагала, что ее награда будет принята и должна быть только одна, ибо на каком основании мы, приступая к воссозданию края, будем устанавливать по несколько наград? Мнение комиссии восторжествовало. Такой результат оказал влияние на Лабинский отдел, и он стал вообще отрицательно относиться к наградам. Но такие рассуждения мы слыхали еще с прошлого года, и это не ново. Позвольте доложить вам маленькую историческую справку: когда образовался совет рабочих и солдатских депутатов — он образовался из петроградских рабочих депутатов — и стали возвращаться туда солдаты-фронтовики, имеющие награды, имеющие Георгиевские кресты, тогда члены совета заявили, что они вообще против наград, и потребовали снятия их, а сами, между прочим, понацепляли на себя по 10—15 медалей, как Ленин, Троцкий и др. Вот где коренится взгляд, что награды не должны быть выдаваемы. Далее вы должны заметить, как предыдущий оратор, член Рады Филимонов, сам себя опровергает. Он говорит, что награды вообще не нужны; зачем же он тогда допускает, что нужно наградить учащихся, принимавших участие в походе? *(Протесты, шум.)* Я согласен, что будет время, когда награды совсем не нужны будут; тогда все это само собой отпадет, и эту привилегию нужно будет отбросить. И вы отбросите ее. Однако теперь такое время, когда нужно отличать участников похода от тех, которые не участвовали в походе. И вот нужно их отличить. Они должны быть награждены, они заслуживают этого. Но теперь мы должны сделать что-нибудь, чтобы эти лица, защищавшие Кубань, которых мы уважаем, чтобы они получили какое-либо отличие. Конечно, было бы желательно, если бы мы имели возможность все собраться и друг перед другом отметить заслуги каждого перед Кубанской областью во время этого перехода и сказать: «Вот этот сделал то-то, а тот сделал то-то». И таким образом мы установили бы отношение друг к другу; это была

бы и не привилегия, а нечто другое, трудноуловимое. Но, так как мы этого сделать не можем, а отличие должно быть, то я нахожу, что и награда должна быть установлена. *(«Слабо, довольно».)*

Председатель. — Прошу не перебивать. Докладчик имеет слово, и он, по наказу, может говорить сколько угодно.

Член Рады Перегородиев. — Здесь говорили, что комиссия должна выработать новую награду, но из членов комиссии никто не указал, какова именно должна быть награда, и никто этого указать не может. Даже члены комиссии от Лабинского отдела ничего нового не указали; они только хотели увеличить число наград, а когда это им не удалось, так они захотели, чтобы вообще наград не было. Я нахожу, что, пока борьба идет, до тех пор нужна награда, и нужно отличать людей, борющихся за освобождение края; а когда в этом не будет надобности, то и разговаривать об этом не будем и вопроса поднимать не будем. *(Аплодисменты на некоторых скамьях.)*

Председатель. — Прения закончены. В настоящий момент я баллотирую принципиальный вопрос о необходимости создания нового знака отличия. Прошу тех, кто находит, что нужно этот знак образовать, поднять руки. *(«Неясно, еще раз».)* Кто против? Отвергнуто. Слово докладчику по вопросу о пособиях увечным участникам освобождения Кубанского края от большевизма и об обеспечении семейств погибших в этой борьбе.

Член Рады Перегородиев. — Нашей комиссии было поручено выработать проект обеспечения семейств погибших в борьбе за освобождение. Навсегда обеспечить эти семьи, т. е. установить пенсии, комиссия не могла, ибо это такая большая работа, которая должна была бы продолжаться целый год. Разрешение этого вопроса связано с такою массою всевозможных положений, разных пенсионных уставов, что нужно было бы работать долгое время. Притом комиссии известно, что соответствующие уставы в военном министерстве разрабатываются, а потому пришлось ограничиться единовременным пособием лицам, полностью или частично потерявшим трудоспособность. Относительно раненых здесь ничего не говорится, потому что комиссия полагала, что если будут раненые, то край должен лечить их на свои средства; когда же они поправятся, то или возвратятся в строй, или получат какое назначение. В проекте сказано только о тех, которые выбудут из строя. И вот, чтобы они, а равно и семьи погибших могли примениться к новой жизни, вводится пособие впредь до получения пенсии. До сих пор пособие выдавалось частью Добровольческой армией, частью краевым казначейством; с установлением же настоящих пособий кто получал меньше, дополучит разницу. Так как работа по выработке правил порядка выдачи пособий чисто техническая и комиссия не в состоянии была с нею справиться, то она решила возложить ее на Кубанское краевое правительство. Сироты погибших в активной борьбе с большевизмом школьного возраста должны получить образование за счет Кубанского края. Эта статья введена не для того, чтобы оказать какую-либо привилегию, а потому что мы не можем знать, какое должно быть дано образование детям погибших. Может быть, оно будет дано выше того, какое мы предполагаем дать, считаясь со средствами и с положением края. Возможно, что когда такой воспитанник окончит среднюю школу, финансы края будут лучше, и это даст возможность обеспечить его средствами и

для получения высшего образования. Поэтому комиссия остановилась на том, чтобы пока дать им образование не ниже среднего, ибо мы не знаем, какое образование дано было бы детям отцами, которые погибли. Мы должны заменить в данном случае отцов и на краевые средства дать им образование. Затем есть в станицах дети, которые без отцов, матерей и близких родственников. Их необходимо определить в приюты. Но так как гражданская война принесла громадные разрушения и легла всей тяжестью на станицы, то комиссия признала, что возлагать обязательство размещения бесприютных на станичные сборы несправедливо, и вменила в обязанность Кубанскому правительству отнести этот расход на средства края. Статья 8-я содержит необходимые разъяснения по вопросу о том, кто именно из казаков, горцев, а равно и неказаков и чинов Добровольческой армии, и с какого срока имеет право на получение пенсии. Так как у нас была идея защиты Кубанского края, то мы, естественно, должны принимать во внимание лишь активное участие в борьбе в пределах Кубанской области. Вот те положения, которыми руководствовалась комиссия. Больше изложенного дать она не в силах и не может, ибо для этого нужна разработка полного положения и особых уставов. Поэтому я прошу остановиться на том постановлении, которое вынесла комиссия.

(Заседание продолжается под председательством Султана Шахим-Гирея.)

Член Рады Ткаченко. — Господа члены Рады! Екатеринодарский отдел соглашается с назначением проектируемых пособий семьям погибших, но вместе с тем находит, что комиссия о наградах мало отметила заслуги тех, которые положили свои головы за спасение Кубани. И, обсудив этот вопрос, отдел вносит на одобрение Рады следующий проект постановления: «Обсудив вопрос о мерах обеспечения сирот — детей павших или тяжело раненых в борьбе за Кубань, краевая Рада считает неотложным во главу всех мероприятий в этом направлении поставить такую организацию помощи семьям и сиротам славных защитников Кубани, которая обеспечивала бы воспитание детей в условиях общего или специального образования и привычке к честной трудовой жизни. Признавая неотложной выдачу в необходимых случаях единовременных пособий семьям погибших или потерявших трудоспособность в размере, достаточном для жизни и питания, краевая Рада считает безусловно необходимым разработать план организации приютов, учебных мастерских ремесленных и сельскохозяйственных школ и трудовых детских сельскохозяйственных колоний для детей-сирот, для детей павших или потерявших трудоспособность в боях за Кубань. Краевому правительству надлежит изыскать средства для скорейшего проведения в жизнь организации приютов, школ и колоний для детей, привлекая к делу организации все общественные силы края. Учитывая тяжелое положение семей и сирот жертв европейской войны, краевая Рада высказывает пожелание о разработке краевым правительством в спешном порядке и проведении в жизнь мер по оказанию помощи этим сиротам и семьям».

Член Рады Аспидов. — Господа члены Рады! Мне немного странно, что докладчик, председатель комиссии, выработавшей доклад, указывает на то, что Лабинский отдел отказался от участия в комиссии. Как видно, в ней не было единодушия и работы ее были не так продуктивны, как они должны были быть. Докладчик предлагает нам вторую часть проекта о наградах принять так, как их разработала комиссия; в противном случае на детальную разработку его понадобится больше года. А я сказал бы:

на это года не потребуется, а краевая Рада сделает это гораздо скорее, чем комиссия. В проекте указывается, что нужна помощь принимавшим активное участие в борьбе с большевизмом, нужна помощь детям. Да, все мы сознаем, что эта помощь нужна, но нужно оказывать ее справедливо. Между тем в проекте подчеркивается: «Погибшим в активной борьбе с большевизмом». Но я вам укажу на такой пример: отец мог погибнуть не в активной борьбе с большевиками; могло быть, что банды большевиков ворвались в дом и разорвали отца на части — это будет активная борьба или нет? Здесь указывается на то, что детям и семьям убитых нужно выдать пособие в известном размере. А мне кажется, что есть сейчас масса вдов и сирот, которые обливаются горячими слезами, и им, господа члены Рады, нужно помочь скорее. Нужно дать им хлеба, кров, нужно их одеть, обуть. *(Аплодисменты.)* Вы знаете, что деньги сейчас не имеют никакой ценности. Вы видите здесь на витринах много разного рода полезных вещей, но на все это нужны деньги. Мы должны им прийти на помощь и оказать им эту помощь, а не давать деньги. Далее там есть еще пункт, который наводит на размышления. Этот пункт говорит, что члены семей убежденных большевиков, если они будут уличены в принадлежности к большевизму, пособия не получают. Хорошо: остались сироты после большевика, жена и маленькие детишки; их упрекают теперь, что они тоже замешаны в большевизме. А спросите этих детишек: «Большевик ты или нет?» Что же они вам скажут? Они невинно посмотрят на вас, и только. Так что, мне кажется, пункт этот не заслуживает никакого внимания. Далее я скажу по пункту о школьном образовании. Детям погибших в активной борьбе с большевизмом предполагается дать среднее образование. Но попадаются дети из народа с большим дарованием...

Председательствующий. — Я прошу говорить по общему вопросу, не касаясь пунктов.

Член Рады Аспидов. — Мы должны, это наша святая обязанность — таким детям прийти на помощь и дать им образование по их способностям. Если ребенок способен, если он стремится идти в высшую школу, то нужно дать ему эту возможность, и если все они будут достойны этого, то нужно всем им дать такую возможность, тем более что теперь у нас зарождается на Кубани своя высшая школа. Невольно мне вспоминаются дети большевиков. Сейчас этим детишкам во многих станицах отказывают и не пускают их в школы. А нам именно нужно сказать, что дети, если даже отцы их и были виновны, то они невиновны, и для них нужно открыть двери школы. Мое конкретное предложение, чтобы этот проект во второй части пересмотреть снова и передать в комиссию, а если не будет времени, то передать в Законодательную Раду.

Председательствующий. — Слово предоставляется докладчику.

Член Рады Перегородиев. — Господа члены Рады! Как видно, предыдущий оратор вышел, чтобы сказать что-нибудь. Задачи нашей комиссии совершенно не такие, какие он приписывает нам. Задачи наши — выполнить то обещание, которое было дано первого ноября. А там ясно сказано о семьях активных участников в борьбе с большевизмом. Мы только в таких рамках и могли работать. Поэтому если член Рады Аспидов высказывается за то, чтобы правила проекта распространить и на остальных, то тогда следует образовать другую комиссию. Оратор спрашивает: почему семьи по-

гибших большевиков не получают пособия? Но мы не семьи лишаем пособий, а лишь тех членов, которые по суду обвинены в большевизме. Задачи нашей комиссии совсем не таковы, чтобы давать пособие большевикам, а тем, кто боролся с большевиками. Здесь указывали на то, что мы мало сделали, но никто новых предложений не внес. И я думаю, что нам придется остановиться на данном постановлении. Что касается резолюций Екатеринодарского отдела, то, поскольку они не расходятся с предложениями комиссии и лишь подробнее намечают постановку призрения в дальнейшем, они являются приемлемыми. Мы опасаемся лишь затягивания дела. Ведь сироты погибших в активной борьбе с большевизмом бесприютны, и мы должны теперь давать им приют. Мы понимаем, что Законодательная Рада должна будет приступить к созданию законов о пенсиях и пособиях, но пока правительство должно будет принять и со своей стороны срочные меры. По поводу предложения передать снова этот проект в комиссию замечу, что я ничего не имел бы против этого, если бы были внесены новые предложения, указаны новые формы помощи. Этого нет, и я заявляю, что комиссия то, что было в ее силах, все, что можно было сделать сейчас, то она и сделала. А то мы много будем обещать, но ничего не дадим, а мы давайте дадим то, что можем, и прежде всего — бесприютным дадим приют. Здесь говорили, что деньги теперь ничего не значат. А я скажу: пусть мне откроют, что может дать комиссия, что может дать Рада сейчас, когда мы все сами ничего не имеем?

Председательствующий. — Ставлю на голосование предложение члена Рады Аспидова о том, чтобы не рассматривать сейчас проекта, а передать его обратно в комиссию. *(Баллотировка.)* Большинством голосов отвергнуто. Екатеринодарским отделом внесено предложение, которое заключает в себе схему чисто организационных работ в деле помощи детям погибших в активной борьбе с большевизмом, посредством устройства сельскохозяйственных школ и т. д. Слово предоставляется представителю отдела.

Член Рады Щупляк. — Екатеринодарский отдел не отрицает необходимости выдачи пособий семействам и сиротам погибших в борьбе с большевизмом, но вместе с тем считает, что нужно детей приучить к честной трудовой жизни, наметить целую сеть приютов со школами и сельскохозяйственными клубами для этих детей. Екатеринодарский отдел не отрицает проекта комиссии, но вместе с тем считает нужным дополнить его вносимым предложением, а равно издать отдельное постановление Рады о том, чтобы по отношению к тем сиротам, отцы которых погибли в борьбе с внешним врагом, было проявлено такое же внимание, как и к тем, отцы которых пали в активной борьбе с большевизмом.

Председательствующий. — Ставлю предложение Екатеринодарского отдела в части, касающейся обеспечения сирот погибших в борьбе с большевизмом, на баллотировку. Большинством голосов принято. Переходим к обсуждению статьи первой. Слово предоставляется члену Рады Ткаченко.

Член Рады Ткаченко. — Екатеринодарский отдел, обсуждая статью 1-ю, признал проектируемое в ней распределение пособий неправильным, ибо в ней не проведено разграничение степеней потери трудоспособности. Отдел находит, что, так как степень утраты бывает различна, то и размер пособий должен быть различным.

Член Рады Харченко. — Господа члены Рады! Здесь говорится, что всякому потерявшему трудоспособность нужно выдать единовременное пособие. И вот кто прочтет эту статью, спросит: «Когда же я могу получить это пособие?» Если даже мы поручим правительству в скором времени разработать этот закон, все равно раньше месяца или двух никто не может получить этого пособия. А семьи погибших голодают. Я сам знаю примеры, когда были убиты казаки и офицеры, а их жены ничего не получили и теперь ничего не получают. Они приходят и спрашивают: «Когда же мы получим пособие?» Таким образом, я вношу предложение: «Всем потерявшим трудоспособность выдать сейчас пособие из станичных средств за счет краевого правительства».

Член Рады Перегородиев. — Я должен обратить внимание, что в комиссии от каждого отдела были свои представители, и они ясно убедились в невозможности сделать то, что здесь нам предлагалось, а именно: распределить пособия пропорционально потере трудоспособности. Это такая работа, которой краевая Рада заниматься не в состоянии, ибо не только распределять по процентам, но даже прочесть схему определения утраты, устанавливающую пять разделов понижения трудоспособности, вы не согласитесь. Если Рада начнет заниматься такими вопросами, то мы надолго останемся здесь и не кончим своей работы. Комиссия долго думала, долго обсуждала это положение, и вот единственное, что она могла сделать, то и сделала. Возлагать на станичные сборы обязательство выдавать пособия из тех средств, которые у них имеются, хотя бы за счет краевой казны, нельзя, потому что там, где будет больше пострадавших, там и станицы больше потерпели; мы выдачу пособий вменяем в обязанность нашему краевому правительству. Мы доверяем ему и знаем, что, раз мы просим в спешном порядке разработать этот законопроект, то оно его и разработает. В правительстве сидят специалисты, и техническая сторона не будет зависеть от нас; они скорее разработают порядок выдачи пособий, чем какая-нибудь комиссия, где люди неспециалисты. Я прошу остановиться на том, что внесено комиссией.

Председательствующий. — По пункту 4-му статьи 1-й поступило несколько предложений, которые не изменяют его по существу, а скорее носят дополнительный характер. Первое предложение, внесенное членом Рады Харченко, заключается в том, чтобы немедленно оказать помощь пострадавшим семьям из станичных средств, за счет краевой казны. Согласно предложению Екатеринодарского отдела, слова «частичная потеря трудоспособности» надлежит заменить словами «пропорционально потере трудоспособности», причем для полной потери трудоспособности устанавливается норма в три тысячи рублей. Затем членом Рады Феськовым от имени Ейского отдела предлагается дополнить рассматриваемый пункт словами: «независимо от пенсии, устав о которой будет разработан Законодательной Радой, а пункт «б» словами: «те, которые потеряли трудоспособность свыше 50 %, получают 2000 рублей, те, которые потеряли 50 и менее процентов трудоспособности, получают 1000 руб.». Ставлю на голосование предложение члена Рады Харченко. Кто за это предложение? Кто против? Предложение отвергнуто. Далее голосуется предложение Ейского отдела о дополнении пункта «а». Кто за такое дополнение, тех прошу поднять руки. Кто против? Дополнение принято. Теперь голосуется предложение Екатеринодарского отдела. Кто за такое изменение, тех прошу поднять руки. Кто против? Принято. Что касается

предложения Ейского отдела по пункту «б», то оно, очевидно, отпадает, и я не ставлю его на голосование. Теперь я ставлю на голосование всю первую статью: «Всем потерявшим трудоспособность от ранений и увечий в борьбе против большевиков выдать единовременные пособия, независимо от пенсий, устав о которых будет разработан Законодательной Радой: а) в случае полной потери трудоспособности — 3000 рублей, б) в случае частичной потери трудоспособности — пропорционально степени утраты, исходя из указанной в предыдущем пункте высшей нормы». Кто за принятие этой статьи в такой форме? Кто против? Статья принята.

Статья 2-я: «Семьям погибших в борьбе против большевиков при активных выступлениях выдать единовременные пособия: жене без детей — 1000 рублей; на каждого ребенка до 17 лет прибавляется по 300 руб.»

Примечание: «Жене, не жившей с мужем, пособие не выдается, но на детей получает по 300 рублей». Желающих прошу высказаться.

Член Рады Ткаченко. — Екатеринодарский отдел, рассматривая вторую статью, нашел намеченное в ней распределение вознаграждения несправедливым. Здесь говорится: жена без детей получает 1000 рублей, а в следующем пункте говорится: круглые сироты до 17 лет получают 300 рублей. Спрашивается, кто же скорее в состоянии приобрести помимо этого пособия еще что-нибудь: жена, не имеющая детей, или круглые сироты? Кто больше нуждается в этом пособии — жена, не имеющая детей, или круглые сироты? Кто больше нуждается в этом пособии — жена, которая может всегда заработать, или круглые сироты? Екатеринодарский отдел считает целесообразным определить жене без детей 500 рублей, а на каждого ребенка до 17 лет установить норму не в 300 рублей, а по 500 рублей; жене, не жившей с мужем, пособия не выдавать, но следует указать, что дети получают по 500 руб., имея в виду, что пособие будет получать не жена, а опекун. Пункт «б». Круглые сироты, по мнению Екатеринодарского отдела, должны получать не по 500 рублей каждый, а по 1000 рублей, как более нуждающиеся, чем жена бездетная. С пунктом «в», который говорит, что в случае неимения жены и детей пособие выдается отцу или матери, которые жили на иждивении погибшего или при которых жил погибший, по пятисот рублей на каждого, — Екатеринодарский отдел также не соглашается по следующим соображениям. Здесь говорится о пособии отцу или матери только в случае неимения жены и детей — только в этом случае могут получать пособие отец или мать. Но если при наличии жены и детей имеется и отец, который потерял единственного сына и, может быть, жил на иждивении этого сына, то как вы можете лишить его права на это пособие? Екатеринодарский отдел считал бы это несправедливым и предлагает данный пункт изложить в следующей редакции: пособие выдается отцу или матери, которые жили на иждивении погибшего или при которых жил погибший, — по 500 рублей, независимо от того, были ли жена и дети у погибшего или нет.

Член Рады Подтопельный. — Предложение Екатеринодарского отдела как раз сходно с тем предложением, которое я имею честь сделать от имени Майкопского отдела. Цифры те же самые: жена без детей получает 500 рублей, на каждого ребенка прибавляется по 500 рублей. Разница только в пункте «б». Екатеринодарский отдел предлагает круглым сиротам каждому по 1000 рублей, а Майкопский отдел — каждому по 700 рублей.

Член Рады Тундовский. — Жена без детей получает 1000 рублей, на каждого ребенка — по 300 рублей. Возьмем приблизительно двух детей и жену — все они получат 1600 рублей. Это те, у которых убили отца и мужа. Т. е. если одна жена, то жизнь стоит 1000 рублей, если два ребенка, то жизнь стоит 600 рублей, если один, то 300 рублей. Теперь так: жене, не жившей с мужем, пособие не выдается. Представьте такой пример: дети остались при муже; он убит, и жена пришла к детям; в данном случае детям полагается только 600 рублей, а ведь за ними уход нужен. Там мать получит 1000 рублей, а здесь мать пришла к детям, и она получит только 600 рублей на детей. Дешевая у вас жизнь! Я думаю, что вы, хотя и прибавляете — тот говорит 500 рублей, другой 700 рублей, тот 1000 руб., — все же не исполнили торжественного обещания Рады. Нужно передать этот законопроект снова в комиссию, и она получше его разрешит. Я не думал, что здесь все сведется к цене — к тремстам рублям, к семистам рублям. Не стоило нашим участникам и в Ледяной поход ходить!

Член Рады Зуб. — Господа члены Рады! Я не согласен с некоторыми пунктами. Я был возле этих обездоленных людей, возле жен, которые потеряли своих мужей, и детей, которые потеряли своих отцов. Здесь сказано: «Жена без детей получает 1000 рублей». Пусть так; но что дети, оставшиеся круглыми сиротами, потерявшие навек своего родного отца, получат лишь 300 рублей — против этого нельзя не возражать: известное дело, эти деньги не могут пособить несчастным детям. Я укажу вам пример, который видел своими глазами, как этим женам несчастным и детям, круглым сиротам, приходится тяжело. Может быть, в городе их положение не так заметно. Если сын на фронте, то каждый старается как бы оттолкнуть невестку в сторону, чтобы она меньше получила. И часто бывает, что она выходит без крова, без хлеба и без одежды, а зимой детям приходится босиком бегать по снегу. Мы здесь должны иметь чувство родительское к тем, которые остались, так сказать, на нашем попечении. И нужно, чтобы краевая Рада не была мачехою для этих оставшихся несчастных детей, но была бы родным отцом или матерью. Мое предложение: детям до 15 лет дать по крайней мере по 500 рублей и даже по 1000 рублей. Жена пусть остается на предположенном комиссией, т. е. 1000 рублей. Вот это мое предложение.

Член Рады Перегородиев. — Господа члены краевой Рады! Мое другое предложение, которое внесено комиссией, никто не докладывал. Здесь все на цифрах основано, и только один член Рады Зуб действительно уловил ту мысль, которая отвечала нашему торжественному обещанию. В торжественном обещании было сказано: «Все до единого участники как фронта, так и тыла, все оставшиеся без куска хлеба вследствие своей стойкой борьбы с анархией не будут забыты Радой». И особая комиссия должна была поработать над тем, чтобы дать кусок хлеба этим казакам. Таково было мнение комиссии, и были совершенно обоснованные доводы, что это именно так. Однако практическое выполнение тех задач, которые были возложены на комиссию, несомненно, не удовлетворит население, ибо, как это ни печально, все-таки взгляд в станицах совершенно не тот, какой проводился здесь членом Рады Тундовским. Там все-таки смотрят так: моего сына убили, и я должен за него получить, как и сосед получил, который действительно, может быть, нуждался в куске хлеба. Волей-неволей комиссии пришлось остановиться на расценке, которая здесь приведена. С цифрами

спорить трудно, потому что никто из ораторов обоснованных положений не вынес. И те цифры, которые примет большинство, такие и пройдут, а сделать больше, как это было обещано краевой Радой, комиссия была не в состоянии.

Председательствующий. — Господа члены краевой Рады! Я буду ставить на голосование те положения, которые поступили ко мне в письменной форме, потому что не представляется возможным запомнить все то, что здесь предлагается. Текст статьи в редакции комиссии вам доложен. Екатеринодарский отдел вносит некоторое изменение, а именно по пункту «а»: жене без детей вместо 1000 р. предлагается 500 рублей, а детям вместо 300 рублей — по 500 руб.; детям — круглым сиротам — по 1000 рублей вместо 500 р., указанных комиссией. Пункт «б» предлагается редактировать так: пособие выдается отцу или матери, которые жили на иждивении погибшего или при которых жил погибший, — по 500 рублей; слова же «в случае неимения жены и детей» вычеркиваются. Кто согласен с предложениями Екатеринодарского отдела по пунктам «а» и «б», прошу поднять руки. Кто против? Явным большинством принято. Примечание в редакции комиссии гласит: «Жене, не жившей с мужем, пособие не выдается, но на детей получает по 300 рублей». Есть предложение увеличить размер пособия детям до 500 рублей. Кто за это предложение? Принято. Так как других предложений нет, то я голосую целиком статью 2-ю и примечание. «Семьям погибших в борьбе с большевизмом при активных выступлениях выдавать единовременные пособия: а) жене без детей — пятьсот рублей, на каждого ребенка до семнадцати лет прибавляется по пятисот рублей. Примечание: жене, не жившей с мужем, пособие не выдается, но дети получают по пятисот рублей; б) дети — круглые сироты до семнадцати лет получают каждый по тысяче рублей; в) пособие выдается отцу или матери, которые жили на иждивении погибшего или при которых жил погибший, в размере пятисот рублей на каждого, т. е. на отца и мать. Кто за принятие статьи 2 в такой форме? Статья 2-я принята.

Статья 3-я: «Члены семьи погибшего, обвиненные по суду в большевизме, пособия не получают». Желающих говорить по этой статье нет? Голосую. Кто за принятие этой статьи? Кто против? Статья принята.

Статья 4-я: «Те из перечисленных в сем постановлении лиц, кои уже получили пособия из краевого казначейства или от Добровольческой армии, но в размере, меньшем устанавливаемых ныне норм, дополучают разницу». Желающих говорить нет? *(«Нет».)* Кто за принятие статьи в такой формулировке? Кто против? Принята.

Статья 5-я: «Краевому правительству вменяется в обязанность разработать в кратчайший срок правила о порядке выдачи пособий». Кто за принятие этой статьи? Кто против? Принята.

Статья 6-я: «Сироты погибших в активной борьбе с большевизмом школьного возраста все без исключения должны получить образование не ниже среднего за счет края». Законодательной Раде поручается в спешном порядке разработать соответствующий закон. Прошу желающих говорить по этой статье.

Член Рады Харченко. — Господа члены Рады! Я бы просил внести в эту статью добавление в том смысле, что детям-сиротам погибших в активной борьбе с большевиками обеспечивается возможность получить образование не ниже среднего, а тем

участникам похода, у которых нет средств, — воспитание в среднем учебном заведении. Я также прошу отметить тех детей, отцы которых были участниками похода. Им тоже нужно дать возможность получить в среднем учебном заведении образование. *(Голос: «Об этом напоминает и Екатеринодарский отдел».)*

Председательствующий. — Итак, поступило предложение: «Участникам в активной борьбе, а также детям участников первого Кубанского похода дать возможность получить образование в среднем учебном заведении». *(Голос: «Какого первого Кубанского похода?»)* Я думаю, что это понятно, — того, который был совершен до станицы Мечетинской. Слово предоставляется докладчику.

Член Рады Перегородиев. — Господа члены Рады! Вы только что отклонением первой части проекта отвергли всякие привилегии; как логическое последствие — вы должны отвергнуть и это предложение. Задача комиссии была наградить семьи активно выступавших в борьбе с большевизмом. Вот ваше поручение, и комиссия делала то, что вы ей поручили; вопроса же об остальных участниках мы не могли касаться. Того, что вы нам не поручали, мы не могли выполнять. *(Голос: «Объясните, что за активные участники».)* Вам это понятно.

Председательствующий. — Ставлю на голосование предложение члена Рады Харченко, согласно которому дети участвовавших в первом походе должны воспитываться на краевые средства. Кто за это дополнение, прошу поднять руки. Кто против? Отвергнуто. Ставлю на голосование статью 6-ю в редакции комиссии. Кто за принятие ее? Кто против? Большинством принята.

Следующая статья 7-я: «Круглые сироты погибших в активной борьбе с большевиками, оставшиеся без приюта, должны быть немедленно определены в приюты. Краевое правительство впредь до издания соответствующего закона обязано ныне же принять соответствующие меры, не возлагая этого на станичные сборы». Желающих говорить нет. Ставлю эту статью на голосование. Принята.

Статья 8-я: «В отношении казаков и горцев-кубанцев настоящее положение применять ко всем случаям активной борьбы с большевиками как на Кубани, так и за пределами ее. В отношении же неказаков — только за активное участие в борьбе против большевиков в пределах Кубани». Желающие говорить есть? *(«Нет».)* Кто за принятие статьи 8 в том виде, как предлагает комиссия? Кто против? Принята. Поступило предложение дополнить в примечании к статье 8-й выражение: «По день освобождения Кубани» словами: «По первое ноября».

Член Рады Перегородиев. — Мы не указали точной даты освобождения Кубани, потому что в тот момент, когда мы проводили эту статью, Кубанская область окончательно не была освобождена: в то время еще часть Кубанской области была занята большевиками. Мы считали, что указывать время окончательного освобождения Кубанской области еще не настало.

Вдруг мы бы назначили срок освобождения, а в это время большевики заняли бы часть края. Вот почему комиссия не решилась указать число, так что при голосовании прошу это иметь в виду.

Председательствующий. — Ставлю поправку на голосование. Кто за установление определенной даты, которую нужно считать днем освобождения Кубани? Кто

против? Отвергнуто. Ставлю на голосование статью 8 и примечание к ней в редакции, предложенной комиссией. Кто за принятие ст. 8-й с примечанием? Кто против? Принято. Ставлю на голосование проект постановления о пособиях увечным участникам борьбы и об обеспечении их семейств в целом. Кто за? Кто против? Принят. Господа члены Рады! Так как подлежащая нашему обсуждению третья часть проекта будет касаться отдельных личностей, и о них, несомненно, будут говорить, то я считаю своим долгом рассмотрение этого вопроса производить при закрытых дверях. *(«Перерыв», «Перерыв».)* Объявляю перерыв на 10 минут.

Председательствующий. — Заседание возобновляется. Слово принадлежит докладчику.

Член Рады Перегородиев. — Господа члены Рады! Когда комиссия обсуждала вопрос о наградах, то она не задавалась мыслью, что Рада будет вообще против наград, и ни один из членов комиссии этого предположения не высказывал. Я, как и все вы, не отрицаю наград, ибо вижу здесь многих из присутствующих, которые имеют ту или иную награду и, вероятно, все ею гордятся. Поэтому, выступая с докладом, я не стал подчеркивать необходимость наград вообще, и отрицательное отношение вообще к наградам было подчеркнуто, собственно, одним из ораторов Филимоновым, так что дальше я затрудняюсь что-либо сказать по этому поводу. Скажу лишь, что покамест мы тем лицам, которые шли спасать край, мы им даже спасибо не сказали. *(Шум, протесты, аплодисменты.)* Это невольно напоминает мне одну пословицу *(«Ближе к делу, к вопросу».)*, даже не пословицу, а басню. Дело было так: шел мужик с работником в лесу, и напал на них медведь.

Председательствующий. — Прошу вас ближе к вопросу говорить. *(«Правильно», «Мотивировка нужна».)*

Член Рады Перегородиев. — Господа члены Рады! Должен же я мотивировать ту мысль, которую хочу высказать здесь. Так вот, шел мужик с работником по лесу, напал на них медведь. Работник навалился на своего хозяина и содрал с него шкуру, а когда хозяин пришел в себя *(«Заговорился!», смех.)*, он спросил работника, почему тот шкуру испортил. *(Шум, смех.)*

Председательствующий. — Прошу соблюдать тишину.

Член Рады Перегородиев. — И вот, господа, мы, краевая Рада, являемся хозяином, а те лица, деяния которых мы будем обсуждать, — эти лица наши работники. Я и просил бы не отнестись к этим лицам так, как отнесся этот хозяин к своему работнику, испортившему шкуру медведю. *(Аплодисменты.)* Читать постановление я не буду, а прошу принять его в той редакции, как предлагается комиссией, конечно, с исключением того креста, который вам пришлось отвергнуть. Хотя я скажу, что если мы отвергнем вообще все знаки отличия, то неловко будет являться сюда с какой-либо наградой. *(Шум, голоса: «Уже отвергнуто».)*

Член Рады Балабас. — Господа члены Рады! Я не был при обсуждении вопроса о наградах и не знаю, по каким соображениям были отвергнуты награды, но полагаю, что если эти награды отвергнуты по тем соображениям, что вообще не следует за гражданскую войну давать награды, то пожалуй, что это и верно. Но ведь борьба на Кубани с большевизмом, мне кажется, это не есть простая гражданская война. Ведь,

собственно говоря, за что мы боремся, за что наша борьба на Кубани? Мы, казаки, здесь начали борьбу, быть может, просто за освобождение своего края. Но борьба в настоящее время ведется разве только за освобождение Кубанского края? Нет, борьба в настоящее время ведется за освобождение и воссоздание всей России. И вот если все это будет принято во внимание, то, конечно, вопрос о наградах должен быть разрешен в другом смысле. Как видно, этот довод не был приведен, и вопрос о наградах теперь оказывается отклоненным. Теперь на рассмотрение Рады предложен вопрос о награждении отдельных лиц. Я полагаю, что если комиссия рассматривала вопрос о наградах и руководствовалась одним соображением, т. е. наградить борющихся в гражданской войне с большевиками, то, очевидно, и награды, предлагаемые особо выделенным лицам, которые подлежат награждению, безусловно, будут даваться за те самые труды и за те самые дела, что и всем прочим участникам борьбы. И мне кажется, что раз награды отвергнуты вообще всем рядовым борцам, то, безусловно, и остальным лицам награды за те деяния не могут быть выдаваемы, иначе Рада была бы непоследовательна в своих решениях. Крест отвергнут, медаль отвергнута. Тогда чем же предполагалось наградить за гражданскую войну войскового атамана, председателя правительства, председателя Законодательной Рады, членов правительства и членов Рады? Ясно, что они также награждению не подлежат, потому что награды вообще отклонены. Поэтому мое предложение — не рассматривать предлагаемого постановления о наградах войсковому атаману, председателю правительства и т. д., а отклонить постановления, как отклонили награды всем рядовым борцам, погибшим в гражданской войне. Конечно, личный мой взгляд совершенно иной, но раз сделано постановление в отношении всех, то это же постановление должно быть сделано и в отношении тех некоторых лиц, о награждении которых предложено рассмотреть.

Член Рады Омельченко. — Господа члены Рады! Я с крайним волнением вступаю на эту кафедру, потому что высокое собрание в этом же заседании отвергло то предложение принципа, из которого как вывод является только что предложенный законопроект относительно персонального награждения лиц выборных или представителей власти Кубанского края, как, например, войскового атамана и т. д. Я думаю, что мы не должны приступать к рассмотрению наград персонально до тех пор, пока не скажем своего слова в отношении прочих оставшихся живыми лиц, кои были соратниками похода вместе с представителями краевой власти. Как я могу говорить о тех или иных наградах войсковому атаману или председателю правительства, если я от краевой Рады не слышал, каково ее мнение относительно того 70-летнего старика, который совершил этот Ледяной поход и был соратником войскового атамана и председателя правительства Быча? Под какую категорию подвести этого старика, который совершил Ледяной поход? Я не могу, по совести, приступить к обсуждению наград персонально, пока не увижу, каково ваше мнение относительно тех лиц, которые являлись рядовыми и сделали для Кубанского края такое же великое дело. Как можно рассматривать персонально награждение этих лиц, прежде чем не выяснится, чем будут награждены оставшиеся в живых рядовые казаки, которые так же страдали, совершая с нами этот Ледяной поход? В конечном счете, мы, Рада, ничего не сказали, как мы относимся к тому, что в тяжелую для Кубани минуту эти рядовые образовали ядро, вокруг кото-

рого создалась армия, освободившая и спасшая край и, может быть, положившая начало освобождению всей России. Как я могу рассматривать этот законопроект, когда не вижу, каково отношение краевой Рады к тем офицерам, которые совершили этот многотрудный поход. Все окружающие с нетерпением ждут, что скажет краевая Рада и как оценит их поступки, какое она выскажет слово по отношению к тем, которые совершили этот поход. Вообразите, каково будет их самочувствие, если вы, отвергнув общее постановление, вдруг приметесь рассматривать вопросы о наградах войсковому атаману, председателю правительства и другим лицам, которые по долгу службы своей должны были спасать Кубань — как люди, которым вы доверили дело спасения Кубани. Они должны были стоять у руля и принимать те или иные решения. И вот я присоединяюсь к тем лицам, которые указывают, что, раз мы принципиально отказались от положительного разрешения вопроса о наградах, то уже логически непоследовательно приступать к рассмотрению вопроса о персональном награждении. Это ошибка, в которую мы впали, и чем скорее мы ее исправим, тем лучше будет для тех, кто смотрит с фронта на наши решения. Я не могу забыть о том, что мы сделали по отношению к тем, которые собою заградили пули, летящие на нас, что мы еще свое слово не сказали, чем мы их отблагодарим. Я боюсь, что нас упрекнут: «Как правительство — так то и другое, а как мы — рядовые, так про нас и забыли». Я предлагаю отклонить рассмотрение законопроекта о награждении отдельных лиц, а возвратиться к этому вопросу. Я надеюсь, что мы будем более внимательны в отношении рядовых бойцов, оставшихся живыми, тех офицеров, которые совершили этот трудный поход, а также тех 70-летних стариков, которые пошли с нами спасать Кубань. *(Аплодисменты, «Правильно».)*

Член Рады Пейфасор. — Два предыдущих оратора исчерпали то, что я хотел сказать; поэтому я только подтверждаю одно, что раз было отвергнуто постановление о награждении рядовых бойцов, то нечего возглавлять голову. И когда мы проектируем бюсты, то прежде всего должны посмотреть на те бюсты, которые ползают по улицам.

Председательствующий. — Слово члену Рады Балабасу. *(Член Рады Балабас с места: «Я совершенно разделяю мнение предыдущих ораторов и от слова отказываюсь».)*

Член Рады Головко. — Конечно, отвергнув законопроект о наградах вообще, мы теперь не можем рассматривать вопрос о наградах отдельным лицам. Я не знаю, почему случилось так, что вопрос о наградах был поставлен в узкую плоскость. На это посмотрели так, как будто мы получаем награды за то, что истребляем людей. Может быть, это и так, если подойдем к этому вопросу с общечеловеческой, гуманной точки зрения; хотя если пойдем по аналогии дальше, то скажем, что вообще война есть общечеловеческий грех. Говорят, правда, если человек там, на внешнем фронте, получил награду, то он ее получил за доблесть и храбрость, там он видел перед собою врага и стрелял, а здесь он видел брата. Так ведь все же люди — братья, но бывают моменты, когда братья делаются врагами. Бывают моменты, когда отдельные личности окружаются известным ореолом в массе и заставляют эту массу идти за собой, и за ними идут. И вот такие личности отмечаются. Я напомню вам, что первым словом Кубанской Рады было то, что, когда зашел вопрос о главнокомандующем Добровольческой армией, мы сочли своей священной обязанностью отметить его заслуги. Мы

дали ему звание почетного казака Кубанского казачьего войска и т. д. Я спрошу: это не награда? Конечно, награда, и скажу дальше: я смотрю на этот знак отличия не как на знак, который дается за то, что я убил 20 или 30 человек, а как на знак, даваемый в настоящее исключительное время, тяжело переживаемое время, за мужество и храбрость. И, может быть, в будущем даже те, против которых сейчас ведется борьба, будут воспевать мужество и храбрость наших освободителей. К ним можно применить слова, что к памятнику этому не зарастет народная тропа, в смысле нравственной признательности. Однако придется нам еще много пережить, чтобы дожить до этого самосознания. Я предлагаю и стою вообще за эмблему, которой можно отметить мужество и храбрость, которая будет иметь как личное, так и историческое значение. *(Аплодисменты.)* Мое конкретное предложение — пересмотреть наше решение об отклонении первой части проекта комиссии.

Член Рады Роговец. — Господа члены Рады! Я то же самое скажу в нескольких словах. Раз мы отвергли первое предложенное постановление, то это тоже нужно, безусловно, отвергнуть. Я скажу, что мне тяжело было слушать, когда член Рады Филимонов сказал: «Нам не нужно ни крестов, ни эмблем». А я скажу, что нам нужно воспитать молодое поколение и показать ему, какие были мы, казаки. Мы идем спасать не только Кубань, но и всю Россию. *(Аплодисменты.)* Если мы будем бояться всего, я не думаю, что мы будем действовать правильно. Награды дать необходимо в назидание потомству. Это, господа, необходимо, это будет предметом гордости. Вы, может быть, видели, с какой гордостью носит какой-нибудь старик орден за какие-то походы. А мы хотим не вспоминать о таком славном деле, как спасение Кубани. Нам говорят: «Не нужно вспоминать о гражданской войне». А я скажу, что нужно об этом помнить, об этой гражданской войне — не на живот, а на смерть, и награда за этот поход будет нам напоминать об этом исключительном моменте, вокруг которого мы должны объединиться. И награды эти будут веками нам напоминать об этом славном походе.

Член Рады Филимонов. — В каждом вопросе, господа члены Рады, мы должны исходить из определенной точки зрения. В основание каждого вопроса мы должны класть не громкие слова и фразы, которые говорил полковник Роговец, а непреложные принципы, из них исходить при решении этого вопроса. Если мы будем ограничиваться громкими словами и отбрасывать принципы в сторону, мы никогда не придем к определенному решению. Это мое убеждение. Это — требование науки, и практика подтверждает, что это требование признается самою жизнью. Член Рады Головко сказал, что сотник Филимонов, быть может, прав с общечеловеческой точки зрения, а потом начинает доказывать, что награды все-таки нужны, а я говорю, что я прав не только с общечеловеческой точки зрения, но и с точки зрения настоящего момента. Когда у нас щемит сердце о том, что происходит в нашем крае, тогда говорить о наградах не приходится. Вы не раз слышали, что мы, казаки, вынуждены были с болью в сердце взяться за оружие для защиты попранных прав наших, для защиты того, во что мы верили и надеялись, и потому, что нам не давали жить так, как нам хочется. И вот за все то, что мы делали, нам здесь предлагают установить награды. Я полагаю, что высшей наградой в гражданской войне является доверие того народа, для которого мы

сделали полезное дело. Я полагаю, что участники в борьбе с большевизмом доверием народным будут отмечены, и это явится высшей наградой для тех, которые заслужили ее. Когда принималось постановление о том, что ни один защитник не будет забыт, я предполагал, что награды не будут установлены в смысле крестов и медалей. Я мыслил, что это будет в форме помощи материальной. И вот эта именно мысль была проведена в только что предложенном проекте, который нами принят, о помощи потерявшим трудоспособность, увечным и т. д. Вот единственная награда, о которой мы должны говорить. Все борцы, пострадавшие в борьбе с большевизмом, должны получить от нас помощь. Мы должны сказать, что мы не забудем тех «бюстов», которые ползают сейчас по улицам и которые еще долго будут ползать после братоубийственной войны. Я спрашиваю тех, которые являются горячими защитниками крестов и медалей, какие награды получат те, кто усеял своими костями весь путь от Мечетинской до Екатеринодара и полил его своей кровью. Ответ ясен для всех, и он заставит нас идти в этой области не по тому пути, какой предлагают члены Рады Головко и Роговец. Из тона речей предыдущих ораторов явствует, что как будто я стою за отклонение проекта о наградах. Они ошибаются. Я так же, как и во всех вопросах, буду последователен и так же, как и предыдущие ораторы, высказываюсь за отклонение проекта о наградах отдельным лицам — войсковому атаману, председателю правительства и членам Законодательной Рады, наград в том смысле, как здесь говорили, быть не должно. Но награды в том смысле, как я их понимаю и как мы их приняли в только что утвержденном нами проекте о помощи пострадавшим, я нахожу необходимым провести и по отношению к этим лицам. Что касается бюстов и проч., то я высказываюсь против этого рода отличия. Вот, собственно говоря, к тому, что я хотел сказать, я более добавить ничего не имею и предлагаю проект этот в таком виде, в каком предложила комиссия, отклонить и изыскать новые способы награждения в виде помощи как тем, которым предлагают кресты, так и тем, которым предложена материальная помощь.

Член Рады Жук. — Господа члены Рады! Я выхожу с болью в душе, у меня болит казачье сердце. Я очевидец всего бывшего, я видел, как этих несчастных раненых офицеров, и гимназистов, и реалистов возили от Калужской до Мечетинской, как их трусило, как они мучились; я не могу даже выразить этого словами. Я вам скажу одно: Добровольческая армия установила награды, а г. Филимонов предлагает нам идею расценивать на звонкую монету. Разве это допустимо? Ведь вы знаете, что эти святые мученики — офицеры и реалисты — помогали нам, избранным людям, сохранить идею народовластия — провести «восьмерку» в Кубанской области с тем знаменем, которое вы нам поручили. Если бы их не было, могли ли бы мы идею народовластия сохранять? Нет, мы бы ее не сохранили, а здесь были бы губернаторы. Я нахожу, господа члены Рады, что это недопустимо, и я вношу предложение, что нам нужно пересмотреть этот законопроект. Я знаю некоторых людей, которые предлагали во время похода мириться с большевиками.

Председательствующий. — Прошу вас касаться только данного момента.

Член Рады Жук. — Я вам скажу только, что я физиологический казак, а не психологический. И я вам скажу, что только этим путем начинается спасение России. Не очистив Кубани, мы России не спасем. Нужно это учесть, господа. Награды должны

быть, а если рассуждать так, что не должно быть наград, поскидайте тогда все кресты. И что же получится? Те, что в Добровольческой армии, те будут награждены, а мы нет. Я считаю недопустимым давать пособие, потому что идея народовластия не расценивается на звонкую монету. Я прошу этот вопрос пересмотреть и наградить тех, благодаря которым мы здесь сидим.

Председательствующий. — Господа члены Рады! Я, к сожалению, в тот момент, когда разбирался этот вопрос, отсутствовал и не знаю, какие решения были вынесены, но по существу я противоречий не вижу. Я вижу одно: здесь вопрос идет о формах наград. Член Рады Филимонов возражал лишь против формы наград, которые предлагаются правительству и членам Законодательной Рады. Затем, принимая во внимание, что вопрос о наградах принципиально был поставлен 1-го ноября, то я полагаю, что этот вопрос нужно решить с той точки зрения, насколько удовлетворяют своей цели награды, предложенные комиссией. Слово предоставляется члену Рады Белому.

Член Рады И. Белый. — Господа члены Рады! Может быть, то, что сказал нам сейчас председательствующий, и правильно, но я не был в начале заседания, а присутствовал, когда было отклонено предложение о том, чтобы дети участников первого Кубанского похода, не имеющие средств, были воспитаны за счет Кубанского войска. Это мне напоминает следующий случай. В прошлом году я стоял близко к распределению стипендий детям героев, погибших в войне с Германией. Правительство вынуждено было выдать стипендию круглым сиротам, отцы которых убиты на войне. И вот я помню случай. Приходит офицер, приехавший с фронта, и говорит: «Я нахожусь на фронте, средств никаких, помогите воспитать моих детей». Правительство ответило, что оно не имеет средств, чтобы обеспечить всех детей мобилизованных. Оно обеспечивает только круглых сирот. Тогда офицер сказал в свою очередь: «Значит, так, для того чтобы мои дети были воспитаны, нужно, чтобы меня убили, хорошо!» Это значит, для того, чтобы получить награду, нужно быть убитым или искалеченным. Может быть, не нужно крестов и медалей, но нужно, чтобы Рада не прошла мимо тех, кто стоял на защите края и пошел за спасение Кубани. Я перехожу к постановлению о наградах отдельным лицам, как войсковому атаману, председателю правительства и членам Законодательной Рады. Вот по этому вопросу я совершенно согласен, что именно этим лицам не нужны награды, которые предлагаются здесь: они уже награждены тем, что оказались правы, когда они говорили о том, что казачество не помирится с большевизмом и восстанет. Вот в этих словах они оказались правы. Вы сейчас признали это, и это высшая награда, большей награды нет. Поэтому я предлагаю совершенно снять вопрос о наградах войсковому атаману, правительству и членам Законодательной Рады, а поставить в первую очередь вопрос о наградах тех, которые кровь свою пролили.

Член Рады Воропинов. — Господа члены Рады! Я совершенно убежден в том, что решение, принятое вами, объясняется исключительно нашей усталостью. Только благодаря этому я и объясняю то, что мы подвергаемся влиянию той сентиментальной точки зрения, которую развил и впоследствии защищал сотник Д. Филимонов. Она иначе быть названа не может; тем не менее, факт совершился: предложение о наградах участникам гражданской войны отвергнуто. Безусловно, это произведет тяжелое впечатление на участников освобождения Кубани. Учитывая всю серьезность этого поло-

жения, я бы предложил такой выход: в сегодняшнем же нашем заседании то решение, которое нами принято, отвергнуть и решить, что этот вопрос должен быть рассмотрен в ближайшее время. Я предложил бы президиуму принять меры, чтобы отчет по нашему заседанию сегодня в газетах напечатан не был, ибо он произведет тяжелое впечатление. Откладывать пересмотр этого вопроса на день, на два нельзя, чтобы люди, неблагожелательно относящиеся к Раде, досужие языки, зря не болтали. *(Сильный шум заглушает речь оратора.)*

Председательствующий. — Прошу с мест не кричать.

Член Рады Воропинов. — Мое предложение сводится к следующему — отвергнуть то решение, которое мы неудачно, под влиянием сентиментальных доводов, приняли в начале заседания.

Член Рады Иванченко. — Господа члены Рады! Выходя на эту кафедру, мне приходится волноваться. *(«Громче».)* Вы предпочли всякого рода награды и кресты отвергнуть, но в данном случае отвергать целиком не следовало. Можно было заменить кресты значками. Комиссия, когда вырабатывала положение о кресте за спасение Кубани, она это не взяла с воза, а пригласила специалистов от Добровольческой армии, Кубанского казачьего войска и нашла, что это приемлемо, и лучшего ничего не могла придумать. Был один только вопрос, как назвать орден: крестом ли или значком Спасения Кубани. Здесь говорят о том, что это неудобно — что когда-нибудь пройдет гражданская война, мы протянем друг другу руки, и тогда придется нам снять эти кресты, потому что с ними будет связано тяжелое воспоминание о братоубийственной войне. Но, господа, мы воевали с Германией, с Турцией, а потом мирились, но крестов и медалей мы не снимали. Итак, я прошу пересмотреть состоявшееся решение, а какое название дадите этим знакам отличия — это все равно. Во всяком случае, награды защитникам Кубани нужны.

Председательствующий. — Я полагаю, что происходит недоразумение. Здесь было предложение, нужно ли установить ордена. Это было отвергнуто. Затем должна была последовать баллотировка, передать ли этот проект в комиссию или нет. Такой баллотировки не было. Теперь вопрос в том, может ли быть поставлено вновь на баллотировку предложение, уже принятое нами. Следующее слово предоставляется члену Рады Салову.

Член Рады Салов. — Господа члены Рады! Я буду краток: во время нашего похода нам сотник Филимонов предлагал два раза мириться с большевиками. Если бы мы помирились с большевиками, то мы получили бы награду — деревянный крест. *(Шум, протесты.)*

Председательствующий. — Я считаю долгом заявить, что никаких официальных заявлений по этому поводу не было. Я предостерегаю вас от подобных заявлений.

Член Рады Горбушин. — Господа, ввиду этих недоразумений я настаиваю на том, чтобы Рада принципиально наград не отклоняла, но отклонила бы только награды в проектируемой форме. Поэтому я настаиваю на том, чтобы этот проект передать в комиссию, пополнив ее новыми членами.

Член Рады сотник Д. Филимонов. — Господа члены Рады! Я в своей речи, первой и второй... *(Сильный шум, крики: «Долой!».)* Вы меня не уполномочи-

вали, а меня уполномочила станица, и вы обязаны меня выслушать, я высказал то, что думаю, во что верю, в чем я убежден: я полагаю, что каждый из нас может обойтись без всех этих истерических выкриков, которые уместны не в высоком собрании, а в доме, который называется вы сами знаете как. Я, господа члены Рады, высказался против формы награды, а не против самой награды. Вы сами слышали, что я приветствовал то постановление, которое только что нами принято, и я считаю, что именно в этом направлении и должна была идти работа комиссии по выработке наград всем участникам борьбы с большевиками. Как вы помните, я предлагал то, что и сейчас предлагаю: именно чтобы комиссия разработала проект о других видах наград, о форме награды; я высказался только против креста. Меня упрекают в том, что я как будто бы хочу лишить возможности всех получить то, что они заслужили. Здесь член Рады Жук истерически выкрикивал и рассказывал то, что он видел во время похода: но и я то же видел, что и член Рады Жук. Он говорит: «Что скажут те, которые сейчас борются на фронте, когда узнают, что крест им не дадут?» Да разве, господа, вам, представителям высокого собрания, здесь с такими доводами выступать можно? Разве мы боролись для того, чтобы крест получить, разве представители доблестной Добровольческой армии борются для того, чтобы крест получить? Нет, нами двигала и двигает идея, а не желание получить крест, нами двигала идея спасти край, защитить наши семьи, нами двигала идея воссоздания нашей поруганной, расчлененной большевиками родины. Что касается заявления члена Рады Салова о том, что я предлагал два раза мириться с большевиками, то я полагаю, что это происходит только потому, что мы различно понимаем наши отношения к ним и различно понимаем те меры борьбы, которые предлагаются для этой борьбы. Я, господа члены Рады, должен вернуть ваше внимание к тому заседанию, когда обсуждалось политическое положение нашего края и разрозненных частей России; тогда я произнес речь, и вы знаете, что в определенных кругах стали говорить об этой речи, стали придираться не к той мысли, которая от начала до конца проведена в ней, а к отдельным фразам, быть может, неудачно сказанным, и обвиняли в том, что я — большевик. Я по совести говорил, не шепотом, не перед отдельными лицами, а перед всеми вами, перед всем краем, и полагаю, что нужно придираться не к фразам, не к отдельным мыслям, а к определенным доводам и вытекающим из этих доводов выводам. Я спрашиваю всех тех, кто бросает мне обвинения в том, что я большевик, указать мне хотя бы одно заключение из моих речей, хотя бы один вывод, который бы говорил о том, что я преследовал то, что преследуют большевики. Везде и всюду, во всех программах, проектах, во всех тех резолюциях, в составлении которых я принимал участие и которые мне поручались составлять, я всегда ясно и определенно выдвигал прежде всего то положение, что необходимо бороться с большевиками. Но меры, которые здесь предлагали, могут быть различны, и утверждение г. Салова не отвечает действительности, точно так же, как не отвечают действительности те утверждения и обвинения меня в большевизме, которые раздавались здесь после моей речи. Разговор был, и изыскивались меры и способы выхода из того положения, в каком мы находились, но нигде и никогда я никому не предлагал мириться с большевиками. Меры изыскивались, и вот при этом приводились самые разнообразные

доводы за и против. И неправильно понятые доводы могли привести г. Салова к такому заключению, которое я оставляю на его совести. Касаясь проекта, я снова заявляю, что я высказался против предлагаемого проекта как формы награды, но не против существа самого проекта, т. е. не против того, чтобы награда была дана всем участникам, только в другом виде. На один вид награждения, на только что принятое постановление о пособии всем участникам похода, я и указал и развивал ту точку зрения, что третью часть предложенного проекта мы должны оставить целиком и должны принять, вы все это помните. Что касается остальных двух частей, то их нужно передать в комиссию, чтобы она, переработав, изыскала новые виды награды. На этом я настаиваю и сейчас.

Член Рады Перегородиев. — Я как докладчик комиссии должен защищать то, что выносится комиссией и что вносится в данном случае. Я следил за теми работами, которые здесь происходили, и не могу понять, как все это произошло. Было внесено два предложения.

Председательствующий. — У меня сейчас имеется стенографическая запись состоявшейся баллотировки по первой части законопроекта; я оглашаю ее, чтобы не было лишних слов *(Читает.)*: «Председатель. — В настоящий момент я баллотирую принципиальный вопрос о необходимости создания нового знака отличия. Прошу тех, кто находит нужным этот знак образовать, поднять руки. Кто против? Голосование, очевидно, отвергнуто».

Очевидно, что вопрос шел об ордене Спасения Кубани.

Член Рады Перегородиев. — Тогда я удивляюсь, почему не перешли к баллотировке тех положений, которые внесены.

Председательствующий. — Я думаю, что удивляться здесь нечему. Очевидно, здесь произошло недоразумение. Упущение президиума и докладчика, который не настаивал на том, чтобы перейти к постатейному чтению.

Собственно говоря, Лабинским отделом предлагалось передать в комиссию этот проект для пересмотра, но это предложение не было формулировано, и поэтому я полагаю, что нам нужно приступить к постатейному чтению тех постановлений, которые внесены сюда. Мы говорим принципиально о наградах, но не о самой форме наград, ибо формы могут быть различны, будет ли это крест Спасения Кубани или те сто рублей, которые предлагает член Рады Филимонов. Я думаю, что здесь произошло простое недоразумение.

Член Рады Перегородиев. — Я не думаю, чтобы это произошло по моей вине, потому что заседание ведет председатель. Я предлагаю перейти к постатейному чтению тех постановлений, о которых здесь говорится. Комиссия, как я уже докладывал, сделала все, что она могла сделать. Мы советовались со всеми специалистами и лучших способов найти не могли. Может быть, здесь, в общем собрании, будет предложено что-нибудь лучшее.

Если мы боимся слишком большого числа награждений, мы можем вычеркнуть некоторые статьи, а может быть, сделаем некоторые дополнения. Для того и вносится вопрос в пленарное заседание, чтобы обсудить его всесторонне. Здесь был поднят вопрос о том, чтобы опять возвратить вопрос в комиссию, а какой из этого будет толк,

раз она будет принимать одно решение, а здесь будет настаивать на другом? Мы так из заколдованного круга никогда не выйдем. Поэтому я прошу, господа члены Рады, перейти к постатейному чтению этих постановлений.

Председательствующий. — Господа члены краевой Рады! Ставить на голосование предложение пересмотреть постановление, которое утром состоялось, — я такое предложение отклоняю, так как из стенографического отчета видно, что на голосование ставился вопрос лишь относительно ордена Спасения Кубани. Другое предложение — передать в комиссию для переработки постановление о наградах членам правительства, членам Законодательной Рады, атаману и председателю Законодательной Рады; третье предложение самого докладчика — перейти к постатейному чтению тех постановлений, которые нами отвергнуты. Ставлю на голосование. Кто за то, чтобы это постановление, которое нами принято, передать опять на рассмотрение в комиссию? *(Голос с места: «Нового состава».)* О составе тогда скажем, когда, может быть, придется возобновить состав.

Член Рады Омельченко. — Господа члены краевой Рады! Я беру слово по мотивам голосования, дабы обратить внимание собрания на следующее: мы можем отвергнуть крест Спасения Кубани, самую форму награды, но необходимо согласиться с тем, что комиссия много поработала над установлением разрядов участников этого освобождения, или спасения Кубани. И мы, не предрешая формы награды, в конечном счете давайте или перейдем к постатейному чтению соответствующих постановлений, или обдумаем разряды участников, или внесем известные коррективы. Если вы этого не сделаете, то я не понимаю, какими мотивами будущая комиссия, хотя бы и нового состава, будет руководиться, чтобы выполнить эту работу. Крест вы отвергнете, но вы не можете отвергнуть известных разрядов участников похода, которые комиссия в последующих статьях установила. Мое мнение — перейти к постатейному обсуждению, а там, где будет упоминаться о кресте, этого не читать, а остановиться только на разрядах, на которые она разделила лиц, подлежащих награждению. А потом уже комиссия займется вопросом, как эти разряды отметить вниманием.

(Во время речи Султана Шахим-Гирея председательствует товарищ председателя полковник Роговец.)

Султан Шахим-Гирей. — Господа члены краевой Рады! Член Рады Омельченко считает возможным рассматривать этот проект сейчас, перейдя к постатейному чтению. Но раз мы будем говорить о разрядах, значит, мы должны говорить о том, кто должен получить крест первой степени и кто — второй степени. На это я должен сказать следующее: раз орден отвергнут, то при чем те разряды? Чем мы будем руководиться? Что будет нашим основным критерием? Раз крест отвергнут, ясно, что теперь нужно будет создавать новый принцип, на основании которого нужно разбивать на разряды. Я полагаю, что такое высокое собрание, как это, в таком большом составе такой кропотливой работой заниматься не сможет. По этим соображениям нужно передать в комиссию разработку этих постановлений в том духе, как здесь высказывались, но чтобы комиссия сделала это в спешном порядке.

Член Рады Усачев. — Господа члены высокого собрания! Я не могу понять сделанного сейчас заявления, что раз мы существование креста отвергаем, значит, мы

отвергаем людей. Крест мы отвергли, но люди по категориям остались, и мы должны только подвести итоги. Все, что сделано в целях подразделения на разряды, остается, и если вы отвергли крест, то все равно люди остаются, которых вы должны так или иначе отметить, так что разряды все равно остаются. Если вы не примете крест, примете предложение о ста рублях, так как вы должны, повторяю, отметить этих людей. По-моему, в комиссию передавать этого законопроекта совершенно не следует.

Член Рады Головко. — Господа члены Рады! Мне кажется, что здесь происходит недоразумение с прошлой баллотировкой. Ведь были общие прения по законопроекту о наградах, но постатейного чтения не было, так что, собственно говоря, мы отвергли не самый крест, как форму, как эмблему, а отвергли вообще принцип награды. *(Шум, возгласы: «Ничего подобного».)*

Председательствующий. — Отвергнуто создание ордена Спасения Кубани в виде креста.

Член Рады Головко. — Я утверждаю, что постатейного чтения не было и что в отдельности вопрос об ордене не рассматривался, а рассматривался вопрос о наградах, и он был отвергнут. Раз мы теперь стали рассматривать вопрос, значит, начали рассматривать общий вопрос о наградах, будет ли это крест, медаль, еще какой-нибудь значок или сто рублей. *(«Перерыв».)*

Член Рады Воропинов. — Господа члены Рады! Здесь мы стоим перед одним препятствием, через которое боимся перешагнуть, ибо боимся сознаться, что наше решение — неудачное решение. Найдем же в себе мужество наше неудачное решение отменить. Здесь говорят, что мы отвергли форму, а по существу самый принцип мы не отвергали; я на это скажу: чтобы не создавать каких-нибудь затруднений, следует наше решение отвергнуть и перейти к постатейному чтению проекта.

Член Рады Перегородиев. — Все-таки и в стенографическом отчете выходят недоразумения, я следил за ходом работы. Председатель Рады Рябовол первый сказал: «Давайте перейдем вообще к принципиальному вопросу, примем ли мы награды или нет?»

Председательствующий. — Господа члены Рады! Если мы будем отвергать и стенографический отчет, то какими же данными тогда будем руководиться для того, чтобы устанавливать истину?

Член Рады Перегородиев. — Я заявляю, что если бы мы перешли к постатейному чтению, т. е. говорили о кресте Спасения Кубани или о ста рублях, то, наверное *(Шум.)*, голосовалось бы и предложение Лабинского отдела. *(Шум.)* Предложением Лабинского отдела не отрицаются награды вообще, а только устанавливается другая форма награды. Поэтому я сейчас прошу перейти к постатейному чтению. *(«Перерыв».)*

Председательствующий. — Я еще раз удостоверяю, что из стенографического отчета не видно, чтобы Рада постановила отменить награды: это постановление не отклонено. Господа члены краевой Рады! Есть три предложения. Первое — возвратить проект в комиссию, второе — перейти к постатейному чтению и третье — отменить постановление, коим отклонено учреждение ордена-креста Спасения Кубани. Мне кажется, что это последнее предложение совершенно отличается от двух других пред-

ложений. Кто за передачу проекта обратно в комиссию? Кто против? Очевидное большинство. Кто за то, чтобы отменить сегодняшнее решение краевой Рады о создании ордена-креста Спасения Кубани? Большинство. *(Аплодисменты.)* Кто за то, чтобы перейти к постатейному чтению проекта? Большинство. *(Аплодисменты.)* Вот теперь мы можем продолжать свою работу. Угодно ли Раде приступить к постатейному чтению сейчас или сделать перерыв? Ставлю на баллотировку. Кто за то, чтобы перейти к постатейному чтению сейчас? Кто против? Меньшинство. Объявляю перерыв.

Перерыв с 3 час. 30 мин. дня до 7 час. 20 мин. вечера.

Вечернее заседание.

Председательствующий. — Прошу занимать места; заседание возобновляется. Слово принадлежит члену Рады полк. Феськову.

Член Рады Феськов. — Господа члены Рады! В комиссию по проверке полномочий поступил протокол от Некрасовской станицы Майкопского отдела, в котором содержится заявление, что избранный от упомянутой станицы уполномоченным в Чрезвычайную краевую Раду полк. Симонов систематически не посещает заседаний Рады, ездит повсюду по своим делам и на делаемые ему указания о необходимости выполнять долг депутата не обращает никакого внимания. Поэтому станичный сбор постановил отозвать Симонова из Рады и взамен его избрать нового уполномоченного — Петра Авдеева. Комиссия по проверке полномочий имела в виду пункт нашей конституции, где сказано, что ни один член Рады до истечения срока своих полномочий не может быть отозван, и вынесла в этом смысле постановление, что замена не может быть произведена. Этот протокол был доведен до сведения Майкопского отдела. Но Майкопский отдел не согласился с этой формулировкой и вынес свое постановление от 27-го ноября, в котором удостоверяется, что полк. Симонов действительно покинул выполнение возложенных на него по званию члена Рады обязательств, и указывается, что командирование взамен его нового уполномоченного станицы П. Авдеева было вызвано исключительной необходимостью. Ввиду этих обстоятельств отдельское совещание предлагает признать П. Авдеева полноправным членом Рады, а полк. Симонова считать выбывшим из ее состава по собственному желанию. Изложенное постановление, согласно ходатайству Майкопского отдельского совещания, комиссия по проверке полномочий находит необходимым доложить на усмотрение Рады.

Председательствующий. — Желающие высказаться есть? Нет. Прошу согласных с предложением Майкопского отдела поднять руки. Большинством голосов предложение о замене члена Рады Симонова Авдеевым принято. Таким образом, член Рады Симонов считается выбывшим из краевой Рады по собственному желанию, а в обязанности вступает с сегодняшнего дня член Рады Авдеев.

Сегодня днем мы постановили возвратиться к рассмотрению проекта о наградах участникам борьбы с большевизмом, а именно — к вопросу об учреждении нового ордена, называемого комиссией крестом Спасения Кубани. Было постановлено приступить к постатейному чтению проекта комиссии.

Статья 1-я проекта гласит: «В воздаяние и память героических трудов и лишений, понесенных в борьбе за освобождение Кубанского края от большевизма, установить

следующие награды: крест Спасения Кубани и светло-бронзовую медаль «За освобождение Кубани». Желающих высказаться нет? Нет. Прошу тех, кто согласен с этой статьей, поднять руки. Большинством голосов статья 1-я принята.

Статья 2-я: «Крест Спасения Кубани устанавливается двух степеней: 1-й степени — черный железный крест с гербом Кубанского казачьего войска и с надписью: «За спасение Кубани 1918 г.» на лицевой стороне и с порядковым номером и указанием степени на обратной стороне. Крест носится на соединенной ленте Георгиевской и национальной Кубанской. 2-й степени — такой же крест, на соединенной ленте Владимирской и национальной «Кубанской». Желающих высказаться нет? *(«Нет».)* Голосую. Принята.

Статья 3-я: «Медаль «За освобождение Кубани» устанавливается также 2-х степеней. Медаль как первой, так и второй степени — обыкновенного размера, из светлой бронзы с гербом Кубанского казачьего войска на лицевой стороне и с надписью «За освобождение Кубани 1918 г.» и указанием степени на обратной стороне. Медаль первой степени носится на соединенной Георгиевской и национальной Кубанской ленте, а второй степени — на соединенной Владимирской и национальной Кубанской ленте». Прошу желающих высказаться. Таковых нет. Голосую. Принята.

Статья 4-я: «Крест Спасения Кубани носится левее Георгиевского креста и правее всех остальных орденов, а медаль — левее всех орденов и Георгиевской медали и правее всех остальных медалей». *(Баллотировка.)* Принята.

Статья 5-я: «Крест Спасения Кубани 1-й степени жалуется: а) всем чинам Кубанской армии — участникам Кубанского похода, принимавшим действительное участие в боях против большевиков как в строю, так и в составе строевых штабов в период с 28-го февраля по 1-е апреля 1918 года; б) всем чинам Добровольческой армии, принимавшим действительное участие в боях с большевиками как в строю, так и в составе строевых штабов в период с 23-го февраля (со дня перехода границы Кубани) по 1-е апреля 1918 года; в) организаторам отрядов, борьба которых с большевизмом имела общекраевое значение и отряды которых присоединились к Добровольческой армии». Желающие высказаться есть? Слово предоставляется члену Рады Кислову.

Член Рады Кислов. — Господа члены Рады! Майкопский отдел вчера в вечернем заседании, рассматривая настоящее постановление, решил, что нужно несколько отодвинуть срок награждения и считать его с 28 февраля по 5 апреля, а не по 1-е, как указано в проекте комиссии. Затем в пункте «в» данной статьи мы решили последнее выражение исключить, начиная от слов: «и отряды коих присоединились к Добровольческой армии». Основанием для этого послужило следующее обстоятельство. В Кубанской области было много станиц, которые выступали и вели борьбу с большевизмом, но они остались совершенно незамеченными. Одна из таких станиц — станица Ярославская, которая подняла восстание во второй половине февраля месяца. Это восстание было организовано вахмистром Кисловым и Негодиным. Восстание было организовано по всем правилам, в количестве 500 штыков и шашек. В это же время во всем станицам Майкопского отдела было разослано воззвание. Мы ожидали поддержки, но почему-то ее не последовало. Прежде всего ярославцы вошли в связь с остатками Первого линейного полка, который находился под началом большевиков,

и оттуда — извините за выражение — из-под самого носа совета Майкопского был выкраден полк вместе со знаменем. Таким образом, ярославцы держались в течение 10 дней, отражая нападения большевиков в количестве нескольких тысяч, но, так как помощи не последовало, то большевики сделали нападение и, конечно, наша организация была разбита, несмотря на то, что дружно держалась. Из Майкопа вышел на помощь большевикам отряд красноармейцев, и ярославцам не было ни силы, ни возможности дальше держаться. Следствием этого явились дикий самосуд и расправа, жертвой которых пал хорунжий Негодин; начальник отряда был приговорен к смертной казни, но благодаря случайности остался жив после того, как просидел несколько месяцев в тюрьме. Обсуждая это, мы нашли, что ярославский отряд не мог присоединиться к Добровольческой армии, потому что у него не было возможности выйти из этого тупика. Но мы находим, что это восстание имело огромное значение для края, поскольку казаки увидели, что если бы несколько станиц сорганизовалось, то большевики были бы разбиты. Если оставить в статье 5-й выражение: «и отряды коих присоединились к Добровольческой армии», тогда эти герои, эти организаторы восстаний, остаются совершенно в тени, незамеченными. У хорунжего Негодина после его смерти остались дети и семья — их надо вознаградить; поэтому Майкопский отдел усиленно просит согласиться с его постановлением, тогда мы можем подвести под одну рубрику и этих героев.

Председательствующий. — Чем вы мотивируете предложение исчислять период Кубанского похода по 5, а не по 1-е апреля?

Член Рады Кислов. — Майкопский отдел вынес это постановление, потому что у нас есть представители Майкопского отдела, которые хорошо знают, что тяжелый период продолжался не по 1-е, а по 5-е апреля.

Председательствующий. — Кто еще желает высказаться, прошу подать записки.

Член Рады (фамилия не установлена). — Господа члены Рады! Я не понимаю предложения расширить срок по 5-е апреля. Насколько мне известно, поход был самый тяжелый именно по 1-е апреля, а то, о чем рассказывает член Рады Кислов, это было так называемое само спасение, потому что в это время все, кто не верили и не хотели рисковать, разошлись, рассыпались. Самый поход спасения Кубани может считаться с тех пор, как из Донской области шли на Екатеринодар, поэтому я предложил бы считать достойными получить орден тех, которые участвовали в походе с 28-го февраля по 1 августа, по день взятия Екатеринодара, т. е. тех, которые заслужили и которые действительно пошли на спасение родного края.

Член Рады Болтунов. — Господа члены Рады! Я хочу поддержать депутата станицы Ярославской. У них действительно были бои ужасные. Наша станица находится в 7 верстах. Там действительно были герои, которые заслужили награду. Здесь так было трудно выйти правительству, оно имело оружие, а они его не имели. Они действительно заслужили награду.

Председательствующий. — Сейчас не обсуждается вопрос о том, что сделало правительство. *(Смех.)*

Член Рады Болтунов. — Возьмите во внимание эту станицу, которая была окружена большевиками, и был там бой с полуночи до обеда, — и вдруг эти герои не имеют

права получить этого креста, который давал бы привилегию их детям. Я вполне присоединяюсь к тому, чтобы дать возможность тем героям, которые делали восстание в средине пунктов, населенных большевиками, получить крест Спасения Кубани.

Член Рады Добренко. — Я думаю, что до 1-го апреля в отряд, который вышел из Екатеринодара, почти никто не вступал. В это время большевики не особенно наседали на казаков, и, как ни призывало к себе правительство идти на защиту края, никто не шел. Но когда 1-го апреля стали наседать на казаков большевики как следует, то и станицы стали подниматься; из всех сел стали присоединяться казаки. Не потому что мы их звали, а потому что большевики заставили их восставать. До этого был действительно трудный поход, но этот поход был труден еще и потому, что на призыв никто не откликнулся. Я считаю правильным, чтобы давали награды участникам похода до 1-го апреля.

Член Рады Рудин. — Господа члены Рады! В первой статье настоящего проекта сказано, что учреждается орден Спасения Кубани, а в статье 5-й говорится, что орден Спасения Кубани первой степени дается всем участникам похода с 28 февраля по 1-е апреля, принимавшим участие в боях, и организаторам отрядов, которые присоединились к Добровольческой армии. А мне непонятно, действительно ли именно с 28 февраля по 1-е апреля спасена Кубань. Я бы сказал, что нет — спасена Кубань не походом с 28 февраля по 1-е апреля, а с 28 февраля по 1-е апреля спасена лишь идея народовластия, идея казачества, но Кубань за это время не спасена. Кубань спасена походом до Мечетинской и возвратом обратно вплоть до освобождения всей Кубани; следовательно, Кубань спасена не тем отрядом, который вышел из Екатеринодара, а теми отрядами, которые присоединились для ее спасения, общими силами всех доблестных сынов Кубани и Добровольческой армии, которые соединились и совместно очистили и спасли Кубань. Я полагаю, что если нужно отличить участников похода с 28 февраля по 1 апреля за их заслуги, за спасение идеи казачества и высшей идеи народовластия, то для этого нужно учредить особый орден, назвав его орденом Спасения идеи казачества. Но раз мы учреждаем орден Спасения Кубани, то нельзя награждать только тех, кто вышел из Екатеринодара и находился в отряде по 1-е апреля. Что же получат те, которые по каким-либо причинам не могли выступить и присоединиться к отряду? Я думаю, что многие оставшиеся в тылу присоединились бы, но не имели возможности этого сделать, потому что раньше времени были отрезаны от Екатеринодара. А также я полагаю, что если бы все защитники идеи права ушли в поход и в тылу бы никого достойного не осталось, то тогда часть армии, которая ушла, не смогла бы сделать того большого дела, которое она сделала, потому что достойные сыны, оставшиеся в тылу, помогали той горсточке, которая вышла из Екатеринодара, и в этом случае мы их совсем обходим. Я полагаю, что это положение совершенно неправильное. И я бы лично полагал, что ограничиться только награждением тех, кто участвовал в боях по 1-е апреля, это несправедливо. Я полагаю, что если нужно выделить тех, которые вышли по 1-е апреля, то для этого нужно учредить особый орден, а орденом Спасения Кубани наградить тех, которые именно защищали Кубань и привели к освобождению ее от большевизма.

Председательствующий. — Ко мне поступило предложение включить в проект особую статью следующего содержания: «Кроме лиц, указанных в статьях 5 и 6 сего

постановления, крест Спасения Кубани 1 и 2 степени жалуется всем лицам, оказавшим выдающиеся подвиги в деле защиты Кубани, по постановлению думы креста Спасения Кубани. Проект положения о думе и орденский статут поручается разработать краевому правительству и представить на утверждение Законодательной Рады». Мне кажется, что это предложение удовлетворит всех, так как оно стоит за то, чтобы награды были выданы достойным их участникам похода от 28 февраля по 1 августа. Я думаю, что мы не будем тратить времени на споры и можно его поставить на голосование. Слово принадлежит члену Рады Ильченко.

Член Рады Ильченко. — Господа члены Рады! Тут высказались так, что неправильно было бы награждать только участников похода с 28 февраля по 1 апреля. Однако, если не ограничивать награждение этим сроком, то тогда всю Кубань нужно наградить крестами. Все дело в том, что сохранили идею те, которые вышли в поход, а остальные, присоединившиеся к отряду после 1-го апреля, те уже «побачили горе», которое причинили большевики. Они обязаны были это сделать и без креста. Итак, мое предложение следующее: должны быть награждены те, которые вышли за правительством, а не те, которые остались.

Член Рады (фамилия не установлена). — Господа члены Рады! Когда учреждался орден Добровольческой армией, то там был установлен срок — по первое мая с 9 февраля, как для армии, которая была выведена Корниловым, так и для Кубанской армии. Мне кажется, что этот срок придется установить и нам, потому что до станицы Мечетинской офицеры были добровольцы, а когда мы начали второй поход, тогда офицеры брались уже по мобилизации. Я настаиваю на этом, потому что хотя потом и были добровольцы, но больше было мобилизованных, которых мы забирали, когда проходили по населенным пунктам. Конечный срок должен быть установлен по 1 мая.

Член Рады Решитько. — Господа, этот оратор молодой, который выходил и унижал значение похода в марте месяце, меня дюже как затронул. Я даже не понимаю, как так он мог укорить старого человека. Мне 73 года; от 13 января по 6 августа я не видел света Божьего; чего я не видел, чего не перенес: труды непосильные, усталость. Именно верно: эти люди, которые кричали так много, что они спасли область, допустили вывести себя из своей области. Почему-то такого человека я не бачил там, в походе. Там молодежи много было, а этого не приходилось бачить. *(Смех.)* Я твердо стою на своем посту, я — верный казак и приказываю родным сыновьям: кто из вас вступит к этим негодным большевикам — этот большевизм им на руку, — то лучше руки на себя наложи, ибо, когда вернешься, убью. И мне не под силу вытерпеть, как этот все рассказывал. Господа, что я перенес с 13 января по 6 августа, так и сказать нельзя. Эти люди, которые были в походе, уходили в чем были. Эти люди перед своим правительством верность показали, и они заслужили награду. Я был участником и знаю, что там была действительно горсть, и мы с этой горстью прошли тысячи верст. Я считаю несправедливым то, что говорил этот оратор.

Председательствующий. — Ко мне поступило предложение о прекращении прений. Кто за то, чтобы прения прекратить? Кто против? Прения прекращены. Разрешите первой поправкой поставить ту, которая обнимает все поправки и которую я уже огласил. Если эта поправка будет принята, то сроки потеряют значение, так как

тогда к ордену Спасения Кубани могут быть представлены все лица, так или иначе отличившиеся на протяжении всей борьбы с большевиками. Кто за эту поправку, прошу поднять руки. Громадное большинство. Поправка принята. Теперь ставлю на голосование поправку Майкопского отдела о замене срока «1 апреля» — «5 апреля». *(Голос с места: «Эта поправка отпадает».)* Нет, эта поправка не отпадает. Мы приняли поправку, из которой ясно, что предлагается награждать крестом Спасения Кубани по орденскому статуту, который будет разработан, всех решительно героев и защитников Кубани. Что же касается статьи 5, то она предусматривает лиц, которые получают награды независимо от статута. Участники Кубанского похода, принимавшие непосредственное участие в боях от 28 февраля по 1 апреля, получают этот крест в силу настоящего постановления краевой Рады; все же остальные — по постановлению думы ордена, которою каждый подвиг будет рассматриваться так же, как он рассматривался при награждении Георгиевским крестом. Кто согласен с тем, чтобы вместо «1 апреля» было поставлено «5 апреля»? Кто не согласен? Большинством поправка отвергнута. Остается поправка Майкопского отдела об исключении из пункта «в» слов: «отряды которых присоединились к Добровольческой армии». Прошу согласных с предложением Майкопского отдела поднять руки. Кто против? Мало. Принята. Значит, вычеркиваются слова: «и отряды которых присоединились к Добровольческой армии». Теперь голосую ст. 5 в целом. Прошу согласных с нею поднять руки. Принята.

Ст. 6-я: «Крест Спасения Кубани 2-й степени жалуется: а) всем прочим чинам Кубанской и Добровольческой армий, участвовавшим в походах в указанные выше периоды, но не принимавшим активного участия в боях; б) чинам Добровольческой армии, оказавшим особо исключительные отличия в борьбе с большевиками, поступившим в армию в период с 1 апреля по день окончательного освобождения Кубани от большевиков; в) тем из оставшихся верными своему долгу чинам кубанских и черкесских частей, кои особо отличились в борьбе с большевиками на местах; г) всем чинам партизанских отрядов, а равно других организаций, сформировавшихся для активной борьбы с большевиками, оказавшим исключительные отличия в этой борьбе, и д) всем чинам, принимавшим действительное участие в боях против большевиков до 28 февраля в составе кубанских партизанских отрядов и строевых частей и не выступивших в поход вследствие ранения и по другим уважительным причинам». Желающих прошу высказаться по этому пункту.

Член Рады Павлоградский. — В этом пункте не упомянут целый ряд лиц и общественных организаций, принимавших активное участие в борьбе с большевиками и заплативших своею жизнью и кровью за право называться свободными казаками. Ейский отдел почти весь с первых чисел января начал организовывать станичные отряды, и эти отряды с первых шагов большевистского натиска стали оказывать вооруженное сопротивление большевикам. Станица за станицей выступала против них, и станица за станицей падала, не получая помощи ни идейной, ни физической из центра. Я могу указать на целый ряд станиц, где произошли поистине изумительные героические подвиги, в частности — в станице Уманской. Там 28 февраля начались бои с семью большевистскими эшелонами, которые были встречены станицей вооруженным выступлением для того, чтобы дать возможность прорваться Добровольческой армии на

юг, сюда, к кубанским отрядам. Когда вечером после усиленного артиллерийского боя отряд станичный стал отходить к станице и в нем начался естественный в таких случаях распад, то некоторые лица заявили, что лучше смерть, чем позор большевистского засилья. Полковник Ярошевич со своей женой и семьей, запершись в своем доме, открыл огонь по вступавшим в станицу большевикам. Дом был разграблен и зажжен, и полковник Ярошевич, отстреливавшийся до последней минуты, будучи несколько раз ранен, погиб вместе с семьей; каким-то чудом спасся только маленький ребенок. Разве такие подвиги можно не отметить? Разве наши отряды, поднимая восстание и не получая поддержки из центра, разве они не могут быть причислены к числу спасителей Кубани? Есть много охотников на амплуа спасителей, но есть и такие лица, которые не могут говорить. Они обращают к нам свои взоры с молчаливым упреком: «А о нас, душу свою положивших за казачество, кровь проливших, о нас забыли?» Поэтому, чтобы исправить неточность редакции, я вношу предложение в этот пункт статьи внести дополнение «и члены станичных отрядов, вступавших в открытую вооруженную борьбу с большевиками с 1-го февраля по 1-е июня». Потому что были случаи, например, в станице Стародеревянковской, когда в связи с восстаниями количество жертв исчислялось тысячами человек.

Член Рады Харченко. — Здесь сказано, господа члены Рады, что крест Спасения Кубани второй степени жалуется всем прочим деятелям освобождения, участвовавшим в походе, не принимавшим участия в активных действиях против большевиков. Я не согласен с этим и считаю долгом напомнить, что были случаи, что поступали в армию не только с 28 февраля, но и поступили позже. После того как совершен был набег на Сосыку и после того как наша армия отступала к Мечетинской, то там были вновь поступившие казаки и офицеры из станицы Незамаевской и др. И тогда, когда армия отступала от Сосыки и отошла к Мечетинской, сторожевую охрану, начиная чуть ли не от самой Торговой, несли 3-й Кубанский, 2-й Кубанский и Черкесский полки. В то время как мы отступили в Мечетинскую, наши станицы заняли большевики — мы были тогда уже не на своей территории. Это продолжалось более двух месяцев, и, прежде чем мы перешли в наступление 10 июня, на первый день Троицы, мы прошли много пространства. Этой армии каждый бугорок, каждую станицу, каждую балку приходилось брать с бою, а пополнений никаких не было — мы рассчитывали только на те силы, которые у нас были. Мне кажется, что нельзя не удостоить тех казаков и офицеров крестом Спасения Кубани второй степени. Я вношу предложение: крест Спасения Кубани второй степени жалуется всем прочим чинам Кубанской и Добровольческой армий, участвовавшим в походе с 28 февраля по 10 июня, по день начала наступления на Кубань.

Член Рады Иванченко. — Я предлагаю в статье 6-й сохранить лишь первый и последний пункты. Средину же ее, начиная от слов «чинам Добровольческой армии, оказавшим...» и оканчивая словами «...особо исключительные отличия в этой борьбе» — исключить.

Председательствующий. — Поправка, которая принята по ст. 5, — о награждении всех лиц, оказавших выдающиеся подвиги по защите края, по постановлению орденской думы, и которая должна быть применена и к ст. 6, дает возможность наградить всех достойных и делает излишним помещение в ст. 6 подробного перечня.

Член Рады Перегородиев. — Господа члены краевой Рады! Так как вами действительно принято упомянутое добавление, которое охватывает всех тех, которых мы, как комиссия, не в состоянии перечислить, то я присоединяюсь к предложению члена Рады.

Председательствующий. — Прошу внимания! Чл. Рады Павлоградский свое предложение снимает. Предложение представителя Ейского отдела о продлении срока «по 10 июня» должно отпасть ввиду того, что вами принята поправка, которая обнимает все частные случаи, героические подвиги отдельных лиц и целых организаций. Далее, согласно поправке члена Рады Иванченко, из ст. 6 подлежат исключению пункты «б» и «г», так что остаются лишь слова: «Крест Спасения Кубани второй степени жалуется: а) всем прочим чинам Кубанской и Добровольческой армии, участвовавшим в походах в указанные выше периоды, не принимавшим активного участия в боях, и б) всем чинам, принимавшим действительное участие в боях против большевиков до 28 февраля в составе кубанских партизанских отрядов и строевых частей, не выступивших в поход вследствие ранения и по другим уважительным причинам». Кто согласен принять ст. 6 с исключением пунктов «б», «в» и «г»? Кто против? Таковых не имеется. Ст. 6 принята в вышеизложенной редакции.

(Заседание продолжается под председательством Н. С. Рябовола.)

Председатель. — У нас статьи 5 и 6-я приняты, а то примечание, которое мы приняли, будет особою 7-ю статью. Возражений нет? *(«Нет».)* Теперь ст. 8-я: «Имея в виду выделить и достойно наградить сынов родной Кубани за все их выдающиеся подвиги на пользу края, крест Спасения Кубани полагать высшей наградой в Кубанском крае. *(Голос с места: «Она теперь отпадает».)* Нет, она не отпадает; здесь устанавливается факт, что крест Спасения Кубани есть высший орден. Прошу согласных поднять руки. Прошу несогласных. Принята.

Статья 8-я (ныне 9-я): «Медаль за освобождение Кубани 1-й степени жалуется: а) всем чинам Добровольческой армии, принимавшим действительное участие в боях против большевиков как в строю, так и в составе строевых штабов, поступившим в армию в период с 1 апреля по день окончательного освобождения Кубани от большевиков; б) всем чинам партизанских отрядов, а равно других организаций, сформировавшихся для активной борьбы с большевиками, и принимавшим действительное участие в боях; в) всем лицам, оказавшим лично плодотворное содействие в деле формирования указанных в предыдущем пункте отрядов; г) всем прочим участникам Кубанского похода в период с 23 февраля по 1 апреля, не подошедшим под предыдущие статьи». Желающих высказаться нет. Голосую. Кто согласен с этой статьей? Кто не согласен? Принята.

Статья 9-я: «Медаль за освобождение Кубани 2-й степени жалуется: а) всем чинам, входившим в состав Добровольческой армии в период с 1 апреля по день окончательного освобождения Кубани от большевиков, не принимавшим участия в боях; б) всем отдельным лицам и членам обществ, выступавшим открыто против большевиков на территории Кубани и способствовавшим своею деятельностью освобождению от большевизма; в) всем оказавшим материальную помощь в деле формирования кубанских партизанских и добровольческих отрядов, а также вообще оказавшим материальную помощь для борьбы с большевизмом; е) всем чинам, входящим в состав

партизанских отрядов, а равно других организаций, сформировавшихся для борьбы с большевиками, не принимавшим участия в боях». Желающих высказаться по этой статье нет? Кто согласен с этою статьей, прошу поднять руки. Кто против? Принята.

Статья 10 (ныне 11): «Лица, оставившие армию и партизанские отряды до освобождения Кубани без особо уважительных причин, права на получение креста и медали не имеют». Кто согласен, прошу поднять руки. Кто против? Принята.

Статья 11 (ныне 12): «Наследники убитых и умерших от ран получают эти награды». Прошу несогласных поднять руки. Нет. Принята.

Статья 12 (ныне 13): «Лица, перечисленные в ст. 5 п.п. «а» и «б», ст. 6-й п.п. «а» и «б», ст. 9-й п.п. «а», «б» и «г», ст. 10-й п.п. «а» и «г» сего постановления, имеют право на получение устанавливаемых знаков отличий по представлении списков и именных удостоверений за подписью лица, пользующегося властью не ниже начальника дивизии». Это уже о порядке награждения. Возражений нет? Принята.

Статья 13 (ныне 14): «Лица, перечисленные в статье 9 п.п. «б» и «в», имеют право на получение медали по представлении приговора станичного, аульного, сельского и хуторского сборов, а за городских — по удостоверению атамана отдела». Прошу согласных поднять руки. Принята.

Ст. 14 (ныне 15) теперь должна быть изложена в следующей редакции: «Лица, перечисленные в пункте «в» ст. 5-й, в п. «в» ст. 9-й сего постановления, награждаются этими знаками по особому представлению начальника отдельной части». Кто за принятие этой статьи? Принята.

Статья 15 (ныне 16): «Для рассмотрения представлений о наградах крестом Спасения Кубани устанавливается дума креста Спасения Кубани из членов кавалеров этого креста 1-й степени по назначению войскового атамана в составе пяти лиц». Кто согласен с этой статьей? Принята.

Статья 16 (ныне 17): «Обо всех кавалерах, награжденных крестом Спасения Кубани как 1-й, так и 2-й степеней, объявляется в приказе по войску с указанием порядкового номера и степени креста. Награда эта вносится в послужной список, и кавалеру выдается свидетельство». Кто согласен с этой статьей? Принята.

Статья 17-я: «Награды медалями «За освобождение Кубани» также вносятся в послужной список, причем награждаемому выдается на руки особое свидетельство на право ношения. Возражений нет? Принята.

Раздел второй статьи 18 и 19: «Права и преимущества, присвоенные кресту Спасения Кубани 1-й степени: а) кавалеры сего креста освобождаются от всех натуральных повинностей; б) имена и фамилии кавалеров заносятся на мраморные доски в станичных правлениях; в) дети кавалеров имеют преимущество перед другими при поступлении в войсковые учебные заведения; г) кавалеры неказачьего сословия в случае их желания зачисляются в войсковое сословие; д) крест 1-й степени переходит по наследству старшему в роде с правом ношения, но без преимуществ, указанных в п.п. «а», «б» и «д»; е) все офицеры, кавалеры ордена Спасения Кубани 1-й степени, уравниваются в чинах со своими сверстниками до 28 октября 1918 г.; ж) офицеры, кавалеры ордена Спасения Кубани 1-й степени, уравниваются в правах и преимуществах по службе с офицерами, окончившими полный курс военного училища мирного времени.

Ст. 19: «К кресту Спасения 2-й степени: а) имена и фамилии кавалеров заносятся на мраморные доски в станичных правлениях». Желающие высказаться есть? *(«Есть».)*

Член Рады Кислов. — Майкопский отдел из ст. 18 постановил исключить пп. «в» и «д» — п. «в», где сказано, что «дети кавалеров имеют преимущество перед другими при поступлении в войсковые учебные заведения», чтобы не создавать вновь таких привилегий, из-за которых многие дети казаков оставались за бортом школы, несмотря на то что обладали хорошим талантом и званием, и пункт «д», где сказано, что крест первой степени переходит по наследству старшему в роде с правом ношения, но без преимуществ, указанных в п.п. «б», «г», «д», так как ни для кого не секрет, что часто бывает так: отец — защитник интересов казачества, а сын — самый ярый большевик, между тем в силу этого пункта он будет носить крест своего отца. *(«Правильно».)*

Член Рады Добренко. — Я просил бы обратить внимание на пункт «б», в котором говорится о записи имен живых людей на мраморную доску. Эти люди, после того как получать крест, будут жить в станицах и могут вести себя так, что не на мраморную доску их надо записать, а общество скажет, что их нужно вычеркнуть из списка живых людей.

Член Рады Тищенко. — Господа члены Рады! Тот, кто заслужил, и тот, кого мы признали достойным получить крест и награду, пусть он ими и пользуется, но преимуществ потомству не должно допускать. Мы только что признали, что никакой потомственности не должно быть, а теперь опять стараемся тем же путем создать кадры привилегированных, указывая, что тот может поступить в учебное заведение, а тот не может; так не должно быть. Предлагаю потомственность исключить.

Член Рады Балабас. — Господа члены Рады! Здесь первым преимуществом, которым пользуются кавалеры креста Спасения Кубани первой степени, постановлено то, что они освобождаются от натуральной повинности. Я считаю необходимым это преимущество отнести на второе место, а главным преимуществом здесь поставить то, что дается по Георгиевскому статуту: имеющие 1-ю степень производятся в подпоручики, поручики, а имеющие две последние степени — в урядники. Вот здесь нужно такое преимущество дать, тем более что, если придется применять это на практике, то мы увидим в этом необходимость. В походе с 28 февраля участвовали многие станичные старики. Многие из них имеют звание урядников, так что для них будет важнее и дороже всего получить следующий чин. Поэтому предлагаю внести такое добавление: кавалеры сего ордена казаки производятся в старшие урядники, а неказаки — в унтер-офицеры. Дальше есть пункт «г»: «кавалеры неказачьего сословия, в случае их желания, зачисляются в войсковое сословие». Думаю, что ни для кого не будет нежелательным стать кубанским казаком, тем более что в данном случае, когда они будут приниматься в казаки, им будет дан паевой надел. Возможно, что со всеми георгиевскими кавалерами таких кавалеров будет бесчисленное множество, которые должны стать кубанскими казаками. Я думаю, что для них будет лучше, если они просто получат орден Спасения Кубани. Если же мы всех их зачислим в казаки, то я боюсь, как бы на практике это не вызвало какого-либо недоразумения. На практике это, может быть, невозможно будет осуществить, так как в связи с принятием законопроекта земельного, в котором в первую очередь вознаграждаются землею малоземельные казаки, воз-

можно, что этим кавалерам ничего не останется — чтобы этого не было, я предлагаю пункт «г» исключить, а в пункте «а» поставить мое предложение.

Член Рады Важов. — Кавказский отдел, обсудив ст. 18, вносит следующие поправки. Пункт «в» изложить следующим образом: «Дети кавалеров имеют преимущество перед другими при поступлении в войсковые учебные заведения лишь в том случае, если они будут отличаться успехами». Пункт «д» Кавказский отдел предлагает исключить совсем, потому что у нас до сих пор не было таких орденов, которые передавались бы по наследству с правом ношения. *(«Есть».)*

Член Рады Головко (с места). — Отказываюсь от слова.

Член Рады Аспидов. — Господа члены Рады! Нашим идеалом после свержения самодержавной власти было равноправие. Все граждане должны быть равны, и никому никаких привилегий и преимуществ не должно присваиваться. Теперь мы вступаем на тот же путь и вспоминаем старое время. Вы вспомните, как тяжело было нам, детям простых казаков и детям рабочих, пробиваться и идти куда-то; вспомните, что приходилось вам испытывать. Если вы толкались в двери, вас спрашивали: кто вы такой, кто ваш отец и каковы заслуги его? И всюду ставились всяческие препятствия. Мы в пункте «в» указываем, что даются привилегии и преимущества, и вот это создаст массу пререканий и недоразумений. Ведь этот поход спасения и освобождения Кубани был сделан всем народом; весь народ восстал, и весь кубанский народ боролся. За что же теперь мы хотим дать привилегии и не дадим одинаковых прав? *(«Довольно».)* Все перечисленные в ст. ст. 18 и 19 права и преимущества должно отвергнуть. *(Аплодисменты, шум.)*

Председатель. — Поступило предложение о прекращении прений. Ораторов больше нет. Кто за прекращение прений? Кто против? Прения прекращены. Слово предоставляется докладчику.

Член Рады Перегородиев. — Может быть, тут не так ясно говорили о потомственных преимуществах. *(Шум, возгласы: «Ясно, довольно».)*

Председатель. — Прошу не мешать говорить и дать оратору высказаться. Он будет краток.

Член Рады Перегородиев. — Тут говорили о создании комиссией потомственных преимуществ, когда никаких потомственных преимуществ нет. На преимущества комиссия была очень скупа. В самом деле, что касается несения натуральной повинности, то ведь каждая станица таких людей освободит, а мы это только поддержим как моральную награду. Имена и фамилии предлагаем заносить на мраморную доску в знак отличия, как память потомству. А что такой награжденный будет после делать, это его дело. Относительно производства в чины — мы даже и на это поскупились, хотя и сознавали, каким бы это было дорогим преимуществом. Исходя из этих соображений, я и прошу утвердить все предложенные комиссией преимущества, которые особенного значения не имеют.

Председатель. — Приступаю к голосованию. Баллотирую поправку, внесенную членом Рады Балабасом. Он предлагает вместо пункта «а» статьи 18 (ныне 19) внести следующее: «Кавалеры сего ордена казаки производятся в старшие урядники, а неказаки — в унтер-офицеры». Кто за? Кто против? Принято. Баллотирую дальше:

«Кавалеры сего креста освобождаются от натуральной повинности». Кто за? Кто против? Большинством отвергнуто. «Имена и фамилии кавалеров заносятся на мраморную доску в станичном правлении». Кто за? Кто против? Большинством отвергнуто. Дальше: «Дети кавалеров имеют преимущество перед другими при поступлении в войсковые учебные заведения». К этому проекту имеется поправка Бажова. Прежде чем ставить ее на баллотировку, голосую предложение об исключении пункта. Кто за? Кто против? Пункт исключается, и поправка отпадает. Дальше: «Кавалеры неказачьего сословия в случае желания могут зачисляться в войсковое сословие». Я должен предупредить, что у нас стоит на очереди законопроект о приеме и об исключении из казачества, поэтому я думаю, что этот пункт нужно опустить впредь до рассмотрения этого законопроекта. Баллотирую. Кто за? Кто против? Отвергнут. Теперь дальше: «Крест первой степени переходит по наследству к старшему в роде с правом ношения, но без преимуществ». Кто согласен, чтобы этот пункт оставался? Кто против? Отвергнут. «Все офицеры, кавалеры ордена Спасения Кубани 1-й степени, уравниваются в чинах со своими сверстниками до 1918 года». Докладчик хочет сделать разъяснение по этому поводу.

Член Рады Перегородиев. — Правило, согласно которому все офицеры — кавалеры ордена 1-й степени уравниваются в чинах до 28 октября 1918 г., можно пояснить на примере. Двое, окончившие в один и тот же день, произведены в одинаковый чин; один из них нигде не был; дома сидел, и произведен в есаулы, а другой все время работал на фронте, и до сих пор хорунжий. Он на практике испытал корниловскую школу и в полном смысле боевой офицер, и он вдруг отстал в чинах от своих сверстников. Так вот, я и думаю, что следовало бы уравнивать в чинах награжденных таким высоким отличием.

Председатель. — Голосую пункт. Кто согласен? Кто против? Принят. Дальше пункт «ж»: «Офицеры — кавалеры ордена Спасения Кубани первой степени уравниваются в правах и преимуществах по службе с офицерами, окончившими полный курс военного училища мирного времени». Кто за? Кто против? Принят. Ставлю на баллотировку всю статью. Принята.

Статья 19-я (ныне 20) уже оглашена. Прошу согласных поднять руки. Прошу несогласных. Отклонена. Переходим к разделу «Общие преимущества».

Член Рады Добриян. — Господа члены Рады! Здесь говорится, что орден Спасения Кубани сокращает срок на выслугу пенсии: 1-й степени — на 10 лет, 2-й степени — на 5 лет, и сокращается состояние в очередях на те же сроки. Посмотреть — как будто бы разницы нет между офицерами и казаками, а если вдуматься, то разница есть, и очень большая. Офицерам сокращается срок выслуги пенсии на 10 лет, следовательно, если по общему порядку для того, чтобы получить полную пенсию офицеру, нужно прослужить 35 лет, то, будучи награжден орденом 1-й степени, он уже через 25 лет получит эту пенсию. Вот и экономия. А что получает 70-летний старик, на котором офицерские обязанности лежали? Я нахожу несправедливым, если будут обойдены старики-казаки, которые заслужили эту пенсию. Предлагаю этот пункт вовсе исключить.

Член Рады Дикий. — Господа члены Рады! Я наблюдал тенденции у некоторых господ к сокращению привилегий и преимуществ. А что если они сами выслужат и

будут получать пенсию? А если они ее не выслужат, то какие могут быть разговоры об этом? Вопрос — в том, что всем тем, кто имеет возможность получать пенсию и имеет орден 1 или 2 степени, сокращается срок выслуги пенсии. Здесь говорят, что привилегий никаких не нужно, а для чего же тогда дается орден. Ведь ради этого ордена нужно давать какие-нибудь привилегии и преимущества, каковые и офицеры, и казаки получают одинаково.

Член Рады Золотаревский. — Господа члены Рады! Когда устанавливали ордена, то ясное дело, что железный подцепок — никому ничего; но когда заговорили о том, чтобы дать привилегии детям участников гражданской войны, то говорят — этого не нужно. Поэтому я могу остаться нищим и моего ребенка учить некому. Но дайте мне хоть какое-нибудь, хоть маленькое преимущество, кроме этого подцепка.

Председатель. — Господин оратор, мы здесь устанавливаем орден и называем его орденом, а вы называете «подцепком». *(Шум, крики: «Долой».)*

Член Рады Золотаревский. — Я вчера только говорил о том, чтобы этого креста не устанавливать, но сегодня он был принят. Я с этим согласился. Но когда заговорили о преимуществах и начали кивать на офицеров, то больно становится. Предоставьте же хоть какое-нибудь преимущество; я согласен, что сокращение пенсионного срока на десять лет — это слишком большое преимущество, но дайте хоть маленькое.

Член Рады Прихидько. — Господа члены Рады! Я думаю, что то указание, которое сделал предыдущий оратор, заслуживает внимания. Но что же тогда вы дадите тем офицерам, которые четыре года были на фронте, потеряли здоровье и силы? Дело в том, что устав пенсионный рассматривает эти вопросы и может установить привилегию на 2–3 года, но привилегии на 10 лет или 5 давать не следует.

Член Рады Омельченко. — Господа члены Рады! Меня волнует тот вопрос, что в тех преимуществах, которые вы изволили определить по статуту, собственно глубоким молчанием обходятся люди почтенного возраста — 50–60–70 лет. Совесть моя, я считаю, не будет спокойна, если я по этому вопросу не выскажусь. Мне казалось, что тот пункт, который говорит о сокращении срока, нужно формулировать так, чтобы эти старики оказались необойденными. Нужно подложить такой фундамент, чтобы привилегии были абсолютно одинаковы для всех сословий и возрастов. Потому что, если мы другую точку зрения установим, то она расчленит участников этого похода на участников активной борьбы с большевизмом и просто участников. Разделение привилегий внесет диссонанс, а это в настоящий момент очень нежелательно. Я настаиваю, что те преимущества, которые даны — в смысле награждения урядников и так далее, — они необходимы, но вообразите, какое награждение вы дадите казаку, если он уже урядник. Значит, ему этот крест реальных преимуществ не даст. Я не могу быть спокойным, если те, кто перенес на своих плечах иго большевизма, активные участники похода, получившие право на это, если они не получат награды. Они все-таки будут себя лучше чувствовать, если из награды будет вытекать какая-нибудь реальность. Я бы смотрел с такой точки зрения, что Кубанскому краю нужно здесь обратиться к своему кошельку, чтобы за те лишения, которым подвергались участники похода, они были бы компенсированы. Я не о себе говорю — я не могу обойти молчанием стариков, которые участвовали в походе. Необходимо дать им реальное преимущество в смысле

денежного вознаграждения, которое позволило бы им, быть может, в свободное время использовать эти деньги так, как они находят это нужным. Я считаю, что в данном случае Кубанский край именно должен раскошелиться 5—6 или 10 миллионами, потому что это всех сравняет и даст возможность всем использовать эти средства так, как каждый хочет. Кубанский край должен откликнуться на нужды этих тружеников и щедро наградить их. Давайте в этот пункт внесем постановление, что пособие дать нужно, и, принимая во внимание дороговизну, — не менее 1000 руб. кавалерам 1-й степени и соответственно — кавалерам 2-й степени. Впрочем, дадим ли мы 1000 руб. или 500 р. пострадавшим, — не в этом дело, но давайте поставим на очередь этот вопрос.

Член Рады Перегородиев. — Господа члены Рады! Я лично ни о каких правах и преимуществах не говорил, я только защищаю то предложение, которое вынесено комиссией. К нам в комиссию приходили казаки и говорили: «Дайте нам одну награду — дайте отдых». Это были казаки, совершившие весь поход, я подчеркиваю тут, именно не офицеры, а казаки. И для комиссии ни офицеров, ни казаков не было. Комиссия старалась одинаково наградить и тех и других, и орден тот же, и преимущества те же. Я не знаю, чем руководились те лица, которые подчеркивали: вот офицеры, а вот казаки. А вы посмотрите, в пункте «а» говорится, что кавалер может быть и казаком и офицером; как тот, так и другой может пользоваться преимуществами. Вы посмотрите на тех лиц, которым пришлось участвовать в этом страшном походе, что они из себя представляют: нервы истрепаны, здоровье расшатано; что же, вы этим людям преимущества разве не дадите, чтобы люди более здоровые пошли на фронт и заняли их места? *(Сильный шум.)*

Председатель. — Прошу не перебивать оратора.

Член Рады Перегородиев. — Если он чувствует себя совершенно неспособным нести службу там, на фронте, неужели вы не поверите такому человеку, который свою жизнь до последней капли крови отдал на защиту родины? Ему преимущества должны быть даны. Что касается 2-го пункта — о награде путем сокращения срока на выслугу пенсии людям, потерявшим здоровье, то тут опять не подчеркивается, казаки ли они или офицеры. Каждый казак может быть офицером и может иметь право на пенсию. Его не сравняете с тем человеком, который не перенес этого ужасного похода, так что на это подчеркивание: офицер ты или казак — собственно говоря, отвечать не стоит. Далее, предыдущий оратор только что сказал, что нужно участникам похода назначить ренту. Такое предложение было, но комиссия именно боялась того, что начнут отказывать, и мы этого не внесли, и в итоге оказались ордена без преимуществ. Мы не говорим о потомственных преимуществах; что же касается личных преимуществ, то они при всяком строе, как бы демократичен он ни был, были, будут и должны быть. Поправку о ренте я прошу принять.

Председатель. — Я голосую пункт «а» раздела об общих преимуществах для награжденных крестом 1-й и 2-й степени: «Кавалерам ордена Спасения Кубани предоставляется право в случае их желания занять места в тыловых учреждениях края». Большинством голосов принят. Пункт «б»: Орден Спасения Кубани сокращает срок на выслугу пенсии: 1-й степени — на 10 лет, второй — на 5 лет, и сокращается состояние в очередях на те же сроки». *(Баллотировка.)* Большинством голосов отвер-

гнут. Имеется предложение такого рода: предлагают установить для кавалеров ордена пенсию, одинаковую для всех потерявших трудоспособность и достигших преклонного возраста. Таким образом, нужно понимать, что все кавалеры ордена Спасения Кубани, достигшие преклонного возраста и потерявшие трудоспособность, должны будут получить пенсию. Я просил бы членов Рады, подписавших это предложение, сделать необходимые разъяснения. Слово предоставляется члену Рады И. Белому.

Член Рады И. Белый. — Господа члены Рады! Здесь были подняты вопросы, которые я кратко формулирую таким образом. Предполагается выдать пособие кавалерам ордена 1-й степени. В группе, сидящей возле меня, явилась мысль, что, быть может, лучше было бы установить для кавалеров ордена пенсию, одинаковую для казаков и офицеров-инвалидов и потерявших трудоспособность и в будущем достигших такого преклонного возраста, который не давал бы им возможности заработать кусок хлеба. Мое предложение заключается в том, чтобы установить пенсию для инвалидов и стариков в спешном порядке.

Председатель. — Голосую предложение группы членов Рады, которое сводится к тому, чтобы для всех кавалеров ордена Спасения Кубани, потерявших трудоспособность и работоспособность, была установлена пенсия. Я голосую вопрос об установлении такой пенсии, одинаковой для всех казаков и офицеров. *(Баллотировка.)* Большинством голосов принято. Инициаторы этого предложения предполагают, что размеры этой пенсии и порядок ее выдачи должны быть установлены Законодательной Радой. *(Голос: «Можно один вопрос задать?»)* Можно. *(Голос: «Те, которые уже потеряли трудоспособность, или те, которые ее потеряют?»)* Я понимаю это так, что не только тот, кто потеряет трудоспособность, но и тот кавалер ордена, который может заболеть, имеет право на получение этой пенсии. Желаете вы размеры этой пенсии рассмотреть в краевой Раде или поручить Законодательной Раде? *(Баллотировка.)* Большинством голосов постановлено поручить рассмотреть Законодательной Раде.

Раздел III, ст. 20: «Всех учащихся, участников Кубанского похода (в период с 28 февраля по 1 апреля 1918 года), в случае их желания обязательно воспитать за счет края включительно до высшего образования. Настоящее постановление должно быть применено и к тем учащимся, участникам кубанских партизанских отрядов до 28 февраля, кои не могли выступить в поход вследствие ранения. Я вношу дополнение к этому пункту, а именно предлагаю после слов «вследствие ранений» вставить «или других уважительных причин», ибо, например, группы учащихся станиц Троицкой, Славянской, Полтавской воодушевили людей — делали это не за страх, а за совесть, но потом выйти не могли. Эту поправку ставлю на голосование. Большинством голосов принята.

Далее статья 21: «Всех остальных учащихся, участвовавших добровольно в партизанских и добровольческих отрядах, принимавших активное участие в боях против большевиков, освободить от платы за правоучение в учебных заведениях края». Большинством голосов принята.

Раздел IV, ст. 22: «Участники Кубанского похода, подлежащие награждению крестом Спасения Кубани 1-й и 2-й степени, приговоренные до 28 октября судом,

сопряженным с лишением прав, права на получение креста не имеют, но освобождаются от наказания и восстанавливаются во всех правах». Слово предоставляется члену Рады Каплину.

Член Ряды Каплин. — Господа члены Рады! Здесь сказано, что приговоренные до 28 октября судом к наказанию, сопряженному с лишением прав, права на получение креста не имеют, но освобождаются от наказания. Прежде всего здесь возникает вопрос о лицах, которые приговорены к наказанию, не сопряженному с лишением прав. Как быть с ними — на основании текста статьи вопроса решить нельзя. Кроме того, мне кажется, не совсем правильно выносить постановление, что все приговоренные до 28 октября освобождаются от наказания независимо от преступления, которое совершено. Предположим, что в рядах армии ими совершена измена, предательство, убийство или вообще какое-нибудь тяжкое преступление. Случайно он судился 27 октября — и он, согласно этой статье, освобождается от всех наказаний, а если он судился 1-го ноября, то осуждается на вечные каторжные работы или будет повешен. Таким образом, этот пункт является чрезвычайно сомнительным по своим последствиям. Я думаю, что существуют два способа смягчения или устранения наказания: первый — это путь помилования по совокупности обстоятельств. Та власть, которой дано право помилования, решает, действительно ли можно помиловать. Второй путь — в порядке отнесения преступления к той категории, для которой возможно облегчение наказания. Но так, как комиссия предлагает, выходит ни помилование, ни амнистия, а нечто своеобразное. Я думаю, что единственный порядок облегчения участи тех лиц, о коих идет речь, — это порядок помилования, предусмотренный нашей конституцией. Лица, совершившие преступление, но получившие ранее крест Спасения Кубани, должны судиться по общему порядку, но приговор о них должен представляться на усмотрение войскового атамана, и войсковой атаман, если найдет возможным, помилует их. Но устанавливать помилование в качестве общей нормы нельзя; сверх того, в статье не содержится указаний, как поступать в тех случаях, если приговоренный к наказанию не лишен прав. Поэтому я предлагаю эту статью исключить.

Член Рады Омельченко. — Господа члены высокого собрания! Меня, конечно, крайне удивляет, что юрист, знакомый с гуманными науками, отстаивает необходимость такого наказания. С одной стороны, это будет обременением войскового атамана, если на рассмотрение его будет представляться каждый отдельный случай. Если есть недосмотр в редакции этой статьи — я с этим согласен — значит, нужно формулировать статью иначе; но я не согласен, чтобы участники похода, получившие этот крест, судимы были так же, как обыкновенные преступники. Получается так: с одной стороны, краевая Рада, в воздаяние особых заслуг перед Кубанским краем, этих лиц награждает орденом 1-й степени, т. е. высшей наградой, а с другой стороны, завтра-послезавтра этого гражданина присуждают на год тюремного заключения и лишают всего состояния. Ведь нужно задуматься над этим. Ведь раз он является участником активной борьбы на Кубани с большевиками, раз он перенес страдания, за что его сажают в тюрьму? Такие наказания являются, с точки зрения многих умных людей, не исправляющими, а, наоборот, развращающими человека. И вот этому человеку, претерпевшему нравственные мучения и крестные страдания, мы, в воздаяние его заслуг,

даем орден, а по мнению Каплина, мы эту статью должны совершенно уничтожить. Я рекомендовал бы только ее формулировать правильно. Я бы просил краевую Раду с этим принципом согласиться и передать статью для правильной формулировки в комиссию.

Председатель. — «Приговоренные до 28 октября» — это не может быть принято. Нужно сказать: «совершившие преступления до 28 октября», а то получается так: один приговорен, и, так как суд над ним состоялся до 28 октября, то его освободят, а тот, над которым суд не состоялся до 28 октября, будет сидеть в тюрьме. Редакция этой статьи неудачна, и поэтому нужно передать ее в комиссию.

Член Рады Султан Шахим-Гирей. — Господа члены краевой Рады! Несомненно, те лица, которые принимали участие в этих походах и которые имеют право на этот крест, заслуживают особого внимания и снисхождения даже в тех случаях, когда они приговорены к тем или иным наказаниям. Однако, чтобы не сказали, что мы отнеслись слишком снисходительно ко всякому преступлению, которое совершается человеком — совершается или в силу обстоятельств, толкающих его на этот шаг, или в состоянии запальчивости, раздражения, или предумышленно, — мы можем сделать здесь некоторые ограничения. Опасение Каплина о том, что при действии ст. 22 совершаемые тяжкие государственные преступления, например, измена краю, могут быть не наказаны, конечно, имеют большое значение, и я полагаю, что такого рода преступления, конечно, не могут повести к смягчению наказания, в этом смысле нужно стать на точку зрения Каплина. Но я полагаю, что остальные возражения можно обойти и просто сказать: те, которые приговорены к наказанию до 28 октября, восстанавливаются в правах, а те, которые находились под судом и следствием, освобождаются от суда и следствия. Я полагаю, что этим мы можем примирить два начала. Награды, во всяком случае, не распространяются на лиц, приговоренных судом по обвинению в измене родному краю. Я думаю, этим самым мы сможем найти выход из того положения, которое сейчас создается.

Член Рады Каплин. — Я все-таки, господа члены Рады, полагаю этот вопрос отложить; пока же считать законопроект принятым в целом виде, без этой статьи. Статью 22-ю надлежит передать в комиссию, потому что возникает целый ряд вопросов о том, какие преступления считаются государственными, а какие нет. Затем нужно оговорить, что амнистия может быть только в том случае, если наказание не сопряжено с лишением прав. Ввиду того что возникают спорные мнения относительно этого вопроса, а другой, более ясной, редакции никто не предлагает, я полагаю, что нужно передать этот вопрос в комиссию для рассмотрения с участием членов комиссий юридической и судебной.

Председатель. — Член Рады Каплин предлагает считать обсуждение законопроекта законченным и голосовать его в целом, чтобы не задерживать работы. Что же касается ст. 22, то передать ее в комиссию. Принципиальных возражений против этого нет? *(«Нет».)* Я предлагаю передать ее не в комиссию о наградах, а в юридическую комиссию для редактирования этой статьи. Докладчик соглашается с этим предложением. Возражений нет? Принято. Что касается вопроса об утверждении рисунка проектируемых знаков отличия, составления их описаний и т. д., то казалось бы

целесообразным предоставить это Законодательной Раде. Необходимо будет найти художника, приготовить несколько проектов, один из которых и будет утвержден Законодательной Радой. Надо это продумать, а для этого нужно время. Возражений нет? Принято. Господа члены Рады! Сейчас мною будет прочитан весь проект. *(Оглашается проект постановления Кубанской Чрезвычайной краевой Рады о наградах.)* Прошу согласных с этим проектом поднять руки. Принят. Объявляю перерыв на 10 минут. После перерыва заседание будет закрыто для публики.

После перерыва.

(Заседание продолжается под председательством тов. председателя сотн. Д. Филимонова.)

Председательствующий. — Предлагаю занять места. Заседание возобновляется. На очереди стоит обсуждение проекта постановления Чрезвычайной Рады Кубанского края о награждении атамана, председателя правительства и членов Законодательной Рады. Желает ли Рада перейти к общему обсуждению вопроса или прямо перейти к обсуждению каждого пункта в отдельности? *(Баллотировка.)* Принят переход к постатейному чтению. Первый пункт: «Войскового атамана Кубанского казачьего войска, полковника Александра Петровича Филимонова, наградить крестом Спасения Кубани 1-й степени, произвести в чин генерал-лейтенанта и установить пожизненную ренту в 6000 рублей в год».

Член Рады Подтопельный. — Господа члены Рады! При рассмотрении этого постановления Майкопским отделом нас заинтересовал вопрос, почему первый пункт, где говорится о наградах войсковому атаману, жидковат, в то время как пункт, где говорится о наградах председателю правительства, довольно распространен. Мы попросили объяснения у членов этой комиссии, представителей нашего отдела, нет ли тут каких-либо причин, оказалось, ничего нет такого. Конечно, заслуги председателя правительства г. Быча слишком велики, и награда должна быть велика, но мы полагаем, что награда атаману не должна быть меньше. Мы решили, что те награды, которые здесь отнесены председателю правительства г. Бычу, также должны быть отнесены и к атаману. Что касается того, чтобы атаману назначить какую-то ренту, то я скажу: господа, разве заслуги атамана можно расценивать на деньги? Мы решили эту ренту упразднить, но вместо нее установить пять стипендий, распределение которых предоставить на волю войскового атамана. Кроме того, Майкопский отдел решил, что одной из строевых частей необходимо присвоить имя атамана Филимонова. *(Шум.)* Тогда будет так: «Войскового атамана Кубанского казачьего войска Филимонова наградить крестом Спасения Кубани первой степени, произвести в чин генерал-лейтенанта. Вывесить его портреты во всех правительственных учреждениях, управлениях отделов. В станицы разослать портреты с биографией для помещения в станичных правлениях и школах, учредить пять стипендий имени А. П. Филимонова, с тем чтобы замещение их предоставить его усмотрению, выдать ему от Чрезвычайной Рады грамоту и одному из действующих полков присвоить имя А. П. Филимонова».

Член Рады полк. Феськов. — Ейский отдел, обсудив всесторонне пункт первый, предлагает принять следующую редакцию: «Войскового атамана Кубанского казачьего войска Филимонова наградить крестом Спасения Кубани первой степени, произ-

вести в чин генерал-лейтенанта и установить его имени стипендию в высшем учебном заведении; выдать грамоту». Вот все, что постановил Ейский отдел.

Член Рады Ткаченко. — Господа члены Рады! Екатеринодарский отдел, обсуждая вопрос о наградах войсковому атаману, пришел к такому заключению: «Войскового атамана Кубанского казачьего войска полковника Филимонова наградить крестом Спасения Кубани первой степени, произвести в чин генерал-лейтенанта». Пожизненную ренту отменить, установить, не указывая где, одну стипендию *(Голос с места: «В высшем учебном заведении».)*, не указывая где, в каком именно в высшем заведении, затем во все станицы разослать портреты с биографией, вывесить портреты в высших учреждениях края». *(Голос с места: «Слабо».)*

(Заседание продолжается под председательством тов. председателя Султана Шахим-Гирея.)

Член Рады Омельченко. — Господа члены краевой Рады! В числе наград, которые здесь предлагают, Майкопский отдел решил присвоить одному из действующих полков имя полковника Филимонова. Я принципиально возражаю против этого предложения в силу следующих соображений: если бы войсковой атаман в тяжелую годину для Кубанского края показал себя как полководец, как командующий даже сотней людей, я бы ничего не имел против, но так как этого со стороны его проявлено не было, то, мне кажется, это награждение не соответствует действительному положению вещей. Можно было бы тогда предложить, чтобы одному из полков было дано имя председателя правительства. Вот на этом примере я хочу уяснить разницу: вы, безусловно, запротестовали бы против этого и спросили, какое же отношение к той или другой воинской части имел Л. Л. Быч, а я вам на это сказал бы, что, конечно, эта награда не соответствует действительности, но ведь и войсковой атаман, как предводитель какой-нибудь воинской части, в эту тяжелую минуту не проявил себя. Мне кажется, эта поправка должна отпасть. Против остальных я принципиально ничего не имею.

Член Рады Воропинов. — Я, когда шел разговор о необходимости одному из действующих кубанских полков присвоить имя войскового атамана, я припомнил заявление нашего управляющего военными делами, из которого значилось, что у нас, когда возникла мысль о реформе нашей армии, пришли все к необходимости сокращения наших кавалерийских полков. И перед этим сокращением остановились только ввиду того, что уничтожить историческое название какого-нибудь из существующих полков было бы, собственно говоря, больше чем исторической ошибкой. На этом основании было вынесено решение уменьшить количественный состав полков, а количество полков оставить то же самое и названия, какие были им присвоены, сохранить. Если принять предложение Майкопского отдела, то мы станем перед дилеммой такого рода: или мы должны еще один полк учредить, или мы должны уничтожить имя одного из исторически существующих полков и поставить имя атамана. *(Шум.)* Во-вторых, насколько я помню, шефство не навязывается, не назначается, а сама часть об этом просит. *(«Ничего подобного».)* Тогда я на этом не останавливаюсь. *(Голос с места: «Раз не знаете, так и не говорите».)* Я, господа, должен обратить внимание на предложение Ейского отдела. Я нахожу, что это предложение формулируется и очень ясно, и очень просто; оно во всех отношениях является вполне удовлетворительным и наиболее приемлемым.

Член Рады Перегородиев. — Конечно, комиссия, как я изволил докладывать, была очень скупа, но я как председатель комиссии не могу не возражать против предложения об исключении пожизненной ренты. Я считаю нужным доложить, какие мнения были в комиссии на этот счет в отношении атамана. Он, может быть, и не будет атаманом завтра или послезавтра. *(Голоса с места: «Это вопрос будущего».)* Вот в том-то и дело, что это вопрос будущего, но вы сами знаете, что войсковой атаман получает от нас жалованье, а если он не будет атаманом, то он не будет ничего получать. *(Шум.)* А человек он старый, средств никаких не имеет, заслуги же его перед краем вы сами знаете как велики. И вот, чтобы не оставить его в безвыходном положении, чтобы первый выборный атаман не оказался в критическом положении, комиссия и постановила назначить эту маленькую ренту в 6000 рублей. Мы думали, что если наш выборный атаман будет нуждаться в заработке. *(Шум.)*

Председательствующий. — Виноват, господа, докладчик выражает мнение комиссии.

Член Рады Перегородиев. — Он жить хочет, будет хотеть — ведь каждый человек жить хочет. *(Голос с места: «Ишь, как надсаживается!»)* Вот комиссия и постановила назначить ренту. Я и прошу эту ренту оставить.

Председательствующий. — По первому пункту поступили следующие предложения: во-первых, исключить предложение комиссии о назначении пожизненной ренты и заменить ее стипендией имени войскового атамана в одном из высших учебных заведений. Затем — предложение Майкопского отдела, к которому присоединяется и Екатеринодарский отдел, об установлении бюста во всех правительственных учреждениях. Екатеринодарский отдел предлагает вывесить и разослать портреты и выдать грамоту, а Майкопский отдел предлагает еще установить его бюсты во всех правительственных учебных заведениях и учреждениях края и в управлениях отделов. В станицы разослать портреты и вывесить в станичных управлениях. Я ставлю на голосование вопрос об исключении или установлении пожизненной ренты в 6000 руб. в год. Кто за то, чтобы исключить, прошу поднять руку. Кто против? Исключена. Кто за то, чтобы установить стипендию имени войскового атамана в высшем учебном заведении? Кто против? Принято. *(«Сколько?»)* Майкопский отдел предлагает 5 стипендий. Кто за это число? Кто против? Отвергнуто. Значит, остается одна стипендия. Дальше баллотирую вопрос о выдаче грамоты от Чрезвычайной Рады. Кто за? Кто против? Принято. Дальше Майкопский отдел предложил в учреждениях установить бюсты, а в станичных правлениях — портреты с биографиями. Разрешите это раздельно поставить на баллотировку. *(«И так ясно»; «Неясно».)* Кто за то, чтобы установить бюст атамана во всех правительственных учреждениях? *(Шум, голоса: «Это уже голосовали», «Нет, не голосовали».)* Я баллотирую. Кто за? Кто против? Отклонено. Далее, было внесено предложение разослать по станицам портреты и биографии и вывесить их в станичных правлениях и школах. *(Голос с места: «Заменить бюсты портретами».)* Это новое предложение, на баллотировку я его поставлю потом. Итак, баллотирую предложение Екатеринодарского отдела. Кто за то, чтобы вывесить портреты во всех правительственных учреждениях края, тех прошу поднять руки. Кто против? Принято. Теперь предложение Майкопского отдела: вывесить портреты

с биографиями во всех станичных правлениях и школах. Кто за? Кто против? Принято. Далее баллотирую предложение комиссии наградить войскового атамана полковника Филимонова крестом Спасения Кубани 1-й степени. Кто за? Кто против? Принято. Наконец, кто за то, чтобы войскового атамана Филимонова из чина полковника произвести в генерал-лейтенанты? Кто против? Принято. Голосую пункт 1-й в целом: «Войскового атамана Кубанского казачьего войска полковника Александра Петровича Филимонова наградить крестом Спасения Кубани 1-й степени, произвести в чин генерал-лейтенанта, учредить стипендию его имени, вывесить его портреты в правительственных учреждениях, станичных правлениях и школах края. Выдать от Чрезвычайной краевой Рады грамоту». Кто за это предложение целиком, прошу поднять руки. Кто против? Принято. *(Аплодисменты.)* Прикажете об этом довести до сведения войскового атамана? *(«Просим, просим!»)*

Пункт второй: «Председателя краевого правительства Луку Лаврентьевича Быча наградить крестом Спасения Кубани 1-й степени, бюст его установить во всех высших правительственных учреждениях края и в управлениях отделов. В станицы разослать его портреты с биографией и вывесить их в станичных правлениях. Учредить стипендию его имени в политехническом институте для сирот кавалеров креста Спасения Кубани 1-й степени. Выдать от Чрезвычайной краевой Рады грамоту». Есть желающие говорить по этому поводу?

Член Рады Ткаченко. — Екатеринодарский отдел соглашается с редакцией, предложенной комиссией, за исключением постановки бюста; последний предлагается заменить портретами и добавить после слов «в станичных правлениях» слова: «и в школах».

Председательствующий. — Желающих говорить нет? *(«Нет».)* Кто за то, чтобы бюст заменить портретом, а равно добавить «и в школах»? Кто согласен, прошу поднять руки. Кто против? Принято. Кто за принятие пункта с изложенными поправками? Кто против? Принят. *(Аплодисменты.)*

Пункт третий: «Председателя Законодательной Рады Николая Степановича Рябовола наградить крестом Спасения Кубани 1-й степени, бюст его установить в помещении Законодательной Рады. Выдать от Чрезвычайной краевой Рады грамоту.

Член Рады Ткаченко. — Екатеринодарский отдел предлагает и в данном случае заменить бюст портретом. *(«Правильно».)*

Член Рады Гатагогу. — Господа члены Рады! В пункте 3-м говорится о том, чтобы наградить председателя Рады. Равным образом в пункте 4-м говорится о членах Законодательной Рады, но и опять ни слова не упомянуто о товарище председателя. Я вношу предложение наряду с председателем Законодательной Рады поставить и товарища председателя Султана Шахим-Гирея.

Председательствующий Султан Шахим-Гирей. — Я, господа, в таком случае не могу уже председательствовать. *(Аплодисменты, «Просим».)* Я полагаю, что 3-й пункт относится только к председателю, а предложение Гатагогу будем разрешать отдельно. *(Аплодисменты.)*

(Заседание продолжается под председательством товарища председателя Д. Филимонова.)

Председательствующий. — Прошу желающих высказаться по пункту 3-му и по внесенному членом Рады Гатагогу предложению.

Член Рады Воропинов. — Когда посмотришь на пункт 3-й и примешь во внимание, что делается вокруг и то, и другое, и третье, то невольно возникает в сознании представление, что тут устанавливается некоторая градация: ниже, выше и выше. *(«Так и надо».)* Теперь надо установить, из чего мы исходим: из того ли, какую должность данное лицо занимает, или из личных заслуг данного лица. Когда я вникаю в эти побудительные мотивы, то мне представляется, что градация, которая установлена, является в высшей степени шаткой и неосновательной, ибо если войсковой атаман есть представитель исполнительной власти, глава края, а председатель правительства — глава фактической исполнительной власти, то председатель Законодательной Рады есть глава Законодательной Рады. И когда вы, устанавливая градацию, председателя Законодательной Рады ставите на первой нижней ступеньке, то у меня возникает мысль о том, будто бы в нашем сознании власть законодательная является второстепенной и малозначащей. И с этой стороны, не принимая во внимание личных заслуг представителей власти, я нахожу, что было бы правильно и справедливо, чтобы председатель Законодательной Рады был бы поставлен в такие же условия, как и председатель правительства и атаман, и чтобы награда для всех этих трех лиц была бы равна. Тогда мы воздали бы по их заслугам соответственно тому положению, которое они занимают. Те отличия, которые предлагаются для председателя Законодательной Рады, я предлагаю отнести к его товарищу.

Председательствующий. — Желающих говорить больше нет. Поступило три предложения. Первое — предложение Екатеринодарского отдела исключить бюст и заменить портретом, который установить в помещении Законодательной Рады. Второе предложение внесено членом Рады Гатагогу — чтобы в пункте 3 поместить товарища председателя Султана Шахим-Гирея, и третье предложение — установить для председателя Законодательной Рады те же самые награды, которые установлены для председателя правительства. Это последнее предложение ставлю на голосование. Кто за то, чтобы для председателя Законодательной Рады Н. С. Рябовола были установлены те же самые награды, что и для председателя правительства? Кто против? Принято. Следовательно, пункты проекта, относящиеся к Н. С. Рябоволу и Л. Л. Бычу, будут объединены. Пункт же 3-й в редакции комиссии будет касаться только товарища председателя Султана Шахим-Гирея. Раздаются голоса внести и товарища председателя Рябцева, но он был секретарем; значит, предложение, по-видимому, отпадает. Пункт 3 будет гласить следующее: «Товарища председателя Законодательной Рады Султана Шахим-Гирея наградить крестом Спасения Кубани 1-й степени; его портрет установить в помещении Законодательной Рады. Выдать от Чрезвычайной краевой Рады грамоту. *(«Ступенька».)* Кто за? Кто против? Принято. *(Аплодисменты.)*

Оглашаю следующий, 4-й пункт: «Членов правительства и Законодательной Рады, участников похода в период с 28 февраля по 1-е апреля, наградить крестом Спасения Кубани 1-й степени. Имена и фамилии их занести на мраморную доску в Законодательной Раде. Освободить их от службы в гарнизонах и от лагерных сборов. В случае же призыва их в действующую армию по мобилизации предоставить право выбора рода оружия и части». Желающих прошу говорить.

Член Рады Жук. — Я нахожу, что член правительства по делам военным много понес труда во время похода, и я просил бы вас вынести постановление о производстве военного министра в генерал-майоры. *(«Войсковой атаман сам знает».)*

Член Рады Головко. — Я предлагаю из пункта 4-го выбросить следующие слова: «освободить от службы гарнизонной и лагерных сборов», или, во всяком случае, дать право выбора Раде. Награждать нужно по заслугам и равномерно, а исключений никому не делать, особенно привилегий. *(Аплодисменты.)*

Член Рады Балабас. — Господа члены Рады! Член Рады Головко сказал, что нужно исключить из 4-го параграфа следующие слова: «освободить от службы в гарнизоне и от лагерных сборов». Лично я не возражаю против этого, однако необходимо им в случае призыва предоставить право выбора оружия и части, и вот по каким соображениям: сейчас заседание открытое, и я вам привожу такой пример: представьте себе, что сотник Филимонов попадает в действующую часть с командным составом совершенно противоположного образа мыслей, чем он. То же самое может быть и с Федоренко, и с сотником Балабасом. О себе я не говорю, но, во всяком случае, я вынужден был это сказать, чтобы меня не заподозрили в пристрастности. Затем, среди членов Рады есть не только офицеры, но и не имеющие чинов, которые могут быть мобилизованы или в гарнизон, или в войсковую часть, так как сейчас идет мобилизация до 40 лет. Представьте себе их положение, положение даже каждого члена Рады, мобилизованного хотя бы в период с настоящего времени и до следующей краевой Рады. По этим соображениям, просто ради настоящих членов, я нахожу необходимым оставить это выражение, чтобы в случае призыва в действующую армию при мобилизации им было предоставлено право выбора оружия и выбора части, в которой они были бы ограждены от нападок и несправедливостей, какие падают на их голову, когда они попадают туда, где командуют люди, иначе, чем они, мыслящие.

Член Рады Гатагогу. — Господа члены Рады! Здесь в 4 пункте говорится о членах правительства и членах Законодательной Рады, но здесь ничего не сказано о членах правительства Юго-Восточного союза; ведь они с нами также были в походе и также идею народоправства поддерживали. Я предлагаю в 4-й пункт внести такую поправку: «и члены правительства Юго-Восточного союза и краевого правительства». Далее в пункте 4-м сказано: «освободить от службы в гарнизоне и от лагерных сборов». Позвольте мне на этом остановиться. Я полагаю, что подозрение в том, что это делается мною из личных побуждений — как это могло вкрасться по отношению к предыдущему оратору, — по отношению ко мне исчезает. Я как горец мобилизации не боюсь, и в данном случае я не шкурник, выражаясь вульгарно. Я хочу напомнить многим из вас, бывшим участникам похода, какое озлобление, порой доходящее до оскорбительного отношения, проявлялось со стороны многих строевых офицеров к членам Рады как носителям известных демократических идей. «Рада сама себе не рада» — это и подобные выражения вы можете встретить на каждом шагу. Представьте себе, что такой член Законодательной Рады, призванный в строй, попал к таким офицерам; что он будет делать, как к нему будут относиться? Это может породить массу кровавых последствий. *(Шум.)* Я не допускаю, чтобы члены Рады могли переносить подобные оскорбления за то, что они народные представители. *(Сильный шум, голоса: «Никаких*

оснований нет».) Я имею основания, что нас оскорбляют. Я говорю потому, что это в действительности было, поэтому и прошу освободить их от службы, если не на все время, то на несколько лет, чтобы дать возможность успокоить страсти на Кубани, чтобы забылось озлобление. Вношу предложение освободить членов Рады на два года.

Член Рады Ткаченко. — Господа члены Рады! Екатеринодарский отдел предлагает членов правительства и членов Законодательной Рады наградить крестом Спасения Кубани, но не 1-й степени, а 2-й; что касается остальных отличий, то Екатеринодарский отдел поддерживает ту редакцию, какая здесь имеется. Отдел полагает, что члены Законодательной Рады этого, безусловно, заслужили, так как они являются носителями идеи казачества и благодаря их решению в ту трудную минуту, когда они решили эту идею сохранить, мы имеем теперь возможность сидеть здесь и защищать эту идею.

Председательствующий. — Слово предоставляется члену Рады Каплину.

Член Рады Каплин. — Господа члены Рады! Я не буду касаться существа этого постановления по тем причинам, что оно касается и меня как члена Рады. Я считаю со своей стороны, что лучшей наградой для членов Законодательной Рады и правительства является сознание исполненного долга, и то, что события доказали нашу правоту, меня это особенно не интересует, я вышел для того, чтобы поддержать предложение, которое внес член Рады Гатагогу, что кроме членов правительства у нас есть члены правительства Юго-Восточного союза. Они несли высокую обязанность и разделяли всю тяжесть похода. И если мы исполнили долг, то они не менее нашего исполнили его.

Член Рады Воропинов. — Господа члены Рады! Когда вы устанавливали награды для представителей высшей власти — для войскового атамана, председателя правительства, председателя Законодательной Рады, то войскового атамана вы произвели в чин генерал-лейтенанта, председателя правительства и председателя Законодательной Рады вы в чины не произвели, очевидно, на том основании, что для этих лиц чины, собственно говоря, не имеют никакого значения, потому что они люди штатские, не военные. Но если мы обратим внимание на состав нашего правительства, то мы увидим, что там есть люди и штатские, и военные, и нам необходимо, чтобы быть логичнее и последовательнее, и по отношению к членам правительства провести ту же мысль и ту же идею и подойти к ним с теми же мерками, с какими подходили мы к войсковому атаману и к председателям правительства и Законодательной Рады. Атамана мы произвели в чин, как военного, а председателя правительства не произвели, так как он не военный. Таким образом, предложение Ейского отдела сводится к тому, чтобы члену правительства по делам военным полковнику Савицкому дать чин генерал-майора, потому что если мы сейчас выполнили долг по отношению к войсковому атаману, то мы не выполнили его по отношению к полковнику Савицкому. Если мы, кроме того, будем руководствоваться до некоторой степени, действительно, личными заслугами, то если бы хоть один член Законодательной Рады взялся описать вам ту роль, которую играл полковник Савицкий в смысле «атак» на штаб Добровольческой армии по вопросу об организации нашей Кубанской армии, — вы, вероятно, ни на одну минуту не остановились бы перед тем, что ему нужно воздать должное. Я свидетельствую, что полковник Савицкий был ярым сторонником того, чтобы наша Кубанская армия существовала.

А я помню, с какой горечью, с какой болью он говорил о том, когда на наши требования о необходимости формирования нашей батареи нам давали вместо пушек металы на колеса. *(Голоса: «Неправда, этого не было».)* На этом основании, господа члены Рады, прошу и к полковнику Савицкому применить ту меру, которая применяется к войсковому атаману как к военному человеку. *(Шум, голоса: «Прекратить прения».)* Я имею слово, его я еще не использовал; я имею право говорить.

Председательствующий. — Прошу не мешать, оратору дано слово.

Член Рады Воропинов. — Я не могу обойти молчанием предложение Екатеринодарского отдела относительно членов Законодательной Рады. Господа, одно из двух: или вы предоставьте членам Законодательной Рады быть довольными сознанием выполненного долга, сознанием того, что история отметит, как Законодательная Рада знамя народоправства вынесла и принесла снова в Екатеринодар, или, если вы становитесь на путь наград, на путь необходимости вещественно отметить эти заслуги, то не становитесь на точку зрения Екатеринодарского отдела, ибо это будет не награда, а оскорбление.

Член Рады И. Макаренко. — Господа члены Рады! Я только две минуты отниму у вашего утомленного внимания. У нас упущены люди, понесшие каторжные муки; это люди, избранные в прошлогоднюю краевую Раду. Многие из них побывали в руках большевиков, многих из них большевики закололи, но до последней минуты они поддерживали наши интересы; некоторые вырвались из рук большевиков и вместе с Добровольческой армией совершили Кубанский поход, и многие из них участвовали попутно в боях и сражениях. Я долгом считаю напомнить о них и прошу не упускать и их из вашего внимания и сказать, что вы их также не забыли и их отметите. Что касается Законодательной Рады, я не член ее, но я был там и видел, как многим из них обошелся чрезвычайно тяжело этот поход, поскольку многие из них совершенно не приспособлены были к военной жизни. Несмотря на то что многие из них могли спокойно укрыться и жить среди населения, а не подвергать свою жизнь риску, они, во имя того, что они члены Законодательной Рады, несли эти муки. Они несли их во имя идеи народоправства. Поэтому предложение Екатеринодарского отдела о том, чтобы переводить их во вторую степень, будет большой несправедливостью, и я прошу считать предложение отдела ошибочным, само себе противоречащим.

Член Рады Траценко. — Господа члены Рады! Я напомню вам мнение краевой Рады, высказанное в один из первых дней, когда Рада заявила, что не дело ее производить в чины, и только для одного человека Рада обязана сделать исключение — это для войскового атамана. Что касается всех остальных членов правительства, военных, то их производить в чины должен войсковой атаман, а не Рада. *(«Правильно».)* Если они сделали заслугу для края, то, несомненно, атаман их произведет, а если нужно сделать исключение для Савицкого, то можно сделать это и для Трусковского, и для других членов правительства, военных. *(«Правильно».)*

Председательствующий. — Список ораторов исчерпан, слово принадлежит докладчику.

Член Рады Перегородиев. — Господа члены Рады! Комиссия просит принять 4-й пункт в редакции, ею предложенной, с включением в него упоминания о членах Юго-

Восточного союза. Что касается того, чтобы к числу награждаемых Радою еще добавить полковника Савицкого и некоторых других, то это является излишним. Относительно полковника Савицкого я думаю, что наш войсковой атаман оценит его заслуги и произведет его в генералы. Что касается других лиц, которых мы боялись обойти, то ведь для этого мы приняли постановление об образовании орденской думы, которая и будет разбирать заслуги тех лиц, которые потрудились на пользу края. Я поэтому прошу принять редакцию комиссии и прибавить к ней слова: «и членов правительства Юго-Восточного союза».

Председательствующий. — Ко мне сейчас поступило предложение о включении в перечень награждаемых по 4 пункту проекта председателя Верховного суда Щербины, совершившего поход вместе с Добровольческой армией, а равно других членов Верховного суда. Приступаем к голосованию внесенных предложений. Одно из них — предложение Воропинова о производстве в следующий чин полковника Савицкого — оратором снимается по тем причинам, которые высказаны членом Рады Траценко. Оглашаю все остальные. Первое — исключить из статьи 4-й следующие слова: «имена и фамилии их занести на мраморную доску в Законодательной Раде», а равно исключить слова «освободить от гарнизонной службы и лагерных сборов». Второе предложение: заменить крест 1-й степени крестом 2-й степени для членов правительства и Законодательной Рады. Третье — включить добавление об освобождении на два года от мобилизации членов Законодательной Рады. Четвертое — награды, предложенные для членов Законодательной Рады и правительства, распространить и на членов правительства Юго-Восточного союза и членов Верховного суда. Ставлю на голосование сначала исключения. Екатеринодарский отдел предлагает крест 1-й степени заменить крестом 2-й степени». *(Баллотировка.)* Большинством голосов предложение отклоняется. Следующее предложение: исключить слова «имена и фамилии их заносятся на мраморную доску в Законодательной Раде». *(Баллотировка.)* Большинством голосов отклонено. Предложение члена Рады Головко об исключении из статьи 4-й слов «освободить от гарнизонной службы и лагерных сборов». *(Баллотировка.)* Предложение принято. Ставлю на голосование предложение комиссии: «в случае призыва в действующую армию по мобилизации предоставить членам Законодательной Рады и правительства право выбора части и рода оружия». *(Баллотировка.)* Большинством голосов предложение отклонено. Голосуется предложение освободить их вообще от службы военной сроком на два года, как в гарнизоне, так и по мобилизации. Кто за это предложение, прошу поднять руки. Кто против? Предложение отвергнуто. Теперь голосую дополнение к статье 4-й, которым предлагается включить в нее кроме членов правительства и членов Законодательной Рады также членов Верховного суда, членов правительства Юго-Восточного союза и членов совета Союза казачьих войск. Буду голосовать отдельно. Кто за то, чтобы статью 4-ю распространить и на членов краевого Верховного суда, тех прошу поднять руки. Кто против? Большинством голосов дополнение принято. Кто за распространение действия означенной статьи на членов правительства Юго-Восточного союза, тех прошу поднять руки. Кто против? Дополнение принято. Кто за распространение этой статьи на членов совета Союза казачьих войск, прошу поднять руки. Кто против? Дополнение принято. Господа члены Рады, в

статье 4-й имеется такое положение, что имена членов краевого правительства и членов Законодательной Рады заносятся на мраморную доску в Законодательной Раде. В эту статью теперь внесено дополнение, что награды, предназначенные для членов правительства и членов Законодательной Рады, распространяются и на членов правительства Юго-Восточного союза и членов совета Союза казачьих войск. Если мы введем все эти три категории в четвертую статью, то они также должны быть занесены на мраморную доску. *(Голос с места: «Редактировать так: «Имена и фамилии членов краевого правительства и Законодательной Рады занести на мраморную доску в Законодательной Раде».)* Голосую сейчас оглашенное предложение: «имена и фамилии членов краевого правительства и Законодательной Рады занести на мраморную доску в Законодательной Раде». Кто за это предложение? Кто против? Принято. Значит, окончательная редакция будет такова: «Членов правительства, Законодательной Рады, членов краевого Верховного суда, членов правительства Юго-Восточного союза и совета Союза казачьих войск, участников похода в период с 23-го февраля по 1-е апреля, наградить крестом Спасения Кубани 1-й степени. Имена и фамилии членов краевого правительства и Законодательной Рады занести на мраморную доску в Законодательной Раде».

Ст. 5-я: «Полковника Андрея Григорьевича Шкуро наградить крестом Спасения Кубани 1-й степени и произвести в чин генерал-майора». Желающих прошу высказаться.

Член Рады Ткаченко. — Обсудив статью 5-ю, Екатеринодарский отдел считает ее помещенною в проект просто по недоразумению, так как, согласно нашей конституции, право производства предоставлено войсковому атаману. И если мы теперь займемся производством отдельных членов армии и станем делать выбор, кто из них наиболее достоин, то нам некогда будет думать об остальной работе, так как на целые месяцы может затянуться работа по рассмотрению вопросов о том, кому давать награды. *(Голоса: «Правильно».)* Поэтому Екатеринодарский отдел предлагает исключить совершенно эту статью.

Член Рады Воропинов. — Господа члены Рады! В заседании Законодательной Рады, еще на станции Тихорецкой поднимался вопрос о необходимости вынести пожелание, чтобы полковника Шкуро произвели в генерал-майоры; я был одним из сторонников этого пожелания. Но в данном случае, когда член Рады Ткаченко напомнил об одном из принципов нашей конституции, я нахожу, что, хотя Шкуро, безусловно, достоин производства в чин генерал-майора за оказанные им отличия, за геройские подвиги, тем не менее краевая Рада может производить в чин только одно лицо, именно войскового атамана. Все остальные вопросы производства находятся в ведении атамана, под его непосредственным началом. На этом основании я поддерживаю предложение Екатеринодарского отдела. *(Шум.)*

Председательствующий. — Господа члены Рады! Предложения о прекращении прений не было. Имеется еще один оратор. *(Голоса: «Прекратить прения».)*

Член Рады П. Белоусов. — Господа члены Рады! Я скажу относительно полковника Шкуро, что он организовал отряд, что он вывел его от этих большевиков, даже когда был ими окружен. Он привел этот отряд и вооружил тех, которые вышли только

с одними палками и кнутами. Он вооружил отряд и в Ставрополь вступил. *(Шум, крики: «Мы это знаем».)*

Председательствующий. — Прошу не мешать. Оратор говорит то, что необходимо сказать при производстве того или другого лица.

Член Рады П. Белоусов. — Когда здесь поднимался вопрос о производстве членов войскового правительства, то я могу сказать следующее: этих лиц можно производить, которые защищали идею, я ничего не имею против, но есть некоторые лица, которые защищали на повозке. А этот человек боевой, и он заслуживает того, чтобы его произвести в следующий чин генерал-майора *(Крики: «Довольно», шум.)*, чтобы его произвела Рада за выдающиеся заслуги. Я прошу *(Шум.)*, чтобы полковника Шкуро произвели в чин генерал-майора. *(Аплодисменты, шум, возгласы: «Прекратить прения»; «Просим продолжать».)*

Председательствующий. — Господа члены Рады! Предложение о прекращении прений поступило после того, как я дал слово члену Рады Бедай. Поэтому я дам ему слово, после чего поставлю на голосование вопрос о прекращении прений.

Член Рады Бедай. — Господа члены Рады! Я буду краток. Полковника Шкуро нужно произвести. *(Шум.)* Да позвольте хотя б два-три слова сказать: может быть, то, что вы знаете о нем, это не все. *(Крики: «Мы все знаем»; «Не дело Рады производить, это дело войскового атамана».)* Законодательная Рада дала обещание его произвести в генералы. *(Возгласы: «То Законодательная Рада, а это краевая Рада».)* Я хочу просить отметить боевого офицера, который страдал столько. Теперь у него двадцатитысячная армия, у которой раньше не было ни одной винтовки, одни только палки были; он вооружил их, и теперь невозможно забыть это. Я покорнейше прошу и предлагаю произвести его в чин генерал-майора.

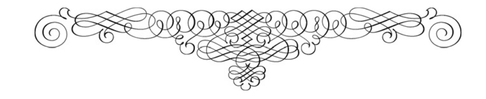
Председательствующий. — Поступило предложение о прекращении прений. Кто за это предложение, прошу поднять руки. Кто против? Прения прекращены. Слово докладчику. *(Голоса: «Не нужно».)* Господа, вы лишаете возможности докладчика осуществить то право, которое ему принадлежит по принятому вами наказу. Я прошу соблюдать порядок.

Член Рады Перегородиев. — Господа члены Рады! Видите, как трудна обязанность докладчика, да еще председателя комиссии. А должен сказать, что по этому поводу — относительно производства полковника Шкуро — было общее единогласное заключение того состава комиссии, который обсуждал этот вопрос в заседании 18-го ноября. Я считаю обязанным доложить это и отстаивать внесение награды полковнику Шкуро в это постановление. Вы сами знаете, когда мы давали торжественное обещание, тогда отношение к полковнику Шкуро было совершенно иное. А комиссия была назначена вами для того, чтобы выполнить то обещание, которое было вами дано в день торжественного открытия Рады. Что после этого было, вы за это можете наказывать, но то, что было совершено до дня открытия Рады, вы должны рассматривать в иной плоскости. Вы должны согласиться, что это единственный выдающийся казак, который воевал и который сорганизовал такой отряд. *(Шум.)* Не дожидаясь прихода Добровольческой армии, он сам освободил весь Баталпашинский отдел без помощи Добровольческой армии. *(«Правильно», аплодисменты.)* Это единственный казак,

который оказал величайшие услуги Кубани, и вы, Чрезвычайная краевая Рада, не хотите его причислить к этим остальным. Конституция у нас создается для обыкновенного времени, а сейчас — чрезвычайное время и Чрезвычайная Рада. Атаман выбран не по новой конституции. Атаман сейчас тот, который выбран по старой конституции. Я вижу по вашему настроению, что вы не хотите награждать, а я думаю, что вы не нарушите прерогатив войскового атамана тем, что наградите полковника Шкуро, единственного офицера, который сам, без помощи Добровольческой армии, оказал краю величайшие услуги. *(Аплодисменты.)*

Председательствующий. — Поступило предложение: ввиду того что право производства в чины принадлежит только войсковому атаману, статью 5-ю исключить из настоящего проекта. Кто с этим согласен? Кто против? Статья исключена. *(Голоса: «Правильно».)* Объявляю перерыв до 10 часов завтрашнего дня.

Заседание закрыто в 12 часов ночи.

Стенографический отчет 28-го заседания Чрезвычайной Рады Кубанского края 30-го ноября 1918 года.

Заседание открыто в 10 ч. 30 м. утра председателем Н. С. Рябоволом и до первого перерыва происходит при закрытых дверях.

Председатель. — Заседание возобновляется. Слово для внеочередного заявления принадлежит представителю Баталпашинского отдела.

Член Рады Шереметьев. — На нас, баталпашинцев, ваше вчерашнее решение произвело крайне удручающее впечатление. Высокое собрание постановило наградить лиц, которые так или иначе оказали заслугу родной матери Кубани. Мы, баталпашинцы, не можем не сказать о тех лицах, о которых вы, может быть, не все знаете. Мы просим, чтобы эти лица не остались недовольными нами и вами, ибо заслуга их так же велика, как и заслуга других лиц, награжденных вами. В то время когда руки большевиков, запачканные кровью наших братьев, прикасались к людям, стоящим у власти, в то время когда вершились здесь великие дела, мы, баталпашинцы, были от всего отрезаны. Мы не знали, что где делается и что творится. Мы только знали, что войсковое правительство вынуждено было оставить Екатеринодар. Вокруг нас ходили слухи, что войсковое правительство хочет пробраться в Баталпашинский отдел, чтобы там собраться и начать борьбу с злосчастными поработителями. Мы, баталпашинцы, были страшно напряжены. Мы обсуждали создавшееся положение и готовились оказать своим избранникам прием и помощь. Наверно, вам всем известно, что Баталпашинский отдел один из последних принял советскую власть. Мы ждали наших избранников и боролись с врагами, как могли. Мы никогда не сомневались, что правительство придет к нам, и ни на минуту не оставляли мысли, что если оно еще не пришло, то только потому, что ему что-то помешало.

Мы искренно не хотели перейти на сторону большевиков; лучшие наши люди категорически от этого отказывались и мысль эту называли страшным бредом. Они скрывались в лесах и выжидали удобного момента. Одним из таких людей и был полковник Шкуро, собравший около себя сперва всего только пять человек, потом уже это количество увеличилось. Был и я там. До нас дошли слухи, что правительства уже нет, что его потопили в Кубани, что краевую власть уже разбили. Пред нами стал во всей своей широте вопрос: что же делать? И вот полковник Шкуро сказал: «Если бы я щадил свою жизнь, то я сумел бы спасти ее, но я хочу спасти матерь Кубань и умру за нее» — и с горстью в 12 человек он открыто начал действовать и собирать отряд, который предназначался не для спасения своей жизни, а для спасения матери Кубани. Вскоре этот отряд дошел до 4 тыс. Борьба велась не на жизнь, а на смерть. Конечно, преимущество как в технике, так и в силе было за противником. Отряд терпел большие неудачи, и был момент, когда он готов был дрогнуть, распылиться и расстрелять своего организатора. Тогда полковник Шкуро вышел и сказал: «Не думайте, что мне дорога жизнь. Вот она, возьмите ее, но она нужна для Кубани, поэтому я предлагаю вам бороться, пока есть силы и пока мы будем живы».

Мы со всех сторон были окружены большевиками, но собрались с силами и сделали безумный набег, атаку на Баталпашинск; результаты этого набега оказались невелики, потому что арсенал, из которого мы рассчитывали получить оружие, был переведен большевиками в другое место. Оставалось последнее: идти дальше. До нас дошел слух, что в Ставропольской губернии можно достать оружие, а нам оно было крайне необходимо: у нас на 4000 человек было около 1000 винтовок и самодельных пик, сработанных кузнецами. И вот мы скрепя сердце должны были переступить границы Кубани, но не для того, чтобы оставить ее навсегда, а прийти вновь и освободить. Сведений пока не было — где краевая власть и краевое правительство. Ходили самые разноречивые слухи. Когда мы пришли в Ставропольскую губернию, когда достали… *(Кто-то с места перебивает: «Заслуги Шкуро нам и без доклада известны».)* К счастью, нам удалось соединиться там с Добровольческой армией, и Шкуро, будучи больным, при ненормальной температуре, рвался все вперед и вперед, рвался освобождать родную Кубань.

Всем небезызвестно, что Баталпашинский отдел освобожден Шкуро и что у него армия достигла 20 тысяч. Может быть, не для всех его заслуги так дороги, но у нас, баталпашинцев, при его имени сердце радостно бьется. Вы знаете, что одно имя Шкуро заставляло противника обращаться в бегство. Вот почему для нас, баталпашинцев, было очень тяжело, что полк. Шкуро, как нам кажется, так же достойный внимания, как и другие лица, о котором мы имеем счастье говорить, не награжден вами. Нам сказали, что это — область ведения атамана. Дело в том, что еще в июле месяце фронтовики возбуждали ходатайство пред правительством о производстве Шкуро в генералы, ибо находили, что полководцы не должны стоять ниже в чине своих подчиненных, а у полковника Шкуро были в подчинении и генералы. Войсковое правительство принципиальное согласие с своей стороны дало, но полковник Шкуро до сих пор не был произведен. Поэтому мы в своем заседании вынесли постановление просить вас о награждении полковника Шкуро соответственно его заслугам.

Председатель. — Господа члены Рады! Прежде чем приступить к обсуждению предложения Баталпашинского отдела, я считаю необходимым дать некоторые исторические справки по этому делу. Когда мы с армией пришли в ст. Тихорецкую, то там услышали, что откуда-то идет полковник Шкуро, и радовались, что нашелся такой герой, который сгруппировал казачьи силы и освобождает станицы. Слух этот вскоре подтвердился, и тогда Законодательная Рада сделала постановление просить войскового атамана, чтобы полковник Шкуро, как выдающийся герой Кубани, был награжден достойным образом и произведен в генерал-майоры. Постановление состоялось, но результата не получилось никакого, по соображениям, для Законодательной Рады неизвестным. Когда был взят Екатеринодар, Законодательная Рада, обсуждая многие вопросы, между прочим, заинтересовалась, по каким причинам до сих пор не исполнена ее просьба о награждении полковника Шкуро, и поручила мне, как председателю Законодательной Рады, обратиться письменно по этому вопросу к войсковому атаману. Дело в том, что Законодательная Рада не имеет и не имела права вмешиваться в дело раздачи чинов, так как это право всецело принадлежало и принадлежит войсковому атаману и краевой Раде. Я написал войсковому атаману письмо, в котором из-

ложил те положения, по которым Законодательная Рада находила нужным отличить полковника Шкуро, и просил ответить, почему это дело задерживается. Я не получал ответа на свое письмо более месяца.

Через месяц было заседание Законодательной Рады, куда прибыл и войсковой атаман; здесь, между прочим, членами Законодательной Рады был задан вопрос: в каком положении находится производство полковника Шкуро в генерал-майоры? Войсковой атаман сообщил, что он не может произвести полковника Шкуро в генерал-майоры, потому что у него не имеется достаточно документов о производстве его в полковники, что имеются лишь документы, свидетельствующие о производстве в штабс-капитаны. Кроме того, атаман сказал, что за Шкуро имеются какие-то проступки, за которые он должен быть предан суду. Члены Законодательной Рады заявили, что им совершенно непонятно такое положение и что они находят, что полковник Шкуро — безусловно выдающийся полководец среди казачьих офицеров и что заслуги его достаточно велики, чтобы не возвращаться к каким-то обстоятельствам, которые, тем более, для Законодательной Рады являются тайной.

У меня имеется полный протокол этого заседания. Рада постановила не допустить предания суду полковника Шкуро. Должен сказать, что полковник Шкуро в отношении политических убеждений стоял впервые на точке зрения Законодательной Рады. Я неоднократно беседовал с ним, и он заявлял, что является сторонником власти народа, что, еще будучи в Ставропольской губ., говорил, что необходимо народное представительство, и издавал соответствующие воззвания к населению. Мне лично он сказал так: «Я по убеждениям монархист, но я вижу, чего хочет народ, и делаю то, что он хочет». У Законодательной Рады создалось впечатление, что у выдающегося героя отнимается заслуженный чин. Однажды Шкуро пришел ко мне и другим членам Законодательной Рады и заявил, что у него отбирается его часть, при этом добавил, что, вероятно, ему дадут снова 5 человек, чтобы он снова шел куда-то и набирал новый отряд. Вот каково было положение в то время, и Законодательная Рада находила, что производство Шкуро должно быть исполнено даже чисто по политическим соображениям. Но нам было заявлено, что Шкуро в генералы произведенным быть не может.

Я хочу подчеркнуть, что если Шкуро не был произведен, то не по вине Законодательной Рады. Чтобы выйти из создавшегося положения, Законодательная Рада решила перенести вопрос на рассмотрение краевой Рады, каковая, как высшее учреждение, имеет право делать все то, что она найдет необходимым.

Здесь говорили, что полковник Шкуро подлежит обвинению. Я буду краток и скажу, что русский человек крестится тогда, когда гром гремит. Мы крестимся, когда имя полковника Шкуро гремит, а раньше заявляли, что он должен остаться ненагражденным. *(Кто-то с места: «Этого никто не заявлял».)* Если вы находите, что он ни в чем не виноват, так скажите, что он достоин награды.

Кавказский отдел внес предложение, чтобы просить войскового атамана — а не предложить ему, так как «предлагать» — это равносильно понятию «требовать», — просить произвести полковника Шкуро в чин генерал-майора. Баталпашинцы заявляют, что если мы этого не сделаем, то убьем всю любовь казаков к нему. Все призван-

ные сейчас казаки стремятся к полковнику Шкуро и любят его, и вот эту любовь мы должны зафиксировать здесь. *(Аплодисменты.)*

Член Рады Перебийнис. — Господа члены Рады! Действительно, полковник Шкуро заслужил производство. Все мы знаем его подвиги, но в настоящий момент есть причины, по которым он не производится. Уже много раз ходатайствовали о том, чтобы его произвести, и это было бы уже исполнено.

Председатель. — Я бы снял с обсуждения в настоящий момент вопрос, поднятый членом Рады Перебийнис. Здесь отсутствует атаман, между тем, он — единственный, кто мог бы дать исчерпывающие объяснения по этому вопросу. Вообще, это один из вопросов больных, о котором идет много разговоров. Я просил бы в дальнейшем ораторов не касаться подобных инцидентов. Если вы пожелаете как-нибудь разобраться в этом вопросе, то это можно будет сделать, но не в настоящем заседании. *(Сильный шум.)* Я все-таки прошу вас соблюдать спокойствие. Я считаю, что мы можем решить вопрос о производстве без отношения к политике. Если мы займемся рассмотрением вопроса, затронутого членом Рады Перебийнис, то должны будем затратить на это дня два, и потому я предлагаю этого вопроса не касаться и пока что считать его исчерпанным; если же явится надобность — этот вопрос будет поставлен особо. *(Голоса: «Есть надобность».)* Слово предоставляется члену Рады Омельченко.

Член Рады Омельченко. — Я легко так относиться к этому не могу и заявляю, что нам нужно выслушать от войскового атамана все обстоятельства этого дела, для того чтобы положить конец всяким кривотолкам. От Перебийниса я услышал только намеки, но я не знаю всех обстоятельств и не могу спокойно работать как член краевой Рады. Я считаю, что войсковой атаман должен нам объяснить историю и все мотивы этого печального случая. *(Шум.)*

Председатель. — Призываю вас к спокойствию. Будьте мудрыми. Член Рады Омельченко говорит так, как будто войсковой атаман не хотел доложить вам об этом. Я должен сказать, что о некоторых фактах мне было известно. Г. войсковой атаман хотел выступить с разъяснением по этому поводу, но я лично и председатель правительства посоветовали ему не поднимать этого вопроса в Раде. Я дорожу спокойствием Рады. Необходимо здесь создать атмосферу нормальной работы и тем выполнить возложенное на нас населением поручение. Мною и председателем правительства по мере сил и возможности делалось все, чтобы работа в Раде протекала спокойно, но в то же время я считал своим долгом следить за тем, что делается за стенами краевой Рады.

Господа члены Рады! Вопрос, поднятый членом Рады Перебийнис, имеет свою ценность и должен быть рассмотрен, но я не понимаю, почему такая поспешность, почему вы сами хотите это сделать? Если вас это интересует, тогда я могу сделать перерыв *(Шум.)* для того, чтобы пригласить атамана и услышать от него разъяснения. Но я предлагаю на сегодня этого вопроса не касаться, а приниматься за обсуждение вопросов, стоящих на повестке. Слово предоставляется члену Рады Коробьину.

Член Рады Коробьин. — Господа члены Рады! Тот вопрос, который здесь поднял член Рады Перебийнис, до некоторой степени известен всем — в меньшей степени одним, в большей степени другим. Этот вопрос совершенно исчерпан. Я считаю, что наш председатель и председатель правительства были правы, что не внесли его на

обсуждение Рады. Я не вижу никаких оснований, чтобы возвращаться к этому вопросу и приглашать войскового атамана дать сведения по этому печальному инциденту, который уже ликвидирован, и ставить его в какую-нибудь связь с награждением полковника Шкуро. Одно дело —боевые действия, за которые можно давать награды, и другое дело — политика. Известные политические деятели и те делают ошибки, а тем более такой молодой и неопытный политик, как полковник Шкуро. Итак, мое предложение сводится к тому, чтобы считать этот вопрос ликвидированным и более к нему не возвращаться.

Председатель. — Я так поставлю вопрос: прекратить ли сейчас обсуждение вопроса, поднятого Баталпашинским отделом, или продолжать работу, а к концу заседания пригласить войскового атамана сделать нам доклад. Я ставлю этот вопрос не так, как ставил его член Рады Коробьин, — совсем ликвидировать, а так, чтобы этот вопрос до поры до времени не поднимать, признать его несвоевременным и снять с очереди. Кто за то, чтобы этот вопрос был на некоторое время снят с очереди? Большинством голосов вопрос снимается. Слово предоставляется члену Рады Коробьину.

Член Рады Коробьин. — Господа члены Рады! Здесь член Рады Шереметьев говорил нам о подвигах полковника Шкуро. Эти подвиги настолько велики и блестящи, что известны всем нам, но это еще не дает основания, чтобы мы производили полковника Шкуро. Мы пишем законы для того, чтобы они исполнялись, а нам Баталпашинский отдел предлагает не исполнять законов, нами же начертанных. Пословица говорит: «Все законы писать, понеже их не исполнять». Ведь мы ясно сказали, что Чрезвычайная Рада не может быть превращена в наградное отделение военного штаба, а что же будет, если вы законов, вами начертанных, сами не будете исполнять? *(Аплодисменты.)* Ведь мы сами сказали, что единственным человеком, которого мы будем производить в чины, будет войсковой атаман. Я не понимаю, почему этот вопрос здесь вновь возбуждается. Если вы произведете полковника Шкуро в генерал-майоры по просьбе Баталпашинского отдела, то Майкопский отдел поднимет вопрос о производстве генерал-майора Геймана в генерал-лейтенанты. Я призываю, чтобы Рада исполнила тот закон, который сама начертала, т. е. передала бы вопрос о производстве полковника Шкуро на рассмотрение войскового атамана. С другой стороны, я смотрю на вопрос о награждении полковника Шкуро так: полковник Шкуро, как выдающаяся личность, вполне достоин награды и Рада, принимая во внимание его самоотверженные подвиги в борьбе с большевизмом и ввиду того, что задерживается вопрос о его производстве, может вынести такое постановление — предложить войсковому атаману скорее произвести полковника Шкуро в следующий чин.

Председатель. — Если вы скажете: «Предлагаем», тем самым вы как бы приказываете. Я предлагаю вынести пожелание, тогда вы не связываете войскового атамана. Он может сам расценивать деятельность половника Шкуро и оставить за собой свободу действий, за которую вам не нужно будет отчитываться.

Член Рады Ткаченко. — Господа члены Рады! Я вчера выступал от имени Екатеринодарского отдела с предложением снять 5-й пункт проекта постановления о награждении деятелей борьбы с большевизмом, когда Екатеринодарский отдел высказывался за это предложение, он ничуть не хотел умалить заслуг полковника Шкуро;

они Екатеринодарскому отделу так же хорошо известны, как и другим. Екатеринодарский отдел стоял лишь на той точке зрения, что мы не можем нарушать той конституции, которую мы создали, и мы не имеем никаких оснований и никакого права не верить избранному нами войсковому атаману, которому мы доверили всю область, что производство в чины будет происходить правильно. На этой точке зрения стоял Екатеринодарский отдел, я только делаю пояснения.

Председатель. — Прения исчерпаны. Таким образом, имеется несколько предложений. Мое предложение — снять этот вопрос совсем, так как, по конституции, право производства в чины принадлежит войсковому атаману. Голосую это предложение. Большинством голосов предложение принято. Еще одно предложение: «Рада выражает пожелание, чтобы полковник Шкуро был произведен в генерал-майоры». *(Баллотировка.)* Большинством голосов принято. Есть еще два предложения о награждении Шкуро крестом и грамотой. Лично я полагаю, что за подвиги чисто военные можно награждать чинами, орденами, но не грамотами. *(«Правильно».)* Голосую: есть предложение, чтобы полковник Шкуро был награжден крестом 1-й степени за боевые отличия. Принято. Есть предложение, чтобы вывесить портрет полковника Шкуро. Отклонено.

(Председательское место занимает Султан Шахим-Гирей.)

Председательствующий. — Слово предоставляется председателю Рады Рябоволу.

Н. С. Рябовол. — Если вы стали на точку зрения, что Рада может выразить пожелание о производстве вообще в чины за заслуги того или иного лица, то я по долгу службы, как председатель Законодательной Рады, не могу умолчать о работе и подвигах нашего военного министра полковника Савицкого. Дело в том, что он не может быть произведен как военный министр, потому что получилось бы, что войсковой атаман произвел его в генералы как своего человека. Я должен сказать, что полковник Савицкий с начала своей деятельности и до сих пор всегда стоял на точке зрения вашей, господа; полковник Савицкий всегда и везде мужественно защищал и продолжает защищать вашу точку зрения, а в настоящее время для военного человека это большое мужество; все это нужно иметь в виду и стремиться отличить таких людей. Одно дело — сделать хорошее постановление, а другое дело — провести это в жизнь. На долю министра выпала чрезвычайно тяжелая, ответственная и неблагодарная задача. Мы тут только в согласительной комиссии спорим и с этой кафедры, а полковнику Савицкому приходится ежедневно регулировать отношения, о которых вы знаете, и я считаю, что полковник Савицкий, несомненно, заслуживает награждения.

(Председательское место занимает Н. С. Рябовол.)

Председатель. — Кто согласен, чтобы полковник Савицкий был произведен в генерал-майоры? Принято. *(Голоса: «Геймана».)*

Рада выражает желание, чтобы был произведен в следующий чин генерал-майор Гейман. Прошу согласных поднять руки. Принято. *(Аплодисменты, шум, смех.)* Сейчас мы в хорошем настроении духа, но это не значит, что из этого нужно делать профанацию. Я слышу смех, и это унижает достоинство того учреждения, в котором мы заседаем; мне это лично неприятно. *(Голоса: «Произвести всех в полковники».)*

Я полагаю, что вы наградили достойных, иначе быть не может, поэтому я думаю, что таким заявлениям не должно быть места в Раде. Объявляю перерыв. После перерыва будет сделан чрезвычайно важный доклад донской делегации.

После перерыва.

Председатель. — Заседание возобновляется. Господа члены Рады! Прежде чем приступить к заслушанию доклада донской делегации, разрешите сделать еще одно предложение. Я думаю, что это предложение, безусловно, удовлетворит всех и возражений не будет. Дело в том, что в нашей среде присутствует председатель первой Кубанской Рады, уважаемый историк и председатель Верховного суда Федор Андреевич Щербина. Федор Андреевич много потрудился на пользу Кубани и уже в преклонном возрасте, 70 лет, принимал участие в том походе, о котором так много говорилось. Он его перенес героически. Я считаю, что мы не можем оставить его заслуги неотмеченными, и посему предлагаю от имени Рады выдать Федору Андреевичу грамоту, которую он, несомненно, заслужил и помимо похода. *(Аплодисменты.)* Прошу согласных поднять руки. Принято. *(Голоса: «Стипендию имени Щербины».)* Кто за то, чтобы была учреждена стипендия Федора Андреевича Щербины? Принято. *(«В школах портреты».)* Кто за то, чтобы в школах и музеях были вывешены портреты Федора Андреевича Щербины? Принято. Таким образом, будет учреждена стипендия, выдана грамота, и портреты Федора Андреевича будут вывешены во всех учебных заведениях и музеях.

Ф. А. Щербина. — Господа члены Рады! Я глубоко тронут тем вниманием, которое вы мне оказали. Когда я был произведен в первый чин урядника, то был очень обрадован и горжусь этим чином. Я вам правду расскажу. Когда я был в отряде, я положил на самое дно чемодана револьвер, чтобы он не выстрелил, и отдал ружье, потому что не в состоянии убить человека. Но если бы командующий войсками приказал мне идти впереди войска без ружья, то я, не хвастаясь, скажу, что я не побоялся бы и пошел, потому что эти дорогие войска я знаю шестьдесят девять лет и люблю их. Я горжусь и благодарю за то, что вы меня произвели в чин урядника и награждаете сегодня. Я чувствую в душе и глубоко убежден, что казачество поведет Россию по пути к светлому будущему, и мы, казаки, удивим мир. *(Аплодисменты.)*

Председатель. — Слово предоставляется для внеочередного сообщения члену донской делегации П. Л. Макаренко.

Член Рады П. Л. Макаренко. — Господа высокие представители населения Кубани! По поручению донской делегации и Кубанского правительства я имею честь доложить вам то, что мы видели, слышали и чего достигли в своих переговорах с Доном. Тяжелое время мы переживаем, грозовые тучи вновь сгустились над казачеством. Я снова обращаю свой мысленный взор к прошлому году; снова мысль моя переносится к тому, что делалось казаками на фронте после переворота; снова мысль моя переносится к тому, что делалось казаками внутри своих областей на протяжении всей России, в 12 казачьих войсках. Всем известно — это избитая истина, — что не казаки разрушили фронт, что не казаки объяснялись и братались с нашим врагом на фронте, что не казаки предали Россию. Всем известно, что казаки до последних дней стойко стояли за честь и достоинство нашей великой — и с прошлого года свободной —

России, стойко стояли за честь и достоинство своих войск. Всем также известно, что все круги войсковые и рады всех казачьих войск высказывались за демократическое управление, за порядок и за законность. Всем известно, что казачьими штыками и, к сожалению, иногда казачьими плетками наводился порядок и в тылу, и в армии. Всем известно, что на общеказачьем съезде, бывшем в прошлом году в Петрограде, было сказано устами казаков: «Война до победного конца; в России — порядок и демократическая республика». Мы — казачество — до последнего дня боролись с анархией. Вспомним прошлый, семнадцатый, год, тяжелую осень, когда Россия в предсмертной агонии умирала, когда, благодаря бездарности, благодаря предательству властей предержащих в Петрограде, в центре нашего государства, и в Москве воссели разбойники, воссели большевики. Что сделали казаки в то время? В октябре прошлого года они, не сговариваясь между собой, часто разрозненные громадным пространством, заявили: «Мы не признаем власти большевистской»; не признали они и Брест-Литовского договора и всех последствий, из него вытекавших.

Если взглянем на Россию в феврале, в марте, апреле настоящего года, то скажем, что отдельными оазисами на всем громадном пространстве государства Российского были только казачьи войска, которые боролись с игом большевистским; мы увидим, что во многих случаях казачество со своими правительствами, как кубанское, оренбургское, с Дутовым во главе, сибирское, не преклонило головы перед насильниками и грабителями. На всем необъятном пространстве государства Российского теперь оазисами, местами, где можно найти спокойствие, где можно прилагать свой труд на полях, на фабриках, заводах и различных учреждениях, — такими местами являются только казачьи войска: Донское, Кубанское, отчасти Терское, Оренбургское, Уральское и Сибирское. Это, господа, не простая случайность: центр разрушил те подпорки, на которых держалась крыша всего государства; крыша рухнула, и под обломками ее мы, казаки, на протяжении долгих месяцев принуждены были барахтаться, вставать и сражаться. Вы посмотрите на те места, где есть иноземные штыки — там свободная Россия, и на те места, где есть казачьи войска — там Россия тоже свободна. Казачьи войска силой своего оружия, ценой потоков своей крови освободили себя и освобождают нашу великую и в будущем свободную Россию.

Но грозовые тучи вновь сгустились над нами. Те, которые управляли в Петрограде, те, которым мы подчинялись беспрекословно, верно служили, — разлетелись в революцию, разлетелось распуганное воронье из Петрограда и Москвы. И эти черные вороны направились туда, где льется чистая честная кровь казачья. *(Аплодисменты.)* За казачьими спинами, за казачьими штыками и немногими десятками, сотнями, тысячами лучших сыновей России — добровольцами, действительно любящими Россию не только на словах, но и на деле, спустились они и снова вьют свою монархическую паутину, и клевещут, и провоцируют. Мы в этом можем убедиться и здесь, в Екатеринодаре, почитавши некоторые из местных газет, которые вас, лучших из лучших, братьев и отцов тех, которые бьются на фронте, тех, которые сами недавно в походе вынесли все трудности его, которые принуждены были, любя казачество, уходить в горы и там скрываться на кавказских хребтах, искать себе там приюта, — они вас недавно нагло и предательски, как истинные и испытанные в провокации гады, назвали

вас мертвым домом. Это было на прошлой неделе, точно не могу сказать, когда именно эта статья появилась в газете. Теперь я говорю, разве это не есть провокация: вас, лучших избранников народа, называют мертвечиной и говорят: «Гробовым дыханием дует из заседаний краевой Рады». Обратите внимание на другую газету.

Председатель. — Уважаемый Петр Леонтьевич, я бы все-таки просил говорить ближе к теме.

П. Л. Макаренко. — Я, господа, принужден остановиться немного на тех обстоятельствах, которые вынуждают нас вести те или другие переговоры. Вы обратите внимание, что пишет одна из газет, издающаяся в Новочеркасске *(Читает.)*: «Но какие специфические кубанский социализм и народоправство! Иногородних на Кубани больше, чем казаков, но в Раде их нет. Их выселяют, а детей их не пускают в школы. Интересно бы спросить иногородних, что лучше: самодержавие или кубанское народоправство?» — Не есть ли это прошлогодняя и всегдашняя провокация против казаков? Эта газета помечена всего лишь 28 ноября настоящего года. Дальше, через несколько строк, говорится: «Единственное средство против такого демократического помешательства — это хорошая плетка». Вот, господа, что проповедует новочеркасская газета «Вечернее время». А о том, что проповедует здесь известная всем газета, об этом говорить нечего, но бороться с этим нужно. *(«Правильно».)* «Нынешняя краевая Рада, к сожалению, — пишет газета, — посылает на Дон господина Макаренко для информации и координации действий. На Дону правительство антисоциалистическое, каким же образом г. Макаренко думает координировать действия, «хведерацию» создавать — удивительно». Издеваются над казаками, живя в буквальном смысле на их животах. И не то беда, что лягушки старого режима квакают, а то беда, что они, имея в своем распоряжении миллионы (одна из местных газет, когда ехала сюда, имела миллион шестьдесят тысяч рублей на издательство), они имеют полную возможность население информировать и поучать так, чтобы потом лучше достигать своих целей. Вы обратите внимание: вокруг всеми глубокоуважаемого, глубоко чтимого главнокомандующего Добровольческой армией нет ли людей тех, которые еще недавно помогали Сухомлинову, нет ли там людей, которые, может быть, стремятся к тому, чтобы во что бы ни стало поссорить истинно демократически настроенное казачество с верховными руководителями Добровольческой армии? Мы, господа, ко всему должны присматриваться, мы это должны знать и учитывать. Чтобы не попасть впросак, мы должны организовать силы, мы должны находить себе единомышленников, таких людей, которые поддержат нас в трудную минуту.

В такую трудную ответственную минуту, когда вокруг Рады стали расти сплетни, которые распространяют любительницы их, екатеринодарские жительницы, которые распространяются часто через газеты, когда вокруг Рады действительно собирались иногда грозовые тучи благодаря некоторым лицам, стремящимся использовать положение, — в этот момент мы были принуждены ехать на Дон. Мы знали, что члены делегации кубанской попадают в чрезвычайно тяжелое положение. В этот тяжелый и ответственный момент там, за спинами провокационных газетных статей и их писак, мы должны были найти руку брата, крепко эту руку пожать и уговориться: а как же теперь мы, кубанцы и донцы, жить будем, чтобы приобретенное нами свободное и де-

мократическое устройство сохранить и проводить на протяжении тех мест, куда наши войска пойдут вперед, освобождая от большевизма и другие области и создавая великую свободную федеративную Россию.

Почти в самый момент отъезда нам была поручена и другая миссия: мы должны были представлять наше войско, коренное иногороднее население и доблестных рыцарей гор, должны были представлять в тот момент, когда Дон встречает лучших представителей наших доблестных и мощных союзников, которые ныне побороли германское иго. Мы принуждены были вести переговоры, с одной стороны, с донским атаманом и с членами Большого войскового круга и его представителями, и в то же время участвовать во всех тех торжествах, которые там были.

Я должен сказать несколько слов об этих торжествах. 25 ноября прибыли представители союзников в город Новочеркасск. Их встретили торжественно, их встретили чрезвычайно тепло. По прибытии в Новочеркасск между шпалерами, с одной стороны, доблестных донских войск, и с другой — учащихся всех учебных заведений города Новочеркасска дорогие гости направились в собор. После молебствия мы вместе с ними смотрели парад. Перед нами проходили блестящие колонны прекрасно одетых, прекрасно обученных, бодро настроенных донских полков. И чувству восторга, чувству радости при виде таких доблестных войск, при виде такой организованной казачьей силы не было предела. В буквальном смысле, на глазах у многих были слезы. Я должен сказать, что об этом параде сделал свой отзыв уважаемый многими и всеми нами, в скором времени — генерал-майор, полковник Шкуро. Я пользуюсь тем, что вы недавно, несколько минут назад, оценили по достоинству его заслуги перед Кубанским краем, я позволю себе по этому случаю сослаться на его слова, чтобы вы могли более объективно судить о том, что мы видели на параде перед златоглавыми церквами города Новочеркасска. Здесь есть выдержка из газеты, из речи полковника Шкуро, произнесенной им на торжественном обеде, устроенном Большим войсковым кругом в честь представителей дорогих наших союзников. Из нее видно, что полковник Шкуро приехал на Дон не с тем убеждением о Донской армии, которое высказал здесь. И если он за одни сутки успел переменить свои убеждения в отношении Донской армии, то это только свидетельствует о том, насколько велика заслуга донского атамана и войска Донского перед всей Россией и перед кубанскими казаками в частности.

Я должен несколько слов сказать о том, из-за чего приехали союзники на Дон. Но, прежде чем перейти к этому, я должен по совести и чести довести до вашего сведения, что нам говорил официально адмирал К, отчасти благодаря стараниям которого прибыла делегация союзников на Дон. Он сказал, что союзники так осведомлены какими-то группами о казачьих войсках, что не намерены были даже с ними разговаривать. Все разговоры на юге России должны были вестись только не с казачьими войсками, а с другими группами и другими лицами. На первых порах в городе Севастополе начальника донского штаба адмирал французской миссии не хотел принять и заявил: «Позвольте, вы самостоятельными себя объявляете, мы с вами не можем разговаривать, это вопрос международный». И пришлось телеграфировать командующему эскадрой, а потом телеграммой запросить Версаль. И только тогда, когда оттуда было получено распоряжение, только тогда миссия союзническая

могла прибыть на Дон. Господа, нам нужно учитывать это. Кто-то и целые круги хотят поставить дело так, чтобы казачьи войска не могли непосредственно говорить с союзниками, чтобы от имени России говорил кто-то другой. И это — одна из тех туч, которые в это тяжелое время собирались над нашей головой. Эти тучи рассеялись. Союзники прибыли на Дон, осмотрели все то, что им показывало донское правительство, отбыли на Донской фронт, чтобы воочию увидеть, что делает доблестное Всевеликое войско Донское в великом деле освобождения края и России от большевиков.

На обеде у войскового атамана генерала от кавалерии Краснова последний произнес длинную речь, в которой с достоинством говорил о себе, о своей деятельности и с заслуженным уважением — о своем войске. Союзники очень тепло отнеслись ко всем произнесенным речам при торжествах в Новочеркасске. Здесь я прочту выдержку из речи лорда Бронда, представителя Англии, так как эта выдержка характеризует цель прибытия союзников на Дон. Он говорит: «Я хочу ознакомить ваше высокопревосходительство с главной целью нашего посещения. Несколько подобных миссий посланы в разные местности России с единственной целью — ближе ознакомиться и с вашей помощью узнать военное, политическое, экономическое положение вещей. Исключительно с целью информации посылаются представители союзных держав. Сведения, которые вы так добры нам дать, будут в мельчайших деталях переданы нашим главнокомандующим. От точности наших донесений будет зависеть и общая сводка, которая впоследствии будет иметь огромное значение. Одним словом, задача нашей миссии — лишь получить сведения и донести их по назначению, не вдаваясь в критику или в рассуждение. Представители Франции заявляют устами господина Кошен — они говорят: «Это две победных сестры — благородная блестящая Донская казачья армия и бесстрашная Добровольческая армия, которые проливали и продолжают лить кровь за спасение общей родины, и одержали уже столько блестящих побед, и станут непобедимыми, когда, тесно образовавши гранитный блок, они дружно кинутся на врага».

Вы видите, как по достоинству оценена Донская армия, как по достоинству оценена Добровольческая армия. Мы, представители ваши, сидели там во время этих речей, и наши сердца сжимались тоской. Мы грустили: почему рядом с донцами, рядом с добровольцами не упоминаются доблестные кубанские казачьи войска? Почему в этот момент, когда имеются представители Кубанского казачьего войска и даже представители кубанских частей фронта в лице полковника Шкуро, — почему о кубанцах не говорят ничего? А между прочим, кубанцы заслуживают тех похвал, которые заслужило войско Донское.

26 ноября, как и во всей России, освободившейся от большевиков, был Георгиевский праздник. Я не могу обойти молчанием, как докладчик, того, что мы видели на параде, устроенном в этот день. Это был еще более блестящий парад. Перед нами проходили кавалеры Святого Георгия, вызванные со всех главных донских фронтов. Это действительно было блестящее казачество. И в буквальном смысле многие плакали оттого, что видят донскую мощь и видят донскую силу, а в этой силе и мощи, как в капле воды, отражаются лучи нашей былой мощи, былой силы нашей армии. В этой Донской

геройской армии собрано все то, что говорит, что Россия, свободная и великая Россия, возродится и будет иметь великую армию и что в возрождении России выдающуюся роль играют казачьи войска.

27 ноября мы вместе с представителями наших союзников посетили офицерскую школу, военное училище, кадетский корпус, Донской и Смольный институты и т. д. В офицерской школе и в военном училище мы смотрели езду юнкеров и офицеров, мы на местах смотрели в мастерских работы учеников офицерской школы; осматривали все мелочи постановки преподавания во всех этих военных училищах. И мы восторгались и удивлялись, и не только мы, штатские, которые мало понимают в военном деле, но восторгались и военные представители наших союзников. Восторгался генерал Гейман, восторгались представители вообще военных обществ. То, что мы видели, заслуживает необыкновенной похвалы и удивления: как это так случилось — на протяжении нескольких месяцев на развалинах большевистской эпохи, после мусора и гнили, которыми заполнялись корпуса, ныне так удобно и хорошо размещены ученики этих училищ? Все то, что мы там видели, заставляло удивляться и поражаться: как можно было в такой короткий срок сделать все то, что мы там видели? Все то, что мы там видели, ясно говорит нам, что Донская армия, или, как ее величают люди с черной душой, «самостийная» армия, войско Донское сумело создать то, что может создать всякое войско, когда ему не мешают другие. *(Аплодисменты.)*

Со своей стороны, мы, заранее приготовившись, заранее обдумав каждое свое слово, произнесли речи на этих торжествах. Речи эти будут напечатаны в местной газете, и вы их прочтете. Наши речи были поданы союзникам в письменном виде — представителям Англии на английском языке и представителям Франции на французском. Мы считали, что это необходимо сделать, так как они говорили, что всякий документ, всякое слово, которое будет сказано, будет полностью и точно передано Верховному совету в Версале, и только после этого окончательно выяснится, какая, в каком размере и в каком виде нужна их помощь. Мы принуждены были, как представители Кубанского краевого правительства и Рады, в своих речах подчеркнуть те постановления, которые вынесла краевая Рада. Мы должны были отметить те идеи, к которым стремится кубанское казачество, и это мы сделали, как могли и как умели. Когда вы познакомитесь с текстом наших речей, вашему усмотрению предоставляется судить, насколько удачно исполнена возложенная на нас задача.

Я должен сказать об общем впечатлении, полученном нами от организации войск и училищ. В тех речах, которые произносились, говорилось о том, что на Дону создана великая и могучая армия, которая, как вы сами знаете, на ваших глазах разбивает многочисленные, прекрасно вооруженные и снабженные большевистские полчища, и разбивает их так, как хочет. Конечно, на 800-верстном фронте, который охраняется донскими казаками и только ими, бывают незначительные прорывы, но эти прорывы временны и не глубоки. Донцы снова сосредоточивают силы, и снова борются, и снова разбивают несметные полчища большевиков, присланные предательскими руками Ленина и Троцкого. Донская казачья кровь льется, и льется из-за известных идеалов. И вот об этих идеалах мы говорили с войсковым атаманом и говорили с представителями Донского войскового круга. Мы уполномочены были выяснить взгляды донского

правительства во главе с доблестным войсковым атаманом, должны были выяснить взгляды общественных кругов Дона на те вопросы, которые нас волнуют.

Вы знаете, какие, к глубокому сожалению, трения происходят между кубанским казачеством и руководителями Добровольческой армии в тот момент, когда, казалось бы, этих трений быть не могло. Вы знаете, как каждый из нас, как и все мы вместе, волнуемся в заседаниях в тот момент, когда происходят трения и когда их не должно быть. Как часто мы задавали вопрос: а может быть, мы не правы, а может быть, мы, кубанские казаки, ставим на своем победном знамени призывы, которые вряд ли выявляют нашу общую идею, которые преследуют интересы демократии только нашего края, нашего казачества, но не интересы демократии всей России. Вы знаете, как терзается наша душа, когда мы обдумываем это; и в группах и в отделах мы волновались одним и тем же вопросом: как бы нам с доблестными руководителями Добровольческой армии сговориться, столковаться и найти общий язык, чтобы создать свободную великую Россию. Мы создадим непременно свободную, чтобы не страдали снова народы, живущие в России многие столетия. Мы думаем, как бы, разбивая банды большевиков, в то же время передать народу те жизненные блага, к которым он мог бы приложить свой труд, как бы передать землю безболезненно, чтобы наши земледельцы могли прикладывать свой труд к земле; чтобы как можно лучше построить свою жизнь для того, чтобы нами снова не могли управлять Сухомлиновы и другие, ему подобные; чтобы снова, когда мы будем работать в степи, снова за нашими спинами не велась предательская измена, чтобы за нашими спинами снова и снова не торжествовали те, которые никогда не прилагали своих рук, белых и чистых, к труду. Мы полагаем, как бы разбить большевиков таким образом, чтобы идеалы демократизма торжествовали. Нас упрекают, что мы за коллегиальную власть, чуть ли не за то, чтобы были митинги и совдепы; нам говорят — вы идете по скользкому пути, вы упадете. Мы слушаем внимательно и терзаемся душою за свои идеалы, политые кровью на фронте, и в то же время мы стремимся к тому, чтобы эти идеалы с наименьшей затратой крови и сил народа были достигнуты, чтобы, наконец, на Руси великой и свободной торжествовала истинная свобода, равенство и братство.

Мы принуждены были вести по поводу этого вопроса переговоры с донским атаманом и с представителями Донского войскового круга. Вы понимаете всю ответственность той работы, которую вы несете; вы понимаете необыкновенную тяжесть и ответственность той работы, когда она падает на плечи немногих и когда она пала на плечи представителей, посланных недавно на Дон. Я сообщу вам только о том, о чем можно говорить в открытом заседании Рады, о том, к чему пришли на Дону при переговорах с главою войска Донского. Мы обсуждали вопросы, которые нас здесь волнуют, которые нас здесь ссорят. Это — вопрос о диктатуре, о всероссийской государственной власти и о едином верховном командовании, о согласительной комиссии, которая у нас работает, о представительстве Дона и Кубани на мирной конференции и о переговорах с нашими союзниками; обсуждали вопрос о наших отношениях к Украине и другие вопросы. Еще раз оговариваюсь, что я вам, высокие представители Кубанского края, могу, по поручению делегации и правительства, доложить то, что может быть сообщено в открытом заседании. *(Голоса: «Закрыть двери».)* Я оговариваюсь — позднее

вы узнаете дальше, потому что вы многое знаете, и если я даже буду говорить намеками, вы прекрасно поймете. Но закрывать двери не следует, потому что это породит только кривотолки.

Возникает вопрос о диктатуре какого-нибудь одного лица. По этому вопросу мы имели переговоры с донским атаманом и председателем Донского войскового круга Харламовым и с членами особой комиссии законодательных предположений и узнали следующее окончательное их мнение, что они, войско Донское, диктатуры ни в коем случае признать не могут. *(Аплодисменты.)* Что в то время, когда Дон силою оружия донских полков, потоками крови донских казаков, бьющихся за освобождение края и Родины, в то время, когда на Дону великолепно и стройно работает сложный механизм государственного управления, в то время, когда Дон собственными силами ввел по всей своей обширной стране законность и порядок, что в то время, когда славные донские знамена, обвеянные многовековой славой, развеваются на рубежах донской земли и в соседних областях, освобожденных, несомненно, руками донских казаков, — в это время, к сожалению, Дон не может признать, что было бы полезно для дела донского и всероссийского признать чью-либо диктатуру.

Кроме того, нам указали, что если бы донской атаман и руководящие донские круги без ведома Большого Донского войскового круга и широких слоев населения, живущего в станицах, и казаков, находящихся на фронте, это сделали, то, к сожалению, можно с уверенностью предположить, что это признание могло бы только разделить могучую Донскую армию. В то время как на Дону мобилизован 20 год присяги, в то время как в армии находится и 93 год, как самый старший, в это время, конечно, войсковой атаман и руководящие круги не могут так свободно, по своему личному усмотрению, передать власть атамана, данную ему Донским великим кругом, кому-нибудь. Атаман сказал, между прочим, что он в станице К... и других беседовал с казаками по этому вопросу, знает их настроения и думает, что выражает мнение широких кругов донского казачества. Мы знаем, что некоторые лица из донцов, многие из лиц, приехавших к нам из других мест, стремятся во что бы то ни стало свергнуть атамана Краснова, приписывая ему все грехи за разговоры с немцами, когда он доставал там патроны, снаряды и пулеметы. Он, естественно, принужден был ссылаться на широкие круги донского казачества, предварительно справляясь об этом мнении.

Мы должны были вести разговоры не только с главою правительства, но и с членами войскового Донского круга, составляющими ныне комиссию законодательных предположений, потому что в этой комиссии находятся лучшие из лучших сынов Дона. Мы были бы, вероятно, односторонни, если бы доложили пред высоким собранием представителей Кубанского края мнение только войскового атамана. Мы желали справиться о мнении ответственных кругов Дона.

Вторым вопросом разбирался вопрос о создании государственной власти, которая была бы министерством, ведающим разными делами. Мы спросили, как донцы относятся к особому совещанию при главнокомандующем Добровольческой армии, которое, как известно нам, занимается разрешением некоторых государственных вопросов. Мы поставили перед руководителями донской политики и главою Донского войска, войсковым атаманом, вопрос о том, находят ли они своевременным и возмож-

ным стремиться к тому, чтобы это государственное совещание или какая-либо другая организация, находящаяся в Екатеринодаре или в другом месте, была бы признана Доном и нами всероссийской государственной властью, усвоившей себе все ее функции? Донской атаман и руководящие круги сказали, что в настоящее время, принимая во внимание, что только Дон и Кубань освобождены от большевиков, где работают успешно свои правительства *(Аплодисменты.)*, они, к сожалению, не могут в настоящее время стремиться к тому, чтобы какая бы то ни была организация была признана государственной властью. Войсковой атаман сказал, что он удивляется, чем оправдано будет воздействие этой общегосударственной власти на Дону и на Кубани, где свои собственные правительства работают столь успешно. Если бы те, кто думает установить над казачьими войсками в настоящее время общегосударственную власть, освободили бы территорию России большую, чем ныне представляют из себя освобожденные Дон и Кубань, тогда, естественно, возник бы вопрос об общегосударственной власти помимо власти, установленной Донским войсковым кругом на Дону и Кубанской краевой Радой на Кубани. Точно так же донской атаман относится к единому верховному командованию. Он говорит, что принципы единого командования мы, безусловно, признаем, что единое командование может с большим успехом привести к победе и что к единому командованию мы стремимся всей душой, но пойдем к нему только при условиях, что этому единому верховному командованию будут подчиняться все армии: и Добровольческая армия, и Донская, и Кубанская, и все те, которые могут быть образованы, на совершенно одинаковом основании; и что это командование только тогда может быть сильно, когда оно будет признано властью, установленной народом на Дону и на Кубани. *(Аплодисменты; голоса: «Правильно».)*

Кроме того, донской атаман заявил, что если бы Добровольческая армия перешла на север и боролась бы бок о бок с донскими казаками при движении на Москву, то тогда, естественно, возникнет вопрос о том, что необходимо установить немедленно единое верховное командование. А теперь, когда Добровольческая армия и кубанские войска идут в юго-восточном направлении, по территории, достаточно удаленной от главного направления донских сил, которые стоят лицом к северу, в настоящее время, к сожалению, нет оснований предполагать, что единое командование, будь оно признано, принесет какую-нибудь существенную пользу. Он сказал: «В чем выразится помощь единого командования или какие части я пошлю вам? И скажите по совести, что вы мне дадите, если бы я признал единое верховное командование?» Кроме того, он сказал: «Признать верховенство не казачества в настоящий момент, это значит руками донских и кубанских казаков освободить Москву, а при расчете казаки опять останутся ни при чем. *(Голоса: «Правильно»; аплодисменты.)* Завоюют донцы и кубанцы, а успех дела будет приписан другим». Я, господа, считаю долгом совести по поручению делегации и правительства доложить вам об этом, не для того, чтобы повышать и возбуждать ваше настроение, и ни в каком случае не для того, чтобы страсти снова и сильнее забурлили, а только для того, чтобы кубанские законодатели, которые гордятся тем, что они с мозолистыми руками могут законодательствовать, несмотря на то что тут же, под боком издающиеся газеты их называют «мертвым домом», могли учесть те мнения, которых придерживается донской атаман и представители Большого войскового круга.

Кроме того, нами были возбуждены вопросы о том, что необходимо было бы нам, донцам и кубанцам, для успешности дела ближайшим образом столковаться по основным вопросам понимания нашего настоящего момента и понимания будущего строя России и тех путей, по которым, по мнению демократии Дона и Кубани, наилучше, наискорее и с наименьшими жертвами мы могли бы достигнуть наших целей. Мы выдвинули перед донским атаманом вопрос о том, чтобы Дон и Кубань, совместно столковавшись, вели бы потом переговоры с теми, с которыми нам приходится теперь вести их в интересах наших общеказачьих и российских дел, т. е. при переговорах с Добровольческой армией и с представителями иностранных держав. Мы, перед донским атаманом поставив этот вопрос, услышали от него полное одобрение того, чтобы донцы и кубанцы съехались и столковались, чтобы они сделали это незамедлительно и чтобы потом, совместно определив и выяснив одинаковую точку зрения на все важнейшие вопросы, крепко взявшись рука с рукою, вели бы переговоры и с одними, и с другими. *(«Правильно».)* Мы, кубанцы, хотели бы, чтобы вся тяжесть и ответственность наших шагов при всяких переговорах разделялась бы и донцами и кубанцами. Мы заявили донскому атаману, что мы бы желали, находили бы безусловно полезным для дела объединить наши действия. Донской атаман всецело, повторяю, одобрил эту точку зрения без всяких оговорок; донской атаман заявил нам: «Я, как только окончатся торжества по приему союзных представителей, немедленно пошлю своих представителей к вам, на Кубань, для совместного обсуждения различных вопросов, для совместных переговоров с Добровольческой армией, для совместного выяснения наших отношений к союзникам, к России и проч.» Донской атаман обещал, что 28 ноября его представители будут здесь, но потом оказалось, что союзные державы разрешили своим представителям на Дону пробыть не три дня, как это было положено в начале их посылки, а пробыть больше семи дней, чтобы иметь возможность побывать и на заводах, и на фабриках, и на фронте Донском. И вот донской атаман сказал нам, что числа 30 ноября, а может быть, и 1 декабря его представители сюда явятся.

Кроме того, нами был возбужден вопрос о нашем отношении к союзникам. Здесь не может быть двух мнений: мы были самыми верными друзьями союзников, когда лили кровь в Мазурских озерах, за Вислой, и в Галиции, и в Карпатах, в Персии и Турции. Эти данные не как красивые слова и жесты мы должны теперь принимать во внимание, а как факты, с которыми должны считаться высокие представители союзных с нами держав. Они уже считаются с казаками, они уже в восторге от всего того, что они видели на Дону. Я думаю, что они будут также в восторге, когда осведомятся о нашем Кубанском войске и о наших намерениях. Мы, представители искони демократических общин, казачьих войск, ни на минуту не допускаем мысли, чтобы наши союзники, наши великие демократии мира — республиканская Франция, республиканская и федеративная Америка и сильная своим демократическим устройством Англия, где король только царствует, но не управляет, — мы не допускаем мысли, чтобы эти великие демократии посягнули или на наши демократические установления, или не помогли бы истинным искренним демократам Кубанского, Донского и других казачьих войск построить светлое, великолепное здание единой великой, но федеративной и свободной России. *(Аплодисменты.)*

Мы об этом нашем мнении довели до сведения союзников в наших речах. Мы имели с ними переговоры. Я скажу, мы, кубанские казаки, должны иметь с ними переговоры, чтобы те, которые думали нам навязать свои мысли через посредство своих газет, поездок, афиширование своих действий, чтобы они убрали руки прочь. Они в августе месяце распевали «Боже царя храни», но умолкли в октябре, потому что им было приказано; они последнее время, дабы побороть кубанских казаков, истинных демократов, собравшихся здесь, пускаются на провокацию; они создают мысль о том, что существует и теперь — когда мы все были с винтовками в руках, — существует тыловое кубанское казачество и фронтовое. Старая латинская пословица говорила: «Divide et impera» — «Разделяй и властвуй». И это мы теперь наблюдаем. И вот мы принуждены столковаться, сговориться. Мы, Дон и Кубань, принуждены вести переговоры с нашими союзниками, мы принуждены принять меры к тому, чтобы наши союзники хотя бы информировались правильно. Мы не за то, чтобы ссориться, чтобы забыть кровь, которая пролита доблестными добровольцами, нет, мы только за то, что говорится в Евангелии: «Воздайте кесарю кесарево, а Божье — Богу». Мы против того, чтобы забывали кубанцев на их обедах, устраиваемых ими, говорили о других, а о них вспоминали только в конце. Мы дрались и бились на фронте, бьемся и здесь не для того, чтобы за нас кто-то информировал союзников и они забывали о нас.

Естественно, был выдвинут вопрос о том, как устроиться, чтобы союзники были правильно информированы о положении дел на Кубани и чтобы в решительный момент переговоров на мирной конференции голос Кубани и Дона был достаточно ясно услышан. По этому поводу мы имели заявление донского атамана, одобренное членами Донского круга, входящими, повторяю, в состав особой комиссии законодательных предположений. Мы не высказывали нашего мнения, потому что оно неясно еще выражено вами и нашим правительством, но мы слышали их мнение и об этом сообщаем вам. Донской атаман сказал: «Я, донской атаман, ничего не имею против того, чтобы от России на мирную конференцию ехал кто-либо один, даже не казак, например, Сазонов, бывший министр иностранных дел. Но я, донской атаман, буду категорически стоять на том, чтобы советники донские и кубанские были там, и пока разговор идет о севере России, о том, например, где должна пройти граница между Польшей и Россией, наши советники могут сидеть и позади молча, а как разговор заходит о юге России, как только вопрос касается того, кому должны принадлежать Таганрог, Мариуполь, Новороссийск, наши советники должны подвинуться к столу и как равные заявить свое мнение». *(Аплодисменты.)* Мы переспросили атамана: «Неужели, по вашему мнению, представители Дона и Кубани должны иметь право накладывать свое вето и накладывать запрет на заявление главных представителей России по вопросам, касающимся Дона и Кубани?» Донской атаман нам сказал, что он иначе и не смотрит, что представители Дона и Кубани, представители войск, проливших столько крови за освобождение Кубани, Дона и России, должны иметь это право, и в этом смысле доводит свое мнение до сведения тех, кто ему недавно сообщил, что для переговоров с союзниками там назначена группа лиц во главе с одним бывшим министром. Донской атаман заявил: «Я категорически решил и решаю в том смысле, что представительство других групп должно быть количественно таким же, как и представительство Дона и

Кубани». Если другие группы, опирающиеся на свою армию, пошлют пять представителей, то Дон и Кубань также должны послать по пяти представителей. Мы об этом доводим до вашего сведения, потому что это категорическое мнение братьев, наших соседей, представителей Донского войска. Я могу так сказать, потому что оно одобрено и членами войскового круга.

Мы также имели там разговор относительно Украины. Мы решили принять такое мнение, которое гласит, что во внутренние дела Украины ни в коем случае мы не вмешиваемся. На этой точке зрения стоит и донской атаман, и до сих пор стояло кубанское правительство. Дон принял некоторые меры охраны своих западных границ. Он послал достаточное количество полков для того, чтобы занять пограничную полосу на 8–15 верст для охраны своей донской территории. Но с Украиной, с ее народом в особенности, ни в коем случае Дон воевать не намерен. *(Аплодисменты.)*

Осталось мне довести до вашего сведения то, что мы узнали в комиссии законодательных предположений, потому что это мнение имеет колоссальное значение. Комиссия законодательных предположений, возглавляемая председателем круга Харламовым, которого вы видели еще недавно говорящим с этой трибуны, была в курсе тех переговоров, которые мы вели с донским атаманом. Только позавчера мы были в заседании этой комиссии с 10 часов утра и до трех часов дня. В нашем присутствии комиссия дебатировала те вопросы, которые волнуют нас всех. Попали мы на это заседание по приглашению членов войскового круга, входящих в эту комиссию. Они неоднократно настаивали и просили нас встретиться с ними для непосредственных переговоров, чтобы мы знали мнение не только главы войска, а и представителей широких кругов казачества, и представителей законодателей Всевеликого войска Донского. Я должен довести до вашего сведения о постановлении, которое в этой комиссии имелось уже давно. Уже 12 октября у них было заседание. Я ознакомлю вас с выписью из проекта. Здесь говорится, что наряду с другими вопросами на рассмотрение Кубанской краевой Рады поставлен вопрос о форме государственного управления в возрожденной России. Будучи делегирован на заседание Кубанской краевой Рады от войскового круга, Агеев полагал, что необходимо выступить по этим вопросам в комиссии с изложением своего взгляда. При последовавшем по сему вопросу обмене мнений некоторыми членами комиссии было высказано мнение, что, несмотря на то что изложенные вопросы не были подвергнуты обсуждению на войсковом круге, есть, однако, основание полагать, что значительное большинство членов круга, равно как и широкие слои казачьего населения, стоят на точке зрения признания единой России, построенной на федеративных началах, каковую точку зрения и желательно высказать на Раде. В заседании при обсуждении вопроса о формах государственного управления возрожденной России постановили признать желательным выступить в заседании Кубанской краевой Рады при обсуждении вопроса о тех или других формах управления России с изложением точки зрения на указанный предмет. Широкие круги казачьего населения войска Донского, признающие Россию с государственным управлением в форме республики на федеративных началах, с изложением указанной точки зрения постановили поручить выступить на заседании Кубанской краевой Рады члену комиссии Агееву. Агеев в заседании комиссии объяснил нам, что он не мог выступить перед Радой с изложением

точки зрения донского казачества на будущий строй России только потому, что приехал с опозданием, когда вопрос о тезисах, которые вызвали такие недоразумения, уже на Раде был окончательно обсужден и пробаллотирован.

Также считаем долгом довести до вашего сведения, с ведома председателя Большого войскового круга Харламова, и другое постановление этой комиссии, подписанное председателем круга Всевеликого войска Донского. *(Читает.)*

«Выписка из журнала заседаний комиссии законодательных предположении войскового круга Всевеликого войска Донского. Заседание ноября 28 дня 1918 года. Комиссия постановила:

1) «впредь до закономерного образования общероссийской государственной власти, которую признают Дон и Кубань, единственными источниками верховной власти на Дону является войсковой круг Всевеликого войска Донского, а на Кубани — Кубанская краевая Рада». *(Аплодисменты; возгласы: «Браво».)* Здесь может вызвать недоумение вопрос о том, почему это вдруг донцы вздумали судить, кто же у нас хозяин края. Это просто потому, что в заседании там присутствовали представители Кубани. *(Читает.)*

2) «Верховное командование Донской и Кубанской армиями принадлежат войсковым атаманам. *(Аплодисменты.)*

3) «Признать целесообразным и подлежащим возможно скорейшему выполнению подчинение Донской, Кубанской, Добровольческой и других армий, которые образовались и впредь будут образовываться в пределах России для той же цели — борьбы с большевизмом, в оперативном отношении единому командованию».

4) «Подчиняющиеся единому командованию Донская и Кубанская армии остаются автономными». Всем военным понятно, что значит «остаются автономными». Это значит — право производства, назначения, укомплектования, снаряжения, пополнения будет принадлежать только войсковым атаманам. *(Аплодисменты.)*

5) «Определение контингента Донской и Кубанской армии для участия в борьбе с большевизмом, определение конечных целей и задач этой борьбы, выходящей за пределы Кубанской и Донской областей, а равно изъятие этих армий из подчинения единому командованию принадлежит войсковому кругу и краевой Раде». *(Аплодисменты.)*

6) «Подчинение единому командованию Донской и Кубанской армий может распространяться на донского и кубанского атаманов и краевые правительства Дона и Кубани». *(Голоса: «Правильно».)*

Я, господа, как официальный докладчик делегации имею право только доложить эти постановления и не имею права их комментировать, разъяснять и доказывать, потому что это не наши постановления, а постановления комиссии законодательных предположений Донского круга. Но я, как участвовавший в переговорах и, тем более, как глава делегации, должен в заключение своего доклада, в котором я стремился быть по возможности и по мере сил моих объективным, беспристрастным, я должен высказать, что донской атаман, донские казаки думают так же, как думаете вы, господа высокие представители кубанского населения. Они точно так же стремятся к тому, чтобы не только освободить свою землю от большевиков и большевизма, чтобы не только у себя на Дону установить законность и порядок, они стремятся и к тому, чтобы помочь

русскому народу сбросить с себя иго большевизма, поставленного немецкими руками. Они, так же, как и вы, слишком осторожно подходят к разрешению этой великой задачи, как борьба с большевизмом и большевиками на своих территориях и территориях соседних областей, они стремятся создать такие условия, чтобы в любой момент казачество донское и кубанское совместными усилиями могли сохранить те свободы и те основания народоправства, которые были отняты старым самодержавием, а теперь возрождены постановлениями Кубанской краевой Рады — прошлогодних созывов и созыва настоящего состава — на Кубани и войсковых кругов на Дону. Они стремятся к тому, чтобы наиболее безболезненно нам сговориться с теми, кто честно и с открытой душой подходит к нам, казакам, и стремятся и свои, и наши усилия объединить и направить к великой и единой цели, к созданию великой России. А с нашей точки зрения, она может быть великой только в одном случае, когда будет свободной, когда будет федеративной.

Я, ваш докладчик, не могу выразить, как бесконечно рады были ваши представители на Дону найти такие постановления, я думаю точно так же, как и все истинные представители казачества. Оказывается, донцы об армии, о государственной власти, о диктатуре, о походе на Москву, о верховном командовании — обо всем этом думают точно так же, как и вы, господа высокие представители. Пусть эти слова режут ухо ненавистникам демократии. Я должен доложить, что не только разговорами и постановлениями, которые вам доложены, закончили донцы переговоры с нами: комиссия законодательных предположений при нас обсуждала вопрос о необходимости в ближайшие дни созыва конференции, совещания из представителей Дона и Кубани для того, чтобы эти вопросы провести, сговорившись, через общие Дона и Кубани постановления и об этих постановлениях довести до сведения тех, с которыми мы имеем вести переговоры. Вы, господа высокие представители, поймете, что в наши дни, дни насаждения права, порядка и законности на Кубани, мы должны идти бок о бок, рука об руку, плечо в плечо с донцами. Так смотрят и донцы.

Я должен констатировать, должен засвидетельствовать после нашей поездки на Дон, что решение идти вместе по всем важным вопросам принято окончательно и бесповоротно, потому что при нас там состоялось постановление делегировать на Кубань 8 человек представителей донского казачества — 4 представителя от Донского войскового круга, фамилии их у меня имеются, но я не считаю возможным их публиковать, и 4 представителя от войскового атамана. Они приедут сюда на днях. И мы будем работать с горячим сердцем, когда мы говорим о нуждах, о крови казачьей, и с холодным рассудком, когда мы говорим о том, как лучше достигать свобод, порядка и законности у нас и в России, как лучше строить Россию. С холодным рассудком донцы и кубанцы будут все это обсуждать и выступать, как это ясно для всех, единым фронтом и при переговорах с нашими русскими организациями, стремящимися к той же цели, и с представителями иностранных держав. Я должен засвидетельствовать, что был глубоко счастлив вместе с членами делегации видеть то необыкновенное единодушие, с которым встретили донцы речи и заявления ваших представителей, то необыкновенно теплое и дружеское отношение, которым они нас награждали — не нас как личностей, а как представителей Кубани, Кубанского войска, коренного иногороднего населения и горцев.

Члены круга говорили: «Мы с трепетом душевным и с тревогой следим за работой Рады, мы знаем решительно обо всем том, что делается за кулисами, что делается там, вне стен, вне заседаний Рады, и ночью и днем». У них в комиссии законодательных предположений даже обсуждался вопрос об одном из наших кубанских казаков, по их мнению, готовившемся посягнуть на кубанское народное представительство. Два раза обсуждался этот вопрос. Нам говорили: «Мы следим за этой работой, потому что если вас поведут не туда, куда мы на протяжении сотен лет шли, то и донцов поведут тоже туда, куда мы не желаем. Мы желаем, чтобы казачья кровь лилась не только за собственную свободу, так как эта свобода добыта; а за свободу великой федеративной и демократической России». Я очень счастлив, господа члены Рады, доложить вам так, как мог, все то, что меня доложить уполномочили войсковой атаман, председатель правительства и делегация, и все то, что могло быть, с нашей точки зрения, объявлено в открытом заседании Рады. *(Аплодисменты.)*

Председательствующий. — Господа члены краевой Рады! Вы только что выслушали доклад главы делегации кубанской на Дон; из этого доклада с очевидностью явствует, что Донское войско относится к нам не только дружелюбно, но и по-братски. Донское войско разделяет те взгляды, которые мы проводим здесь. Предлагаю вам воскликнуть в честь Донского войска «Ура!». *(Шумные аплодисменты; возгласы: «Ура!».)* Предлагаю вам приветствовать присутствующих здесь представителя атамана, а также представителей Донского круга громовым «Ура!». *(Рада приветствует представителей Дона.)* Предлагаю вам выразить глубокую благодарность за обстоятельный доклад члену делегации и главе делегации Петру Леонтьевичу Макаренко. *(Шумные аплодисменты.)* Слово предоставляется представителю донского атамана генералу Ажинову.

Генерал Ажинов. — Господа высокие члены Чрезвычайной Рады! Я не буду отнимать у вас времени, я буду краток. Я с чувством глубокого удовлетворения, с чувством гордости выслушал отчет о том впечатлении, которое вынесла делегация, посланная вами на наш родной Дон. Я рад, что вынесенное ими вполне в то же время сходится с тем, о чем я имел честь вам докладывать как в первый день открытия Рады, так и потом, когда приходилось сообщать вам об оперативных действиях Донской армии. Как тогда я говорил, так и теперь повторяю, что Дон и Кубань неразрывно связаны всей своей многолетней историей; что Дон и Кубань прошли вместе весь тяжелый крестный путь борьбы с анархией и большевизмом; что Дон и Кубань имеют одну душу, одни мысли, одни желания. Помимо связи в прошлом Дон и Кубань отныне неразрывно связаны в единстве устройства своей жизни, устройства своих порядков и всего того, на что дает право вся их история, вся пролитая кровь, благородная кровь донцов и кубанцев. Это неотъемлемое наше право — свободное устроение своей жизни мы никому не уступим: ни донцы, ни кубанцы рабами никогда не были и не будут. И если вы перенесетесь в прошлое донцов и кубанцев, то увидите, что они когда-то, много лет назад, пользовались широкой свободой и, пользуясь этой свободой, в то же время принесли жертву и особую пользу для создания мощи Русского государства.

Казаки сделали много, казачьими костьми и казачьей кровью усеяны и омыты все пограничные полосы, ценой казачьей крови расширены далеко пределы Русского

государства. И теперь, в настоящее время, когда мутные волны большевизма поднимались все выше и выше, готовые захлестнуть собою необъятную Россию, как отдельные оазисы среди песчаной пустыни, как островки среди взбаламученного, взволновавшегося моря, как маяки, светили и Дон, и Кубань, и Терек, и Урал. И туда стремилось все то, что болело глубокой, мучительной болью за опозоренную дорогую нашу Родину, так как оказалось, что казаки представляют тот гражданский элемент, ту силу, которая поведет к возрождению России.

В то время когда мутные волны большевизма захлестнули всю Россию, в это время яркой звездой блеснуло имя Лавра Георгиевича Корнилова и немеркнущим светом покрыло русское офицерство. И создалась русская Добровольческая армия. Это — великий символ великой единой России. Эти слова не мои, эти слова были сказаны при открытии Большого войскового круга донским войсковым атаманом. И тогда, как и потом, неоднократно подтверждалось со стороны Дона искреннее, честное и открытое отношение как к Добровольческой армии, связанной с нами той целью, которую преследует она, так и с Кубанью, с которой мы связаны кровью лучших сынов ее. В этом мы, казаки, счастливее многих. Мы выполняли свой долг, свои обязанности раньше, мы выполним и теперь. Но устраивать свою жизнь мы можем только сами, и никто не может посягнуть на это право. *(Аплодисменты.)*

Председательствующий. — Слово предоставляется представителю Большого войскового круга.

Представитель Большого войскового круга Уланов. — Дорогие станичники-братья! Я счастлив и в жизни своей не забуду той минуты, когда я, представитель Большого войскового круга Всевеликого войска Донского, лицом к лицу встретился с вами. Я еще не имел чести встречаться с вами с трибуны, теперь я встретился. Я думаю, что дело свободы всего казачества стало на крепкие ноги, когда появились казачьи представители. Мы видим, что, когда вся Россия рушилась, когда она погибла, когда ужасные волны анархии, большевизма и всяческого помутнения охватили всю Россию, казачьи войска крепко стояли, казачий разум был ясен, и народные представители казаков весь 17 год, весь 18 год беспрерывно устраивали свое счастье, свою свободу, всегда болели, всегда любили, пеклись о том, как бы устроить и Дон, и нашу матерь, нашу родину, нашу родимую несчастную, истерзавшуюся Россию. Я думаю, теперь, когда вы, представители Кубанского края, вольной Кубани, когда наш войсковой круг заняли надлежащую позицию — дело казаков и России в надлежащих руках. Прошли времена, дорогие станичники, когда на устройство людского счастья, на устройство счастья человечества могли претендовать только известные группы, известные классы, — это время прошло. И пусть все те, которые теперь думают претендовать на свободу и счастье не народов, а отдельных лиц или групп, — пусть их голоса умолкнут на международном конгрессе, пусть они перестанут об этом думать, ибо теперь настает время, когда отдельные народы, устраивая свою жизнь отдельно, вместе с тем будут строить братское общение. Мы, казаки, должны всегда думать о том, чтобы потверже, прочнее создать наше народное представительство, чтобы исполнительная власть была не в одном лице, чтобы эта власть проводила в жизнь то, что думает и чего желает народное представительство. Я, живя здесь недели две-три, вижу, как

в унисон идет биение одного сердца с другим, идет деятельность и Рады, и вашего правительства. Из доклада станичника Макаренко я слышал, как идут дела у нас, на Дону. И они пойдут еще лучше, если у нас еще внимательнее, еще лучше будут прислушиваться к народному представительству, к нашему Большому войсковому кругу. По самым животрепещущим вопросам настоящего момента и у вас решения вынесены одинаково. Я твердо уверен в том, что в Версале или в Париже, на международном конгрессе, и наши и ваши голоса будут выслушаны с должным вниманием, с не меньшим вниманием, чем голоса южноафриканских колоний или всяких других. Я думаю, что, как голоса Бельгии, Сербии и других таких же государств будут выслушиваться с должным вниманием, — с не меньшим вниманием будут выслушиваемы голоса и в известной мере исполняемы желания вольного казачества России. Мы, казаки России всех казачьих войск, всегда были до известной степени бунтарями против рабства, против самодержавия, но мы всегда были за законность и порядок. И те, которые хотят обвинять казаков в том, что они подавляли народное движение, упускали одно — что дело счастья России куется и у нас на Дону. И пройдут дни, недели, и казаки пойдут в одном мощном порыве и мощным хором запоют чудную песнь о прекрасной жизни нашей единой демократической федеративной России. Да, братья-станичники, демократия теперь вступила на прочные ноги, теперь место на земле только представителям вольной демократии. Пусть это знают те, которые претендовали на устройство классовых или личных интересов, пусть знают те, которые ковали счастье отдельных классов. Я рад встретиться с вами в этом прекрасном, счастливом общении и еще раз приветствую вас от имени Большого войскового круга. Я думаю, что нашими общими усилиями дело России будет сделано, ибо только общением, братским общением и в братском содружестве может быть устанавливаемо настоящее человеческое дело. Я был в прошлом году представителем в Совете Республики и теперь, сравнивая наше народное представительство с тем, как там шли дела, я скажу: для меня выбора не было. Я удивлялся тому, как простые, неискусные в государственных, партийных и всяких других делах люди у нас законы упорядочили и другие дела хорошо делали, и как там люди, искусные во всех тонкостях государственной работы, ни на одном деле не могли сговориться и не могли решить. И тогда я сказал: «Придется казачеству сказать свое слово». Оно сказано: «В начале бе Слово, и Слово бе к Богу». Эти слова слышны, и пусть имеющие уши да слышат и имеющие глаза да видят. К нам и к вам — ко всем казачьим войскам — придется прислушиваться, с нами в ногу придется идти тем, кто претендует на устройство дел и счастья России. *(Аплодисменты.)*

(Председательское место занимает Н. С. Рябовол.)

(Заседание продолжается при открытых дверях.)

Председатель. — Предлагаю перейти к очередным делам. *(«Перерыв».)* Мы сегодня долго заниматься не будем. Выслушаем всего лишь заявление Таманского и Ейского отделов. Заявление это заключается в следующем. Среди вас присутствуют члены Законодательной Рады, лица, которые были допущены к участию в работах краевой Рады с правом совещательного голоса; теперь на ваше усмотрение Таманский и Ейский отделы ставят вопрос о предоставлении им права быть вновь избранными в Законодательную Раду. *(Член Рады Горбушин с места: «Выборы закончены, а вы*

хотите...») Я ничего не хочу, г. Горбушин, но я обязан всякие заявления доводить до сведения Рады. *(«Довольно», «Перерыв», «Без прений».)* Ставлю на голосование. Кто за то, чтобы предоставить означенное право членам Законодательной Рады, участвующим в работах краевой Рады с правом совещательного голоса? *(Голоса: «Конституция», шум.)* Поступило предложение такое: дать два голоса за, два против. Это будет правильнее.

Член Рады Омельченко. — Я не могу пройти мимо того факта, что некоторые члены бывшей Законодательной Рады — я в данном случае не говорю за себя — при полном доверии к ним от народа случайно оказались не избранными в краевую Раду, между тем участие их в работах как краевой, так и Законодательной Рады было бы весьма желательным. В настоящий момент мы имеем возможность восполнить этот пробел в своих рядах и, не нарушая конституции, предоставить этим лицам возможность нести тяжелую и священную обязанность на пользу края. У нас был прецедент, что мы, краевая Рада, дали права членов краевой Рады отдельным лицам, как это было сделано в отношении представителей от Добровольческой армии. И вот на основании этого краевая Рада и теперь может, не нарушая конституции, сказать, что бывшие члены Законодательной Рады пользуются всеми правами членов краевой Рады. Отсюда выходит, что они пользуются всеми правами членов краевой Рады и, следовательно, могут быть избраны в Законодательную Раду. *(Шум.)* Господа члены Рады! У нас слишком мало общественных работников, потому что мы только что начали жить, и мы сделаем ошибку, если этих общественных работников не допустим к участию в работе на пользу родной Кубани. Если хотите, я укажу персонально, и вы увидите, что такими работниками необходимо дорожить. Одним из таких важных общественных деятельных работников является член Рады П. Л. Макаренко. *(Шум.)* Я не допускаю мысли, чтобы вы на этом примере не увидели, к каким последствиям ведут промахи с этой стороны. Я являюсь членом Законодательной Рады, и мой отдел снова почтил меня этим избранием, и я говорю о тех лицах, которые могли не попасть в список избранных и которые могут принести большую пользу для родного нам края. Умоляю вас сделать это допущение в данном случае не для личных интересов, а для интересов Кубанского края.

Председательствующий. *(Во время речи Н. С. Рябовола председательское место занимает Султан Шахим-Гирей.)* — Слово предоставляется председателю краевой Рады Н. С. Рябоволу.

Н. С. Рябовол. — Я видел, как вы встречали предыдущего оратора, но все-таки буду защищать то, что защищал член Рады Омельченко. Отнеситесь спокойно и внимательно к этому вопросу, и тогда вы увидите, что при настоящем тяжело переживаемом времени очень и очень трудно работать без искренних, честных и неподкупных людей. И вот теперь, придираясь к формальным доводам, мы отбрасываем тех лиц, о которых я имею право сказать — потому что, благодаря вашему же доверию, я стоял во главе Законодательной Рады на протяжении всего ее существования, я могу сказать, как трудно и тяжело без них работать. Такие люди очень нужны. Я не сомневаюсь, что они есть и среди вас, не сомневаюсь ни на одну минуту, потому что все наши решения принимаются всегда почти единогласно, но должен сказать, что среди нас мало людей,

опытных в общественных и политических вопросах, между тем опытность имеет громадное значение, и это нужно ценить. Здесь говорят, что эти люди потеряли доверие у себя на местах, а я скажу о тех случаях, которые лично знаю, что это совершенно неверно. Скажу, например, о члене Рады П. Макаренко, о котором говорил предыдущий оратор. Спросите, почему он не попал в Раду? Да потому что в то время, когда происходили выборы, он, исполняя ваши поручения, был на Украине и вез оттуда то оружие, которым вы сейчас воюете. *(Шум, голоса.)* Прошу меня не перебивать. Я нахожу, что необходимо тем людям, которые удостоены наивысшей награды, предоставить право решающего голоса в Раде.

Член Рады Горбушин. *(«Довольно», «Просим».)* — Господа члены Рады! Прежде всего я не буду касаться личностей, потому что переходить на личности — это скользкая дорожка. Я должен указать на одно, что в нашей конституции ясно и определенно написано, что члены Законодательной Рады избираются только из членов краевой Рады, и не буду говорить, какие обстоятельства сложились для тех членов Законодательной Рады, которые так или иначе не избраны в краевую Раду. Может быть, население им и доверяло, а может быть, и не доверяло. Я должен указать — как это так: Рада, только что принявшая конституцию, теперь идет назад. *(«Довольно».)* Прошу вас, придерживайтесь одного решения, раз вами принятого. *(«Довольно», шум.)*, тем более что выборы в отделах уже произведены.

Член Рады Боярский. — Господа члены Рады! Я очень долго молчал, но сегодня уже не мог этого делать, осмелился и взял слово. Здесь много раз с этой высокой кафедры говорили: «всуе законы писать, понеже их не исполнять». Я не могу понять, что творится здесь? — Здесь кого-то хотят навязать. *(«Правильно».)*

Председатель Н. С. Рябовол. — Прошу так не выражаться. Никто никому и никого не навязывает. *(«Правильно».)*

Член Рады Боярский. — Я осмеливаюсь эту фразу повторить, ибо отсюда было сказано, даже и фамилия была названа, и докладчик земельной комиссии много раз подчеркивал, что это «ум, сердце и талант» — все что угодно. Кроме того, выходит уважаемый председатель Рады, тоже подчеркивает и говорит: «нам не из кого выбирать». *(«Правильно», аплодисменты.)* Я не могу всего этого понять. Здесь ясно только одно, что кого-то хотят провести или здесь кто-то хочет пройти и законодательствовать, хотя их не выбирают и им не доверяют. *(«Довольно», «Правильно».)*

Председатель. — Прошу соблюдать тишину и спокойствие. Оратору дано слово, и он выражает свою мысль как может, а вы свое согласие или несогласие будете выражать при голосовании.

Член Рады Боярский. — Я имею основание утверждать, что есть группа, которая не может попасть в Законодательную Раду, но она хочет попасть и всяческими способами добивается этого. *(Аплодисменты.)* Если же между нами есть талантливые члены Рады с правом совещательного голоса, то мы, или, по крайней мере, Законодательная Рада, которая останется здесь после нас, может воспользоваться их талантами и кооптировать их с правом совещательного голоса для совместной работы. *(«Правильно»; аплодисменты.)* Заканчивая свое слово, прошу не поддаваться ни на какие уловки и стоять твердо на той конституции, которую вы приняли.

Председатель. — Прошу воздерживаться от таких выражений. Никаких уловок тут нет, и никто никому не хочет навязывать. Ставлю на голосование.

Ф. А. Щербина. — Вы меня избавьте, чтобы не получать пощечин, ибо я один из членов с правом совещательного голоса. Избавьте меня от таких нападок, ради Бога. *(«Правильно».)*

Председатель. — Ставлю на голосование предложение Ейского и Таманского отделов — предоставить членам Законодательной Рады, участвующим в работе краевой Рады с правом совещательного голоса, право быть выбранными в члены Законодательной Рады. Кто за это предложение, прошу поднять руки. Кто против? Принято. Слово по личному вопросу просит П. Л. Макаренко. *(Шум, протесты.)* Призываю к порядку. *(«Перерыв», «Перерыв»; звонок председателя; шум.)*

П. Л. Макаренко. — Я вынужден высказать несколько мыслей по личному вопросу. Господа высокие представители! Я слишком люблю свое войско, но, вероятно, не менее люблю и себя. Я слишком дорожу своим достоинством и никогда и нигде доверия народа не добивался. Я чрезвычайно дорожу своим именем и положением. Прениями, бывшими недавно здесь, затронули мою фамилию. Меня не менее, чем Федора Щербину, возмутили те недопустимые кивки, которые здесь были сделаны с этой трибуны. Я должен сказать, что когда в сентябре месяце этого года в родной мне станице Незамаевской мне сообщили в присутствии почетных стариков этой станицы о намерении избрать меня в Раду, я заявил, что этого не добивался и не желаю. Когда во время выборов меня пригласили на станичный сбор, я не пошел, ибо я знал, что непременно выберут, в то же время мое присутствие давало бы возможность думать, что я хотел этого и добивался. Выборы состоялись, и закрытой баллотировкой в Раду от ст. Незамаевской был послан генерал Гулыга, получивший большинство голосов, и Кучук, которому население также выразило доверие. К участию в Законодательной Раде я не стремился и не стремлюсь и очень жалею, что здесь была упомянута моя фамилия, в особенности потому, что это было сделано после моего доклада, поскольку этим создается определенное впечатление у членов Рады, которое некоторые и использовали. Я заканчиваю и скажу, что быть представителем народа не стремился и не стремлюсь; до сих пор я брал на себя только те поручения, которые находил в своих силах выполнить, и выполнял как мог. А те кивки, которые здесь делаются, я как Макаренко — не заслужил.

Член Рады Боярский. — Многоуважаемый член Рады Щербина, указав на мою сторону, сказал, как будто бы ему нанесена пощечина. *(«Довольно», «Просим».)* Повторяю, что я считаю святотатством как для себя, так и для каждого из нас поднимать руку на вас, уважаемый Щербина.

Председатель. — Прения исчерпаны. Завтра выборы атамана и членов Законодательной Рады. Объявляю заседание закрытым до завтра.

Заседание закрывается в 1 час 30 мин. дня.

Стенографический отчет 29-го заседания 1-го декабря 1918 года.

Заседание открывается в 10 час. 45 м. утра под председательством Н. С. Рябовола.

Председатель. — Заседание возобновляется. Председателей отдельских совещаний прошу подать списки кандидатов в войсковые атаманы. Объявляю списки кандидатов в войсковые атаманы:

Лабинский отдел	генерал Филимонов,
Майкопский	тоже,
Баталпашинский	тоже,
Кавказский отдел	Быч,
и от группы меньшинства	полк. Науменко,
Ейский отдел	Быч,
Таманский отдел	Быч и ген. Филимонов,
Екатеринодарский	Быч и ген. Филимонов.

Ко мне поступило заявление, что полковник Науменко уполномочил полковника Чекалова его кандидатуру снять, поэтому кандидатура Науменко снимается. Горцы не подали списка кандидатов. *(Голоса: «Почему?»)* Почему, господа, этого я не знаю, это их дело. Я предполагаю, что сейчас мы, вероятно, будем обсуждать эти кандидатуры. Как желаете обсуждать кандидатуры — при открытых дверях или при закрытых? *(Голоса: «При открытых», «При закрытых».)* Обыкновенно кандидатуры обсуждаются при закрытых дверях, но как вам будет угодно. *(Шум.)* Господа, прошу не шуметь. Единственный способ узнать ваше желание — это голосование. Прошу тех, кто находит нужным обсуждать при закрытых дверях, поднять руки. Кто — при открытых дверях? Ничего не могу понять. Кто против того, чтобы обсуждать кандидатуры при закрытых дверях? Непонятно. Прошу высказаться за и против. Слово принадлежит члену Рады Траценко.

Член Рады Траценко. — Господа представители Кубанского края! Сейчас вам предстоит освещать способности, таланты, личные качества — достоинства и недостатки наших общественных деятелей. Несомненно, все то, что будет сказано, должно быть соразмерено с кандидатами как с общественными деятелями. Все то, что будет сказано, должно быть достоянием всего края, секретов не должно быть. *(Голоса: «Правильно».)* Если обсуждение будет при открытых дверях, возможно, что тот, кто хотел сказать нечто неудобное, не соответствующее достоинству кандидата и Рады, поневоле воздержится, ибо мы все будем поставлены в известные рамки, в которых будем говорить только то, что должно относиться к кандидатам как к общественным деятелям. Не нужно бояться гласности, потому что мы будем оценивать общественных деятелей, а это должно быть достоянием всего края, секретов не должно быть. *(Аплодисменты.)*

Председатель. — Кто желает говорить за закрытые двери? Желающих нет. Голосую. Кто за то, чтобы заседание было при закрытых дверях? Кто за то, чтобы за-

седание было при открытых дверях? Большинство. *(Аплодисменты; двери зала открываются.)* Я прошу публику соблюдать тишину и порядок, иначе я буду принужден закрыть двери. Прошу желающих высказаться — записываться в очередь. *(Голос с места: «Какой порядок обсуждения, личный или общий?»)* Каждому предоставляется возможность говорить о тех качествах, которые он находит необходимой принадлежностью атамана. Говорить же о личных качествах не так трудно, потому что у нас всего имеется два кандидата — Быч и Филимонов. Слово принадлежит полковнику Чекалову.

Член Рады полковник Чекалов. — Господа члены Рады!

На мою долю выпадает очень серьезный, ответственный доклад, который приходится дать вам при обсуждении кандидатуры первым. То, что я буду докладывать, достойно, безусловно, самого серьезного внимания, причем предупреждаю, что я вполне сознаю то, что я буду докладывать, и сознаю ту ответственность, которую я несу за несправедливый доклад. Отсюда ясно, что то, что я буду докладывать, должно быть вами прослушано и продумано серьезно.

В газете «Рассвет», которую вчера я прочитал, есть маленькая фраза, которая обратила мое внимание. Фраза заключается в статье «К аресту генерала Букретова»: «Интересно узнать, почему члены Рады не задают вопроса о причинах ареста товарища министра продовольствия и снабжения». Я вам напомню, что с неделю тому назад, может быть, две, тут была целая шумиха, передавшаяся по всему городу, по поводу ареста секретаря украинского посольства. Члены правительства считали необходимым выступить перед вами по собственной инициативе, доложить, что было, что делается и что будет сделано.

Но вот на наших глазах арестовывают товарища министра по продовольствию и снабжению — и ни звука. Мы, представители народа, которые должны потребовать отчет у нашего министерства, — мы тоже не интересовались с этой трибуны узнать, в чем дело. Выходит, что только достояние газет — говорить о том о сем, и то только в степени догадок. Я лично был глубоко взволнован и поинтересовался узнать, в чем же дело, за что арестован он. И, к своему глубокому огорчению, я узнал, что генерал Букретов, товарищ управляющего ведомством по продовольствию и снабжению, арестован прокурорским надзором, за что — неизвестно, но обвинение его подведено под статью 377. Что эта статья глаголет? Пункт «б» этой статьи говорит — «за вымогательство». *(Голоса: «Позор».)* Да, позор, совершенно верно, если он обоснован, то тем более позор. Вот теперь я и задаю вопрос: для меня лично и для многих из вас известно, что генерал Букретов предполагался на пост министра — того самого, которого он был помощником; что он, генерал Букретов (как известно из газет), был предан суду чести. Мне лично было известно, что генерал Букретов был осужден судом чести без права поступления на службу, и этот генерал был принят на службу вопреки решению суда чести. Теперь вскрывается эта история. Скажите, пожалуйста, кто виноват в этом назначении? Тот, кто его ставил, знал, кого он ставил, или нет? Это первое.

Второе — ко мне как председателю комиссии по рассмотрению докладов правительства поступает условие, заключенное нашим правительством с фирмой Асмолова, Дело в том, что министр торговли и промышленности в своем докладе вскользь

упомянул, что «мы, желая развить табачную промышленность, даем все льготы» — в данном случае предприятию фирмы Асмолова. Но на каких началах, как — ничего не было сказано. Ко мне поступает копия этого самого условия. Я считаю необходимым, чтобы вы, выслушав это условие, вдумались в него. «Город Екатеринодар. Сентября 10 дня 1918 года. Мы, нижеподписавшиеся, председатель Кубанского краевого правительства Лука Лаврентьевич Быч и член того же правительства — управляющий ведомством торговли и промышленности Андрей Андреевич Трусковский, действующие на основании постановления названного правительства от 10 сентября 1918 года, с одной стороны, и член правления акционерного общества табачной фирмы «В. И. Асмолов и К°» Борис Абрамович Гордон и Абрам Самуилович Альперин, действующие от имени сего общества, с другой стороны, заключили настоящий договор в нижеследующем».

Делаю перерыв и заявляю, что фирма Асмолова представляет из себя очень маленькую единицу колоссальнейшего табачного синдиката в России. *(Читает.)*

«1) Акционерное общество табачной фабрики «В. И. Асмолов и К°», каковое в дальнейшем будет именоваться для краткости «Общество», устраивает в городе Екатеринодаре фабрику табачных изделий с производительностью не менее пятидесяти тысяч пудов ежегодно и в первый же год ее функционирования.

2) Фабрику эту Общество обязывается закончить оборудованием и пустить в ход не позднее 1-го мая 1919 года.

3) Кубанское краевое правительство, каковое в дальнейшем будет именоваться «Правительство», выдает обществу ссуду в размере двадцати пяти миллионов рублей путем единовременного отпуска на эту сумму бандеролей нужных Обществу сортов.

Ссуда эта выдается Обществу не ранее полного оборудования и начала функционирования фабрики и погашается Обществом равномерно в течение десяти лет, начиная со второго года функционирования фабрики, по шестисот двадцати пяти тысяч рублей через каждые три месяца.

4) В случаях приостановки работ на фабрике по причинам, не зависящим от воли правления Общества, как-то: пожар, стихийные бедствия, военные события и тому подобное, Обществу предоставляется отсрочка очередного платежа на срок остановки фабрики, но не более чем на три месяца. В сроки платежей Общество вправе вместо денег возвратить взятую в ссуду и неиспользованную бандероль.

5) Общество обязывается приобрести на счет правительства по цене, им утвержденной, или предоставить правительству возможность приобрести нужное количество бумаги для печатания бандероли.

6) На сумму полученной в ссуду бандероли Общество выдает векселя за подписью товарищества табачной фабрики Я. С. Кушнарева со своей стороны, с оборотной надписью. Сверх сего до полной оплаты ссуды дополнительным обеспечением для правительства служит устраиваемая фабрика со всем ее оборудованием и материалами.

7) Независимо от полученной бандерольной ссуды Общество с начала функционирования фабрики обязано выбирать ежемесячно не менее чем на пятьсот тысяч рублей бандероли, оплачивая ее на общих основаниях. В случаях простоя фабрики и

переработки бандероли в сем месяце менее чем на пятьсот тысяч рублей обязательная сумма пятьсот тысяч рублей понижается пропорционально времени простоя. Обычные праздники не подходят под понятие простоя.

8) Размеры акцизного обложения и ставки предельных цен на табачные изделия устанавливаются и изменяются правительством с приведением их к наиболее благоприятным для Общества из тех, кои будут существовать на Дону и на Украине (включая сюда и Крым).

9) Торговая и производительная табачная монополия может быть введена правительством до истечения срока оплаты Обществом вышеуказанной бандерольной ссуды лишь в том случае, если таковые монополии будут введены на Украине (включая сюда и Крым) и на Дону.

10) Устанавливая пошлины на листовые табаки урожая 1916 г., правительство делает в пользу Общества и его закупочного агента, Петроградского торгового экспортного акционерного общества, скидку в размере не менее 25 % пошлинных ставок; скидка эта делается на табаки, приобретенные Обществом или названным его агентом до 1-го января 1918 г., находящиеся в г. Екатеринодаре, Майкопе, станицах Абинской и Крымской, в общем количестве до 325 тысяч пудов. Если скидка на табаки урожая 1916 г. будет делаться и в пользу других лиц или фирм, то размер скидки в пользу Общества или названного его агента определяется так: к удвоенной скидке прибавляется 10 %, примерно: если для других лиц скидка будет 10 % с пошлинных ставок, то для Общества и его агента 20 плюс 10, т. е. 30. Если для других 15 %, то 30 плюс 10, т. е. 40 %, причем имеются в виду только табаки, приобретенные Обществом и его агентом до 1-го января 1918 г. За табаки некубанского происхождения, принадлежащие Обществу и его агенту, находящиеся в крае или транзитные, пошлина не оплачивается.

11) Если не будет препятствий со стороны железных дорог, Общество обязуется вывезти до конца сего года из пределов Кубанского края до 250 тысяч пудов табака и внести краевому правительству всю сумму причитающейся пошлины на основании вышеизложенного. В первый же месяц установления правительством размера пошлин Общество обязуется внести правительству в счет пошлины, какая с Общества и его агента будет причитаться, но не менее четырех миллионов рублей.

12) Правительство будет делать все возможное для облегчения устройства фабрики: хлопотать о разрешении вывоза с мест нужных машин и материалов, освобождать от реквизиции помещения Общества и его агента в пределах края, хлопотать о предоставлении подвижного состава и вообще будет проявлять благожелательное отношение ко всем нуждам Общества. Председатель Кубанского краевого правительства Лука Лаврентьевич Быч, член Кубанского краевого правительства, управляющий ведомством финансов, торговли и промышленности А. А. Трусковский. Настоящий договор принимаем от имени акционерного общества табачной фабрики «В. И. Асмолов и К°» к исполнению с тем, что в случае установления высокой вывозной пошлины на листовые табаки обязательное к вызову до 1-го января 1919 г. количество листовых табаков. (§ 11 сего договора) должно быть таково, чтобы сумма пошлины, какую за это количество придется уплатить к 1-му января 1919 г., не превышала в общей сложности десяти миллионов рублей». Подлинное за надлежащими подписями.

Прочитав этот договор, я, человек совершенно некоммерческий, исключительно военный, задумался над ним — что-то не то. Мне, человеку, непричастному к этому, показался в высшей степени странным этот договор. Но, не беря на себя такую серьезную ответственность, как критика этого договора, я от имени президиума комиссии пригласил экспертов, специалистов табаководства. Обсудив, они представили мне свое заключение, подписанное в присутствии президиума. Эксперты представили очень пространное заключение. Я буду читать только выдержки. *(Голос: «Просим все».)* Хорошо. *(Читает.)* «10 сентября сего 1918 года Кубанское правительство заключило договор с акционерным обществом табачной фирмы «В. И. Асмолов и К°», сущность которого сводится к следующему:

п. 1) Фирма Асмолова устраивает в Екатеринодаре табачную фабрику с производительностью не менее 50 000 пуд. табаку в год.

Указанной фирме предоставлены следующие льготы: п. 3) правительство выдает Асмолову беспроцентную ссуду на 11 лет в размере 25 миллионов рублей, единовременно выдавая бандероль на эту сумму. Ссуда эта погашается равномерно в течение 10 лет, начиная со второго года открытия фабрики — по 2 % миллиона рублей в год, уплачивая каждые три месяца по 625 000 руб.

п. 4) В случае приостановки работ от непреодолимой силы — срок платежа отсрочивается до 3-х месяцев.

Срочные платежи могут быть внесены вместо денег неиспользованной бандеролью, взятой в ссуду.

п. 6) В обеспечение ссуды выдаются векселя, а равно устраиваемая фабрика с оборудованием и материалами служат также обеспечением до полной оплаты ссуды.

п. 7) Независимо от бандерольной ссуды фабрика обязана выбирать бандероли ежемесячно не менее чем на 500 000 рублей. Сумма эта понижается пропорционально времени простоя фабрики.

п. 8) Размеры акцизного обложения (стоимость бандероли соответственно сорту папирос или табаку и продажные цены) устанавливаются правительством — наиболее благоприятные для фабрики Асмолова из тех, кои будут на Украине, на Дону и в Крыму».

По пункту 4-му должны быть срочные платежи, и эти срочные платежи общество будет выплачивать теми бандеролями, которые взяло в ссуду, т. е. возвращая их обратно. По пункту 8-му подчеркнуто относительно наивысшей цены, «выгодной для фирмы Асмолова», какая будет на Украине и на Дону; там же они сами будут диктовать свои цены, так как это их монополия, следовательно, как синдикат, они более или менее могут поднять цены, а потом сравнять с ними и цены на Кубани, т. е. установить здесь наиболее выгодные для себя. По пункту 9-му говорится о монополии; а я задам вопрос: если монополия не будет введена на Украине и на Дону 20 лет, то мы, члены будущих Рад, сможем ввести монополию или нет? Нет. Почему? Да потому что правительство заключило договор, по которому мы можем ввести монополию только тогда, когда она будет введена там, на Дону и Украине.

Председатель. — Я прошу оратора не распространяться, а сделать вывод, чтобы было ясно и понятно. *(«Просим, просим».)*

Член Рады Чекалов. — Я стеснен и не знаю, удовлетворять ли ваше желание или же слушать председателя.

Председатель. — Прошу говорить так, чтобы было ясно, где оратор говорит от себя, а где передает слова экспертов.

Член Рады Чекалов. *(Читает вывод экспертов.)* — «Указанный договор передает табачную фабричную промышленность в исключительное монопольное пользование частной фирме — фабрике Асмолова и в корне подрывает возможность существования других табачных фабрик на Кубани, и исключена возможность проявления личной инициативы — открытия другими лицами табачных фабрик, а существующие фабрики, не пользуясь такими исключительными льготами, не в состоянии выдержать конкуренцию фабрики Асмолова, монопольного характера, и вынуждены будут закрыть свои фабрики. Отсутствие свободной конкуренции приведет к упадку качества табачного производства, что не в интересах населения и приведет лишь к обогащению отдельной привилегированной фирмы Асмолова, сумевшей добиться подобных неслыханных льгот в ущерб частной промышленности; отсутствие свободной конкуренции не в интересах населения и в убыток Кубанскому краю.

А материальный убыток, помимо всего прочего, следующий:

1) Проценты на ссуду в 25 миллионов рублей: принимая во внимание равномерные платежи за 10 лет, следует считать полностью проценты на весь капитал за 5 лет и за один первый год на всю сумму, когда нет погашений, т. е. за 6 лет.

1-й год на 25 000 000 р. 6 % год. составляет 1 500 000 р.

К началу 2 года	+ 1 500 000 руб.	%% за 1-й год	
	26 500 000 руб.	6 % годовых	1 590 000 руб.
К началу 3 года	+ 1 590 000 руб.	%% за 2-й год	
	28 090 000 руб.	6 %	1 685 400 руб.
К началу 4 года	+ 1 685 000 руб.	%% за 3-й год	
	29 775 400 руб.	6 %	1 786 500 руб.
К началу 5 года	+ 29 775 400 руб.		
% за 4-й год	1 786 500 руб.		
+			
За 5-й год	31 561 900 руб.	6 % годовых	1 893 700 руб.
	1 893 700	% за 5-й год	
За 6-й год	33 455 600 руб.	6 %	
			2 007 300
		Итого %%	10 462 900 руб.

2) Скидка на пошлину, согласно п. 10 договора, на 325 000 пудов, считая по 25 руб. на пуд, составляет 8 125 000 руб.

3) Беспошлинный вывоз сухумского табака Черноморской губ., если считать таковых приблизительно в 50 000 пудов по 100 рублей

5 000 000

Убытку итого приблизительно 23 500 000 руб.

Должен доложить, что бандероли могут закладываться, как всякие процентные бумаги. Следовательно, заложившие их в банке могут получить ссуду наличными деньгами. Таким образом, расчет за 6 лет дает сумму убытков: 1) 10 462 900 руб., 2) потом пошлина на 325 000 пуд. табака составляет, считая по 25 руб. за пуд, 8 125 000 в год, и 3) беспошлинный вывоз сухумского табака — 5 000 000 рублей.

Возможно, что Кубанское правительство имело в виду привлечь на Кубань табачные фабрики, дабы увеличить доходность казны от выборки бандеролей и вообще развить табачную промышленность в крае. Такую мысль можно только приветствовать, но следовало выработать общие льготы для всех табачных фабрик на Кубани; эти льготы дали бы возможность существующим увеличить свое производство и привлекли бы на Кубань других табачных фабрикантов, но предоставление одной фирме — в ущерб всем прочим и в убыток края — особых монопольного характера льгот ничем не оправдывается.

Договор не предусматривает неустойки.

Обеспечение векселями — не обеспечение. Имущество фабрики не должно превышать 500 000 руб.

Эксперт по приглашению комиссии мариупольский купец Исер Вульфович Окунь. Адрес: Ростов-на-Дону, Темерницкая 137. Член распорядитель Азовско-Донской табачной фабрики Т. Д. «И. В. Окунь и К°» в Ростове-на-Дону.

Экспертиза дана в присутствии президиума комиссии по рассмотрению докладов правительства 29 ноября 1918 г. Председатель комиссии полковник Чекалов.

Председатель. — А кто такой был эксперт?

Член Рады Чекалов. — Эксперт по приглашению из Ростова. Экспертиза производилась в присутствии президиума комиссии по рассмотрению докладов.

Председатель. — Один эксперт?

Член Рады Чекалов. — Один. Теперь, господа, я докладываю свое личное мнение, что эти двадцать три миллиона не могли обеспечить векселя. Фабрика же при всей своей сложности и громоздкости по количеству машин, которое там предполагалось (не более 20 машин на сумму 160 тысяч рублей максимум), которые стоили ранее по 600 руб., теперь оцениваются в 8 тысяч руб., обеспечить эти 23 миллиона не может.

И вот, исходя из всего этого, я должен обратить ваше внимание на следующее обстоятельство — очень интересную вещь: за табаки некубанского происхождения, но принадлежащие обществу и находящиеся в крае, пошлина не оплачивается. Я думаю, что едва ли найдется такой эксперт, который сможет сказать, что этот табак родился на Кубани, а тот в Новороссийске. Получается такая картина: фирма подает заявление: «Прошу дать разрешение вывезти табак сухумский» — и вывозит этот табак без пошлины. Дальше в п. 11 говорится, что если не будет препятствий со стороны железной дороги, общество обязуется вывезти до 250 тысяч пудов табака и внести краевому правительству всю сумму причитающейся пошлины на основании вышеизложенного.

А я говорю, что общество ни копейки не внесет, ибо скажет, что это был сухумский табак, разве только так, немного. Теперь, делая вывод, никоим образом не могу допустить, чтобы этот договор — это мое личное убеждение — действительно преследовал бы интересы края. И каким образом можно допустить, что этот договор преследует развитие промышленности? Как я ни некомпетентен в этом деле, все-таки я понимаю, что он не преследует этой цели. Скажите, пожалуйста, чем вызвано особое благоволение к этим фабрикам в этом договоре? Из-за каких голубых глаз делаются привилегии этим представителям? Я думаю, что нам должна сказать об этом судебная власть, насколько я смыслю, по этому договору. *(Голоса: «Правильно».)* Я должен сказать, что это — та эпопея, которая идет вот в этом зеленом доме; она только начинает выясняться, но она движется и дальше. 120 миллионов погибло там, гибнут миллионы и сейчас. Пусть руководители скажут: куда это все делось? Вот те деятели, которые работали у нас, и все это надо учитывать, потому что их авторитет на нас гипнотически действует. Я должен сказать, что это начало сейчас идет и пойдет дальше в прокуратуру, ибо нельзя держать суд под влиянием лиц и давлением массы. Суд должен быть беспристрастен и правдив, и этот суд раскроет нам панораму продовольствия, которая не только нам, но и нашим детям будет сниться.

Председатель. — Я в дальнейшем прошу вести полемику в другом тоне, потому что все, что здесь говорилось, — нетактично. Нужно приводить факты, а не разбирательство. Нельзя вести доклады в духе полемики. Я вообще прошу ораторов не перебивать, потому что если мы станем на такую плоскость, то у нас на обсуждение каждого вопроса будет уходить 4—5 дней. *(Голос с места: «Так и надо делать».)*

Член Рады Коробьин. — Полковник Чекалов явился застрельщиком настоящей избирательной кампании и в столь высоком собрании — краевой Раде — поставил метод борьбы на нездоровую почву. Есть два метода борьбы: один метод — это положительная характеристика своего кандидата, стремление доказать, что «мой кандидат лучше вашего»; другой метод обратный: «кандидат противной стороны много хуже моего кандидата». Полковник Чекалов придерживается второго метода и сразу постарался вылить ушат грязи на противную сторону. Думаю, что и следующий оратор ответит тем же и с своей стороны выльет ушат грязи. Результат ясен: кто меньше окажется запачканным в грязи, тот и пройдет в атаманы. Такой метод не соответствует ни достоинству такого высокого собрания, ни достоинству тех кандидатов, которых выбирают на столь ответственный пост. Я предложил бы другой метод: характеризовать с положительной стороны, иначе такой метод, такое загрязнение личностей зальет грязью весь край и приведет Бог знает к каким результатам. *(«Правильно».)* Я предостерегаю от этого, ибо нужно становиться на здоровую почву и доказывать, что мой кандидат лучше. Лично я от себя и от Майкопского отдела являюсь сторонником, чтобы на пост войскового атамана был проведен полковник, ныне генерал, Филимонов, и по следующим соображениям. Хотя мы в конституции и провели пункт, что атаман может быть и военным, и невоенным, но для данного момента войсковой атаман должен быть военным, потому что мы живем в военное время и армия, которая тесно связана с краем, чутко прислушивается к выборам войскового атамана, учитывает этот момент и зорко следит за тем, кто избирается — штатский или военный. Поскольку

ген. Филимонов является военным человеком, постольку он имеет предпочтение пред Л. Л. Бычом. Второе соображение — чисто практического свойства. Не важно нам знать, кто может быть предложен, но нам важно знать, какое лицо будет занимать пост председателя правительства. Только Л. Л. Быч обладает стойкостью характера и опыта для того, чтобы взять в свои руки этот руль, потому что центр тяжести будет находиться в руках председателя правительства. Мы видим, что другого общественного деятеля, который мог бы смело взять этот руль, нет. Вот по этим соображениям я думаю, что на пост войскового атамана должен быть избран ген. Филимонов, а на пост председателя — Л. Л. Быч.

Председатель. — Слово для внеочередного заявления предоставляется члену правительства по ведомству финансов Трусковскому.

Член правительства А. А. Трусковский. — Господа члены Рады! Выступивший по поводу договора, заключенного правительством с акционерным обществом «Асмолов и К°», одним из самых крупнейших предприятий, которое объединило в настоящее время 3/4 и если на 9/10 всех табачных фабрик в России, находящихся на территории Дона, Кубани, Украины и Совдепии, — не был достаточно осведомлен в этом деле. Как известно, с одной стороны, эта группа, а с другой — краевое правительство заключили договор. Я не был при самом начале доклада и не знаю, как автор рекомендовал себя в этом деле, но я слышал его такую фразу, что он слишком мало смыслит в этом деле. Мне вспоминается басня Крылова: «Беда, коль пироги начнет печи сапожник». Мне кажется, что только незнанием автора можно объяснить тот град полемических выпадов, который иногда переходит границы парламентской полемики. И только этим незнанием можно объяснить то, что говорилось относительно этого договора.

Начну с того, что этот договор был доложен правительству в полном его составе. Основные его положения были доложены, и ни один член правительства не действовал с закрытыми глазами. Действительно, переговоры велись долгое время, и имелась возможность взвесить все обстоятельства, сопровождавшие договор. Основной точкой зрения был вопрос о так называемом акцизе. Должен доложить, что акциз — в данном случае на табак — вещь исключительно важная. Всякий акциз отражается на производительности, ибо, будучи наложен на сырой табак, он ложится тяжелым бременем на плантаторов и этим сокращает производство. Конечно, акциз, который введен в настоящее время, имеет характер запретительный, но должен доложить, что в настоящее время табака вывозится очень мало и главным покупщиком его является т-во «Асмолова и К°»; других покупщиков нет, так как никто не может платить 100-рублевый налог. С другой стороны, те покупщики, которые у нас имелись — это были главным образом немецкие представители, вывозившие табак за границу, — они теперь отпали, потому что нужно было установить такую пошлину, чтобы вывоза табака в данный момент в Германию не было. И, с другой стороны, необходимо было озаботиться установлением соответствующих условий эквивалента в виде денег. Автор доклада указывал на то, что, по его мнению, т-во Асмолова не внесет ни одного рубля. Но автор ошибся, так как в настоящее время уже внесены четыре миллиона в счет акциза на табак, которого вывезена меньшая часть. На днях еще поступит три миллиона акциза. И если только автор становится на точку зрения судьи и он серьезный судья, то он должен быть по-

следовательным во взгляде на прием этих бандеролей: если эти бандероли можно использовать на оплату других нужд, то почему мы не можем использовать их на оплату табачных изделий? Здесь говорится, что ссуда будет дана на 11 лет и без процента. Понятно, ссуда бандеролями не может быть процентной, так как они не денежные знаки. Мы же только используем право государства печатать бандероли, причем на организацию этого печатания должна быть составлена форма и нужен соответствующий материал, т. е. мы должны были сделать то самое, что мы сами не можем сделать. Должен указать на то, что все акцизы на табак имеют временный характер, в данный же момент нужно отметить следующее обстоятельство. Кубань богата табаками, но не всеми сортами. У нас имеются вторые и третьи сорта, те, которые имеют наибольшее распространение, а высший сорт отсутствует. До сего времени у нас перерабатывалось только 2 %, а производится и изготовляется табаку до 2 миллионов 200 тысяч пудов в год. Всем вам известно, что фабрики не делаются вдруг, и естественно, что в таком хозяйстве нужно и время, и средства, ибо каждое оборудование обходится в несколько миллионов рублей. Кроме того, у правительства имелось в виду привлечь представителей таких крупных организаций, как акционерное о-во Асмолова и К°, а для этого нужно давать те или иные льготы таким трестам, таким организациям. Но это совершенно не значит, что другие фабрики будут лишены подобного рода льгот, если выступят в качестве предпринимателей. Очевидно, что если оказываются льготы, то это не значит, что известные фабрики имеют монопольное право на производство вторых и третьих сортов. Вторые и третьи сорта потребляются широким населением Кубанской области, и, кроме того, их вывозится 50 тысяч пуд. — это зафиксированные цифры первого года; во втором году предполагается 120 тыс. пуд., в следующем 150 т. Свойство крупных капиталистических предприятий заключается в том, что они не могут работать в маленьком масштабе. В этом договоре предусмотрено производство тех сортов табака, которыми богаты мы, и, кроме того, договор сулил в будущем производить переработку табака всех качеств в крае. Но здесь имеется и другая сторона: для переработки нужна бумага и нужны другие материалы, которых у нас нет и которые должны ввозиться к нам. Вы видите, что всех данных для такого производства у нас не имеется, но это есть у крупных фабрикантов.

Прежде чем поставить вопрос о фабриках, у нас стоит определенная предпосылка — какую выгоду получит эта фабрика. Естественно, что каждое крупное капиталистическое предприятие работать даром не будет. Нужно было изыскивать средства для привлечения таких крупных предприятий, и вот правительство предприняло целый ряд мер для их привлечения. В настоящее время главную роль играет акциз, наложенный государственной властью на сырой табак, который будет действовать до будущего года, когда норма его будет изменена, так как высшая ставка имеет специальное значение для непосредственного вывоза табака из пределов Кубанского края. В будущем, может быть, акциз будет и понижен. Когда здесь говорили о том, что мы связаны с Украиной, Доном и Крымом, то я должен доложить, что в экономической жизни не должно быть границ, нельзя отмежевываться и нельзя вводить монополию тогда, когда в других местах ее не будет. Если положить в основу этот закон, то прийти к какому-либо соглашению можно только путем договора, и вопрос о том, вводить или

не вводить эту монополию, мы можем разрешить только по соглашению с соседними областями и государственными образованиями. Одним словом, мы можем вводить монополию тогда, когда она будет введена в соседних территориях.

Когда мы вскроем принципиальную сущность этого договора, то видим, что он совершенно не даст преимущества фабрикам, когда он воплотится в жизнь. Если мы говорим об образовании наиболее благоприятных условий для табачной промышленности, то приходится указать, что на Украине и на Дону ставки значительно выше, и, несомненно, это приведет к тому, что здесь тоже придется увеличить акциз, но не уменьшить. На Дону акциз является доходным государственным ресурсом — это главнейший источник донских доходов. То же самое и на Украине. Акциз на сырые продукты есть явление временное. А когда автор вычисляет убытки, то приведенные им вычисления оказываются шаткими. В настоящее время источником доходов уже являются те самые фабрики, которые внесли 4 миллиона и до января должны внести еще 6 миллионов. Поэтому, если стать на точку зрения сегодняшнего дня и не видеть дальше своего носа *(Аплодисменты.)*, то, безусловно, такой пессимистический вывод вполне можно сделать. Я только предупреждаю, но не упрекаю автора. Приходится пожелать, чтобы автор доклада несколько больше поучился и перелистал те книги, которые необходимо знать в средней школе.

Дальше должен указать еще на следующее обстоятельство. Останавливаться подробно на отдельных моментах не буду, так как автор, вероятно, приведет свою угрозу в исполнение и привлечет за договор меня и Л. Л. Быча к судебной ответственности, где я постараюсь вскрыть все стороны этого договора. Еще должен указать на одно обстоятельство. На днях мною получена просьба от акционерного общества Асмолова о том, чтобы изменить эти условия договора, так как на таких условиях оно работать не в состоянии, и, между прочим, в ходатайстве употреблено очень характерное и своеобразное выражение: «Вы нас объегорили, и на таких условиях мы дела вести не можем, а поэтому хотели бы прекратить с вами договор. Мы согласны уплатить всю стоимость пошлин и претендовать ни на какие возмещения наших убытков не будем». Автор стал на одну сторону — на сторону мелких спекулянтов и в защиту других представителей табачной торговли и промышленности. Мне часто приходилось останавливаться на тех моментах, когда автор, докладывая, говорил о представителях мелкой торговли и спекулянтах; очевидно, ему пришлось близко познакомиться с теми спекулянтами, для которых, понятно, сторублевая пошлина должна показаться слишком высокой.

В заключение скажу следующее. Перед Кубанским краем помимо вопроса о промышленности стоял вопрос чисто финансовый. Вы знаете, что мы были заинтересованы в том, чтобы здесь было поступление денежного акциза на табачные изделия. В договор мы внесли поэтому временно специальный пункт о немедленном вывозе табаков. Это давало возможность получать мелкие денежные знаки; с другой стороны, это обстоятельство давало возможность привлечь на Кубань крупные предприятия. Таким образом, можно было бы давить на цены на Украине. Это понять трудно, но я должен сказать, что цены повышаются в зависимости от требований жизни. Средняя цифра, к которой, вероятно, будут стремиться, налагая акциз

на сырые табаки в будущем, равняется приблизительно 60 рублям: это та цифра, к которой мы будем стремиться, чтобы с будущего года начать работу для поддержания нашего табачного производства, наших плантаторов. В настоящем году это не имеет значения. Но если принять во внимание, что сейчас табаки не вывозятся совершенно, то те 75 рублей, которые мы получаем с пуда, — выше той пошлины, которая была установлена. Так что мы убытка не имеем, а получаем известную выгоду. Тот момент, который отмечался в договоре, относительно транзитных табаков — есть общее направление. Должен доложить следующее, что акциз в 75 рублей — дело серьезное. Дон уже определенно заинтересован в этом. У меня имеются сведения, что Дон считает этот акциз как вывозную пошлину. Это естественная точка зрения, это боязнь, чтобы табак, который вывозится с Кубани, не повысился там в цене. Действительно, там приходится повышать цену на табаки. И этот договор до известной степени нас обеспечивал. Всякий, кто знаком с формой договора, поймет это. Со стороны донского правительства и председателя правительства на Кубани соответствующий договор был заключен не только с точки зрения акциза, но и с точки зрения вывоза тех оборудований, которые необходимы здесь для фабрик, тех оборудований, которые вывозятся в виде товарообмена. Донскому правительству неинтересно было бы делить крупные предприятия на две части и одну часть перевозить сюда, если бы мы не дали ему некоторых гарантий; для нас же это не представляет никакого риска, потому что, имея 6 миллионов рублей акциза, мы в будущем году увеличим его до 25 миллионов рублей, т. е. на акцизе мы уже покрываем с процентами ту сумму, о которой с таким жаром говорил докладчик. Мне кажется, что с точки зрения исторической перспективы этот договор ничего страшного не представляет. Он дает нам известную выгоду. Заканчивая свою речь, я желал бы встретиться с докладчиком в иной обстановке и желал бы, чтобы мы поменялись ролями и чтобы он стал на место тех, о которых он говорил как об авторах этого договора.

Председатель. — Это не обсуждение кандидатуры, а обсуждение того или иного договора. Я покорнейше прошу в дальнейшем придерживаться тех фактов, которые тесно связаны с обсуждаемым вопросом. Слово предоставляется члену Рады Воропинову.

Член Рады Воропинов. — Член Рады Чекалов, чтобы очернить одного из выставленных кандидатов в войсковые атаманы, сделал два политических трюка, и оба они очень неудачны. По поводу одного из них было сказано, я полагаю, достаточно; по поводу второго у меня есть некоторые сведения, и о них я хотел бы напомнить высокому собранию. Член Рады Чекалов сказал здесь о том, что на днях произошел в высшей степени грустный случай: товарищ управляющего ведомством продовольствия арестован за взятки и вымогательства. Отсюда вывод: если товарищ министра берет взятки и производит вымогательства, то что же представляет его патрон-министр. Я должен сказать, что арест генерала Букретова есть политический трюк, приуроченный к сегодняшним выборам, к выборам войскового атамана. *(Голоса: «Это надо доказать», сильный шум.)* Но, к большому сожалению, нужно указать, что в этом политическом трюке, я полагаю, принимал некоторое участие один из кандидатов на атаманскую булаву. *(Голоса: «Ложь», «Долой его».)*

Председатель. — Позвольте мне судить: ложь это или не ложь. Я предупреждаю вас, господа, как и член Рады Коробьин, что если вы будете так обсуждать кандидатуры, то вы всех кандидатов обольете грязью. Этого допускать нельзя. Очевидно, когда отделы выставляют, то выставляют кандидатуры лучших людей. Если человек дожил до такого счастья, что его избирают в атаманы, то нужно бережно относиться к его имени. А посему я буду останавливать ораторов, если они в таком тоне будут вести критику.

Член Рады Воропинов. — У меня есть вполне определенные указания на то, что приказ об аресте генерала Букретова был дан на словах полковником Филимоновым. Это — во-первых, а во-вторых, господин военный прокурор, если не ошибаюсь, полковник Прихидько, в настоящий момент попал в высшей степени ложное и двусмысленное положение, произведя этот арест, ибо он произведен в изъятие из обычных законов.

Председатель. — Господа, здесь речь идет о деле судебном, о производстве определенного ареста, и только суд может сказать, насколько все выполнено правильно или нет. Другого выхода нет, как предоставить это суду. Руководиться догадками невозможно, и я еще раз прошу вас иметь дело только с фактами.

Член Рады Воропинов. — Господа, которым не нравится то, что я говорю, должны будут заявить протест, как их сторонник полковник Чекалов. А сейчас — молчать и слушать. *(Сильный шум в знак протеста.)*

Председатель. — Если не водворится тишина, то я принужден буду закрыть заседание.

Член Рады Воропинов. — Я полагаю, что всегда необходимо выслушать не только то, что нравится, но и то, что не нравится. Я говорю, что арест генерала Букретова был произведен в изъятие из обычных путей для производства ареста. Потребовалось предварительно, чтобы Кубанский край был объявлен находящимся на положении полевого управления, и, господа, прокурор, производивший арест, ничего в оправдание своего поступка не мог сказать, кроме того, что арест этот произведен на основании того, что край находится на положении полевого управления. Но когда ему заявили, что это неверно, что Кубанский край находится только на военном положении; что он не оккупирован какой-нибудь вражеской армией, не завоеван, не покорен и не находится на положении полевого управления; что поэтому нет оснований для ареста, тогда господин прокурор в оправдание своего незакономерного поступка ничего другого не мог сказать, как только: «Господин войсковой атаман приказал мне это произвести». *(«Ложь», сильный шум.)* Это может быть доказано. Это было сказано в присутствии свидетелей. Хотя вам это и не нравится, но вы должны это выслушать. Трюк, который вы предприняли, провалился. *(Аплодисменты, шум, протесты.)* Я, конечно, при более нормальных условиях обсуждения кандидатур в войсковые атаманы не считал бы для себя морально возможным говорить о тех возмутительных фактах, которые имеются в нашей политической жизни, но, к величайшему сожалению, меня к этому вынудил полковник Чекалов.

Я бы, обсуждая кандидатуру войскового атамана, стал бы на несколько иную точку зрения. Я бы поставил, господа, перед собой вопрос о том, каким требованиям должен удовлетворить наш войсковой атаман. Исходя из этого основного вопроса, я

даю себе вполне определенный ответ. Мы с вами, господа, становимся на определенный путь политики государственного строительства. Мы создали положение об управлении нашего края. Мы создали конституцию. Мы наши политические чаяния вложили в этот закон. Само собою разумеется, мы, определив нашу политическую позицию, наш политический путь, должны поставить во главе нашего края, во главе исполнительной власти людей, верность которых этой конституции, тем заветам, которые дает краевая Рада, для нас стоит вне всякого подозрения. Ни на минуту в нашем кандидате в войсковые атаманы мы не должны сомневаться, что он пойдет по тому пути, который указан нашей краевой Радой в конституции. С другой стороны, я бы считал необходимым высказать свое мнение также и относительно того, кто по своей профессии, по своему специальному образованию должен быть нашим войсковым атаманом. В настоящий момент здесь много времени занимала тема о том, военный или невоенный должен быть у нас атаман. Я как раз принадлежу к той группе лиц, которая стоит на той точке зрения, что действительно настоящий момент таков, что вопросы военного характера, безусловно, имеют громадное значение. Но я осмелюсь думать, что наш исторический момент характеризуется не только военными вопросами. Я полагаю, что, глядя на кандидата в атаманы, мы должны думать не только о том, хороший ли он военный человек, хороший ли он полководец. Мы должны учитывать и то обстоятельство, насколько этот субъект в состоянии охватить ту сложную паутину в высшей степени сложных политических вопросов, которые в данный момент властно требуют от нас своего разрешения, и глава исполнительной власти края не должен быть, господа, только военным полководцем, умеющим храбро водить в бой полки. Он должен обладать большим государственным умом. Наш атаман должен определенно и ясно давать себе отчет в том, в каком положении находится наш край и вся Россия, к объединению которой мы все, безусловно, стремимся. Наш атаман должен разбираться во всех вопросах. Если же он не в состоянии будет разбираться в них, мы будем делать множество зигзагов, не прямо пойдем по нашей политической дороге. Далее, как глава исполнительной власти, как человек, который, в конечном итоге, будет направлять всю деятельность нашего правительства и все наше политическое существование, он должен быть человеком, который в состоянии разбираться не только в политической обстановке, но и в обстановке экономической, ибо от этого мы уйти не можем, и экономические условия в данный момент играют колоссальную роль. Вы сами помните, какую роль играли эти экономические условия для нашей толпы и как пользовались этим большевики, которые всегда, чтобы привлекать на свою сторону избирателей, выбрасывали заманчивые экономические лозунги. Я далеко не желаю сказать, чтобы мы хотели избрать войсковым атаманом человека, который умело мог бы выбрасывать различные лозунги. Но я хочу сказать, что наш атаман должен построить нашу экономику так, чтобы наша жизнь налаживалась, а не расстраивалась. Таким образом, я прихожу к выводу, что те данные, которым должен, по необходимости, удовлетворять наш войсковой атаман, слагаются не только из элементов военных. Я обращаю ваше внимание на три стороны деятельности войскового атамана, и вы согласитесь, что вопросы военного характера далеко не приобретают первенствующего положения над другими. Но, тем не менее, я являюсь сторонником того, что настоящий момент таков,

что в данном случае на посту войскового атамана у нас должен быть военный человек, которому бы верили без всяких оговорок и натяжек все наши военные и рядовые казаки и офицеры не только в младших чинах, но и в старших, которые слишком щепетильно относятся к тому, будет ли войсковым атаманом военный или нет. Я полагаю, что со всеми этими настроениями необходимо считаться, и поэтому, казалось бы, у нас должен быть атаманом военный человек. И если бы, господа, здесь у нас была выставлена кандидатура военного человека, который хотя бы отчасти удовлетворял и тем двум основным требованиям, на которые я указал, я бы с чистой совестью понес свой шар за эту кандидатуру. Но пред нами стоят две кандидатуры: ген. Филимонова и нынешнего председателя правительства Луки Лаврентьевича Быча. Посмотрите на них: военные это люди или нет? И вы определенно должны будете ответить, что оба они невоенные. Потому что военный юрист — это не есть военный человек, как мы обычно понимаем. Если мы выберем генерала Филимонова как военного человека, чтобы он был в состоянии руководить организацией нашей армии, то для этого не нужно быть военным юристом. Когда мы видим перед собой две кандидатуры, обе невоенные, то мы по необходимости должны подойти к той кандидатуре, которая в большей степени отвечает на предъявленные ей требования. Если я сравниваю эти две кандидатуры, вы, конечно, заранее знаете, к какому выводу я прихожу. Само собою разумеется, что этим требованиям отвечает кандидатура Быча, а не Филимонова, ибо полковник Филимонов показал с достаточной очевидностью, что он не обладает достаточной устойчивостью, необходимой для войскового атамана. *(Шум, крики: «Он не имеет права так говорить».)*

Председатель. — Прошу не мешать оратору высказаться.

Член Рады Воропинов. — Господа члены Рады! Я утверждаю на основании своих личных наблюдений, что полковник Филимонов никогда не был в состоянии провести и достигнуть раз намеченной цели. Он с одной дороги бросался на другую. Я немного остановлю ваше внимание на таком простом примере, как отношение войскового атамана к нашему яркому герою, полковнику Шкуро. Здесь было отчасти об этом сказано. Вы на этом примере ясно увидели, какое это было несправедливое отношение. А если бы вы захотели узнать, из каких побуждений вытекало это несправедливое отношение к нашему кубанскому герою, то вы увидели бы, что наш войсковой атаман просто не имел собственного мнения и руководствовался если не указаниями, то, во всяком случае, ярко выраженным желанием организации, не имеющей никакого непосредственного отношения к войску Кубанскому.

Далее, если я обращу свое внимание на другую кандидатуру, на кандидатуру Луки Лаврентьевича Быча, то я даю совершенно определенный ответ, могу говорить об этом смело, открыто, смотря в глаза кому угодно, что этот человек не отличается мягкостью своей воли, этот человек в состоянии выбирать определенную дорогу, по которой может вести наш край. У этого человека есть своя определенная линия, и эта линия в достаточной мере выявилась. Вы помните, что, когда у нас заходил разговор об ориентации, то Лука Лаврентьевич Быч всегда определенно отвечал: «Наша ориентация — на Кубань и только, больше никуда». *(Аплодисменты.)* Я полагаю, я глубоко убежден, что если атаманская булава будет дана в руки Луки Лаврентьевича

Быча, мы пойдем по правильной дороге, мы не потеряем своей физиономии, как мы не имеем ее сейчас. И в том, что до сих пор мы не имели своей физиономии, — в этом в значительной степени виновен наш бывший атаман. Теперь, мы слышали из доклада нашей донской делегации, что в то время как донцы имеют ярко выраженную физиономию, собственную армию, мы, кубанцы, — не существуем. Когда говорят о Донской армии и о других армиях, говорят, что есть Добровольческая армия, в которую, конечно, входят и кубанцы, тем не менее о Кубанской армии никогда и нигде не говорят ни слова. Этой потерей физиономии, потерей нашего лица, я глубоко убежден, мы обязаны нашему войсковому атаману, который не только сам не в состоянии был выявить физиономию, но даже тем, кто стремился ее отстоять, атаманом ставились всегда определенные препятствия. *(«Довольно»; шум.)* Таким образом, я на этот счет думаю совершенно определенно. С другой стороны, я считаю безусловно необходимым и обязательным для себя отметить то обстоятельство, которое, как страшное оружие, выставляется против этой кандидатуры противниками. Когда говорят о кандидатуре Луки Лаврентьевича Быча, то говорят: «Нельзя Быча ставить во главу войска, ибо это человек слишком сильный, слишком определенный». Так говорят его противники. И благодаря тому, что этот человек сильный, определенный, благодаря тому, что у него есть определенные политические требования, он нас, говорят, поведет туда, куда мы не хотим идти, — он приведет нас к украинской ориентации. И вот на чем сыграли его противники: для того чтобы отбросить хоть часть личных достоинств, которыми обладает этот выставляемый кандидат, они бросают это острое оружие. Для того чтобы подорвать доверие к этому человеку, они заставляют считать этого человека опасным. И, к сожалению, величайшему сожалению, все это направлено на то, чтобы произвести между нами, казаками, до сих пор едиными, раскол, трещину. Я лично думаю, что в этом отношении никто не имеет права упрекать Л. Л. Быча в каких бы то ни было украинских симпатиях. Эту точку зрения я всегда отстаивал, ибо эти разговоры всегда велись в Законодательной Раде — еще в Тихорецкой. Я всегда внимательно и осторожно прислушивался, когда в этом отношении делались наветы и на Быча, и на Рябовола. Я по чести говорю, что у меня в душе никогда не закрадывалось такого сомнения; поэтому, господа, я утверждаю категорически, что этот аргумент — упрек Быча в его украинофильстве, заподозривание его в том, что он Кубань стремится тянуть во что бы то ни стало к самостоятельной Украине, — эти подозрения критики не выдерживают. Мое личное убеждение того характера *(Шум.)*, что мы казаки, не украинцы и не великороссы, а казаки. Я всегда стоял за единство кубанского казачества, я всегда стоял против тех, кто так или иначе раскалывал казачество на две половины. *(Шум.)* Когда это страшное подозрение, этот страшный упрек бросается для того, чтобы выиграть ту или другую кандидатуру в атаманы, я считаю недобросовестной такую политическую деятельность. *(Аплодисменты.)*

Председатель. — Господа члены Рады! Я все-таки в дальнейшем буду просить членов Рады быть более сдержанными. Иначе что же у нас получается? Есть два кандидата, кандидатура коих обсуждается. Естественно, ораторы, которые записались на очередь, будут хвалить одного какого-нибудь кандидата и находить недостатки у другого. Что же получится? Выходит сторонник Филимонова — его мешают слушать

сторонники Быча; говорит сторонник Быча — его не желают слушать сторонники Филимонова. Это будет не заседание, а какой-то хаос, в котором я не желаю принимать участия. *(Шум, протесты.)* У меня есть наказ, и только им я и руководствуюсь, а не замечаниями с мест. Если вы желаете обсуждать кандидатуру между собой, давайте сделаем перерыв и вы обсудите этот вопрос. Я, к сожалению, получил сейчас нижеследующее письмо *(Читает.)*: «Г. председатель. Я неоднократно заявлял вам, что я не могу выставить свою кандидатуру в атаманы по многим, весьма важным, основаниям. Ныне я вновь заявляю о своем нежелании баллотироваться. Быч». *(Голос с места: «Правильно».)* Объявляю перерыв на десять минут.

После перерыва.

Председатель. — Заседание возобновляется. Господа члены Рады! Я еще раз обращаюсь к вам с покорнейшей просьбой не применять более тех способов, которыми вы пользовались при обсуждении кандидатур на высокую должность представителя всего войска — войскового атамана. Способы эти, вероятно, никого не удовлетворяют. Что же, в самом деле, получается? Мы выставляем лучших людей, мы выносим целый ряд постановлений о награждении их за понесенные труды, а сегодня начинаем обливать их грязью. И я думаю, что если мы будем и дальше продолжать их так порочить, то никто не согласится быть нашим атаманом, получится, что лучшие люди не станут соглашаться выставлять свою кандидатуру. У каждого человека всегда найдутся противники, и, какого бы идеального человека вы ни поставили, всегда найдутся такие люди, которые начнут обливать его грязью. Я приношу перед вами извинения в том, что я допустил речь, совершенно неуместную, полковника Чекалова.

Я знал, что из этого произойдет, но я не мог не допустить ее, так как, если бы я не дал полковнику Чекалову слово, то, поскольку я являюсь сторонником кандидатуры Быча, он мог бы сказать, что я произвожу предвыборное давление, иначе я бы, безусловно, остановил оратора. Вы видите, что мы поставлены сейчас в чрезвычайно тяжелое положение, ибо один из кандидатов, намеченный значительной частью Рады, отказался от своей кандидатуры. *(Голоса: «Просим».)* Виноват, господа, Л. Л. Быча, как и генерала Филимонова, здесь нет, и поэтому просить его мы, к сожалению, лишены возможности. Во всяком случае, поступило от представителей четырех отделов: Екатеринодарского, Ейского, Кавказского, Таманского, которые большинством выставили кандидатуру Быча, заявление, чтобы прекратить обсуждение кандидатур и созвать отдельское совещание, на котором обсудить создавшееся положение и, может быть, выставить новых кандидатов. Как угодно выйти из этого положения? *(Голос с места: «А заявление Ейского отдела?»)* У меня его нет.

Член Рады И. Макаренко. — Ейский отдел предлагает настаивать и просить Быча свою кандидатуру не снимать, но впредь до выяснения этого вопроса заняться другой работой, т. е. неофициально прервать обсуждение этого вопроса здесь и передать его на обсуждение в отделы.

Член Рады Траценко. — Лука Лаврентьевич Быч, к сожалению, свою кандидатуру снял, и я полагаю, что это сделано не для того, чтобы мы его просили. Это он сделал вполне сознательно, и его решение твердо. Ибо мы знаем его как человека с твердой волей. Я полагаю, что никакие увещевания, никакие уговоры ни к чему не при-

ведут. Его заявление, сделанное официально, я предложил бы считать окончательным. *(Голоса: «Правильно».)* В этом случае положение создается следующее: мы остаемся при одном кандидате. *(Голос с места: «Так точно».)* Я полагаю, что если сделать перерыв и заняться подысканием других кандидатов, то возможно, что наши стремления увенчаются успехом и мы подыщем кандидатов, но я укажу вам на то, что мы подыскиваем уже давно, уже не первый день ломаем головы над тем, кого выставить кандидатом. Из всех возможных фамилий наше внимание останавливалось только на двух. И, несомненно, если мы назовем какие-нибудь другие фамилии, то они будут иметь чисто формальное значение и не дадут практических результатов, а мы, господа, потеряем драгоценное время. Поэтому я предлагаю: не нужно тратить много времени на подыскание номинальных кандидатур, будем продолжать работу и сегодня же, без перерыва, произведем выборы. Я полагаю, что тем, кто желает осветить, дать оценку хотя бы одного из оставшихся кандидатов, — нужно дать возможность высказаться.

Председатель. — Я предостерегаю вас от одного обстоятельства: по тем цифрам, какие у нас есть, ясно, что мы должны сделать перерыв. Я полагаю, что не ошибаюсь в этом вопросе — записки за Л. Л. Быча поданы от четырех самых многолюдных отделов. Может легко случиться, что мы забаллотируем единственного оставшегося кандидата и, благодаря тому, что мы недостаточно столковались, этот кандидат не пройдет; в результате мы заберемся в тупик.

Член Рады Манжула. — Господа члены Рады! Мы действительно попали в положение, из которого как будто бы и не совсем легко выйти, но, принимая во внимание подобные же случаи, которые имели место в нашей станичной практике и в практике самой Рады, мне думается, что выход есть. Когда человек отказывается от избрания, а желающие его голосовать находятся, то есть один принцип, он для казаков подходящий — принцип принуждения. Рада скажет, кому она окажет доверие, а заявлений об отказе не примет. Сейчас все будут отказываться, и, чтобы выйти из этого положения, я и предлагаю принцип принуждения, мобилизации. *(Аплодисменты, смех.)* А сейчас мы должны только пробаллотировать, уважает ли высокое собрание отказ Луки Лаврентьевича Быча или нет. *(Голоса: «Нет».)* Если не уважает, то мы приступим к дальнейшей работе, потому что, если будет два кандидата, то будет с кем сравнивать. Мое предложение сводится к тому, чтобы Рада проголосовала, уважает ли она просьбу Луки Лаврентьевича; если нет — то мы по-казачьему и заставим его служить. *(Смех, аплодисменты, голоса: «Просим».)*

Член Рады Омельченко. — Господа члены Рады! Мне кажется, если кандидатура Быча все-таки выставляется значительным числом голосов, значительным количеством отделов, то тут отказ абсолютно неприемлем в силу следующих психологических соображений. Рада находит, что данное лицо является для края нужным, что силы его являются полезными, между тем это лицо, в силу каких-либо личных соображений, в силу тяжести, которую Кубанский край предполагает возложить на его плечи, думает отказаться. Позвольте, однако: может быть, так же чувствует себя и рядовой, который, тем не менее, никогда не отказывался, который не имеет права уклониться от своего долга идти на фронт. *(«Правильно», аплодисменты.)* Это надо учитывать. Значит, отказ такого человека, которого краевая Рада, или солидное количество ее членов,

выставляет, неприемлем; мне кажется — места такому отказу здесь не может быть. Ведь, имейте в виду, представитель Лабинского отдела здесь отмечает: «Давайте продолжать работу, потому что этот человек с сильной волей, и если он решил отказаться, то он отказался бесповоротно». Конечно, если начнется обсуждение кандидатур таким докладом, каким начал Чекалов, то опустятся руки и останется только уйти и смотреть со стороны на ту трагедию, которая должна произойти в Кубанском крае. Мы стали на неверную точку зрения при обсуждении кандидатур. Может случиться, что завтра же чуть ли не вся Европа будет знать о том, что наше правительство в целом заключило, на невыгодных будто бы для края и на выгодных для акционерной компании условиях, договор и допустило эксплуатацию табака в Кубанском крае — это с точки зрения Чекалова. Значит, обсуждая этот вопрос, он привлек сюда этот материал для того, чтобы облить грязью Быча. Я, господа, обращаю внимание на то, что председатель комиссии по разбору докладов правительства единственный материал, который есть в его распоряжении, употребил на то, чтобы облить грязью имя председателя правительства, обвиняя его в заключении невыгодной концессии. *(Голос с места: «Их много».)* Я говорю почетному собранию: вопрос кубанского строительства является настолько важным, что здесь личным интересам места быть не должно. Если данное лицо намечено, если так или иначе его кандидатура будет выставлена — оно отказаться не имеет права, потому что тогда каждый казак может отказаться от исполнения своего долга. Я, став на точку зрения нашего казачьего уклада, скажу: если тебя выбирают атаманом, выбирают на высокий пост, то ты отбудь и эту очередь. Если очередь должна быть отбываема рядовым казаком, то, тем более, должна быть отбываема всеми теми, кому мы вверяем булаву.

Член Рады (фамилия не установлена). — Господа члены Рады! Я — человек совершенно простой, простой казак, живу в маленькой станице, но кое-что знаю. *(Смех.)* Мы приехали сюда, в Раду, из станицы; мы хорошо знаем, кто у нас может быть войсковым атаманом. Я вам скажу: многие станицы Таманского отдела, где много казаков, которые стоят на фронте, находят, что интересно и желательно было бы войсковым атаманом видеть Луку Лаврентьевича Быча *(Аплодисменты, голоса: «Просим».)*, ибо этот атаман в настоящее время мог бы вынести всю ту тяжесть, которую мы переживаем. Я вас, господа, покорнейше прошу и призываю остановиться на этом кандидате, ибо у нас в настоящее время есть противная сторона, которая желает ввести нас в заблуждение тем, что хотят этого человека очернить, говорят, что этот человек негодный. Мы, казаки, говорим: этот человек будет хорошим атаманом, и мы должны просить его об этом.

Член Рады Николаев. — Господа члены краевой Рады! Когда Екатеринодарским отделом обсуждался вопрос о кандидатуре в атаманы, я внес следующее предложение и на нем настаиваю: прежде чем говорить о кандидате, мы должны обсудить доклад правительства. Ясно, что, пока мы этого не сделаем, пока не выслушаем объяснений той комиссии, которая занимается рассмотрением этого доклада, мы, по совести говоря, спокойно и совершенно объективно работать не сможем, ибо нельзя же выслушать только одну сторону, которая говорит так, как она находит лучше, и не выслушивать другой стороны, которая отнесется критически. Это мое мнение — большинства оно не

получило, поэтому я говорю сейчас от меньшинства. Мы теперь в трагическом положении: из двух кандидатов один свою кандидатуру снял; правда, нам говорят о новых кандидатах, но я спрашиваю — среди кого же их искать, может быть, среди правительства, среди министров? По моему мнению, сначала нужно посвятить одно заседание обсуждению деятельности правительства, всесторонне осветить этот вопрос, выяснить эту деятельность, выслушать возражения, критику — конечно, не уголовного характера, а объективную критику, которая может быть полезна делу, и тогда уже выбирать. Теперь нам предлагают следующее: просить Быча не снимать кандидатуры. Может быть, это предложение найдет большинство, но я полагаю, этого сейчас делать не следует, так как это будет своего рода — да позволено будет так выразиться — трюк, который нас поведет к новым ошибкам. Мы, прежде чем просить, сначала выскажем свое отношение к данному кандидату. Не обсудив его деятельности, о которой можно много сказать, на многое открыть глаза, не выслушав объяснений — обращаться с просьбой не снимать кандидатуры было бы несколько преждевременным. Я думаю, что самое лучшее — обратиться к докладу правительства, и это будет то, к чему надо было обратиться с самого начала. Я утверждаю, что в парламенте именно с этого и начинают: когда правительство выступает со своей декларацией с трибуны, то в первую очередь назначаются общие прения. Когда прения заканчиваются, тогда начинается обсуждение деятельности отдельных министров. Я думаю, мы поступим необдуманно, если, не дождавшись общих прений, приступим к выборам; я думаю, что это предложение пока нужно отложить совершенно в сторону. Я предлагаю — если вы вступили на путь парламентский — назначить обсуждение докладов правительства, а затем уже приступить к выборам атамана.

Председатель. — По сейчас поставленному вопросу имеется несколько предложений. Кто за то, чтобы прения прекратить? Кто против? Прения прекращены. Имеется такое обстоятельство: один из кандидатов, выставленный очень большой группой, снимает свою кандидатуру. Одни члены Рады предлагают просить его выставить свою кандидатуру, другие — приказать, а третьи — прервать обсуждение кандидатур для нового рассмотрения по отделам. Я лично присоединяюсь к этому, ибо сейчас, хотя и могут быть приняты решения, но необдуманно. Я предлагаю прервать обсуждение и передать в отделы; пусть отделы обсудят все предложения, какие имеются. Вот, например, член Рады Николаев говорит, что, прежде чем выбирать атамана, надо детально обсудить доклады правительства. Сейчас я должен продолжать вести прения и в то же время не могу не сомневаться — а может быть, отделы, выставившие раньше кандидатуру Л. Л. Быча, не сойдутся на кандидатуре генерала Филимонова; у нас получится разбивка голосов и не окажется ни одного кандидата; при данном положении это вполне возможно. Итак, я голосую: желает ли Рада продолжать обсуждение кандидатуры или желает сделать перерыв, с тем чтобы предварительно вопрос был рассмотрен в отделах? Кто за то, чтобы передать в отделы? Кто против? Большинством решено продолжать обсуждение кандидатур здесь. Как же быть с отказом Быча? Имеются предложения: считать отказ принятым, просить не отказываться и, наконец, не принимать его отказа. *(Голоса: «Не принимать», «Не принимать».)* Тех членов Рады, которые не находят возможным принять отказ кандидатуры Быча в атаманы, прошу

поднять руки. Кто находит возможным? Мало. *(Аплодисменты.)* Отказ не принят. Ко мне поступило заявление о том, чтобы двери закрыть, чтобы дальнейшее заседание велось при закрытых дверях. *(«Этого нельзя делать».)* Я обязан вопрос поставить на обсуждение. Член Рады Воропинов — против закрытия дверей.

Член Рады Воропинов. — Этот вопрос приобретает очень серьезное значение. Раз мы вначале открыли двери, а теперь вдруг закроем, то на этой почве соткется такая паутина клеветы, от которой не оберемся. На этом основании я настаиваю, чтобы двери не закрывались.

Председатель. — Кто желает говорить за то, чтобы двери были закрыты? Таких нет. Кто за то, чтобы двери были открыты? Кто против? Двери открыты. Я предупреждаю и прошу дальнейших ораторов вести обсуждение кандидатур в соответствующих рамках, чтобы кандидатам не было стыдно занять предложенный пост. А то вот мы выберем атамана, а потом будут удивляться — как же выбрали такого?

Член Рады Траценко. — Господа члены Рады! Перед нами две кандидатуры, и мы должны сделать по возможности правильную, здоровую и точную оценку каждой из них. Нужно сознаться, что наш край чрезвычайно беден яркими личностями, но не в этом только наша беда. Будем утешаться тем, что вообще в современной России в этот тяжкий период такая неразбериха, такой сумрак и так мало ярких личностей, способных понять смысл происходящих событий и способных вывести нас на правильную дорогу. Будем утешать себя этим и признаем, что наши кандидаты также не являются яркими личностями: они одинаково скромные местные работники. И вот, по этим соображениям, главное внимание надо обращать не столько на их личные достоинства и недостатки, сколько на обстоятельства другого рода. Вам, наверно, известно, что в области политических работ бывают случаи, когда не яркая личность, но скромный работник играет крупнейшую роль, потому что стоит на правильной позиции, потому что его позиция талантлива. Но бывают и противоположные случаи, когда яркая личность с крупнейшим талантом и данными не может играть крупной роли в обществе, потому что бесталанна его позиция. Вот поэтому я хочу обратить ваше внимание на позицию, которую займет тот или другой кандидат. Несомненно, что у нас на Кубани эти позиции еще не вырисовались с достаточной выпуклостью. Ясно, однако, что эти позиции существуют. Какова же позиция Л. Л. Быча и какой позиции придерживается полковник Филимонов? Если у них нет определенных позиций, то, может быть, они приближаются к той или иной позиции. И каким мерилом надо мерить наших кандидатов?

По моему убеждению, мы должны в этот тяжелый период иметь в виду одно мерило, которому подчиняется общественная жизнь. Это — закон и политика единства: единства края, единства силы, силы общероссийской, направленной к воссозданию свободной России, где каждый класс и каждое сословие могли бы жить всей полнотой культурной жизни. Закон единства, политика единства — вот мерило, которым надо измерять наших общественных деятелей, и кто больше подойдет к этой политике, тот, несомненно, будет наиболее желательным кандидатом. Несомненно, что нужно касаться обоих кандидатов. Нужно сделать сравнение, и я начну с Л. Л. Быча. Он примыкает к общественному течению, которое у нас пока недостаточно ярко обозначилось, тем не менее оно существует. Течение это ничего дурного в себе не заключает, наоборот,

оно симпатично и, несомненно, искренне и естественно в сердцах тех, кто его придерживается. Существует течение, участники которого страдают, так сказать, рассеянием внимания: они думают об интересах края и России, но, кроме того, их внимание уклоняется в сторону, рассеивается и обращается на предметы, не имеющие первостепенного значения. Существует течение, которое слишком много внимания уделяет отдельной части России, именно Украине, течение симпатичное и искреннее, но, несомненно, это течение ослабляет принцип единства и склоняет внимание своих участников не туда, куда надо. Оно очень легко может быть выражено в таких словах: на вопрос: «Как мы должны поступить в данном случае?» — сторонники этого течения дают ответ: «Як прикаже нэнька Украина». Я полагаю, что это говорится искренно, но заслуживает порицания. Я полагаю, что теперь на вопрос: «Как мы должны поступить?» — надлежит отвечать: «Так, как того потребует наше общее государство, наша общая мать — Россия в целом, а не какая-нибудь отдельная ее часть». *(Аплодисменты.)* И вот, Быч является участником течения, сосредоточивающего свое внимание не столько на всей России, сколько на одной ее окраине. Конечно, нельзя утверждать, что Россию обходят молчанием. Л. Л. Быч не является лидером этого течения, он только рядовой его работник. Этим же течением руководят другие. И я спрашиваю, насколько удобно иметь во главе края даже не лидера, а рядового участника этого течения, уязвленного в известной степени его основным принципом, поддерживающим влияние этого течения. Я полагаю, что это неудобно. Позвольте заявить вам, что это течение не охватывает собой всей Кубани, оно не охватывает всего казачества. Все казачество этого настроения не разделяет. Это — факт, а раз это так, то нельзя утверждать, что это течение есть позиция единства. Если мы это допустим хотя бы мысленно, то это будет не политическое единство, а позиция невольного разъединения. Повторяю, что не весь край и не все казачество придерживается этого течения; более того — определенная часть казачества даже не понимает и не может его осмыслить. Так вот, подходя с мерилом единства к Л. Л. Бычу, приходится отметить, что ему не удастся, им не может быть достигнуто это единство в силу того, что он примыкает к тому — симпатичному, но не разделяемому всей Кубанью — течению.

Иное течение живет в ряду всех борющихся против большевизма, в ряду живых сил, стремящихся к воссозданию свободной России, где не последнюю роль играет Добровольческая армия. Несомненно, желательно и необходимо, чтобы Добровольческая армия не уклонялась в сторону от здорового государственного идеала, соответствующего интересам народа. Несомненно, желательно, чтобы Добровольческая армия не попадала под случайное влияние случайных групп, и желательно, чтобы голос казачества имел должный вес в руководительстве Добровольческой армией, вес и авторитет среди самой Добровольческой армии. Несомненно, что до сих пор Быч прилагал все усилия к тому, чтобы было единство между казаками и Добровольческой армией, но должно сознаться, что все его попытки и искренние старания установить единство не увенчались успехом. Л. Л. Быча в Добровольческой армии уважают, но голос его не имеет там того веса, который он должен был бы иметь в силу его положения. К сожалению, Л. Л. Быч не сумел найти выхода из целого ряда затруднительных положений, не сумел найти силы того или иного факта, который привел бы к более

прочному союзу. Поэтому позицию Л. Л. Быча я не могу считать в этой области приближающей к единству. Кроме того, я должен сказать, что существуют незаметные для многих, но на самом деле действительные трения в среде самого казачества. Они еще не начали разыгрываться, и дай Бог, чтобы никогда не разыгрались, но почва для них существует. Налицо разделение: Кубанская область разделена самой жизнью на южную — малоземельную и северную — многоземельную части. И вот нашим земельным законопроектом предполагается перераспределение земли.

Председатель. — Это не относится к существу вопроса; прошу обсуждать кандидатуру.

Член Рады Траценко. — Так вот, Быч является уроженцем многоземельной части Кубанской области и тесными, кровными узами привязан к этой части края, почему не может совершенно беспристрастно вмешаться в этот спор между двумя частями края. И в этом отношении позиция Быча, следовательно, нам известна: она не обещает единства, которое так необходимо. Вот три обстоятельства, которые нужно иметь в виду. *(Шум, крики, протесты.)*

Председатель. — Господа члены Рады! Если вы будете шуметь, то не дадите возможности высказаться оратору, а это только затягивает время. Призываю к порядку.

Член Рады Траценко. — Я должен указать еще на четвертое обстоятельство. В строительстве современной России принимаем участие не только мы, кубанцы, но и другие. В силу обстоятельств в возрождении нашей Родины принимают участие иностранцы — наши союзники, и нам важно знать позицию союзников. Несомненно, что в этом вопросе все симпатии союзников не согласованы с симпатиями того течения, представителем которого является Л. Л. Быч. Союзники не сделали, конечно, определенного заявления, что течение, в котором находится Быч, не встречает их полного сочувствия и симпатии; но было сделано определенное заявление такого рода, что в создании России союзники держатся одного принципа: не признают никаких внутренних перегородок и хотят видеть Россию как целое, Россию единую. Позиция союзников, конечно, должна интересовать нас, мы должны ее учесть. Принимая во внимание, что голос Филимонова имеет больший вес в Добровольческой армии, чем голос Быча. *(Шум, протесты.)*

Председатель. — У нас осталось еще 20 ораторов, и все положения будут освещены следующими ораторами. *(«Довольно», шум; возгласы: «Время кончить».)*

Член Рады Траценко. — Я не говорю ничего лишнего. Я говорю только то, на что я уполномочен и что диктует мне моя совесть.

Председатель. — Отдельные реплики бросают тень на всю Раду. Прошу членов Рады с темпераментом воздерживаться и придерживаться достойных рамок.

Член Рады Траценко. — Таким образом, повторяю, что, по двум первым соображениям, полковник Филимонов ближе к позиции единства, чем Л. Л. Быч; по третьему соображению, в силу своего положения в крае он точно так же ближе к позиции единства. Затем я также указываю и подчеркиваю лишний раз, что в вопросе о том, кто должен быть войсковой атаман — военный или штатский, мое мнение таково, что желательно, чтобы был военный человек. Если войсковым атаманом будет человек штатский, то единство войска будет нарушено, или, во всяком случае, не будет сохра-

нено. Вот те соображения, которыми я руководствовался в своем слове. Здесь указывали, что Филимонов недостаточно стоек в своем демократизме и склонен поддаваться постороннему влиянию. Я должен сделать маленькие выдержки из документов — из переписки войскового атамана с командованием Добровольческой армии. В письме от 22 сентября читаем: «Кубанский край управляется на основании положения, выработанного постановлениями трех краевых Рад и являющегося для меня, выборного атамана, обязательным к руководству и исполнению. Никаких других законных норм, коими могла бы регулироваться жизнь Кубанского края, ввиду полной разрухи всероссийской центральной власти, нет и быть не может до воссоздания этой власти и до признания ее населением Кубанского края». Другое место из того же письма гласит: «Источником прав по управлению Кубанским краем могут быть только вполне свободные, полюбовные соглашения руководителей армии и краевого правительства. На установлении этого единственного возможного пути общей нашей работы я и правительство давно настаивали и, казалось, достигли успеха, добившись учреждения особой согласительной комиссии для разрешения естественных при большом деле недоразумений и трений». Вот эти два отрывка подтверждают мои слова. Я вовсе не хотел скомпрометировать того или другого кандидата, но я высказал свои убеждения по отношению к ним как общественным деятелям. Я нахожу, что позиция Филимонова ближе подходит к единству и потому он должен являться наиболее желательным кандидатом. Будем справедливы, будем беспристрастны и будем оценивать обоих кандидатов с этой стороны.

Председатель. — Ко мне поступило заявление за подписью 10 членов Рады, такого содержания: «В связи с отказом полковника Науменко — поставить на разрешение Рады вопрос, не признано ли будет соответственным не уважить просьбу полковника Науменко». *(Шум.)* Тут два вопроса и два ответа на них. Из них можно один вопрос уважить, а другой не уважить. В связи с этим заявлением слово предоставляется члену Рады Воропинову.

Член Рады Воропинов. — Господа члены Рады! Когда по отделам намечались кандидаты в войсковые атаманы, там предусматривалось так — по крайней мере, так говорили в комиссии, — что мы выставляем основные кандидатуры таких-то лиц, а если по каким-либо причинам эти кандидатуры могут отпасть, тогда у нас будут запасные кандидатуры, и вот кандидатура полковника Науменко как раз выдвинута меньшинством Кавказского отдела — всего, по вчерашнему голосованию, восемью человеками. Отсюда мы ясно видим, что эта кандидатура носит запасный и совершенно случайный характер. Я понимаю, если мы приняли решение не принимать отказа Быча — кандидатуры, определенно поддерживаемой определенно твердым количеством голосов, то этого самого нельзя сказать об этой случайной кандидатуре. И поднимать самый разговор о том, принимать или не принимать ее, нельзя. Мы можем принимать или нет отказ от тех кандидатов, судьба которых является достоянием войска; таких кандидатур две — Быча и Филимонова. Я в одинаковой степени, если бы кандидатура Филимонова снималась — хотя я и противник его, — но также присоединил бы свой голос к тому, чтобы в этой просьбе ему было отказано. А в данном случае кандидатура полковника Науменко не тверда и носит случайный характер, а мы не можем внести в

голосование результаты чисто случайные. На этом основании я абсолютно не нахожу возможным отказать полковнику Науменко в его законном желании, и его просьба должна быть уважена.

Председатель. — Один оратор высказался за, кто желает высказаться против?

Член Рады (фамилия не установлена). — Господа члены Рады! Давайте будем последовательны: если мы просьбу одного не уважим, то должны сделать так и с другой просьбой; а если мы полковника Науменко устраним, то мы сделаем насилие большинства над меньшинством. Член Рады Воропинов говорит, что это случайная кандидатура, но мы не можем так смотреть на вещи. Те люди, которые выставляли его кандидатуру, не могли быть случайными. Если мы не уважили просьбы Быча, то мы не должны также и уважить просьбы Науменко. *(Аплодисменты.)*

Председатель. — Прошу г.г. гостей, сидящих в ложах, не принимать активного участия в заседаниях краевой Рады, в противном случае президиум вынужден будет удалить частную публику из залы заседания. Итак, подана записка о том, чтобы просьба полковника Науменко о снятии кандидатуры не была уважена. Один оратор высказался за то, чтобы уважить эту просьбу, другой — чтобы не уважить. Следующее слово принадлежит члену Рады Николаеву. *(Член Рады Николаев с места: «Я отказался от слова».)* Следующее слово — члену Рады Крамарю.

Член Рады Крамарь. — Господа члены Рады! Вопрос, по моему мнению, почти выяснен, и я говорить не буду.

Председатель. — Следующее слово принадлежит члену Рады Курагину.

Член Рады Курагин. — Господа члены Рады! Здесь все-таки надо признаться, что когда полковник Чекалов сделал, хотя и краткий, очерк деятельности, косвенно связанной и относящейся к деятельности главы правительства, которая была проявлена во всех работах по управлению краем, — здесь почувствовалось то, что называется «жженым хлебом пахнет». Совершенно правильно заметил председатель Рады, что разобрать это дело надлежит прокурору, который даст ход и направление этому делу; я убежден, что, несомненно, жженым хлебом запахнет в городе и керосином, и вы увидите ряд доказательств этим утверждениям — они не голословны и обливания грязью здесь нет. Вы не думайте и не предполагайте, что здесь «так» вышли и сказали наобум. Вы не забудьте того, что с тех пор, как существует Временное правительство, сколько пожрал продовольственный комитет? — 382 миллиона рублей. Вы не забудьте того, что сам Быч — председатель правительства — сказал с этой кафедры, что 120 миллионов в год есть содержание этого богоугодного заведения, называемого продовольственным комитетом. Здесь несомненно невнимательное отношение — и в этой области шла характеристика — к тому, что существует и дает темп нашему вывозному хозяйству: я говорю о грузах, о той ужасной контрабанде, о тех взятках, которые существуют по покупке удостоверений на вывоз продуктов. У меня есть доказательства. Из Ростова мне предлагают: «Не возьмете ли дело по исхлопотанию на вывоз восьми вагонов хлеба, за что уплатите 26 тысяч рублей кому следует». Но... *(«Кто пишет»?; шум, крики: «Назвать имя».)* Когда будет следствие, то я, господа, назову в суде и следователю это имя, занимающее довольно видное положение на бирже в Ростове. Ему я дам ответ. Далее говорят о кандидатуре Филимонова...

Председатель. — Вас просят назвать имя этого лица.

Член Рады Курагин. — Извольте, я скажу — это лицо Николай Анисимович Секулин. Вы спросите, что это за фамилия. Я скажу — спекулянт известный. Теперь делайте вывод из этого. Может ли это бросать тень на председателя правительства? Конечно, нет. Я говорю только, что в продовольственном комитете неладно и что об этом председатель правительства — глава комитета — не знает. Вот характеристика того, что нам нужно знать. Я перехожу далее. Говорят здесь относительно Филимонова, что он же человек «ничего себе», но слабой воли. Да укажите мне хотя бы на отдельный случай, где бы он не был связан в своей деятельности. Ни одного шага, ни одного акта, ни одного распоряжения не могло исходить по его инициативе. Здесь Макаренко вам представил пример, указывая на генерала Краснова, который создал Донское войско: у нас же, говорит, это все осталось только благими намерениями и войска нет. Однако, если вы возьмете официальный орган донского правительства и прочтете распоряжение Краснова, как, например, следующее: «Я такого-то числа явился в такое-то учреждение и не застал товарища министра там; в будущем прошу являться строго в определенные часы» — вы поймете, что Краснов может делать подобные замечания, у нас же Филимонов этого не мог делать, потому что он не имеет права, потому что он глава власти на бумаге, а не в действительности. Когда ему этой власти не дают, то он ее и проявить не может. Не забывайте того, что в момент общей разрухи, когда в октябре месяце прошлого года шел развал фронта и никто не решался взять эту булаву в свои руки, то ее взял полковник Филимонов. Он ушел и пришел с нею и, вручая ее нам, сказал: «Вот булава, вот власть, которую я сохранил». И я говорю, что, несомненно, тот, кто сохранил край и, несомненно, за собой повел всех — есть лучший атаман, так как именно он повел за собою всех, а не другие, так как он был угрозой для большевиков, так как большевики постоянно говорили: «Эх, вы, филимоновцы», а о других в то время не говорили. Я говорю, несомненно, Филимонов был у большевиков «бельмом в глазу». Несомненно, все это говорит в пользу Филимонова, и если он раньше не мог проявить своей инициативы, то нужно теперь дать ему эту возможность проявить себя в новом строительстве. Нужно предоставить только ему булаву и управление краем.

Председатель. — Господа члены Рады! Трудно ораторам говорить, когда происходит непрерывное движение в зале. Прошу оставаться на местах и не мешать оратору. Слово предоставляется члену Рады Новосильцеву. *(«Его нет».)* Слово предоставляется члену Рады Горбушину.

Член Рады Горбушин. — Господа члены Рады! Предыдущие ораторы много сказали по поводу тех и других кандидатов в войсковые атаманы. И мне, в силу необходимости, приходится немного оппонировать Воропинову в той части, когда он говорит о Филимонове, что он не обладает устойчивостью в тех или других случаях. Но в чем видна эта неустойчивость? Укажите мне хотя бы на один пример. Между тем я прочитаю вам письмо, оно не секрет, из него выдержки уже делались. Это письмо было написано войсковым атаманом одному из представителей командования, а именно ген. Драгомирову, 22 сентября сего года: «Письма вашего высокопревосходительства за №№ 22, 25, 26 и 38 по заключающимся в них положениям и требованиям ставят меня в большое затруднение.

Дело в том, что:

1) Кубанский край управляется на основании положения, выработанного постановлениями трех краевых Рад и являющегося для меня, выборного атамана, обязательным к руководству и исполнению. Никаких других законных норм, коими могла бы регулироваться жизнь Кубанского края, ввиду полной разрухи всероссийской центральной власти, нет и быть не может до воссоздания этой власти и до признания ее населением Кубанского края.

2) С командным составом Добровольческой армии у меня и у кубанского правительства имеется лишь одно письменное соглашение от 17-го марта сего года, из содержания которого ни в коем случае нельзя сделать вывода о каком-либо подчинении кубанской краевой власти командному составу Добровольческой армии.

3) Ни покойный генерал Корнилов, ни генералы Деникин и Алексеев не только не издавали актов, указывающих на присвоение ими в отношении Кубанского края прав верховного государственного управления, но никогда не высказывали такого намерения на словах. Что же касается «прав завоевания», которыми можно было бы объяснить тон и основание ваших требований, то прежде всего таковые, насколько мне известно, не признаются г. командующим армией генералом А. И. Деникиным, который в беседе со мной 19 сентября определенно заявил, что он «не завоевывает Кубанскую область, а ее освобождает», а кроме того, право это, разумеется, никогда не может быть признано всей Добровольческой армией, состоящей в 30 %, а может быть, и больше, из кубанских казаков, которые, самоотверженно сражаясь в рядах армии и кровью своей содействуя успехам руководителей армии, меньше всего ожидают, что этим самым они способствуют умалению авторитетности выбранной ими и пользующейся полным их доверием краевой власти. (Если ваше высокопревосходительство прикажете доложить вам все приговоры и адресы населения, обращенные ко мне и правительству, то вы убедитесь, что ссылка на доверие казаков не голословна.)

4) Несомненная помощь, оказанная командным составом Добровольческой армии Кубанскому краю, казалось бы, должна полностью компенсироваться готовностью моей и правительства идти навстречу всем нуждам армии и жертвами, приносимыми ежечасно кубанскими казаками на общее святое дело. Таким образом, я считаю, что источником прав по управлению Кубанским краем могут быть только вполне свободные полюбовные соглашения руководителей армии и краевого правительства. На установлении этого единственно возможного пути общей нашей работы я и правительство давно настаивали и, казалось, достигли успеха, добившись учреждения особой согласительной комиссии для разрешения естественных при большом деле недоразумений и трений. Считаю необходимым вновь уведомить ваше высокопревосходительство, что лишь немедленное составление авторитетного посреднического органа может помочь нам в большом и ответственном деле управления краем и что только компетентному решению этого органа должны подлежать вопросы, составляющие предмет четырех ваших писем ко мне. Избранный же вами путь воздействия на меня и правительство указанием на пожелание высокоуважаемого всеми нами генерала М. В. Алексеева не может быть руководящим началом для органов власти, получивших свои полномочия непосредственно от населения. Прошу принять уверения в совершенном почтении и преданности. (Подписал.) Уважающий вас А. Филимонов». Что же, все это мог ска-

зать только «слабый» атаман?! Далее я спрошу вас: «А кто вам знамя на Кубань привез? А что было бы, если бы атаман туда пошел, куда пошел Бардиж? Я говорю так о Бардиже не потому, что он плохо сделал. Я думаю, что если бы Филимонов тогда ушел от отряда, в котором он был, то не было бы власти теперь на Кубани. Между тем, разве допустимо, чтобы выборный атаман просил помощи у офицеров и говорил: «Я не знаю, что мне делать с правительством», и сказал тогда же: «Если вы вернетесь на Кубань, я вас объявлю изменниками». Это мог сказать только слабый атаман? Мы говорим о твердой политике. Я вас спрашиваю: для чего же вы избрали согласительную комиссию? Вы твердо решили, чтобы было единение, и потому сказали, что должна быть основана согласительная комиссия. Это и есть твердая политика. Далее я укажу на конституцию. Вот вы все говорите: «слабый, слабый войсковой атаман, а откровенно говоря, в душе вы чувствуете — что он мог сделать? Вы разве не видели, что все распоряжения подписывал председатель правительства или член правительства. Только в некоторых делах военных он издавал приказы. Между тем настоящий глава власти должен ведать всем, как, например, донской атаман Краснов, а ведь мы еще в прошлом году называли Краснова «монархистом». Вот это зло, которое мы в прошлом году сделали, оно довело до того, что у нас в действительности нет войскового атамана. Да, теперь он стал действительно слабым, но совершенно не в том дело, что он слабовольный, а в том, что ему не дают действовать так, как он хочет. Теперь, конечно, мы, убежденные в том, что в прошлом году сделали глупость, должны исправить нашу ошибку. Мы должны теперь дать право и возможность Филимонову держать ту булаву крепко, которую в прошлом году ему дали, и вот в будущем году вы его спросите: «Теперь вы сделали что-нибудь или нет?» А когда человеку не дают никаких прав, всячески связывают его, тогда нельзя спрашивать с него отчета.

Член Рады Данилов. — Господа члены Рады! Здесь все сказал предыдущий оратор, и мне остается только добавить, что подводить под одну мерку всех, как подводил член Рады Воропинов, нельзя; впрочем, если даже и эту мерку прилагать к войсковому атаману, то, как предыдущий оратор указал, Филимонов подходит и к этой мерке как человек с сильным характером. Вы, господа, выпустили из виду тот момент, когда полковник Филимонов сказал: «Я только равняюсь по вас». Да, у него сильная воля есть, но он только чуток, он придерживается той законности, которую вы ему указываете. Вот такой атаман, который будет придерживаться строгой законности и прислушиваться к голосу народа и служить его интересам, вот такой атаман не допустит невыгодных сделок для края, а эти сделки вот как раз здесь обсуждались. Здесь было сказано, что эти сделки были очень невыгодны, об этом нам уже давно известно, что закабаляют народы эти тресты, блоки, синдикаты; этого не должно быть в нашем демократическом крае. Один плантатор рассказывал, что он десять лет хлопотал перед старым правительством…

Председатель. — Прошу говорить по существу. Здесь обсуждаются не тресты и синдикаты, а кандидатуры.

Член Рады Данилов. — Старое правительство не прислушивалось к голосу этих тружеников, а мы думаем, что новое должно прислушиваться. И мы думаем, что наш войсковой атаман всегда прислушивался к голосу народа и будет прислушиваться к

нему и не допустит таких сделок, какие уже были. Мы думаем, что Филимонов будет придерживаться строгой законности и прислушиваться к голосу народа.

Член Рады Иванов. — Членом Рады Воропиновым сделана ссылка на положение об управлении Кубанским краем, которым якобы войсковой атаман злоупотребил при аресте генерала Букретова. Мне странно ссылаться на закон, который, вероятно, не счел нужным прочесть Воропинов. Положение о полевом управлении войск, как вам известно, дает права не всем, а только командующему или лицам, подчиняющимся ему, причем власть прокурорского надзора не может умаляться; в административном порядке арест может быть произведен в течение 24 часов. Я глубоко убежден, что ни один прокурорский надзор не может произвести без оснований такого ареста, зная, что за это он отвечает один, т. е. отвечает только то лицо, которое делает распоряжение об аресте. Пункты этой статьи говорят о том, что все власти подчиняются командующему войсками, а, как вам известно, полковник Филимонов не является командующим войсками и применения этого закона он не мог сделать, это было бы неправильно. Теперь, останавливаясь на кандидате, более желательном для нас, я могу только одно сказать: не останавливайтесь не на военном лице и не вводите в дело управления краем «a la керенщину». Еще свежо в памяти то, что сделал Керенский с российской армией. Не становитесь на этот скользкий путь.

(Заседание продолжается под председательством товарища председателя Омельченко.)

Председательствующий. — Слово предоставляется члену правительства по внутренним делам Кулабухову.

Член правительства Кулабухов. — Господа! При обсуждении кандидатуры в войсковые атаманы ораторы часто ссылаются на арест генерала Букретова, и, между прочим, каждый из этих ораторов освещает данный факт по-своему. То, что мне известно как члену правительства по внутренним делам, я должен доложить для того, чтобы к этому больше не возвращаться. Относительно генерала Букретова должен сказать, что докладчик допустил неправильность: он сказал, что генерал Букретов был предан суду чести и, несмотря на это, был приглашен правительством в качестве помощника управляющего ведомством продовольствия и снабжения. Генерал Букретов был приглашен на этот пост до предания его суду чести. Мне известно, что, по существующим российским законам, генерал не может быть предан суду чести. Юристы и штабные офицеры это прекрасно знают, об этом знал и полковник Филимонов. Тем не менее генерал Букретов распоряжением полковника Филимонова — войскового атамана — в нарушение основного российского закона был предан суду чести. Для него был сорганизован особый суд, особый личный состав. Мы знаем, что суд чести есть выборное коллегиальное учреждение, а в данном случае этот суд чести был составлен в порядке назначения. Полковник Филимонов предает генерала Букретова суду чести, а председателем этого суда чести является генерал Филимонов — родной брат полковника Филимонова. Я констатирую факты, выводы можете делать сами. После того как до некоторой степени получился конфуз с этим судом чести, в отношении генерала Букретова были произведены те действия, которые, до некоторой степени, мы сейчас и обсуждаем. Меня заинтересовала та обстановка, при которой был произведен этот

арест, наделавший так много шуму. Прежде всего, я знаю, что у нас, в Кубанском крае, никакого положения о полевом управлении нет и не может быть. Это — один из тех вопросов, на котором мы всегда не сходились с командованием Добровольческой армии. Оно очень часто при наших разговорах, при переписке ссылалось на то, что мы должны подчиняться его распоряжениям, так как наш край находится на положении полевого управления. Мы доказали, что краевая власть в этом отношении независима. И вот в доказательство своей правоты командование Добровольческой армии ссылалось на 85 ст., которая читается: «В неприятельских странах вся власть принадлежит командованию главной квартиры». И командование Добровольческой армии не раз ставило это нам на вид и подгоняло под это свои распоряжения. Краевая власть никогда не признавала Кубань завоеванной кем бы то ни было страной. Краевая власть всегда стояла на той точке зрения, что казаки сами себя освободили вместе с Добровольческой армией, и в положении неприятельской страны свой край не представляет. Когда был произведен арест генерала Букретова, мы совместно с членом правительства по делам юстиции пригласили военного прокурора Прихидько, чтобы спросить, почему именно военный прокурор это сделал, так как продовольственное ведомство является центральным ведомством гражданским и ни с какой стороны не относится к военному ведомству. По нашему мнению, дело должно было протекать в обычном порядке. Когда прокурор в ответ на это начал ссылаться на то, что у нас есть полевое управление и г. Екатеринодар и все районы Кубанского края подходят под это положение, мы заявили: «Это неправда, в настоящее время Кубанский край находится на военном положении». Прокурор согласился, что мы были правы, и заявил следующее: «Я скажу, что два раза — накануне вечером и в день ареста генерала Букретова — войсковой атаман, полковник Филимонов, приглашал меня и говорил, что мы можем провести это дело о генерале Букретове в изъятие из общих законов». И в данном случае, оказывается, по отношению к генералу Букретову было применено особое положение — изъятие из общих законов. Можете сами сделать выводы. *(Голоса: «Позор».)* Когда мы заявили прокурору, что такое отношение недопустимо, что в данном случае войсковой атаман взял на себя слишком большую ответственность в этом деле, и что, с другой стороны, по этому поводу у правительства был разговор с войсковым атаманом, и полковник Филимонов сказал, что лично он никакого участия в этом деле не принимал и на вопрос прокурора: «Как быть?» — ответил: «Как велит закон», когда об этом было сказано прокурору Прихидько, то он ответил: «Это было не так: мы были у полковника Филимонова вместе с председателем кассационного присутствия Юрковским, и в присутствии Юрковского атаман сказал, что это дело может быть произведено в порядке изъятия из общих законов». Насколько преступен генерал Букретов, я не знаю, это покажет дальнейшее будущее, но я до некоторой степени заинтересовался, почему генерала Букретова с таким треском, с таким шумом нужно было арестовать накануне выборов войскового атамана. Я думаю, что если арест был произведен только для того, чтобы удовлетворить правосудие, то, чтобы не делать скандала, генерала Букретова можно было арестовать на квартире утром, в то время, когда он не находился на службе. Для того чтобы арестовать генерала, достаточно было послать туда офицера со следователем и сказать: «Ваше превосходительство, пожалуйте, вы арестованы».

Я думаю, всякий генерал подчинился бы такому распоряжению. Но, оказывается, для того, чтобы арестовать генерала Букретова, потребовалась вооруженная сила. Вооруженные люди вошли в здание под предводительством военного прокурора, военного следователя, в то время когда в этом здании была масса служащих, просителей. И вот вооруженная сила взяла генерала Букретова и сейчас же отправила на гауптвахту. *(Голоса: «Позор».)* Что дальше будет, я этого не знаю и не предрешаю; я докладываю обстановку этого дела, а вы делайте соответствующие выводы. *(Аплодисменты.)*

Председательствующий. — Уважаемый член Рады Чекалов! Покорнейше прошу с места реплик не бросать. То высокое звание, которым вы облечены, налагает обязанности быть корректным. Слово принадлежит члену Рады Белоусову.

Член Рады Белоусов. — Кубанская жизнь, в частности краевая Рада, выдвинула теперь перед вами, господа члены Рады, две кандидатуры: кандидатуру Быча и кандидатуру Филимонова. Я, как представитель меньшинства в этой Раде, не возьму на себя ответственности порицать одного и хвалить другого — это дело того большинства, которое выберет того или другого кандидата и возьмет на себя за эти выборы ответственность. Я только считаю себя обязанным, как член Рады, изложить свой взгляд, каков должен быть атаман в переживаемый нами момент, а вы, если согласитесь, выберете того, кто наиболее к этому подойдет. Я должен заметить, что здесь, когда говорили и обсуждали кандидатуры, внесли слишком много страстности, а мне думается, что когда выбирают человека, дают ему огромную власть, вручают ему судьбы края на четыре года, нужна не только страстность, здесь нужно спокойствие и преобладание разума над чувством. Когда говорили о войсковом атамане, почти все подчеркивали, что войсковой атаман должен быть прежде всего руководителем армии, должен быть военным. Не забывайте, однако, господа, что, после того как вы приняли конституцию, вы выбираете не только предводителя армии, но — президента. Вы не должны забывать, что в силу исторических обстоятельств в данный момент, когда Россия не слилась воедино; когда, в силу этих же обстоятельств, в данный момент Кубань является самостоятельной по той конституции, которую вы приняли временно до образования единой России, атаман является президентом. И вот когда вы подойдете к разрешению этого вопроса с этой точки зрения, то вы должны задуматься и над тем, действительно ли нельзя выбирать невоенного в военное время? Выдерживает ли критику в данный момент доказательство, что президентом должен быть военный человек, мы, чтобы не ошибиться, будем основываться на примерах ближайшей истории современной войны — это тоже военное время, и военное время, длящееся уже пятый год. Мы должны обратить внимание на то, кто победил в этой войне: те страны, где во главе стояли военные, или те страны, где во главе стояли не военные. Результат ясен — первой вышла побежденной и разбитой Россия, во главе которой стоял Николай в чине полковника. *(Шум.)* Следующим было поражение Германии, никем не ожидаемое, а вы знаете, кто стоял во главе Германии. Вы знаете и тех, кого мы считаем нашими доблестными союзниками, на кого мы опираемся. Здесь было указано г. Траценко, что даже при выборах войскового атамана союзники чуть ли не должны решать вопрос. *(Голоса: «Позор»; Траценко с места: «Я этого не говорил».)*

Председательствующий. — Уважаемый член Рады Белоусов! Г. Траценко мысль высказывал несколько иную.

Член Рады Белоусов. — Тогда я извиняюсь. Если мы приписываем победу союзникам и считаемся с их колоссальным успехом, то мы должны посмотреть, кто теперь вступает в Эльзас-Лотарингию во главе победоносных французских войск. Мы все считаем, что во главе этих войск идет президент Пуанкаре — штатский *(Голос с места: «Фош».)*, во главе войск идет президент Пуанкаре.

Председательствующий. — Я прошу не обращать внимания на реплики, потому что вы говорите всему собранию, а не отдельным личностям. Прошу.

Член Рады Белоусов. — В этой войне победила Германию и Америка, а вы знаете, кто стоит во главе американских войск, кто тот человек, который призван великой американской демократией решать судьбы не только своей страны, но и судьбы всего мира. Этот человек — президент Северо-Американских Штатов Вильсон — тоже штатский. И, наконец, чье имя мы видим сейчас на газетных страницах, кто организовал победу Англии? Это Ллойд-Джордж — тоже штатский человек. Я говорю это не для умаления военных — ни в каком случае, я это говорю, чтобы вы разобрались в этом вопросе, чтобы вы могли определить, кого вам нужно выбирать президентом, в частности, сейчас на Кубани. Когда говорят: «Выбирайте президента военного, нам нужен только военный; теперь самые условия жизни требуют, чтобы президент был человек военный; если мы выберем штатского, то все пропадет», — то я на это скажу, что штатские люди стояли во главе всех тех стран, которые оказались победительницами. И когда вы перейдете к вопросу об устройстве вашей местной жизни, вы должны прежде всего задуматься над личностью выставляемых кандидатов. Я повторяю, что я говорю ни за, ни против ни того, ни другого; я только в силу справедливости хотел бы остановиться на тех доводах, тех доказательствах, которыми с этой трибуны одна часть ораторов пользовалась против другой. Я не знаю, когда мы выбираем войскового атамана — я подчеркиваю: президента, — можно ли подходить с такими данными, с такою меркою, как это сделал г. Чекалов? Тогда, когда мы выбираем президента, — сказать: не выбирайте его — только потому, что он заключил невыгодный табачный договор? По моему мнению, приводить как доказательство такие данные — по меньшей мере несерьезно. Другое дело, если бы шел разговор о выборе агента по сбыту табака. Если же, далее, обратиться к документу, который огласил гражданин Курагин, и предположить, что этот документ попал в руки прокуратуры и прокурором был я, то я привлек бы не того, кто будто бы потворствовал продовольственному комитету, даже не привлек бы самый комитет; а привлек того, кто писал, кто предлагал взятку, и того, кому было написано. *(Аплодисменты.)* Итак, я говорю, господа члены Рады, что вы, когда подойдете к такому серьезному вопросу в тот момент, когда идет вопрос об устройстве вашей жизни, вы должны помнить, что вы выбираете величайшую власть, но вручаете не так, как вручали власть самодержцу всероссийскому, так как вы вручаете не единоличную власть, власть не одного человека — вы вручаете волю народа, власть народную, вы поручаете ему блюсти молодое, еще не окрепшее народоправство. Вы должны помнить — и это не секрет, — что покушения на это народоправство будут,

что реакция — и сильная реакция — существует; об этом вам говорили, это вам так же известно, как и мне. Глава вашей делегации на Дон говорил о черных тучах, которые собрались над вашим народовластием, и вы должны подумать, чем это может окончиться; вы должны подумать о том, чтобы вновь не кончилось поражением народовластия. Когда вы будете выбирать того или другого кандидата, вы должны задуматься над тем: а будет ли он достаточно тверд только в одном направлении, достаточно тверд в смысле сохранения народоправства, потому что можно быть чрезвычайно твердым, но во вред народу. Мы знаем случаи, когда генералы были очень тверды, как Плеве, как Скалон и другие, но сказать, чтобы они твердо защищали права народа, — этого история не говорит. Они твердо защищали — это правда, но только не права народа. И поэтому, когда вы подходите к оценке твердости характера, вы должны прежде всего расценить, в какую именно сторону она направлена, ибо твердость характера может быть в смысле сохранения народоправства и в смысле подавления его, — это вы должны разбирать. И вот, выбирая одного из этих кандидатов, вы должны разобраться, кто из них больше, хотя бы в течение этой Рады, стоял на страже народоправства и кто гораздо тверже и определеннее говорил тому, кто покушался на народоправство: «Руки прочь». Это вы должны обсудить, и только после того, как вы убедитесь, что этот человек вам как народу не изменит и ни под чье влияние не подпадет, того вы и выбирайте. Если же вы выбираете человека, хотя бы и с твердой волей, но человека, который возьмет курс, вам вредный, то лучше выбирайте человека со слабым характером, ибо человек с твердой волей, да еще враждебной народу, гораздо опаснее. Нам нужен войсковой атаман не только как предводитель войска, но и как глава края. И если вы мыслите войско Кубанское не только как армию, но как и государство, то вы должны подумать о том, что лучше: если будет у вас хороший полководец, но плохой государственный деятель, или если вы поставите во главе края человека с государственным умом, который может вершить государственными делами, и дадите ему хорошего военного министра — что будет лучше, то или другое? Подходя к этому вопросу, вы тщательно должны разобраться, кого вы должны выбрать, чтобы потом не пришлось напоминать, что здесь есть Рада, есть народоправство. И вот когда вы задумаетесь над тем, почему создались такие условия, что пришлось уже теперь напоминать, что это именно так, то вы поймете, почему получилось такое положение вещей, что приходится доказывать, что вы не завоеванная область. Обсудите и это. И когда вы выясните все это, то придете к заключению, что в данном случае нужен человек, около которого не могли бы плестись всевозможные интриги, направленные против воли народа. И когда вам говорят здесь об ориентации на Украину, то не забывайте, что на этом главным образом играют монархисты. *(Аплодисменты.)* Ведь не так давно я сам был противником всех тех, кто ориентировался на Украину, ибо ориентация на Украину была в свое время ориентацией на немцев. Теперь это не так, теперь все пошло насмарку, теперь немцев нет, и если мы теперь говорим об Украине, то мы говорим не об Украине Скоропадского, который ездил на поклон к Вильгельму в Берлин, а говорим о родной нам Украине, говорим о демократии украинской, где нет немцев. И если сейчас говорят об украинской ориентации, то только для того, чтобы поссорить вас,

казаков, с украинцами, с демократией украинской. И я подчеркиваю, что если вы хотите сыграть на руку монархистам, на руку врагам народа, тогда вы поссорьтесь с украинским народом, с украинской демократией. *(Голос с места: «Никто о ссоре не говорил».)* Когда с этой трибуны говорили о единой России-матери, то я скажу: пока нет единой России-матери, мы не должны забыть принять все меры к тому, чтобы единая Россия-мать не стала вновь мачехой. Я, как представитель меньшинства, тех, кто представляет иногородних, чей голос не может повлиять на выборы, я, не указывая определенной личности, повторяю, что я высказал взгляд на сущность атаманской власти, взгляд, что атаман в силу сложившихся обстоятельств должен быть прежде всего президентом, стоящим на страже интересов избравшего его народа и долженствующим охранять все прерогативы народоправства; быть человеком, которому не страшны запугивания и который не побоится кому следует при посягательстве на волю народную сказать: «Руки прочь». *(Аплодисменты.)*

(Заседание продолжается под председательством Н. С. Рябовола.)

Председатель. — Господа члены Рады! Еще записалось 19 ораторов. *(Голос с места: «Ого!»)* Имеется предложение о том, чтобы прекратить прения и приступить к голосованию. Я лично нахожу, что сейчас выслушать всех ораторов мы не можем. Прекращать прения по этому вопросу, когда высказалось только 10 лиц и когда ораторы могут сказать что-нибудь новое, тоже нельзя. Значит, очевидно, нужно посвятить этому еще одно заседание. Ясно, что мы должны сейчас объявить перерыв, потому что уже поздно, половина третьего. Теперь вопрос только в том, когда мы будем заниматься — вечером или завтра утром. *(Голоса: «Сегодня вечером».)* Господа члены Рады! Ко мне обратились артисты здешнего театра с просьбой не занимать сегодня вечером помещение театра, к тому же и члены Рады могут быть заняты в отдельских совещаниях. *(Шум.)* Господа, прошу вас соблюдать тишину; сейчас я буду баллотировать вопрос о желательности вечернего заседания. Кто за то, чтобы пленарное заседание было сегодня вечером? Кто против? Меньшинство. Объявляю перерыв до шести часов вечера.

Вечернее заседание.

(Заседание возобновляется в 6 ч. 35 м. вечера под председательством товарища председателя Омельченко.)

Председательствующий. — Заседание продолжается по вопросу об обсуждении кандидатур в войсковые атаманы. Для внеочередного заявления просит слова сотник Филимонов.

Член Рады Филимонов. — Господа члены Рады! Обсуждение кандидатур в войсковые атаманы является вопросом первостепенной важности, мы должны всесторонне выяснить те обстоятельства, которые в связи с предполагаемыми выборами хотя бы в части краевой Рады вызывают какие-либо сомнения и недоразумения. Одним из таких обстоятельств является арест генерала Букретова и та роль, которая могла принадлежать в этом деле генералу Филимонову. Лабинский, Баталпашинский и Майкопский отделы не желали, чтобы в таком важном вопросе сыграла хотя бы незначительную роль неправда и ложь. Мы желали бы узнать об условиях ареста генерала Букретова не из третьих рук, а из первоисточника. Этим первоисточником является военный

прокурор полковник Прихидько, на которого здесь неоднократно делались ссылки. Я глубоко убежден, что арест генерала Букретова ничем не связан с именем одного из выставленных кандидатов — ген. Филимонова, а утверждение члена правительства Кулабухова, что для генерала Букретова был создан суд чести под председательством ген. Филимонова, является противоречием тому, о чем здесь говорилось раньше, а именно, что арест этот был произведен военным прокурором Прихидько. Чтобы выяснить этот вопрос, Лабинский, Майкопский и Баталпашинский отделы просят вызвать сюда председателя военно-окружного суда и военного прокурора полк. Прихидько и разъяснениями этих лиц прекратить всякие недоразумения и кривотолки. Повторяю, что этого требует тот серьезный вопрос, который мы обсуждаем, и я прошу поддержать это предложение. *(«Правильно», аплодисменты.)*

Член правительства Намитоков. — Господа члены Рады! Тот оборот, который принимает вопрос о выборах войскового атамана, производит гнетущее впечатление на всех. Совершенно некстати к этому вопросу пристегнули волнующий общество вопрос об аресте ген. Букретова. Это ненормально, заявление же последнего оратора ставит этот вопрос в еще более неприемлемую плоскость: сотник Филимонов предлагает пригласить господина военного прокурора и выслушать его доклад. Что же из себя представляет краевая Рада? Я задаю вопрос: что из себя представляет краевая Рада? Есть ли это верховное судилище или большевистский съезд? *(«Долой», «Прочь его», «Как он смеет сравнивать Раду с большевиками?»; сильный шум прерывает речь оратора.)*

Председательствующий. — Я призываю вас к спокойствию. Если оратор допустил нетактичность, то и ваше поведение является недопустимым. *(Обращаясь к оратору.)* Вы допустили неудобное выражение по отношению к высокому собранию.

Член правительства Намитоков. — Я считаю, что это ведет к тому, что можно охарактеризовать съездом большевиков. Для краевой Рады совершенно недопустимо стать на путь разбора дел, составляющих предмет ведения судебных органов, и мы не можем в своих заседаниях отвлекаться в сторону от тех задач, которые стоят перед нами. Я говорю, что то предложение, которое вносится от имени трех отделов членом Рады Филимоновым, совершенно неприемлемо. Если заявление члена правительства Кулабухова не соответствует действительности, то об этом мы будем скоро знать — следствие ведется, и по результатам судебного разбирательства мы узнаем, насколько дело предания суду ген. Букретова будет основательно. Но я должен констатировать, что я был свидетелем того разговора, который происходил между прокурором Прихидько и членом правительства Кулабуховым, и утверждаю, что никаких прикрас и извращений членом правительства Кулабуховым при освещении этого вопроса здесь употреблено не было. Весь вопрос в том, надлежащим ли органом возбуждено следствие по делу генерала Букретова? Этот вопрос выдвинут нами, и не далее как сегодня мы послали запрос военному прокурору Прихидько, чтобы он сообщил те данные, на основании которых он считает, что это дело должно пойти в военно-окружный суд и какую меру пресечения должно было принять: арест или какую другую. Когда эти сведения будут получены, тогда и будем говорить об этом, но покуда еще не использованы нормальные способы решения этого вопроса, переносить его сюда, в краевую Раду, я считаю недопустимым и недостойным настоящего высокого собрания.

Член Рады Коробьин. — В начале заседания сегодня утром я предупреждал Раду, чтобы она не становилась на ненормальный путь обливания грязью кандидатов на атаманскую булаву, и вот последствия этого ненормального пути. Извольте теперь расхлебывать эту кашу. Я должен сказать, что, раз мы на этот путь стали, то мы должны прийти к логическому концу. Здесь приводились такие факты, которые опорочивают одного из намеченных кандидатов, и теперь, когда это сказано, члены правительства говорят: «Довольно, передадим дело судебной инстанции, она разберет». Теперь нужно выслушать всех свидетелей до конца, потому что сомнение внесено в среду членов Рады, а рассмотреть этого не хотят. Одни говорят так, другие говорят, что это неправда. Я предлагаю выслушать авторитетных лиц по этому делу. Повторяю, что сущности этого дела я не знаю, но, раз мы уже вступили на этот путь, то нужно идти до конца. Поэтому я поддерживаю предложение трех отделов.

(Председательское место занимает Н. С. Рябовол.)

Член Рады Омельченко. — Господа члены высокого собрания! Я с болью в сердце вступаю на эту кафедру, чтобы обратить ваше внимание на следующий факт. Не углубляйте обстоятельства, не допускайте опрометчивых действий более, чем мы уже допустили. Мы уже допустили ошибку — обсуждение кандидатур при открытых дверях. Вы сами увидели, что значит пользование материалом такого сомнительного достоинства, с каким выступил первый оратор полковник Чекалов. Вы сами увидели, что если мы стали на этот путь, то мы, в конечном счете, обращаемся в следственную комиссию, и разве тем предложением, которое поддерживает член Рады Коробьин, мы исчерпываем те сомнения, которые закрадываются в наши души? Если он требует, чтобы мы были логически последовательны, то разве мы можем ограничиться двумя-тремя представителями прокурора? Тогда извольте выслушать все детали этого печального ареста, чтобы из показаний лиц совершенно беспристрастных составить свое мнение. Известно, что к показаниям одни относятся с доверием, другие с сомнением, и разве этим исчерпается конфликт? От этого еще более зародится сомнение в душах сидящих здесь. Но далее идти по наклонной плоскости в этом отношении нельзя: слишком будет опрометчиво, если мы частным лицам, каковыми являются представители прокурора, дадим возможность здесь высказаться. Если вы желаете выслушать их, то это можно сделать в следственной комиссии потом, и потому поддерживать предложение трех отделов я не могу, так как это опасный путь, этим мы можем углубить нашу опрометчивость.

Член Рады Усачев. — Господа члены Рады! Нам говорят: «Краевая Рада — разве это суд?» Я отвечу: «Да, это суд народный, мы должны все здесь выслушать, нам не должны закрывать глаза». И я прошу, чтобы мы выслушали все, потому что, может быть, тогда эти кандидатуры совершенно отпадут или оправдаются, и потому мое предложение — поддержать заявление трех отделов. *(Шум.)*

Председатель. — Господа, я призываю вас к спокойствию. Перейдем к баллотировке, и у вас будет возможность высказаться всем и за, и против, поэтому я вновь приглашаю вас к спокойствию. Слово предоставляется председателю правительства Л. Л. Бычу.

Л. Л. Быч. — Господа члены Рады! Я просил г. председателя краевой Рады дать мне слово, потому что утром здесь были приведены сообщения, которые автор их закончил предложением даже предать суду правительство. Я понимаю, почему это произошло. Но я считаю нужным теперь же выступить и дать объяснения.

Конечно, это заявление было направлено не по адресу правительства, а по моему адресу. Дело, как вам известно, касается сделки, совершенной между Кубанским правительством и т-вом Асмолова. Обстановка этого дела такова: у нас на Кубани много табаку — от миллиона до двух миллионов пудов в год. Перерабатывается в Кубанском крае на крошеный табак всего около двух процентов, остальное вывозится на Дон, в Петроград, на Украину и т. д. и перерабатывается там. Обычно табак листовой и на местах лежащий табак, а также табак, вывозимый в папушках, акцизом не облагался. Облагается уже переработанный, выделанный табак, акциз на который в настоящее время на Кубани в среднем 350 руб. на пуд, а на Украине, в Крыму и на Дону до 800 руб. на пуд; поэтому, как бы мы ни старались обложить табаки, лежащие на складах в папушках, мы не получили бы того, что будет получено в процессе переработки. Естественно, у правительства появилось сильное желание табачные фабрики перенести сюда, где производится табак, а не вывозить сырой табак туда, где получается акциз. В каком размере получается акциз на Дону, я уже сообщал. По действующему ныне у нас акцизу сумма сбора составила бы около 100 миллионов рублей, а повышенный акциз дал бы около 160 милл. руб. Естественно, что эти сто миллионов рублей, а может быть, значительно больше, мы желали получить здесь, в Кубанском крае. Существующее же положение ненормально: табак родится, собирается у нас, но вывозится на Дон, в Петроград, и там уплачивается акциз, а мы ничего не получаем; наоборот, мы, потребляя табак и папиросы, оплачиваем этот акциз. Вы знаете, что при современных условиях постройка фабрики дело чрезвычайно трудное. Нужны были особые меры поощрения для создания на Кубани табачных фабрик, и тогда перед правительством возник вопрос: каким образом осуществить этот проект и кого привлечь к работе? Мы решили вступить в переговоры с названным товариществом и дать возможно большие льготы, чтобы добиться основания фабрик в Кубанском крае и устранить то ненормальное положение, при котором наше добро вывозилось и другие, хотя бы наши соседи, наши друзья, получали то, что должны, по всей справедливости, получить мы. В этих целях правительство дало беспроцентную ссуду — не деньгами, которых у нас не было, а бумагою, самой обыкновенной простой бумагою, а именно акцизными табачными бандеролями, которые получаются таким образом: бумагу мы режем на узкие полосы, печатаем на ней в типографии стоимость акциза и выпускаем как ценность. Это и есть наша беспроцентная ссуда. Эти бандероли мы дадим только тогда, когда в Екатеринодаре откроется фабрика, на которой будет перерабатываться не менее 50 тысяч пудов табаку в год. Если помнить, что за каждый пуд переработанного табаку можно взимать 800 руб. акциза, то за 50 000 пудов табаку, выработанного у нас на месте, мы получим 40 миллионов рублей в год, давши взамен бандерольную бумагу, т. е. то, что здесь называли «беспроцентной ссудой». И вот за эти бумажки контрагенты также должны перевезти сюда машины, устроить фабрику и организовать все дело, а это не такое простое и не такое легкое

дело. Они просили, чтобы мы дали им скидку из акциза, который мы будем получать на вывозимый табак. Если нам причитается сто рублей, то они платят нам 80 рублей. Они обязались до 1-го января нам заплатить, но уже не бандерольными бумажками, а настоящими деньгами 12 миллионов рублей. За это вот мы им и дали скидку. Теперь, видите ли, Крым снял пошлину, и Украина ее сняла, а у нас пошлины есть, и есть обязательство у контрагентов перед Кубанским правительством: они должны вывезти определенное количество табаку и должны за него пошлину заплатить. За рассмотрение этого договора, весьма сложного коммерчески, взялась комиссия под председательством полковника Чекалова. Очевидно, полковник Чекалов очень храбрый человек. Да, это я серьезно говорю: он сражался храбро, но когда ему пришлось разбираться в сложных коммерческих делах, то тут оказалось храбрости мало — нужно знания, а вот этих знаний у полковника и не оказалось. Кроме того, нужно было, может быть, желание подойти к этому вопросу, чтобы его изучить, чтобы его понять. Если этого желания у полковника не было, тогда дело для него стало совершенно «простым». А когда люди начинают «просто смотреть», а иногда и на свой аршин мерить, то и начинают спрашивать: как же это можно ссуды беспроцентные выдавать, как же можно скидку с пошлин делать? Вот эти люди и мысли не допускают, чтобы можно было такое дело сделать бесплатно. На этот счет я могу сказать одно: я 25 лет на общественной работе состою, и через мои руки прошли многомиллионные дела. А у меня только одно богатство: доброе имя, и его я никому не позволю пачкать. *(Шумные аплодисменты; голоса: «Позор монархистам».)* И храбрым и нехрабрым людям нельзя с такими мыслями и нечистыми руками подходить к общественным делам. Что же получится, господа: если для того, чтобы выкинуть предвыборное колено, будут сюда, на эту кафедру, выходить некие господа и обливать грязью ваших общественных и политических работников, скажите, пожалуйста, из той ложи (правительственной) кто-нибудь у вас на службе останется? А другие, честные люди пойдут к вам на работу? Я думаю, нет, если вы против этого не будете протестовать, если вы не заклеймите таких поступков так, как следует их заклеймить. Мы не привыкли к общественной работе, и чужое имя, доброе имя, для нас ничего как будто не значит. Если вы так будете относиться к доброму имени ваших общественных работников, никто у вас, господа члены Рады, не останется на вашей общественной работе — все уйдут. *(Голоса: «Правильно».)*

Меня удивляет одно обстоятельство: позавчера вы решили вопрос о том, как наградить и войскового атамана, и председателя правительства, и членов правительства за их службу. Почему комиссия под председательством полковника Чекалова тогда не сказала: «Вот, господа, мы хотим наградить их, портреты вывесить и грамоты им выдать, а у нас такие-то дела творятся. Как таких людей награждать, когда их суду предать надо?» Этого комиссия тогда не сказала. Сегодня наградили, а завтра — под суд? Где же логика у тех, которыми сегодня утром было сделано по адресу правительства позорное заявление? Когда они были искренни и когда они делали нехорошее дело? Тогда, когда они давали советы награждать тех, которым под суд следует идти, или теперь, когда, наградивши, они хотят их под суд отправить? Господа, добрым именем шутить нельзя.

Другое имя здесь треплется, имя того, кто спас Сарыкамыш в декабре 1914 года. Я там был и знаю, кто и при каких обстоятельствах спас Кавказскую армию и город Сарыкамыш. Это был генерал Букретов, и имя героя Сарыкамыша теперь здесь треплется. То, что говорят и в чем обвиняют генерала Букретова, — это не значит, что его уже обвинили. Быть может, после того как была сделана попытка его обвинить, быть может, после этого он выйдет перед вами белее снега. Господа члены Рады, мы этого еще не знаем, суда еще не было, и раньше этого, господа, выносить приговор генералу Букретову нельзя; нельзя основываться даже на том, что говорит обвинительная власть, ибо приговор не заключается в том, что скажет обвинитель, что скажет прокурор; нам нужно знать, что скажет беспристрастный суд, какое решение им будет вынесено, и потому не спешите, господа, обвинять генерала Букретова.

Тут обвиняют и войскового атамана. Вообще, сегодня день обвинений — я бы его назвал днем разъединения. Но мы всегда призывали вас не к разъединению, а к объединению. Я имел случай уже говорить, что сила наша, господа члены Рады, заключается не в том, что мы будем делиться на партии, а в том, что мы должны быть едины. Партий в том смысле, как их привыкли понимать, партий социал-демократов, социал-революционеров, кадетов — вы сами знаете, у нас нет, у нас есть одна партия — казаки. *(Аплодисменты.)* И вот теперь на почве выборов начинается разъединение, начинается не партийность, но более худшее, нежели партийность, — начинается группировка на почве личной: «такой-то должен быть, скажем, атаманом, и если я не хочу другого, то я его без всякого стеснения буду обливать грязью». Господа, это позорно и гнусно, я смело говорю, что это позорно. *(Голоса: «Правильно», аплодисменты.)* И это все происходит в то время, когда мы еще не кончили борьбы с большевиками, в то время, когда не одни большевики являются нашими врагами, когда врагами нашими скоро будут экономическая разруха и, быть может, голод, и это в той стране, которая вывозила колоссальные богатства. Еще есть один враг, этот враг — жадная грязная спекуляция, которая стремится внести тоже разруху в нашу жизнь для того, чтобы потом броситься сюда, на наш край, чтобы вывезти все то, что есть у нас, чтобы разрушить нашу экономическую мощь и нашу жизнь. Эта разруха касается не только центра, не только городов, но она пойдет и к вам, в станицы и хутора, и будет вывезено все то, что можно будет вывезти. В то время, когда приходится на несколько фронтов бороться, вы хотите разъединиться, вы хотите группироваться. Нет, господа члены Рады, нужно это бросить. Я это говорю, потому что я считаю себя вправе так говорить. Я считаю себя вправе говорить, покамест, как председатель правительства, я имею право поставить вопрос о доверии, потому что здесь было брошено подозрение, я говорю, грязное подозрение, по адресу правительства, по моему адресу как председателя правительства. И если бы я хоть на одну минуту сомневался в том, что вы мне верите, я сюда не вошел бы и с вами больше не говорил бы. *(Аплодисменты.)* Обо всем этом я говорю еще и потому, что ни одну минуту, как полтора-два месяца тому назад, так и до последних дней, я не думал выставлять свою кандидатуру в атаманы, и тем членам Законодательной Рады, которые по этому поводу говорили со мною полтора месяца тому назад, и в своем Ейском отделе, как член Рады, я заявил, что я своей кандидатуры не выставлю, я не буду баллотироваться, я не могу баллотиро-

ваться. Причин для этого много, и одна из причин, которую я нахожу сейчас самой главной, — это желание достигнуть полного объединения Рады. Если мое имя может внести разъединение, я не должен баллотироваться: у меня глаза открыты, я вижу и умею смотреть; я знаю, кто меня поддерживает и кто будет противодействовать. Если бы это было в обычное время, я на это не обращал бы внимания; большинство решило, какие же тут могут быть разговоры? — меньшинство должно подчиняться. Но сейчас страсти кипят, атмосфера раскалена, и вот в это время мы являемся свидетелями таких выступлений, какие были сегодня утром. Если бы мы были одни здесь, у нас на Кубани, я, быть может, также сказал бы, что это все пустяки. Но мы не одни! И это я учитываю, и так учитываю, как, может быть, никто из вас не учитывает. И вот в то время, когда предстоит чрезвычайная трудность для ведения нашего корабля управления; когда все усилия наши должны быть направлены к одной цели — к воссозданию страны, воссозданию государства, — в это время, господа, я не могу явиться причиной раздора, яблоком раздора, если так можно выразиться. И ввиду этого я все время говорил: мы должны найти кандидата, на которого не станут выливать грязных помоев, а которого мы все единодушно выберем и скажем ему: «Возьми булаву в свои твердые руки и будь атаманом, а мы будем тебе подчиняться, мы будем совместно с тобой работать». Вот та идея, которая должна всех нас воодушевлять и объединять. Но, к сожалению, мы сбились с правильного пути, мы заблудились, и, господа, я призываю вас: бросьте споры, давайте вместе найдем правильный путь. Я — не кандидат в атаманы, я баллотироваться не буду. Это, может быть, многих из вас успокоит. Затем сегодня — завтра — послезавтра подумаем хладнокровно, кого же мы изберем главою Кубанского края. Ибо нет, господа, превыше заботы и тревоги, как о благе нашей страны. Повторяю, работы слишком много, и не только здесь, в пределах нашего края, но работа предстоит дальше, ибо мы всегда стояли и ныне стоим не на точке зрения местной — мы всегда признавали идею государственности, и эту идею мы понесем и в будущем. *(Аплодисменты.)* Посему еще раз я обращаюсь к вам с горячим призывом: объединитесь, бросьте споры и пререкания. Может быть, теперь время сделать перерыв, может быть, те страсти, которые разгорелись, улягутся, и завтра или послезавтра мы спокойно подойдем к вопросу о выборах атамана и сумеем решить его так, как должно это сделать краевой Раде, этой представительнице народа, хозяину Кубанского края. *(Аплодисменты.)*

Председатель. — Сегодня в первый раз в ложе дипломатических представителей я вижу представителя дружественных нам держав, представителя Франции лейтенанта Эрлиша. *(Шумные аплодисменты.)*

Господа члены Рады, вы только что выслушали горячую и искреннюю речь нашего уважаемого председателя правительства. Сомневаться в искренности слов Луки Лаврентьевича никто не может и не имеет права. То, что говорит Лука Лаврентьевич, — истинная правда, и никто, я думаю, не сомневается в том, что нам нельзя разъединяться. Мы должны что-то такое сделать, чтобы быть едиными. Еще сегодня утром, когда прения пошли по такому руслу, которое я не думаю, чтобы кому-нибудь нравилось, кроме тех, конечно, кто хочет дискредитировать наше высокое учреждение, — я думаю, что у всех вас в перерыве болело сердце при мысли, что делается что-то

не так. *(Голоса: «Правильно».)* Мы — люди, мы, может быть, ошибаемся, мы, может быть, делаем не так, как нужно, я с этим согласен и поэтому я всецело присоединяюсь к предложению председателя правительства, что нам необходимо прекратить всякие прения, что нам необходимо приступить к очередным законопроектам. А дальше мы подойдем к выборам атамана в ближайшие три дня. Господа члены Рады! К этому времени, может быть, разойдутся тучи, и те факты, о которых так много говорят, может быть, выяснятся. Я говорю совершенно искренно, и не потому, что хочу поддержать ту или другую кандидатуру. Мне так же, как и председателю правительства, хочется одного, чтобы вы защищали интересы родного нам края, чтобы вы были единодушны, как наши братья на фронте, где они льют кровь. Другого выхода нет, поэтому я от имени президиума предлагаю прекратить прения по обсуждению кандидатур и сделать перерыв, а завтра приступить к обсуждению военного законопроекта. Если вы хотите, можно приступить к рассмотрению его немедленно, сейчас, чтобы не терять времени. *(Голоса: «Перерыв».)* Объявляю перерыв на 10 минут.

После перерыва.

Председатель. — Заседание возобновляется. Прошу членов Рады занять места. Я еще раз формулирую мое предложение. Ввиду категорического и совершенно обоснованного отказа одного из кандидатов — этот отказ, как вы понимаете, не страх и не нежелание работать, а единственное желание внести объединение в нашу, доселе дружную, семью, — в силу этого я предлагаю прервать заседание и объявить перерыв до завтрашнего дня и завтра приступить к обсуждению очередного законопроекта. *(Голоса: «Сегодня».)* Я объясню, почему не сегодня. Сейчас я буду баллотировать принципиальный вопрос: находит ли Рада необходимым прервать обсуждение кандидатур? Кто за то, чтобы прервать, прошу поднять руки. Кто против? Обсуждение кандидатур прерывается. Я полагаю, что можно было бы поставить на ваше обсуждение один из законченных в комиссии законопроектов — военный или законопроект по зачислению и исключению из казачьего сословия, но мне совершенно резонно возражают, что сейчас, в настоящую минуту, все в достаточной степени взволнованы, вышли из положения равновесия, все не в таком настроении, чтобы дружно обсуждать существенные вопросы. Кроме того, докладчики заявляют совершенно основательно, что они никак не ожидали, что придется выступить по докладу сегодня, и всех материалов не приготовили. Имеется предложение сделать перерыв до завтрашнего дня. Баллотирую. Кто за то, чтобы сделать перерыв до завтра, прошу поднять руки. Кто против? Объявляю перерыв до 10 часов утра завтрашнего дня. На повестке завтрашнего заседания два вопроса: законопроект военный и законопроект о приеме в казачье сословие и исключении из него. Объявляю заседание закрытым.

Заседание закрывается в 7 час. 30 мин. вечера.

Стенографический отчет 30-го заседания Чрезвычайной Рады Кубанского края 2-го декабря 1918 года.

Заседание открывается в 10 час. 50 мин. утра председателем Н. С. Рябоволом.

Председатель. — Заседание возобновляется. Господа члены Рады! Я, к сожалению, должен отклониться от программы, чтобы сказать несколько слов. Сегодня в газете «Россия» появилась очередная статья: «В поисках лучшей республики». В этой статье есть следующие места: «У нас здесь, в Екатеринодаре, в Учредительном Собрании федералистов-республиканцев, социалистов и самостийников, — по их титулам они похожи на испанских грандов, у которых больше десятка имен: Дон-Хозе, Директория, Франческа, Изабелла и т. д. раздаются: «так и надо, здорово, хорошо сделали», когда сообщается о том, как секли, сидя на голове и на ногах, 47-летнюю учительницу, 20 лет учившую этих дикарей». Таким образом, здесь содержится утверждение о том, что, будто бы когда об этом сообщалось, члены Рады кричали: «Так и надо, здорово». *(Возгласы: «Позор».)* Дальше сказано: «Г-н Быч, бывший городской голова, не мог не знать, что и при старом режиме ни один договор с частными лицами не заключался без рассмотрения и одобрения его даже жалкой старорежимной Думой. Ну, а те, кричавшие: «Здорово, так и надо» при сообщении о высеченной учительнице, те, которые кричали «ура» главнокомандующему Добровольческой армии и «ура» самостийникам, те, кто отвергал утром законопроект об утверждении знаков отличия за поход, а вечером его принимал, — они тоже социалисты федералисты, республиканцы и демократы?»

Господа члены Рады! Как председатель, я считаю долгом заявить, что когда делалось сообщение об этом недостойном позорном случае — истязании учительницы, то я не слышал криков: «Здорово, так и нужно». *(Голос с места: «Это было».)* Если бы я эти возгласы слышал, я бы потребовал, чтобы эти господа были выведены из зала заседания. *(Голоса: «Правильно».)* Господа члены Рады! Я вынес впечатление другое, может быть, эти возгласы и были — всего не услышишь, но уважающая себя газета должна констатировать не отдельные выкрики, а должна констатировать, какое было общее настроение у Рады после сообщения об этом гнусном случае. Рада возмущалась этим случаем, Рада поручила составить воззвание к населению, Рада приняла все меры, чтобы пресечь в корне подобные поступки, и приписывать Раде, будто бы она кричала «Здорово, так и надо» — мне кажется, недобросовестно. А тут именно такая мысль и проведена, я скажу больше — это позор. И находятся такие люди, которые позволяют клеветать не на отдельных лиц, а на все учреждение. *(Крики: «Закрыть газету».)* Господа члены Рады! Это пусть правительство реагирует как оно знает, я только хочу отметить, что громадное большинство, что вся Рада единогласно возмутилась этим поступком *(Голоса: «Правильно».)* и поручила издать соответствующий приказ. Поэтому люди, которые так пишут, — явно недобросовестны и их измышление надо признать ничем иным, как провокацией. *(Голоса: «Закрыть газету».)*

Господа члены Рады! Ко мне поступило заявление за подписью очень многих членов Рады, первым подписался Ф. А. Щербина. Я и даю ему слово для внеочередного заявления.

Ф. А. Щербина. — Честь и доброе имя — лучшее достояние человека, честь и доброе имя видных общественных деятелей — драгоценный дар общества, и, тем более, общества культурного, достигшего такого развития, как Кубанский край, имеющий свою краевую Раду. По закону карается опозорение чести и доброго имени всякого гражданина в обычном, повседневном отношении, и, тем более, этот проступок обесчещения чужого доброго имени не должен быть допускаем в заседаниях высокого собрания представителей Кубанского края. Позвольте огласить предложение Ейского отдела по этому вопросу. «Принимая во внимание, что в пленарном заседании Кубанской краевой Рады первого декабря в присутствии многочисленной публики, представителей Кубани и других казачьих войск членом Рады полковником Чекаловым некорректно, с выкриками, без юридических обоснований путем следствия и суда, под видом критики нанесено было тяжкое оскорбление председателю краевого правительства Бычу, а вместе с ним и всему краевому правительству, необходимо, в ограждение положения и достоинства избранных краевой Радой и облеченных ее доверием деятелей, представляющих высшую исполнительную власть, и в интересах установления правил парламентской этики, не допускающей грубых и недостойных заседаний Рады выходок и выпадов, — подвергнуть полковника Чекалова исключению из Рады на пятнадцать заседаний, но, ввиду неблаговоспитанности, некультурности и явного непонимания совершенного им незакономерного деяния, надлежит исключить полковника Чекалова только на пять дней, выразив Бычу, как главе всего краевого правительства, глубокое сожаление в допущенном тяжком оскорблении. Затем следует около ста подписей, преимущественно Ейского отдела.

Председатель. — Господа члены краевой Рады! Так как заявление подано за подписью около 100 членов Рады, я счел себя обязанным дать возможность его огласить. Затем я дам по одному слову за и против, дам слово полковнику Чекалову — и больше ничего. Если вы хотите, чтобы впредь так не поступали, то надо на это как-нибудь реагировать. Кто желает высказаться за это предложение?

Член Рады Важов. — Господа члены Рады! Кавказский отдел, обсудив выступление полковника Чекалова, постановил — полковника Чекалова от должности председателя Кавказского отдела отозвать; затем Кавказский отдел приступил к детальному обсуждению этого выступления и решил отозвать полковника Чекалова из комиссии, вынести ему порицание и сообщить о поступке в его станицу. *(Голос с места: «А Воропинова?»)*

Председатель. — Против будет говорить член Рады Филимонов.

Член Рады Д. Филимонов, — Прежде чем начать говорить против внесенного Ейским отделом предложения, я должен доложить краевой Раде, что я не разделяю точки зрения полковника Чекалова и лично я никогда бы не выступил с такими документами, с какими выступил полковник Чекалов. Господа члены Рады! То, что сейчас происходит у нас, повергает в глубокое уныние, то, что совершается сейчас, начинает напоминать те дни, когда мы в Законодательной Раде занимались спорами, перека-

ниями, а на фронте в то время большевики продвигались все ближе и ближе к столице Кубанского края, и занимались мы этими разговорами до тех пор, пока кольцо большевистское сузилось вокруг Екатеринодара настолько, что остался один выход, выход на Кубань. И вот то, что происходит, может привести, по моему глубокому убеждению, к роковым последствиям. Больше месяца работаем мы здесь, а работа наша ни на шаг не продвинулась вперед: постоянные счеты, постоянные пререкания, постоянные попытки реабилитировать себя в глазах тех, кто уверен, что реабилитация является совершенно излишней...

Председатель. — Я должен прервать оратора, ибо считаю долгом заявить, что до момента, когда мы приступили к выборам войскового атамана, мы работали дружно, ни в какие пререкания не вступали, и все решения краевая Рада принимала громадным большинством. *(Голоса: «Правильно».)*

Член Рады Д. Филимонов. — Тем не менее, если даже решения принимались и громадным большинством, тем не менее, повторяю, мы не продвинулись ни на шаг вперед — это мое глубокое убеждение. Господа члены Рады! Я полагаю, что возражать против этого никто не будет, ибо единственный принятый нами закон — конституция, и тот начинает изменяться тогда, когда это нужно той или другой группе лиц. Действия Рады приобретают крайне неустойчивый характер: то, что принимается сегодня, отменяется завтра. Господа члены Рады, каждый из вас ясно понимает высокое значение представительных учреждений, высокое звание народного представительства и легко поймет, насколько такая деятельность подрывает авторитет этих учреждений. Я полагал, что нам, во имя блага нашего края, во имя интересов казачества, необходимо перейти к другим приемам работы, к другим способам проведения в жизнь того, что нам нужно провести, что необходимо осуществить. Господа члены Рады, прежде чем высказываться по существу внесенного предложения, я должен ваше внимание перенести на несколько лет назад, когда в Петрограде заседала Государственная Дума. Я хочу это сказать для того, чтобы вы сопоставили то, что происходило тогда и теперь, могли вынести вполне определенное заключение. В Государственной Думе бывали такие моменты, когда тот или другой член Думы своим неуместным, недостойным народного представителя поступком вызывал нарекания большинства ее состава, и такой член Думы исключался из заседаний на 15 дней — это самый высший срок, который был предусмотрен положением о Государственной Думе. Такие исключения, конечно, не могли повлиять на работу Государственной Думы, но они порождали бесчисленные толки, бесчисленные разговоры и кривотолки по поводу исключения того или другого оратора. Предлагаемая нам Ейским отделом мера при проведении ее в жизнь, конечно, не уменьшит, быть может, продуктивности наших работ, она не повлияет на ход нашей деятельности, но, господа члены Рады, нам надлежит понимать, что теперь — момент, когда обсуждаются кандидатуры в войсковые атаманы, что полковник Чекалов, вступивший на путь, по его мнению, характеристики одного из кандидатов с документами в руках, может приобрести в глазах широкой публики ореол мученичества, ореол человека, которого вы лишили присутствия в заседаниях Рады только потому, что он выступил с документами не того порядка, какого бы вы хотели. Чтобы этого не произошло — и только поэтому, — мы должны отвергнуть предложение Ейского отдела,

которое чревато очень печальными последствиями. Благодаря этому исключению имя кандидата нашего, избранного потом в войсковые атаманы, будет трепаться всеми, кто только пожелает, со ссылкою на то, что депутат Чекалов, намеревавшийся с документами в руках выступить, был Радой исключен. Вот почему я предлагаю, господа члены Рады, отвергнуть предложение Ейского отдела. Кроме того, господа члены Рады, будем последовательны: если мы применим предлагаемое взыскание по отношению к члену Рады полковнику Чекалову, то, вне всякого сомнения, мы должны применить его и в отношении члена Рады Воропинова. *(«Правильно».)* Если было нанесено оскорбление Л. Л. Бычу — я, конечно, понимаю, что его душевное состояние слишком мучительно, но я должен сказать, что здесь было нанесено оскорбление и другому кандидату — А. П. Филимонову. Вы помните, господа члены Рады, что член Рады Воропинов заявил отсюда: «Я убежден, что арест генерала Букретова есть политический трюк одного из выставленных кандидатов».

Председатель. — Не возбраняется подать такое же заявление. Я также предоставляю слово для освещения поступка члена Рады Воропинова.

Член Рады Филимонов. — Я полагаю, тем не менее, что те, кто находит выступление члена Рады Воропинова недостойным, не подадут такого заявления, какое подано Ейским отделом, так как думают, что это поведет к очень печальным последствиям. Что же касается предложения Кавказского отдела об устранении полковника Чекалова от председательствования в отделе, то я скажу, что это дело не наше, господа члены Рады, не дело пленарного заседания — это дело Кавказского отдела, который выбрал полковника Чекалова, и нам этим заниматься не следует. Что же касается предложения Ейского отдела, то оно должно быть, безусловно, отклонено. *(Аплодисменты, голоса: «Правильно».)*

Председатель. — Слово принадлежит председателю правительства Бычу.

Председатель правительства Л. Л. Быч. — Господа члены краевой Рады! Я, к сожалению, не знал о готовящемся выступлении Ейского отдела по поводу вчерашней речи полковника Чекалова, в противном случае я постарался бы убедить членов Рады Ейского отдела, чтобы они с таким предложением не выступали. Я думаю, что парламентская борьба должна вестись в совершенно приличных рамках. Здесь было допущено в данном случае неприличие; я считаю такие приемы борьбы, какие были употреблены, неприличными, и вот вашим отношением к вчерашней речи вы засвидетельствовали, что таких способов борьбы вы не одобрите. *(Голоса: «Правильно».)* Мне казалось, что можно было бы этим дело и покончить, нужно только было ярко и ясно засвидетельствовать, что тот, кто выходит на эту трибуну, должен пользоваться приемами борьбы приличными. Это было сказано, и я думаю, господа члены Рады, этого довольно.

Затем я думаю, что, так как у нас еще слишком много работы и нам теперь больше, чем когда-либо, необходимо единение, то я нахожу, что внесение такого предложения, которое ведет к разъединению и накалению атмосферы, является нежелательным, непрактичным и нецелесообразным. И вот с этой стороны я постараюсь убедить членов Рады Ейского отдела, чтобы внесенное ими предложение было снято.

Хотя здесь и говорили, что мы ни на шаг не подвинулись в работе, я скажу, что это неверно: Рада за это время обсудила массу вопросов, и таких основных, коренных вопросов, как будущее строительство государства; выяснено положение, в котором находимся мы и все государство. Это работа чрезвычайно тяжелая и трудная. По большинству вопросов жизни вы свое отношение высказали. Вы решили вопрос, как должна управляться Кубань и как должна строиться власть на территории Кубанского края. Вы обсудили и приняли вопрос земельный. Я думаю, для того чтобы решить такие основные вопросы, нужно было время. И поэтому говорить, что здесь ничего не сделано, что мы ни на шаг не подвинулись вперед, не следует, и говорить это — значит лить воду на мельницу тех, кто хочет дискредитировать Раду, кто хочет свести действия Рады на нет. И когда здесь говорят, что мы ни на шаг не подвинулись вперед, то я считаю долгом протестовать. Нет, мы не только на один шаг подвинулись — мы на много шагов подвинулись вперед в разрешении тех вопросов, которыми все болеют сейчас. И вот поэтому я, высказываясь решительно против предложения членов Рады Ейского отдела, просил бы вас перейти к очередным вопросам, а очередным вопросом у нас является вопрос военный. Этот основной вопрос есть тот четвертый устой, который даст нам основу дальнейшего нашего строительства.

Если же вчерашний инцидент продолжает волновать членов Рады, то для того, чтобы рассмотреть всесторонне этот самый договор, который так волнует некоторых отдельных лиц; чтобы посмотреть, насколько соблюдены здесь интересы края и не будет ли колоссального вреда, если подобные выступления, непродуманные выступления, будут продолжаться, — не угодно ли Раде назначить особую комиссию, которая бы рассмотрела специально по существу этот самый договор и сказала бы свое авторитетное слово. Комиссию, которая состояла бы из членов Рады и участников общественной жизни, людей, которые знают, как подойти к рассмотрению вопросов этих, которые не начинают учиться общественной жизни, не состоят в приготовительном классе *(Аплодисменты.)*, а которые работали уже на общественной ниве и которые смогут сказать свое веское правдивое слово. И вот, если угодно, таким путем — путем чисто парламентским — разрешить этот вопрос, то я просил бы членов Рады Ейского отдела снять свое предложение и приступить к очередным делам.

Председатель. — Мне кажется, что единственный выход из этого положения именно тот, который предлагает председатель правительства. Нужно так или иначе выходить из этого положения. Председатель правительства рекомендует совершенно правильный шаг; мы должны отвергнуть предложение Ейского отдела, а пока что избрать комиссию — по два человека от отдела, которые разберутся в этом деле и нам доложат. Другого выхода из этого положения нет. Всякие толки и разговоры будут, и я, с своей стороны, совершенно присоединяюсь к предложению председателя правительства. Если Чекалов не прав, мы должны прийти к определенным заключениям. Другого выхода нет. Слово принадлежит Ф. А. Щербине,

Ф. А. Щербина. — Господа! То, что говорил сотник Филимонов и председатель правительства, никакого отношения не имеет к вопросу о чести человека. Я говорю, что Ейская рада стояла на одной почве — на почве указания некорректности. Господа, мы ведь не входим в сущность дела. Я считаю необоснованным выступление г. Фили-

монова, который доказывал, что внесенное Ейским отделом предложение может разъединить нас. Я лично не разделяю тех объяснений, которые давал сотник Филимонов, потому что я разумел не Быча как лицо, как председателя правительства, а как представителя этого высокого учреждения. Во всех парламентах на Западе существуют известные правила, которые не допускают оскорблений народных представителей. И я стою на той же точке зрения, и на этой же точке зрения стоит и Ейская рада, что и нам нужно установить какие-нибудь правила приличного отношения, которые существуют во всех парламентах. И здесь Ейская рада говорит только о некорректности поступка, которая не должна быть допускаема. Только об этом и речь идет, а все остальные вопросы не входят в заявление Ейской отдельской рады.

Член Рады Чекалов. — Господа члены Рады! Я вышел не оправдываться и не оспаривать предложение Ейского отдела. Я вышел сказать вам, что я вчера своим докладом имел цель сказать только то, что, раз мы выставляем кандидатов, а этот кандидат, по моему глубокому убеждению, не всегда преследует те интересы, к исполнению которых мы его призвали, то он не должен быть кандидатом. Вот что я хотел сказать. Насколько это корректно или нет — это предоставляю вам судить каждому в отдельности. Лично я считаю, что то положение, которое я наблюдал с начала созыва краевой Рады, таково, что мы избегали людей, которые искренно хотят что-либо сделать, Я думаю, чтобы указать на это, можно даже и некорректными способами пользоваться. Я стою на той точке зрения, что если бы то правительство, которое существует в настоящий момент, не дало бы возможности нам детально рассмотреть его деятельность, не в смысле криминальности — нет, я об этом не говорил вчера, — а в смысле бездеятельности его, то мы ничего бы не знали. В данном случае я вчера, выйдя с этим договором, предупредил вас, что договор этот попал ко мне как председателю комиссии по рассмотрению докладов. Я вам дал не доклад комиссии как председатель, я предупредил, что я лично это делаю. От комиссии по рассмотрению докладов я не мог этого сделать. Меня упрекают в комиссии, почему я в свое время не поставил ее в известность о тех или других отрицательных сторонах одного из кандидатов. Я сейчас отвечу: потому что то, что я мог сказать, не было нужды представлять вам до тех пор, пока не была поставлена на обсуждение кандидатура, т. е. в конце наших работ. Работы же в пленарных заседаниях было много, и это заставляло меня выступать с еще не совсем законченными сторонами доклада. Я должен вам доложить, что я сделал этот доклад не как председатель комиссии, а как член Рады. Здесь меня обвиняли как председателя комиссии.

Председатель. — Я прошу вас говорить о том, что нужно.

Член Рады Чекалов. — Один из фактов я лишен возможности доложить вам распоряжением председателя. Далее, относительно предложения Ейского отдела. Я скажу вам, что я стоял и буду стоять на той точке зрения, на которой стоял вчера, и для того, чтобы примирить разгоревшиеся страсти, объявляю вам, что слагаю с себя полномочия, чтобы снять с себя те гарантии, которые мне дает звание члена Рады, и выступлю в дальнейшем как частное лицо, как гражданин Кубанской области.

Председатель. — Ко мне поступило три предложения. Одно предложение — Ейского отдела об исключении Чекалова на пять заседаний. Второе — сотника Филимонова и третье — председателя правительства. Оно заключается в том, чтобы

избрать комиссию, которая разобралась бы с этим вопросом и нам доложила, а мы примем те или другие меры. Я голосую вопрос, находит ли Рада необходимым, согласно предложению председателя правительства, создать комиссию для рассмотрения этого инцидента. *(«Позвольте слово по этому поводу», «Еще не решено, будет ли комиссия».)* Господа члены Рады! Конечно, у каждого члена Рады будут разные побуждения, и они будут по-разному трактовать их. Тем, что я сделаю, я хочу сэкономить время тех, кто находит нужным приступить к голосованию предложения, прошу поднять руки. Большинством голосов постановлено голосовать. Я голосую, прошу тех членов Рады, которые находят нужным для рассмотрения этого вопроса создать комиссию, поднять руки. *(Баллотировка.)* Большинством голосов принято. Теперь я полагаю, что заявление Ейского отдела должно быть отложено до окончания работ этой комиссии, т. е. в настоящий момент это заявление временно должно быть снято и будет обсуждаться тогда, когда выяснятся результаты работ комиссии. Вы согласны с тем, чтобы я сейчас не голосовал вопроса об исключении Чекалова? *(Шум, голос: «Он снял полномочия».)* То, что он снял полномочия, — это его личное дело. Прошу согласных отложить это дело поднять руки. Большинством голосов откладывается.

Следующим мы будем обсуждать военный законопроект. Он будет обсуждаться при закрытых дверях. Могут оставаться в зале заседания только те лица, которые были приглашены в качестве сведущих лиц в комиссию по военным делам. Объявляю перерыв на 10 минут.

После перерыва.

Председатель. — Прошу занять места. Мы постановили образовать комиссию для рассмотрения доклада Чекалова. Ко мне поступило предложение избрать в эту комиссию по два человека и другое — избрать по одному. Я баллотирую. Принято первое предложение. Разрешите образовать эту комиссию в срочном порядке. Возражений нет? *(«Нет».)* Тогда прошу сегодня же вечером избрать этих членов.

Приступаем к чтению доклада военной комиссии об организации и управлении Кубанской армии. Могут присутствовать сведущие лица и штат стенографисток. Слово принадлежит докладчику полковнику Гончарову.

Член Рады Гончаров. — Господа члены Рады! Я питаю надежду, что этот скромный доклад объединит вас, и то разъединение, которое получилось несколько дней тому назад, вновь будет устранено. Вами уже принята статья 8 положения об управлении Кубанским краем, устанавливающая, что Кубанский край имеет свою армию и что все граждане Кубанского края должны отбывать воинскую повинность на одинаковых для всех основаниях. Этими соображениями и руководствовалась военно-морская комиссия. Все прекрасно сознают и понимают, что борьба с большевиками, главным врагом в настоящее время, еще не закончена, что идет самый сильный, самый страшный девятый вал. Военно-морская комиссия вполне понимала и сознавала это положение, что действительно идет девятый вал и нам, кубанцам, в лице своего правительства, никогда не слагавшим оружия перед большевиками, надлежит встретить этот девятый вал во всеоружии, на высшей степени сопротивления. И не только сопротивления, но и уничтожения его в России. Что такое большевики, мы уже прекрасно знаем и в борьбе с ними, конечно, оружия не сложим.

Что нужно сделать, чтобы этот девятый вал действительно встретить во всеоружии? С этой кафедры вам говорили, что необходимо укрепить тыл для спокойствия фронта. Господа, эти слова говорились во все время войны с немцами; тогда только и слово было, чтобы «укрепить тыл», а ведь первым дрогнул фронт, разложение пошло оттуда, и последствия этого вы знаете. Военно-морская комиссия полагает, что необходимо теперь, в настоящий момент, укрепить фронт, чтобы крепок был тыл. А потому для создания твердого, крепкого духа на фронте комиссия считает необходимым создать отдельную, однородную по составу Кубанскую армию. Пусть ни для кого не будет сомнений, что все мероприятия военной комиссии приняты с исключительной целью укрепления армии, а не ее разложения. Необходимость создания Кубанской армии признало и командование Добровольческой армии еще в марте месяце, и положения, принятые комиссией и предлагаемые на ваше усмотрение, не встречали разногласий при заключении договора нашего правительства и Добровольческой армии.

Армия должна быть вне политики. Это — неопровержимая истина, в армии обсуждению политических вопросов места быть не должно. Но, господа члены Рады, в настоящее время идет гражданская борьба. И вот военная комиссия полагает, что в гражданской борьбе необходимо каждому бойцу знать основные цели борьбы. Эти цели каждый должен себе твердо усвоить, чтобы ни на одну минуту ни у кого не зародилось сомнение в его правоте, в том, что он за справедливое дело кладет свою жизнь; с ясными лозунгами каждый должен идти в бой. Только тот, кто не знает и не хочет знать казачьего быта, его жизненного уклада, его обычаев и его истории, — только тот может оспаривать необходимость и желательность однородного состава казачьих частей, и не только однородного состава внутри, но и в смысле командования, чтобы во главе этих частей были бы свои начальники. В мирной обстановке, обстановке отдыха, в приготовлении к бою, у каждого казака, у каждого воина есть много насущных чисто своих местных нужд, и вот все эти нужды у нас, казаков, выполнялись только чисто казачьими частями. Благодаря этому там каждый друг с другом сжился, мы выросли вместе, часто в одной купели крестились, друг другу помогали, облегчали военную жизнь и вместе несли повинность крови. А в бою, когда казак чувствует рядом с собой товарища, свата, кума, соседа, он с отвагой идет вперед, он уверен, что, что бы с ним ни случилось, товарищ его не выдаст. Вот эти основания служат мотивом, почему необходима однородная по составу Кубанская армия. И вот к этому мы, тыл, должны стремиться, чтобы облегчить ту работу, которая выпадает на долю бойцов фронта.

Переходя к докладу, должен сказать, что военно-морская комиссия в своих работах руководствовалась организацией армии на тех основаниях и в том порядке, какой обыкновенно принят в каждом учебнике военной администрации. Вначале кладется управление. Военно-морской комиссии были представлены членом правительства по военным делам штаты этих управлений. Военно-морская комиссия, вполне правильно оценивая свое положение и назначение краевой Рады, находила, что входить в обсуждение существа штатов, конечно, дело не ее — это дело Законодательной Рады. Однако обсуждать вопрос о необходимости и целесообразности самых учреждений — это лежало на обязанности комиссии.

В подчинении члена правительства по военным делам находится управление войскового штаба, краевого интендантства, начальника инженерной части, инспектора артиллерии и помощника по военно-морским делам члена правительства по делам военным. Вот это основные положения об управлении нашего края в военном отношении. Рассматривая каждое из этих управлений и высказавшись о наиболее целесообразном направлении работ в этих учреждениях, военно-морская комиссия остановилась на небольших деталях. Она полагает, что схема управления в принципе несколько шире поставлена, чем того требует момент, и поэтому некоторые отделы управлений она сочла необходимым исключить, а некоторые — вновь ввести, как, например, управление помощника начальника инженеров. На обязанности этого управления лежит большой круг деятельности: техническая часть управления, снабжение имуществом, телеграфом, автомобилями, авиация, квартирный вопрос, постройка и ремонт, расквартирование частей, снабжение топливом, реквизиция и ликвидация по этому вопросу за прежнее время и инженерная оборона. Вот схема деятельности этого управления. Как из нее вы, очевидно, усмотрите, одному человеку трудно справиться; вводить же новое управление, как это предполагалось, нежелательно, чтобы не расширять и без того уже несколько расширенное управление, поэтому комиссия вводит должность помощника начальника инженеров при военном штабе. По штатам, утвержденным правительством, предполагалось создание полевого штаба, но его в настоящий момент не существует. Военно-морская комиссия, со своей стороны, полагает, что отделение о полевом управлении необходимо должно начать функционировать теперь же, так как с возможным уходом Добровольческой армии — а ее цель не одна Кубань, а и дальше — край наш не должен остаться беспомощным в отношении оперативном и в отношении чисто полевого управления. Я думаю, что в другом месте, если понадобится, я могу доложить вам сущность каждого из отделов, входящих в. большие отдельные управления. Военно-морская комиссия нашла, что отношения и дела инженерной части Добровольческой армии, с одной стороны, и начальников инженеров Кубанского края, с другой, слишком запутаны; поэтому комиссия предлагает Раде содействовать урегулированию этого вопроса и точному определению круга обязанностей нашего начальника инженеров. При этом управлении признано необходимым учреждение особого фактического контроля. Без этого деятельность управления сильно тормозится, так как при всякого рода постройках необходимо, в целях ускорения работ, чтобы контроль был всегда к услугам этого управления.

Казалось бы, какое отношение имеет к военному вопросу вопрос о военнопленных и беженцах, о лицах, не связанных жизнью с Кубанским краем и живущих сейчас в Екатеринодаре? Но военно-морская комиссия нашла, что этот вопрос должен быть так или иначе разрешен в благоприятном для края смысле или краевой Радой, или, по ее предложению, кубанским правительством. Дело в том, что, например, военнопленных в настоящее время в Екатеринодаре около 8 тысяч, и живут они в казармах Самурского полка, получают определенное содержание от казны, с обременением последней, и никакой пользы не приносят. Поэтому было бы желательно, чтобы этот вопрос был поставлен в лучшие условия. Член правительства по финансовым делам и промышленности докладывал, что в Екатеринодаре организуется фабрика суконных

тканей. Военно-морская комиссия полагает, что ввиду острой нужды наших войсковых частей в обмундировании этот материал должен в первую голову идти на удовлетворение нужд войсковых частей. Кроме того, огромна нужда в снабжении армии другими предметами снаряжения, это вам всем прекрасно известно. Этот вопрос мог бы быть, согласно докладу, сделанному с этой кафедры, разрешен в более благоприятном для нас смысле, если бы мы повели переговоры с Грузией, где в настоящее время осталась от Кавказской армии масса снаряжения, несмотря на то что там в первые дни революции грабил кто только мог. Когда двинулась Кавказская армия, в Тифлисе осталось на миллионы рублей обмундирования, а потому было бы очень желательно получить оттуда все то, в чем мы так сильно нуждаемся. И вот, хотя переговоры с Грузией в настоящее время, по причинам, с военным делом не связанным, и прекращены, однако, по мнению военно-морской комиссии, было бы желательно, чтобы они снова были начаты для удовлетворения нужд нашей Кубанской армии так необходимым для нас обмундированием.

В вопросе об организации нашей Кубанской армии военно-морская комиссия подходила, возможно, ближе к действительности настоящей жизни. Некоторые положения о воинской повинности военно-морская комиссия находит возможным видоизменить. Так, комиссия признает, что казаки, горцы и коренные жители Кубанского края, т.е. все те, кто представляет собою граждан края, должны на одинаковых условиях отбывать воинскую повинность в Кубанском крае. Относительно срока призыва комиссия нашла необходимым уменьшить его до 20 лет, причем руководилась следующими соображениями. Военная служба отрывает казака от его работы, от его жизни дома, от его хозяйства, и чем скорее казак снова вернется к своему хозяйству, тем для края будет лучше. А в 20 лет у него уже достаточно силы для боевой цели; в нем сформировался человек для того, чтобы нести тяжелую, но возможную для него в этот период времени работу. Это доказали в наш Кубанский поход реалисты, гимназисты и кадеты, которые, по свидетельству участников похода, несли свои обязанности не хуже, чем взрослые люди. Трехгодичный срок строевой службы — это касается организации армии в мирное время — почитается достаточным для того, чтобы усвоить в надлежащей мере все необходимое в военном деле. Есть, правда, сторонники взгляда, что достаточно для этой цели и двух лет. Но комиссия, рассмотрев этот вопрос детально, остановилась на трехгодичном сроке службы, так как прежде всего грамотность в Кубанском крае не так высока, чтобы призванные могли в течение двух лет усвоить себе все необходимое, особенно в артиллерии и в инженерных войсках. Дальнейшая служба казаков — в данном случае, если я говорю «казаки», то под этим понимаю и горцев, и коренных жителей края, — должна заключаться в том, что после строевой службы граждане Кубанского края переходят в ополчение, т. е. в то положение, которое было ранее в России. Приготовительный же разряд, а равно вторая и третья очереди и запас, должны быть отменены. Мне кажется, что по этому поводу и доказывать нечего, потому что разделение на очереди имело смысл тогда, когда казаки выходили на службу со своим обмундированием, со своими конями, и вот по степени готовности в этом отношении и было разделение на очереди. Как вы далее увидите, такое положение военно-морская комиссия отклонила, т. е. в дальнейшем казаки Кубанского края

будут отбывать воинскую повинность на всем краевом снаряжении, обмундировании, и даже кони должны быть краевые. С переходом на такое положение и зачисление в ратные очереди теперь отпадает. Что касается лагерных сборов, то, возможно, они и далее будут иметь место — скажем, один раз в первые три года состояния в ополчении после строевой службы. Это дело дальнейшего законодательства, и в такой детальный вопрос военно-морская комиссия не входила. Относительно льготы по воинской повинности комиссия полагает, что повинность эта должна быть для всех равна и никаких привилегий никому не должно быть дано. Только при наличии физических недостатков и болезни может быть допущено освобождение от службы, а льготы по семейному и имущественному положениям допускаются только в том случае, когда призывных окажется больше, чем этого требует наряд на строевую службу. Льготы по образованию должны быть отменены; устанавливаются отсрочки лишь для продолжения образования. Для того чтобы возможно больше уравнять всех в отношении воинской повинности, проектом комиссии вводится повинность для тех, кто к военной службе неспособен, но оказался способен к труду, и он должен приносить пользу краю своим трудом. Для этой цели в станичных обществах должны быть заведены общественные мастерские.

Далее перехожу к организации наших строевых частей. Эта организация предложена комиссией для мирного времени. Предполагается, что в крае казаков 1 300 000, горцев около 200 тысяч, коренных жителей края тоже около 200 тысяч. Комиссия полагает, что призыв может дать такой результат: казаков восемь с половиной тысяч, горцев — полторы тысячи, коренных тоже полторы тысячи — всего одиннадцать с половиной тысяч. Принимая во внимание трехгодичный срок службы, получается тридцать четыре тысячи с половиной. Это — то, что нужно для строевых частей. Как я вам доложу дальше, пластунов должно быть 14 500, конницы 9000, артиллерии 5000 и инженерного войска около 2000, в составе самолетного и броневого автомобильного дивизионов тоже около 2000, итого 32 500. Таким образом, мы вполне обеспечены живым материалом, живыми людьми для укомплектования тех строевых частей, которые предлагает военно-морская комиссия. Всего предполагается сорганизовать 4 пластунских полка 3-батальонного состава. Опыт войны показал, что организация наших отдельных батальонов не соответствует современному ведению войны. Поэтому желательно свести три батальона в один полк для объединения командования.

Таким образом, 12 пластунских батальонов должны быть сведены в 4 пластунских полка. Вы увидите, что пехота увеличится у нас почти в два раза. Опять-таки комиссия исходила из соображений опыта прошлого, в особенности из опыта, который дала гражданская война, — что конница должна быть уменьшена за счет пехоты. И вот, комиссия предлагает сформировать в крае 9 конных полков четырехсотенного состава, из них восемь казачьих и один специально горский. По этому поводу может зародиться мысль — почему горцы отбывают воинскую повинность отдельно, в своих частях. Я думаю, что все мы должны согласиться с тем, что горцы, по своим религиозным убеждениям и по некоторым бытовым условиям жизни, должны быть несколько обособлены. По этим соображениям комиссия для горцев сделала небольшое исключение, постановив, во-первых, что один полк должен быть сформирован чисто

горский, и, во-вторых, что остальные подлежащие отбыванию воинской повинности горцы должны служить во всех частях всех видов оружия законченными, отдельными единицами, т. е. отдельными батальонами, сотнями, батареями, если это представляется возможным.

Один из полков в память погибшего за край и за всю Россию героя генерала Корнилова должен носить его имя и формироваться из казаков всего края.

Каждый из числа семи-отдел должен будет формировать один полк. Здесь может возникнуть недоумение по поводу того, что в настоящее время некоторые отделы разделены на два полковых округа, другие же составляют один полковой округ; не окажется ли несение повинности в будущем тягостным для одного и легким для другого отдела? Но военно-морская комиссия полагает, что правильное распределение несения военной службы — вопрос военного управления. Некоторые станицы в военном отношении могут быть перечислены в соседние отделы.

Наконец, господа члены Рады, я перехожу к самому больному и в то же время в спешном порядке требующему разрешения вопросу. Это — реорганизация армии, перестройка армии. Военно-морская комиссия, вполне сознавая то, что я сказал вначале о необходимости создания в Кубанском крае особой армии, полагает, что к этому мы должны приступить наивозможно скорее — теперь же. В настоящее время, к сожалению, казаки, составляя восемьдесят, а, может быть, и больше процентов Добровольческой армии, входят в состав ее очень смешанными частями — полками, составленными из разных отделов, не говоря уже о разных возрастах. Все эти полки должны быть переформированы так, чтобы в один и тот же полк входили люди лишь из своего отдела или же ближайших станиц другого. Мотивы к этому я уже имел честь вам доложить. Но есть части, которые смешаны с частями чисто добровольческими. Эти части должны быть также отделены, т. е. казаки должны быть оттуда изъяты и из них должны быть сформированы чисто казачьи, на принципе территориальности, войсковые части. Эти части должны быть сведены до корпусов включительно, и из них должна быть составлена Кубанская армия.

Казалось бы, дальше на этом можно было бы поставить и точку, сформировать свою армию. Но здесь именно встает вопрос о назначении на командные должности. Это существенный вопрос жизни и правильности работы строевых частей. Кто будет во главе их? Военно-морская комиссия полагает, что назначения на командные должности должны исходить исключительно от войскового атамана. Вопрос этот в настоящее время в наших частях сильно запутан, между тем и власть войскового атамана должна быть точно определена. Этот отдел о реорганизации на первый взгляд может казаться незначительным и даже, в широком смысле, непринципиальным вопросом. Но военно-морская комиссия полагает, что этот вопрос должен быть разрешен краевой Радой, и притом в самом скорейшем времени, так как он затрагивает круг лиц, довольно близко стоящих к армии, и от разрешения этого вопроса в большой степени зависит успех работы в войсках. Вопрос о старшинстве также был рассмотрен и направлен по должному руслу. На этом я долго останавливаться не буду, а только скажу, что изданием приказа по войскам несколько затрагиваются интересы боевых офицеров и старшинство их сравнено с офицерами, служащими в управлениях и в службе бое-

вой не принимавшими участия. Кроме того, военно-морская комиссия полагает, что в основу назначений как на командные должности, так и в военные управления должна лечь принадлежность к кубанским казакам; начальник должен быть однороден с тем составом частей, которыми он командует.

Военно-окружный суд — учреждение очень важное и существенное для армии — также должен, по мнению комиссии, комплектоваться из лиц, принадлежащих к гражданам Кубанского края, так как комиссия думает, что мало знать законы и быть опытным в военно-юридических вопросах, нужно еще знать край, его обычаи, его нравы для того, чтобы применять этот опыт и знание законов.

Я думаю, не встретит никаких возражений постановление о том, что раненные не только в настоящих походах, в войне гражданской, но и за все время войны должны иметь преимущества при назначениях на разного рода административные должности и должности управлений.

Следующий вопрос в военном деле — это вопрос об укомплектовании армии офицерским составом и урядническим составом. По мнению военно-морской комиссии, надлежит к 1-му января наступающего года открыть одно смешанное военно-учебное заведение — смешанное потому, что открывать отдел, но для каждого рода службы училище — это не под силу краю, это слишком дорого стоило бы, да и надобности в этом большой нет. Согласно сообщению члена правительства по военным делам, правительством возбужден вопрос о совместном с Доном обучении лиц для специальных частей, так как и для Дона открывать наравне с другими такое громоздкое и дорогостоящее военно-учебное заведение, как, например, инженерное, не представляется возможным, тем более что необходимость в нем и там не весьма широка. Поэтому было бы желательно эту потребность удовлетворить таким образом, чтобы одно училище, скажем артиллерийское, открыть на Дону, а у нас — инженерное. Если эти переговоры увенчаются успехом, то так и будет установлено.

По военно-морскому делу военно-морская комиссия полагает, что этот отдел управления должен быть сохранен в таком виде, в каком он есть в настоящее время. Вокруг этого вопроса идет больше, чем следует, разговоров. Но я должен сказать, что все это не на таких широких началах строится, как, может быть, некоторым кажется. Это центральное управление стоит всего 4000 рублей в месяц, необходимость в нем, по мнению военно-морской комиссии, насущная для края. Функции этого управления такие прежде всего — морская пограничная служба, затем разведка, рыболовство и маяк. Наблюдение за рыболовством всецело должно лежать на этом управлении. В настоящее время в распоряжении этого управления имеется десять моторных лодок, четыре бронированных катера, два транспорта и четыре других судна. Таким образом, это все в очень скромных и действительно необходимых размерах. Если бы случилось, что к Кубанскому краю была придана и Черноморская губерния, тогда, с расширением морских границ Кубанского края, может быть, понадобилось бы и расширение его работ. Но в настоящее время скромность работ как раз соответствует тому, как учреждено это дело.

При члене правительства по военным делам в настоящее переходное, организационное время учреждено много всякого рода комиссий. Военно-морская комиссия

Рады считала своим долгом рассмотреть их деятельность и выяснить необходимость их работ. Некоторые из этих комиссий были признаны комиссией Рады необходимыми, и они в настоящем докладе не упоминаются, только те, которые вызвали некие разногласия, или те, по которым единогласно вынесено решение о ненадобности их, — только те помещены в докладе. На первом месте в разделе VII стоит комиссия по выработке уставов, о коей сказано, что в основу этой комиссии положены необходимые и соответствующие переживаемому времени принципы, и ее надлежит сохранить. Эти принципы заключаются в следующем: уважение к личности, сознательность дисциплины. Отмечу, между прочим, что устав дисциплинарный, тяжелый, по воспоминаниям, для военнослужащих, наименован уставом о дисциплине; затем чувство гражданственности, борьба с произволом, которого, к сожалению, в прошлом было так много и который горечью накопился в сердцах военнослужащих, уничтожение униженности личности и мучительности наказаний. Все это принято во внимание этой комиссией. Впрочем, я считаю своим долгом, как член Рады, доложить вам, хотя это и не входит в обязанность докладчика, что с одним из принципов, положенных в работу этой комиссии, я лично не согласился, так как там предполагается — правда, по суду, по суду военно-полевому, следовательно, особому суду, — ввести порку. Я против этого протестовал, но оказался в меньшинстве. *(Шум.)*

Далее, господа члены Рады, для многих из вас неизвестно назначение комиссии генерала Корсуна. Но для офицеров эта комиссия известна: через эту комиссию прошло около 3800 офицеров и чиновников, и, по имеющимся сведениям, это еще далеко не все. Комиссия учреждена с исключительной целью, так сказать, просеивать командный и офицерский состав — отделить так или иначе принимавших участие в большевизме, содействовавших этому большевизму, и оставить в войсковых частях тех, кто был на высоте своего положения. Казалось бы — цель вполне оправдываема временем и необходимостью. Но, господа члены Рады, спросите любого офицера Кубанского края, с какими мучениями сердца он проходил через эту комиссию *(Голос с места: «Правильно».)*, какой тяжелый осадок оставался у каждого честного офицера, когда он шел в эту комиссию, уже заранее заподозренный, потому что он должен был отвечать на известные 14 пунктов. Больше об этом я не буду распространяться, господа члены Рады; предоставляю каждому из вас спросить рядом сидящих офицеров, что они переживали, проходя через эту комиссию. Скажу лишь, что продолжение существования этой комиссии единогласно было отвергнуто. Комиссия полагает, что вопросы, касающиеся участия офицеров в большевизме, должны быть переданы на суд общественности, а не назначенной комиссии. Только станичные общества в станице могут судить о деятельности офицеров, находившихся во время большевизма в их среде; только суды чести частей могут правильно оценить ту или другую сторону деятельности офицеров. Это заключение военно-морской комиссии, принятое единогласно, предлагается вашему усмотрению. Что касается комиссии аттестационной, то она, очевидно, необходима, потому что, конечно, войсковому атаману невозможно непосредственно знать достоинства и качества каждого при назначении на командные должности, в особенности высшие. Поэтому при войсковом атамане должна состоять коллегия из назначенных лиц, которая бы разбиралась в этих вопросах, но, конечно,

самое назначение на командные должности должно разрешаться единоличною властью войскового атамана. В Екатеринодаре учрежден был суд чести, но с отменою комиссии генерала Корсуна необходимость этого установления признается отпавшею, так как он является логическим последствием существования упомянутой комиссии.

После войны мировой и во время войны гражданской осталось много нуждающихся в освобождении от военной службы по возрастному цензу — стариков или калек, раненых, неспособных к службе офицеров и казаков. И вот этим лицам необходимо дать отдых, возможность дальше жить при мирной обстановке, но для этого необходимо назначение им пенсии. Этот вопрос в нашем крае не разрешен удовлетворительно, так как мизерная пенсия, которая выдавалась раньше, конечно, не удовлетворяет жизненным потребностям теперешнего времени. Поэтому, вполне правильно понимая это дело, член правительства по военным делам организовал комиссию о пенсиях. По мнению военно-морской комиссии, в основание этой работы положены вполне правильные начала: обеспечить прежде всего раненых, потерявших и здоровье, и трудоспособность, независимо от прослужения лет, как офицеров, так и казаков, а затем здоровых, но уже неспособных к военной службе. Военно-морская комиссия полагает правильным, как принято комиссией о пенсиях, чтобы размер пенсии для офицеров и казаков, прослуживших двадцать лет, определялся в 50 % содержания, а за 30 лет — в 80 % содержания.

Наконец, последний вопрос, подлежащий обсуждению военно-морской комиссии, это вопрос о коневодстве. Этот вопрос интересен не только с точки зрения военной службы, но и общих нужд края. В прошлом это дело у нас было поставлено недостаточно правильно, и результаты поэтому получались чаще всего неудовлетворительные. Правда, в тех станицах, где случайно атаманы или близко стоящие к управлению люди интересовались этим делом, знали его — там это дело процветало, но в большинстве случаев производители были или без глаз, или искалеченные, и результатов никаких не было, так что даже затраченный на приобретение их капитал не оправдывался. Поэтому военно-морская комиссия полагает, что это дело должно быть видоизменено: все производители должны быть сосредоточены в отделах в то время, когда в них надобности на местах нет. Когда же надобность явится, то тогда определенно знающими коневодство лицами эти производители могли бы командироваться на места и там то, что требуется, они могли бы сделать с большей пользой для края. Вот все вопросы, разобранные военно-морской комиссией. В заключение выражу надежду военно-морской комиссии, что поставленный ныне на ваше обсуждение вопрос — очень существенный и необходимый вопрос — наконец будет разрешен в благоприятном для края смысле, в смысле создания своей армии, необходимой не только ради местных нужд, но и для создания армии будущей великой России, построенной на федеративных началах. *(Аплодисменты.)*

Председатель. — Объявляю перерыв на 10 минут.

После перерыва.

Председатель. — Заседание возобновляется. Господа члены Рады! Сейчас мы выслушали интересный обстоятельный доклад, доклад военно-морской комиссии. Мне кажется, что, прежде чем приступить к обсуждению всего доклада в целом и по пунктам, мы должны сказать о том, что волнует нас всех, не только здесь сидящих, не

только в станицах, но и на фронте. Этот вопрос — самый главный и, по моему мнению, самый важный из всех вопросов, которые мы рассмотрели — есть вопрос о том, нужна ли и необходима ли Кубанская армия или нет. Мне казалось, что, прежде чем приступить к постатейному чтению или обсуждению всех тех положений, которые изложены специалистами, знающими это дело людьми, нужно сказать, что для нас как выразителей мнений, настроений и желаний народа кубанского наиболее важным является один принципиальный вопрос — вопрос о создании Кубанской армии. Я полагал бы, что, прежде чем приступить к обсуждению этого доклада, мы должны высказать свое определенное отношение к тому пункту конституции, где сказано, что должна быть Кубанская армии. В свое время при обсуждении этого пункта конституции мотивов никто, кроме докладчика, не излагал, возражений против мы не слыхали; очевидно, образование армии — это желание всех. Но мы желаем одного, чтобы этот вопрос был, наконец, разрешен определенным образом и изложен в особом нашем постановлении, где говорилось бы, как мы на это смотрим. После того как мы этот основной вопрос разрешим, тогда нам легко будет читать, принимать, упразднять, соглашаться со всеми пунктами доклада, который мы выслушали. Если Раде угодно принять такой порядок обсуждения, то я открою прения по вопросу об организации Кубанской армии.

Возражений нет? Таким образом, я прошу записаться ораторов по вопросу об организации Кубанской армии. *(Голоса: «Без прений».)* Я уже сказал, господа, что я знаю ваше желание, вы без прений приняли, что Кубанская армия нужна, но дайте возможность всем желающим высказаться, чтобы потом не было нареканий. Это — очень серьезный вопрос, и если здесь есть противники образования особой армии, то пусть они выскажутся, чтобы потом не имели права упрекать нас в том, что мы с закрытыми глазами, не обсудив, этот вопрос приняли. Мы знаем, почему мы принимаем этот вопрос без прений: если не будет этой армии, то и казачества не будет. Слово принадлежит члену правительства по военным делам генералу Савицкому.

Генерал-майор Савицкий. — Господа члены Рады! Я имею честь в первый раз выступать перед вами после того высокого отличия, которым вам угодно было меня почтить.

Прошу принять от меня искреннейшее выражение моей благодарности и признательности. Моя скромная работа была оценена, и это дает мне силы и впредь работать на пользу войска, поскольку хватит сил и разумения. *(Аплодисменты.)*

Господа члены Рады! Краеугольным камнем работ военно-морской комиссии был вопрос о Кубанской армии. Нужна ли нам армия? Какой иной ответ может быть на этот вопрос? Да, нам нужна наша Кубанская армия. *(Аплодисменты.)* Это наше право иметь таковую. Когда мы подписывали договор с командованием Добровольческой армии в Новодмитриевской, там было сказано, что по приходе в Екатеринодар будет приступлено к формированию Кубанской армии. Когда мы вышли из Мечетинской, пошли в Кубанский край, это было тоже подтверждено неоднократно. Председатель правительства, войсковой атаман и я, мы неоднократно по этому поводу вели разговоры с главнокомандующим армией. И этот принцип был твердо установлен, что будет Кубанская, что мы, кубанцы, за ту услугу, за ту неоценимую пользу, которую принесла нам Добровольческая армия, мы не останемся в долгу перед Россией, что

мы пойдем помогать Добровольческой армии в деле освобождения России от большевизма, но что у нас должна быть особая армия, из которой мы выделим определенные полки, дивизии или корпуса, те, какие признаем нужным назначить. Вопрос о существовании Кубанской армии сомнениям ни разу не подвергался. Теперь фактически Добровольческая армия, в состав которой входят кубанские полки и батальоны, является представительницей казаков, но имени нашего совершенно нигде не упоминается. Я против такого обезличения. *(Аплодисменты.)* Мне было больно слышать в талантливом докладе П. Л. Макаренко о том, как на Дону при встрече с союзниками поднимался бокал за Донскую армию, за Добровольческую, но никто не вспомнил, что существует Кубань. Может быть, есть люди, которым это безразлично, но я убежден, что большинству кубанских казаков это не безразлично. *(Голоса: «Правильно».)* Полки кубанские входят в состав Добровольческой армии, и вопрос, собственно, сводится не к сформированию армии, ибо она существует, а к реорганизации этой армии. Нужно вам доложить, что приблизительно около 60 тысяч казаков входит в чисто кубанские части: полки, батареи и батальоны. И только некоторое количество, которое мне в точности неизвестно, но выражающееся также в тысячах, входит в состав смешанных частей Добровольческой армии. К реорганизации сейчас уже приступлено. Была создана особая комиссия под председательством генерала Вязмитинова. В состав этой комиссии вошли представители Кубанского казачьего войска. Потом была образована комиссия генерала Королькова, в которую целиком вошла комиссия генерала Вязмитинова. Назначение этой комиссии — выработать положение о службе казачьих частей. Принимаются сейчас уже меры, чтобы эту реорганизацию провести в возможно скором времени, чтобы казаки были распределены в первую очередь, по возможности, по своим отделам, а в дальнейшем по своим полковым округам. Затем необходимо, чтобы части наши были сведены в высшие военные соединения, начиная от бригады до корпуса включительно. В отношении пластунских батальонов это уже осуществлено. 12 кубанских пластунских полков уже сведены в 3 кубанских казачьих бригады. Необходимо, чтобы все кубанские части были сведены в соответствующие крупные соединения.

Вопрос этот возник не сейчас. Еще при Временном правительстве решено было, что не только кубанские казачьи части должны быть сведены в особые части, а и другие. Так что наше желание, чтобы наши части были сведены до корпусов включительно, является вполне законным и признанным еще Временным правительством. Реорганизованная наша Кубанская армия должна остаться в полном подчинении главнокомандующему, потому что стремление наше не разрушать фронт, а укрепить его. И я полагаю, что большинство членов Рады разделяют этот взгляд — что если будут казачьи полки и в них будет только однородный казачий состав, то этим будет только укреплена армия, но отнюдь не расшатана. Вот важнейшие принципы, на которых хотел бы остановиться. Тут есть подробности о назначении командного состава, подробности более мелкие. Командный состав в казачьих частях должен быть, по возможности, казачий, и только в том случае, если не представляется возможным заместить командную должность природным казаком, может быть приглашено другое лицо, но и то лишь с согласия казачьей части и каждый раз по назначению атамана. Перефор-

мирование произвести полностью в обстановке боевой невозможно. Поэтому я полагаю, что те принципы, которые установит Рада, будут осуществлены, по возможности, незамедлительно в отношении чисто казачьих частей. Что же касается частей смешанных, то они будут переформированы по мере того, как даст возможность боевая обстановка. Требовать этого сейчас нельзя, потому что мы будем разрушать уже наладившиеся части. Затем в этом проекте, который сейчас подвергается обсуждению, есть более мелкие вопросы: о назначении лиц в военные управления, где говорится, что должно быть отдано преимущество коренному населению Кубанского края; о том, чтобы раненым давать преимущества в учреждениях. Все это понятно, и я не скажу, чтобы все это составляло такие значительные вопросы, которые волновали бы так, как волнует производство в чины и проч. Есть еще один вопрос — об упразднении военной стражи. Это было решено помимо нас, и он вызвал известные волнения. *(Шум, звонок председателя.)* Мне поставлено на вид, почему я пустился в мелочи, о которых будет речь впереди. Конечно, важны только основные принципы. Итак, я, покидая эту кафедру, скажу: Кубанскому краю нужна Кубанская армия.

Член Рады И. Белый. — Господа члены Рады! Конечно, Кубанская армия должна быть: в этом, я думаю, мы с вами убедились раньше. Мы переживаем теперь такое время — время борьбы за существование, я сказал бы, казачества, и вот это естественно должно нас побуждать к тому, чтобы мы имели силу сопротивления, чтобы бороться с теми недоброжелательными нам элементами, откуда бы они на нас ни надвинулись. Я подчеркиваю: нужно иметь силу; но в чем же может выразиться реальная сила? Реальной силой может быть только наша родная по крови армия. Я не имел в виду выступать по этому вопросу, я хотел говорить по существу доклада, но я решил сказать небольшое убедительное слово, итак, я скажу: армия Кубанская должна быть.

Член Рады Манжула. — Господа члены Рады! Какому-нибудь постороннему свидетелю, если бы он нечаянно зашел в залу нашу, показалось бы странным, почему мы так кратко, но выразительно говорим: Кубанская армия должна быть. Как будто и возражений ниоткуда мы не встречаем, а все-таки мы упорно заявляем: Кубанская армия должна быть. Очевидно, мы имеем кого-то, кто говорит, что Кубанской армии не должно быть. Очевидно, мы должны определенно сказать и показать всем, что в основу нашего утверждения входят вполне определенные основания. Нужно сказать, что наш этот утвердительный возглас является ответом на те опасения, что, дескать, в такой момент говорить о каких-нибудь армиях — это просто вредно, и, как всегда, стоит только нам заявить, что мы хотим иметь все свое, нам говорят: «Вы — самостийники, вы — сепаратисты». Упрекают, что мы этим даже губим великое дело освобождения, воссоздания великой единой России. В этой плоскости я хотел сказать несколько слов.

Нужно, чтобы согласительная комиссия от краевой Рады, в состав которой вхожу и я, выставила основные положения, в числе которых одним из главных было бы создание Кубанской армии. В настоящее время мы имеем заявление представителей Добровольческой армии в согласительной комиссии, которое гласит, что они полагают в основание слова, сказанные 1-го ноября в заседании краевой Рады, а именно, что должна быть «единая армия с единым фронтом, облеченная полной мощью». Это —

слова генерала Деникина, сказанные с этой кафедры 1 ноября. Мы также ничего не имеем против того, что должен быть единый фронт и единое командование, должна быть какая-то согласованность в действиях. Но такой согласованности нет, потому что в одни и те же понятия вкладывается неодинаковый смысл. Я не буду останавливаться, скажу только о некоторых положениях относительно правомочности источника высшей власти. О едином представительстве мы будем говорить дальше. Я скажу только о том, что отвечает по поводу создания Кубанской армии представитель Добровольческой армии. По этому поводу представитель Добровольческой армии считает необходимым указать Кубанскому краю, что «для продолжения борьбы с большевиками и воссоздания России все войсковые части должны быть, как и ныне, подчинены главнокомандующему Добровольческой армии». Как будто и в данном случае мы против этого не возражаем, но я повторяю, что мы вкладываем свое понятие в слова «Кубанская армия». Мы, конечно, любим весь мир, мы любим, конечно, своих однокровных и единоверцев, мы должны стремиться, чтобы была создана великая свободная Россия, но мы больше всего в мире любим свой Кубанский край, и, подходя к этому вопросу, мы начинаем опасаться. Ведь мы ради преследования великой цели не можем не принять во внимание и интересов такой незначительной, в конце концов, части, как Кубань. И вот мы, которые прежде всего любим и больше всего любим свой «рідний» Кубанский край, мы боимся одного: во имя тех великих целей мы смеем иметь свое суждение, что при таком положении наших частей на фронте, быть может, эти великие цели не будут так достигнуты, как мы полагаем. Мы знаем, как насчет этого мыслит передовое казачество. Взгляды его и поступки вам прекрасно известны. И вот, когда мы говорим, что нам нужна Кубанская армия, то мы указываем, что при ее организации — по сведениям, полученным от наших частей, от наших бойцов и по мнению их, так сказать, — боевая мощь самих бойцов будет более высокой. Ведь это мы ясно и прекрасно понимаем: когда я чувствую плечо с плечом своего человека, то наш «сепаратизм», наша «самостийность» доходят до смешного. Переходя в другой полк, мне хочется быть там, где находятся мои земляки-казаки! Конечно, это смешно, но это так. Конечно, может быть, для других людей это непонятно, но для нас это важно. За сим — вопрос, чтобы был свой командный состав. Это объяснять не приходится. Мы все это прекрасно понимаем. Затем — чтобы была уверенность, что наша армия не пойдет туда, куда не хочет, чтобы Кубанская армия во имя мирового масштаба не покинула нас. Мы знаем, что части наши предполагают перебросить с кубанского фронта на другой, для целей, нам неизвестных. Нам говорят, что 2-й Таманский полк переброшен в Керчь и Симферополь. Я полагаю, что всякому понятна та простая задача, что всякий за свой «рідний» край будет больше биться. И если нужно перебросить часть войск куда-то, то ведь можно перебросить не казачьи части, чтобы была у нас уверенность в том, что мы бьемся за свой «рідний» край и в том, что у нас рядом товарищи, непосредственное начальство, наши братья. Наше офицерство, наша честь и слава, умеет прекрасно ладить с простым казаком и объяснять ему его задачи. Вот почему мы прямо утверждаем: нам нужна Кубанская армия. Я полагаю, что этот пункт раздела IV-го о реорганизации Кубанской армии должен начинаться с того, что, по таким-то соображениям, Кубанская армия должна быть. Я говорю, что повторяться на эту тему

нельзя, между тем я выхожу третьим утверждающим, что такая армия должна быть. Но было бы желательно выслушать мнение таких лиц, если бы они нашлись в Раде, которые бы утверждали обратное. Быть может, есть мотивы серьезные, которые нам докажут противоположное. И если будут доводы, обоснованные на положениях, противоположных нашим, мы к ним должны относиться серьезно. У нас предполагается, что молодые казаки должны быть мобилизованы. Их нужно призвать, обучить, и с этого придется начать организацию ядра Кубанской армии. Больше сказать я ничего не имею.

Член Рады Харченко. — Господа члены Рады! Сейчас обсуждают вопрос о том, нужна ли нам Кубанская армия. Все говорят, что она нужна. Здесь было сказано уже генералом Савицким, что армия уже есть Кубанская. Я знаю, что она действительно есть на фронте, и говорят, что уже некоторые части сведены в чисто казачьи.

Я свидетельствую, что на фронте есть действительно Кубанская армия. А если мы посмотрим на витрины по Красной, то Кубанской армии нет, а есть только Добровольческая армия. Я понимаю так, что Кубанская армия есть на деле, а на словах ее нет. Я представляю себе только такую Кубанскую армию, чтобы наш войсковой атаман имел право ею распоряжаться. Я не допускаю мысли, чтобы атаман командовал, но чтобы он распоряжался. Член Рады Манжула сказал, что мы не шли воевать с Украиной, а казаки все-таки туда идут, и атаман не имеет права сделать что-либо по этому поводу, потому что части наши находятся в ведении Добровольческой армии. Нам нужно, чтобы мы были уверены, что наша армия имеется в нашем распоряжении, а не всецело подчиняется командованию Добровольческой армии. Нам нужно, чтобы те подвиги, которые совершаются нашими казачьими частями, не приписывались коннице Добровольческой армии. Это обидно, когда подвиги совершают казаки кубанские, а их приписывают коннице генерала Врангеля. Таким образом, нам нужна Кубанская армия. Я настаиваю на том, чтобы краевая Рада постановила писать на витринах: «Казаки идут», а не «Добровольческая армия», и чтобы наша Кубанская армия была в распоряжении атамана, а не была подчинена главнокомандующему Добровольческой армии.

Председатель. — Ко мне поступило предложение о прекращении прений. *(Голос: «Еще никто не высказывался против».)* Я предполагаю, что среди вас не найдется таких. *(Голос: «Я буду говорить против».)* Голосую вопрос о прекращении прений. Прения прекращены. Слово предоставляется председателю согласительной комиссии И. Макаренко.

Член Рады И. Макаренко. — Господа члены высокого собрания! Для того чтобы не было на ваших представителей в согласительной по урегулированию вопросов с Добровольческой армией комиссии каких-либо нареканий, а именно, чтобы никто не имел права сказать, что мы что-то в Раде не объявили, что-то Раде не сказали в то время, когда она обсуждала этот кардинальный вопрос, — для этого я прошу слова у председателя. Разрешите мне доложить вашему вниманию то, что принимают ваши представители по вопросу об организации Кубанской армии. У нас этот вопрос, подлежавший обсуждению, разбился на три вопроса: общегосударственного строительства, вопрос о внешних сношениях и вопрос военный. По вопросам общегосударственного строительства после обмена мнений выяснилось, что мы, представители Рады, стоим

на одной точке зрения, а представители Добровольческой армии стоят на другой, и непримиримой, точке зрения. Что касается вопроса о внешних сношениях, то здесь будто бы наметился контакт, за исключением одного момента, а именно: мы настаивали, чтобы представители Кубани пользовались правом решающего голоса по всем вопросам, касающимся Кубанского края, но определенного ответа мы не получили. А что касается вопросов чисто военных, вопросов об армии, о вооруженной борьбе с большевиками, то этот вопрос был поставлен у нас в форме несколько более широкой. А именно было выдвинуто следующее: бороться с большевиками мы должны, а что касается вопроса о спасении всей России, о ее возрождении, то мы смотрим так, что этим делом нужно заниматься не иначе, как выяснивши себе, какая это должна быть Россия, иначе говоря, за что мы боремся — за Россию монархическую или за Россию, в которой полностью будет осуществлена идея народоправства. Иначе нам тяжело будет вести борьбу, ибо она для нас может быть непонятна, и мы вынуждены будем встать в борьбе этой непосредственно со всем русским народом. Бороться же со всем русским народом мы не можем, не должны и не имеем права.

Затем было выдвинуто следующее положение, что Добровольческая армия, в союзе с которой мы должны бороться с большевиками и за возрождение России, должна, как и мы, написать на своем знамени, что она борется за народоправство, и чтобы это было сказано громко и вполне определенно. По этому поводу мы получили заявление, что, правда, когда-то, в начале борьбы, командование Добровольческой армии заявило, что оно борется за народоправство, за Учредительное собрание, но потом обстоятельства изменились и вообще обстановка приобрела такой характер, что со знамени нужно снять этот лозунг. Мы, конечно, не могли согласиться с тем, что такой важный лозунг, освящающий нашу борьбу, окрыляющий нашу душу и благословляющий нас на борьбу за Россию, за единство ее, — этот лозунг со знамени снят. Он не должен быть снят со знамени нашего и Добровольческой армии. По этому пункту мы точек соприкосновения и соглашения не нашли. Когда выяснилось, что по принципиальным вопросам у нас разногласия непримиримого характера, и в то же время имея в виду, что борьба с большевизмом должна быть доведена до конца, что тут нужно идти рука об руку, чтобы справиться с задачей, мы решили перейти просто к вопросам практическим: как быть сегодня, как быть завтра? Такое предложение комиссия вынесла. В ответ на это последовало заявление со стороны генерала Лукомского. Это заявление было оформлено в виде трех пунктов, но он просил, чтобы мы этих трех пунктов не оглашали в пленарном заседании, так как, по его заявлению, он их формулировал наскоро и ему нужно еще предварительно посоветоваться с главнокомандующим Добровольческой армии. После же этого он нам даст вполне определенную формулу его мнения. Мы, конечно, согласны на эти предложения и ожидали этого ответа, причем просили, что, так как у нас в Раде стал вопрос о выборах атамана, а для нас этот вопрос важен, то чтобы временно заседаний согласительной комиссии не было в целях предоставления нам полной возможности присутствовать при разрешении столь важного в нашей жизни вопроса. Наше заявление было встречено полным сочувствием, тем более что у представителей Добровольческой армии тоже не было свободного времени. А в позавчерашний день я получил от той части согласительной комиссии сле-

дующие две бумажки, которые я вам оглашу и которые без дальнейших комментариев выясняют, в чем сущность дела. *(Читает.)* Я должен сказать, что, к сожалению, ни один вопрос, вызывающий разногласия, не устранен. *(Читает.)* В субботу я не мог назначить заседание по понятным причинам. У нас стоял вопрос о выборах атамана, тот самый, из-за которого мы просили о перерыве. Заявление, препровожденное при этой бумажке, гласит следующее. *(Читает.)* Это подписал генерал Лукомский, а это заявление подписано всеми 16 представителями Добровольческой армии. *(«Просим огласить подписи».)* Генерал Лукомский, генерал Вязмитинов, затем штатский человек Нератов, по-ихнему товарищ министра иностранных дел, затем член особого совещания Степанов, профессор Соколов, Астров и т. д. Две подписи я лично не разобрал. Что касается этого заявления *(Шум, протесты, звонок председателя.)*, то, как вы видите, оно, в общем, совпадает с тем, что я вначале сказал, я повторяться не буду, но есть некоторые различия в том отношении, что те вопросы, которые здесь, в конце концов, поминали как частные вопросы, они для нас и там, и здесь являются вопросами не частными, а вопросами глубоко принципиального значения, и что разрешение этих вопросов, как мы там заявили, не может быть осуществлено нами до тех пор, пока представителями Добровольческой армии они не будут приняты или не будут нами найдены точки соприкосновения по основным вопросам. Между прочим, нас волновало и беспокоило то обстоятельство, что если не будет объявлено, что мы, казаки, боремся за народное представительство, что мы боремся за землю и волю, то мы в лице всего русского народа встретим серьезное сопротивление Мы опасались, что на наши головы, головы современников и наших потомков, падет проклятие всего русского народа; что нас будут обвинять в том, что мы под лозунгом спасения и возрождения единой России задушили свободу русского народа и что это будет направлено по нашему адресу, адресу казаков, горцев и прочего населения, борющегося наравне с нами, и может вызвать проклятие и привести дело борьбы к нашему поражению, а может быть, и к уничтожению. Вот то, что жило в нашей душе, что нас беспокоило и волновало и что мы считали коренным и важнейшим.

Бороться во имя «единой», не зная, какая она будет, какою мы будем ее строить, — бороться в таких условиях мы не можем, и не должны, и не имеем права. Мы должны подойти к русскому народу с понятным для него призывом, что мы не задушим его, а вместе с ним будем строить единое государство, единую Россию, а не помимо него. Вот тот коренной вопрос, который нас разделял в согласительной комиссии. Само собою разумеется, что мы на этом вопросе не соглашались, и мы чувствовали, что дальнейшее соглашение будет чрезвычайно затруднительным. Я доложу от себя, что в этой тяжелой борьбе мы напрягаем все усилия, и если мы не встретим сочувствия со стороны русского народа, то эти усилия могут оказаться тщетными: цель будет не достигнута, а мы будем до крайности обескровлены и в смысле затраты человеческих сил, в смысле затраты наших материальных сил. В дальнейшем возникает вопрос — действительно ли мы можем идти, так сказать, втемную? Имеем ли мы право спокойно относиться к тому, чтобы наши полки, наших людей, наших братьев бросали в ту и другую сторону на борьбу не на жизнь, а на смерть во имя чего-то неизвестного? Так вот какое наше душевное состояние, порыв нашей души, который был во время заседаний

и после заседаний. Я своим долгом счел доложить вашему вниманию, чтобы никто нас, членов согласительной комиссии, не упрекнул, что при разрешении вопроса, который стоит перед вами, мы чего-то не огласили, о чем-то умолчали и т. д. Воля ваша решать так, как подсказывает вам ваш разум, сердце и любовь к краю. *(Аплодисменты.)*

Председатель. — Обсуждать заявление председателя согласительной комиссии не будем, а примем к сведению. О дальнейшем нам будет доложено, и мы примем те или другие меры. Поступило несколько записок о прекращении прений по вопросу о том, нужна ли или не нужна Кубанская армия. Я даю слово противнику организации Кубанской армии члену Рады Горбушину.

Член Рады Горбушин. — Господа члены Рады! Я принципиальный противник Кубанской армии, но принципиальный сторонник Кубанской казачьей армии или Кубанского казачьего войска. Это не одно и то же. Здесь у нас, в Кубанской армии, должны быть казаки, горцы и коренные крестьяне, а я спрашиваю: а где еще полтора миллиона населения будет — в Российской армии или в какой-нибудь другой? Об этом не сказано. Мы стремимся к тому, чтобы создать единую семью, но мы забываем о том, ради чего нас сюда послали, — забываем о нашем Кубанском казачьем войске. Говорят, туда должны войти те, кто приписывается в казаки. Я противник Кубанской армии и должен сказать, что если мы говорим о чистоте наших полков, казачьих полков, то к чему было сделано так, чтобы изъять наши кубанские казачьи части и присоединить к кубанским казачьим полкам из тех полков Добровольческой армии, где находятся как раз мобилизованные крестьяне и казаки. *(«Неверно».)* А мы говорим о чистоте принципов, как это сказано в докладе комиссии. Поэтому я говорю и буду настаивать на том, чтобы мы вместо Кубанской армии создали Кубанское казачье войско. Время бросить обезличивать самих себя: здесь нас большинство, а меньшинство пусть примыкает к нам, только тогда вы создадите Кубанское войско по тому типу, который вы желаете. Я должен сказать, что мы, создавая Кубанскую армию, отбрасываем полтора миллиона населения. Это, господа, не знаю что. Раз мы введем Кубанское войско, то мы ясно и определенно заявляем, кто мы, а о других не знаем, кто они будут. Вот с какой стороны я хотел осветить этот вопрос.

Председатель. — По моему мнению, всякая речь может защищать разные положения, но для этого нужно выбирать соответствующее время. Я полагаю, что то, что сказано членом Рады Горбушиным, не соответствует тому, о чем здесь говорится. Он говорит — куда девать иногороднее население? А почему знает Горбушин, может быть, я выйду и скажу, что делать с ним? Это не решает вопроса.

Поступило предложение о прекращении прений. Кто за? Кто против? Прения прекращены. Теперь баллотирую вопрос о том, находит ли Рада необходимым организовать Кубанскую армию. Прошу тех, кто находит необходимым организовать Кубанскую армию, поднять руки. *(Голос с места: «Кубанскую казачью армию».)* Прошу не перебивать. Кто против? Кто воздержался? Таким образом, Кубанская краевая Рада громадным большинством признает необходимым организовать Кубанскую армию; против ни одного и очень незначительное число — 10 — воздержавшихся. Господа члены Рады, раздаются голоса о том, чтобы подсчитать. Я еще раз прошу поднять руки тех, кто согласен. *(Шум.)* Прошу не перебивать. Кто против? Кто воздержался?

Объявляю результат подсчета: за организацию Кубанской армии все, при 14 воздержавшихся; против ни одного.

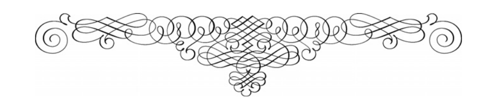
Господа члены Рады! Мы должны будем приступить к постатейному чтению военного законопроекта после перерыва.

Может быть, сегодня вечером назначить заседание, хотя есть предложение его отложить, так как на очереди стоят вопросы чрезвычайной важности. *(«Завтра утром», «Вечером».)*

Член Рады Султан Шахим-Гирей. — Только что мне пришлось беседовать с артистами этого театра, и они убедительно просили нас, чтобы мы предоставили в их пользу три вечера в неделю — в субботу, вторник и четверг, и я полагаю, что это вполне правильно. Вчера им не удалось поставить спектакля, так как здание театра было занято нами. Другая причина — это те вопросы, которые стоят на очереди, вопросы серьезные, требующие тщательного обсуждения по отделам. Вот по этим соображениям я просил бы Раду сегодня вечером заседание отменить.

Председатель. — Я должен заявить, что, конечно, то, о чем нас просят артисты, вполне справедливо, и мы должны войти в их положение. Я понимаю, что артистам тяжело, но мы очень дорожим временем, а поэтому я предлагаю заплатить артистам и закончить скорее работы: ведь каждый день промедления стоит нам дороже. Сегодня не должно быть заседания, потому что у нас есть работа в отделах. Нужно в отделах обсудить кандидатуру атамана, а для этого нужно иметь время. Вот поэтому я просил бы *(Голос: «Не будем атамана выбирать совсем».)*, просил бы, чтобы заседания сегодня не было. Кто находит нужным, чтобы был перерыв до завтра? Кто против? Принят перерыв до завтра, до 10 часов утра. Объявляю заседание закрытым.

Заседание закрыто в 2 ч. 45 м. дня.

Стенографический отчет 31-го заседания Чрезвычайной Рады Кубанского края 3-го декабря 1918 года.

Дневное заседание.

Заседание открыто в 10 часов 50 мин. утра председателем Н. С. Рябоволом.

Председатель. — Заседание возобновляется. Вчера, 2-го декабря, скоропостижно скончался представитель от ст. Баракаевской член Рады подъесаул Зиновьев. Предлагаю членам Рады почтить его память вставанием. *(Все встают.)* День похорон еще не выяснен, но я просил бы от каждого отдела избрать по три человека в качестве делегатов для присутствия на похоронах. От имени краевой Рады будет возложен венок. Слово предоставляется Белашеву, секретарю Рады. Заседание объявляю при закрытых дверях.

Член Рады Белашев. — Господа члены Рады! Неоднократными своими решениями и постановлениями вы сделали себе целью беспощадную борьбу с большевиками. Для этой цели казачество самомобилизовалось, восстановило свои полки, очистило область и продолжает дальнейшую борьбу с большевиками. Те казачьи полки, которые были прежде разложены большевиками, в настоящее время ведут борьбу и являют собою мужество и доблесть. Именно эти полки создали фронт, проходящий через Ставропольскую губернию, и очистили значительную ее часть. Я подчеркиваю, что это — именно наш фронт, ибо вы знаете, что с крушением этого фронта прежде всего все рушится на нас, на те отделы, которые расположены в тылу этого фронта. Вам неоднократно говорили, что борьба не окончена и что она продолжается и будет еще больше и напряженней. Двигается девятый вал. Здесь вас звали к объединению, ибо видели в этом победу над большевиками, но среди населения — в станицах и среди членов Рады — ходят слухи, что происходит переброска полков на чужой фронт, в Симферополь и дальше. Вам всем известно, что у нас единый фронт, это фронт большевистский, но вам еще никто не сказал, что есть фронт в Крыму и что второй Таманский полк находится уже в Симферополе. Есть слухи, что казаки принимали участие где-то в бою, там, в Крыму. Такое положение таманцев очень волнует, и мы решили внести правительству следующий запрос: В последнее время как в самой Раде, так и среди населения упорно циркулируют слухи, нервирующие Раду, о том, что наши чисто казачьи части переброшены с нашего фронта сначала в Керчь, потом в Симферополь и, наконец, в Одессу, где даже принимали участие в боях.

Кроме того, имеются сведения, что в настоящее время отправляются и готовятся к отправке морем в неизвестном направлении полки, в состав которых в большинстве входят наши казаки.

Что известно по этому вопросу войсковому атаману и краевому правительству? И куда, для каких целей, против кого и с чьего разрешения отправляются наши казаки? Вот с таким запросом Таманский отдел обращается к войсковому правительству и к атаману.

Председатель. — По поводу этого запроса просит слова член Рады Гулый.

Член Рады Гулый. — Казаки Таманского полуострова в мае месяце восстали против большевиков, не имея своего оружия, затем добыли его у большевиков и вели с последними кровавую борьбу. *(«Громче».)* В этой борьбе казаки Таманского полуострова проявили такой героизм, что это будет записано на страницах истории. О том, что творилось в крае, население ничего не знало. Где была в то время Добровольческая армия, таманцы тоже не знали и в этом восстании рассчитывали только на свои силы, приняв решение лечь костьми, но спасти край. Восставшие держались за каждый клочок, несмотря на страшные потери, но не могли долго держаться и были задавлены тучей большевиков. За попытку сбросить большевистское иго горсть храбрецов заплатила кровавой ценой. Когда настало время, таманцы, несмотря на то что у них не было уверенности, что немцы их не бросят и не оголят их фронт, решили сесть на немецкие суда и поехать в Приморско-Ахтарскую, чтобы оттуда двинуться на большевиков. Все это было близко принято к сердцу. И когда начали перебрасываться казаки через пролив, тут началось беспокойство. Здесь еще не окончено, а между тем казаков начали перебрасывать туда. Почему?

Население прекрасно знает, что Украина в свое время вела такую же жестокую борьбу с большевиками, и знает, что и там, как здесь, была собрана такая же рада и что эта рада издавала законы, т. е. отобрала землю от помещиков и отдала ее трудовому крестьянству. Знает также, что пришли немцы и штыками разогнали эту раду. Пришли помещики и стали душить крестьян, потому что не могли мириться с нововведениями. И вот теперь население знает, что немцы разбиты и что им приходится уходить, и в это время как раз перебрасываются казаки Таманского полка. Закралось подозрение и тревога: не посылаются ли туда наши казаки для того, чтобы заменить немцев? И вот, чтобы рассеять эту тревогу, успокоить население, нужно объяснить, зачем они оставили свой фронт и идут туда, где раньше немцы держали на своих штыках то, чего казаки не желали держать.

Председатель. — Прошу высказаться, желает ли Рада принять такой запрос?

Член Рады Крамарь. — Кажется, вам уже известно, что наши полки перебрасываются без ведения нашего войскового атамана и без его разрешения. Дело в том, что когда мы пришли в Раду, то нам говорили, что во главе стоит войсковой атаман и мы, казаки, все ему подчиняемся и с его разрешения будем до последней капли крови драться. Надо было разрешение войскового атамана, который стоит во главе войска, а по чьему-либо другому приказанию мы двинуться не можем. Я смотрю так: может быть, наше войсковое правительство и войсковой атаман перебросили части с Кубани в другую сторону; может быть, будут перебрасываться войска на Украину, а тут будут оставляться совершенно другие части. Мне кажется, что мы хорошо знаем, что воевать мы будем, и знаем, что у нас во главе стоит войсковой атаман и мы с его разрешения всегда будем повиноваться и подчиняться.

Член Рады Редькин. — Я отказываюсь от своего слова.

Член Рады Бедаков. — Господа члены Рады! К сожалению, мне приходится говорить против сделанного моим отделом запроса. Участия в его обсуждении я не принимал, потому что нахожу, что переброска войск в Керчь и далее вызвана военной обстановкой. Крым представляет из себя тыл, и нам не безразлично то состояние, в

каком будет находиться этот тыл. Еще перед тем как стало известно, что немцы уйдут, нам надо было перебросить туда свои войска; мы знали, что в Крыму, в самой Керчи, сгруппировались большевики и, по имеющимся официальным сведениям, там их было около 3000 человек; все они были прекрасно вооружены. Необходимо было принять против этого меры. Мне пришлось 21 октября поехать в Керчь, когда там были немцы. Я имел задачей ознакомиться с положением и настроением. Я говорил по этому вопросу с начальником Керченского округа и городской стражи, и они сообщили, что в Керчи действительно большевики что-то предполагают делать. Керчь для Таманского полуострова являлась прямой угрозой, а также и для Кубанской области. И была поставлена задача: как только немцы уйдут — немедленно занять Керчь, чтобы не дать распространиться и развиться большевистской организации. Когда я выходил, то Керчь была занята даже при наличии там немцев. Затем некоторые наши части 2-го Таманского полка были переброшены в Симферополь, часть 9-го пластунского батальона находится в Керчи. Я говорю вам, что эта переброска войск вызвана боевыми соображениями. Может быть, здесь были политические соображения, но была задача и чисто боевая; и нам не безразлично, что творится в Крыму, и важно иметь там свои силы, чтобы не дать большевикам угрожать нашему тылу. Я понимаю, что эта переброска — чисто боевое задание. Поэтому предложение Таманского отдела следует отклонить.

Член Рады Горбушин. — Господа члены Рады! Я должен буду говорить против этого запроса, но по другим причинам. Мы сами в проекте военной реформы сказали, что наши войска должны подчиняться в оперативном отношении главнокомандующему, а в данном случае это только своего рода оперативная экскурсия. Мы не знаем, для чего и зачем. Но я говорю о другом. Я скажу: вот здесь мы и должны объявить всем, с каким лозунгом пойдут наши казаки, и тогда нам не будет страшно, куда бы они ни были переброшены — в Керчь или Киев. Господа, вы сами знаете, что и Дон послал войска не только на Украину, а и в другие места для ограждения своей безопасности. Так вот, я ставлю вопрос в другом порядке: нужно отвергнуть запрос Таманского отдела и в то же время ясно и твердо сказать, с кем и куда могут пойти наши казаки. Мы должны ясно и определенно начертать на нашем казачьем знамени лозунги, принятые нами, и тогда запросы, подобные только что внесенному, сами собой отпадут. Прошу настоящий запрос отвергнуть.

Член Рады (фамилия не установлена). — Господа члены Рады! Я удостоверяю, что наши войска в Симферополе; туда назначено командование, там центр армии. Некому тыл держать. Наши войска туда перебросили два полка и 9-й батальон. Это передал полковник Крамаренко, который все знает. Я там оставался с Кубанской армией. Я привык быть с казаками, и я вам подлинно говорю, что наши войска перебросились и, как говорят, на это дал свое разрешение атаман. Раду прошу запрос Таманского отдела удовлетворить.

Член Рады Роговец. — Господа члены Рады! Я не понимаю одного обстоятельства: запрос ведь не есть что-то страшное. Если он волнует город и казаков в станицах, то почему бы его не сделать, тем более если мы здесь хозяева. Я удивляюсь, почему член Рады Горбушин говорит, что не надо спрашивать, а Лабинский отдел успокаива-

ет, что тыл будет закрыт. По-моему, надо сделать запрос, и если это правда, то на нее нужно посмотреть с открытыми и ясными глазами, а если неправда, то камень с души свалится. Против запроса не должно быть ни одного слова.

Председатель. — Имеется еще два оратора. *(«Довольно», «Прения прекратить», «Прекратить запись ораторов».)* Кто за то, чтобы прения были прекращены? Кто против? Прения прекращены. Имеется определенный запрос, я его вам прочту еще раз. Я голосую. Кто за то, чтобы запрос сделать? Кто против? Мало. Принято. Слово предоставляется члену правительства по военным делам.

Член правительства генерал Савицкий. — Войскового атамана нет не только в Раде, но и в городе. По поводу посылки 9-го пластунского батальона и 2-го Таманского полка в Керчь мне, как члену правительства, известно, что это дело сделано с разрешения и с согласия войскового атамана. Дальнейшее передвижение этих частей мне неизвестно. Что касается слухов, что собираются взять еще несколько частей и отправить в Керчь, Симферополь и Одессу, то вчера я неофициальным путем осведомился об этих слухах — подчеркиваю, что это было сделано неофициально, потому что не было войскового атамана, которому может быть известно об этом передвижении, — и мне сообщили, что слухи эти сильно преувеличены. Что касается Корниловского полка, то можно заявить, что наш начальник инженерных частей предоставил казармы Самурского полка в распоряжение Корниловского полка, который на довольно продолжительный срок остается в Екатеринодаре. Одна часть партизанского полка предположена к передвижению; что касается другой, то мною не наведены официальные справки без предварительных переговоров с войсковым атаманом, который уехал в Красный лес с союзниками на охоту и ожидается сегодня. Когда атаман вернется, я доложу о сделанном вами запросе, и мы выясним все обстоятельства: было ли отправление войска или только предполагается, и вообще, как все было и согласился ли на это войсковой атаман. И когда все будет выяснено, то я или войсковой атаман доложим об этом Раде. Это, может быть, такие же слухи, как было с Грузией. Слухи относительно Грузии остаются только слухами. Когда Грузия отказалась очистить Сочинский округ, то говорили, что туда перебрасываются наши части. Но по проверке оказалось, что это были только слухи. Повторяю, я доложу о вашем запросе войсковому атаману, будет все выяснено и о результатах вам доложено.

Председатель. — Желаете обсуждать заявление, сделанное министром по военным делам, или же хотите обождать того момента, когда это все выяснится? *(«Выяснить».)* Значит, прервать обсуждение этого вопроса? Голосую. Кто согласен с предложением министра по военным делам, чтобы он или войсковой атаман сделали разъяснение и чтобы не сейчас обсуждать этот вопрос, а по получении сведений? Кто за? Кто против? Принято.

На очереди рассмотрение военного законопроекта. Господа члены Рады! Мы должны перейти к обсуждению по пунктам военного законопроекта, но поступило предложение, чтобы краевая Рада этот законопроект разбила на несколько частей и обсудила только некоторые части, а сам законопроект передала в Законодательную Раду. Нам нужно спешить, потому что время затягивается. Предложение мне кажется достаточно основательным, но я не специалист и потому не беру на себя выяснение

этого вопроса. Я дам возможность высказаться одному оратору за и другому против, и пусть скажут, как лучше сделать: проводить этот законопроект сейчас или вынести только резолюцию принципиального свойства, а детальное обсуждение и рассмотрение передать Законодательной Раде.

Генерал Савицкий. — Господа члены Рады! Я поддерживаю внесенное предложение. Нужно сказать, что та детализация, которая проведена в законопроекте, явилась следствием того, что было внесено добавление в военно-морскую комиссию о том, как можно было бы лучшим образом устроить управление военное, — главным образом войсковой штаб. И комиссия пошла, как мне показалась, немного по неправильному пути. Я тогда же предупреждал, что если комиссия будет разрешать такие вопросы, как — нужен ли один писарь или два, нужен ли такой-то отдел или нет, то она надолго затянет свою работу, это во-первых, а во-вторых, такая детализация, будучи принята краевой Радой, явится препятствием в дальнейшем: в случае необходимости развить какой-либо отдел или, наоборот, сократить мы не будем иметь права этого сделать. И я полагаю, что краевой Раде нужно вынести только принципиальные решения по важнейшим вопросам, поставить вехи и уже Законодательной Раде поручить разработать эти вопросы в подробностях. Установление сроков службы, нужна ли очередь, на каких основаниях горцы и прочие будут отбывать воинскую повинность — такие серьезные, основные вопросы должны быть разрешены краевой Радой; детально же эти вопросы разрешит Законодательная Рада. Я это предложение поддерживаю и прошу Раду только высказаться по принципиальным вопросам и вынести определенные резолюции.

(Председательское место занимает товарищ председателя Омельченко.)

Член Рады Канарев. — Господа члены Рады! У нас весь край, все войско, все части на фронте ждут нашего слова относительно нашей Кубанской армии, наших войсковых частей, и откладывать в долгий ящик этот вопрос нецелесообразно. Относительно штатов и отделов войскового штаба резолюции принять можно и должно, а детали поручить разработать Законодательной Раде — против этого я не возражаю. Но относительно принципиальных вопросов, как-то реорганизации армии, организации, упразднения тех или других частей или восстановления их — Рада должна сказать свое решающее слово. Принципиальные вопросы выяснять должны мы в смысле резолюции, выработка же отдельных пунктов будет лежать на обязанности Законодательной Рады. Здесь, в пункте, где говорится об организации Кубанской армии, прямо указывается, какой должна быть эта армия в мирное время, и приблизительно намечаются те пути, по которым должна быть реорганизована настоящая армия, дерущаяся на фронте. Этот животрепещущий вопрос должен быть разрешен. Здесь есть пункты относительно комиссий, которые должно принять в том или другом виде. Это нужно как для строевых частей, так и для самого войскового атамана, который этим будет руководствоваться. Я стою за рассмотрение законопроекта в том виде, как он представлен, и потом, по рассмотрении его, мы должны в виде резолюции вынести решение — принять или отвергнуть.

Председательствующий. — Я дал высказаться по этому пункту за и против. Из слов оратора, который высказывался против, я уловил, что и он признает необходи-

мым организацию армии, вернее ее реорганизацию, т. е. именно то, на что обращал внимание военный министр. Суммируя сказанное за и против, можно вывести заключение, что вопрос сводится к следующему: начать рассмотрение законопроекта именно с первой строчки, с первого отдела, или по тем соображениям, которые высказывал военный министр, начать со второго отдела и идти дальше? Первый отдел является чисто хозяйственным, и мы можем действительно стеснить Законодательную Раду и войскового атамана в создании тех организаций, которые по ходу событий будут крайне необходимы, так как мы зафиксируем только определенное число этих подразделений, удовлетворяющих теперь нужды армии. Я даю одному оратору слово за, другому против.

Член Рады Коробьин. — Я буду говорить против. Господа члены Рады! Я думаю, что в такой форме, как сейчас ставится этот вопрос нашим председательствующим, его принимать нельзя. Я думаю, что не несколько резолюций по этому вопросу нужно принять, а только одну. Весь представленный законопроект, в сущности, совершенно неприемлем для обсуждения в краевой Раде. Все вопросы, которые здесь поставлены, за исключением одного, — это дело Законодательной Рады. Вы не забывайте, что все эти пункты связаны с определенными расходами, с определенным бюджетом, следовательно, прежде чем проводить эту статью, необходимо считаться с ведомством финансов, с бюджетом, с тем, какие суммы потребуются для того, чтобы проводить в жизнь те или другие реформы. В этом смысле эти вопросы подлежат ведению Законодательной Рады. Ведь все эти вопросы не принципиального свойства, а чисто практического. Вопрос о сроке службы — это важный вопрос, но, во всяком случае, это обычный вопрос законодательной палаты: увеличение и уменьшение срока службы, этот вопрос всегда находился в ведении законодательных учреждений, Государственной Думы у нас и палаты депутатов во Франции, потому что могут быть обстоятельства, что потребуется увеличить или сократить этот срок.

Я считаю принципиальными только два положения, это вопрос о том, чтобы Чрезвычайная Рада заявила совершенно определенно, что Кубанский край должен иметь свою Кубанскую армию, или армию Кубанского казачьего войска, и, во-вторых — как эта армия должна быть составлена. Я считаю необходимым, чтобы Кубанская Чрезвычайная Рада высказала принципиальный взгляд на этот счет, потому что до сих пор горцы не отбывали вообще воинской повинности, коренное же иногороднее население отбывало воинскую повинность не в казачьих частях, не в Кубанском казачьем войске, а мы стоим на той позиции, что Кубанская армия должна состоять из всех трех элементов, населяющих Кубанский край. Я вижу по всему законопроекту, что должна быть вынесена только одна резолюция, гласящая, что Кубанский край должен иметь свою Кубанскую армию или Кубанского казачьего войска — как угодно назовите, и что в эту армию должны входить казаки, горцы и коренное население Кубанского края.

Член Рады полковник Феськов. — Ейский отдел находит, что первый раздел является перечнем всего того, что должно подлежать компетенции войскового атамана и правительства, и поэтому полагает, что этот отдел не должен разбираться в Раде. Второй раздел — об организации Кубанской армии, третий — о строевых частях Кубанского края и четвертый — о реорганизации Кубанской армии — все это непременно

должно быть обсуждено краевой Радой. Что касается пятого раздела, где говорится о пополнении офицерских составов, и седьмого — о коневодстве, то эти разделы также нужно изъять из рассмотрения краевой Рады, так как это принадлежит власти или войскового атамана, или краевого правительства. Таким образом, Ейский отдел полагает необходимым рассмотреть второй раздел, третий, четвертый и шестой.

Председательствующий. — Речи ораторов закончены. Внесено несколько предложений, которые можно формулировать таким образом: первое — не рассматривать в целом, а рассмотреть одну или две части и вынести несколько резолюций относительно армии; второе предложение — рассматривать законопроект, начиная с начала; третье предложение, поддерживаемое Ейским отделом, — начать со второго раздела и рассмотреть третий, четвертый и шестой.

Докладчик полк. Гончаров. — Господа члены Рады! Не возражаю против того, чтобы раздел первый не рассматривался в краевой Раде, так как действительно, принявши детали военных управлений, мы создадим условия, вследствие которых введение новых отделов и исключение принятых будет невозможным для Законодательной Рады. Что касается остальных отделов, то я настаиваю, чтобы они были рассмотрены краевой Радой по следующим причинам: конечно, организация Кубанской армии, призывной возраст, число лет службы строевой и вообще все, что изложено в этом отделе об организации армии, — обо всех этих вопросах должен быть услышан голос краевой Рады как голос всего населения. *(Голоса: «Правильно».)* Вопрос о строевых частях, где вы должны сказать, какою силою оружия мы будем обладать, тоже, я думаю, должен быть рассмотрен краевой Радой. Вопрос о реорганизации армии мы вчера в принципе приняли, остаются только некоторые детали, которые, то же самое, подлежат обсуждению краевой Рады, так как в них затрагиваются существеннейшие положения, которые до сих пор ни правительством, ни атаманом не были разрешены. И если мы не дадим на эти вопросы ответа, то возможно, что и в будущем они не будут разрешены. Вопрос о пополнении офицерским составом и составом урядническим — для армии насущнейший вопрос — до сих пор не наладился. Различные предложения по этому поводу делаются и осуществляются, но, во всяком случае, ваше слово, слово народа, должно быть сказано в этом направлении. Относительно военно-морского дела не приходится спорить. Вам приходится разрешить этот вопрос только в том смысле — так как это дело новое — нужно ли оно или нет.

Я в своем докладе говорил, что вопрос о существовании комиссии генерала Корсуна на первый взгляд кажется маловажным; казалось бы, что разбирать его в краевой Раде не следует, но напоминаю вам, что через эту комиссию прошло три тысячи восемьсот офицеров, и это еще не все, так что и по этому поводу вы должны сказать свое слово, как быть с этой комиссией в дальнейшем: нужно ли ее оставить или нужно упразднить, принимая во внимание то обстоятельство, как вредно она отражается на духе самой армии. Таким образом, я полагаю, что, не рассматривая первого отдела доклада, остальные отделы нужно рассмотреть.

Председательствующий. — Господа члены Рады! Внесены предложения: рассмотреть несколько резолюций и весь законопроект передать в целом в Законодательную Раду; второе предложение (Ейского отдела) — рассмотреть, начиная со второго,

третий, четвертый и шестой отделы, и предложение докладчика — первый раздел оставить, а все остальные рассмотреть. Я голосую предложение докладчика. Кто согласен с мнением докладчика, чтобы данный законопроект рассмотреть, начиная со второго раздела? Кто против? Таковых очень мало. Остальные предложения отпадают. Принято предложение рассматривать законопроект, начиная со 2-го раздела. *(Голос с места: «Перерыв».)*

Раздел 2. Статья 1 *(Читает.)*: «Все казаки, горцы и коренные жители Кубанского края отбывают без различия сословий воинскую повинность, согласно положению о военной службе Кубанского казачьего войска, на войсковом обмундировании, снаряжении и на войсковых лошадях; казакам, горцам и коренным жителям, вступившим на военную службу на своих годных для службы лошадях, войско уплачивает ремонтную стоимость этих лошадей».

Председательствующий. — Слово предоставляется председателю краевой Рады Н. С. Рябоволу.

Н. С. Рябовол. — По моему мнению, в этом пункте есть одно чрезвычайно важное упущение. Вчера уже по этому пункту были сделаны замечания членом Рады Воропиновым. Здесь как будто бы половина населения совершенно отбрасывается, как будто бы она не должна отбывать никакой повинности.

Тут сказано: все горцы и коренные жители отбывают без различия сословий воинскую повинность, но ничего не сказано об иногородних: должны ли они, по нашему мнению, отбывать воинскую повинность или не должны. Этот вопрос не может быть оставлен без внимания уже по одному тому, что эти люди трудятся, работают, с них берутся определенные налоги, которые поступают в краевую казну. По другим областям эти люди мобилизуются в настоящее время и несут ту или другую службу; мобилизация происходит с ведома и разрешения правительства. Значит, практика жизни показала, что к отбыванию воинской повинности иногородние привлекаются не только по приказу Добровольческой армии, но и с ведома и согласия местных властей. Необходимо сейчас постановить, что воинскую повинность население иногороднее должно отбывать. При этом можно будет указать, что мобилизация производится с разрешение и ведома г. войскового атамана, без этого наш законопроект будет неполным. Мы не можем также согласиться с членом Рады Горбушиным, который хочет, чтобы мы создали Кубанское войско так же, как желают этого те, кто пишет на страницах газеты «Кубанец», иногда «России» и других органов печати.

Если мы стремимся к созданию краевой власти, если мы претендуем быть этой властью, то мы не можем упустить из виду целую половину населения Кубанского края и обязаны указать, что воинскую повинность должны отбывать все, и в том числе иногородние.

Мы также должны обратить внимание и на то, как будет отбываться воинская повинность: по закону Временного правительства и по всем тем постановлениям, какие были выработаны в первый период революции, или иначе? Когда не было большевиков, был принят принцип территориальности, и возражений ни в органах печати, ни в среде общественной этот принцип не вызвал. Сущность его заключается в том, что воинская повинность отбывается военнообязанным в том районе, где он живет, а не так,

как было раньше — поляки отбывали воинскую повинность на Кавказе, а кавказцы в Польше. И, как бы ни устроилась наша жизнь в дальнейшем, будем ли мы частью федеративной республики или же нам предоставят автономные начала, этот вопрос, вопрос об отбывании воинской повинности на принципах территориальности, должен быть поднят и разрешен сейчас.

Член Рады Горбушин. — Я должен немного оппонировать предыдущему оратору в той части его речи, где он упомянул, что я говорил в соответствии с тем, что пишется на страницах «Кубанца» и «России». Я должен сказать, что не имею чести принадлежать к тем господам, которые там сидят; думаю, что председатель нашей Рады немного увлекся по отношению ко мне. Для меня в высшей степени обидно, что мое имя причислено к указанной группе.

Я говорил вчера и сегодня буду говорить о том, что мы создаем сейчас Кубанскую армию. Здесь же говорят, что нужно сделать примечание — «и иногородние». Мы должны ясно и определенно сказать — что мы делаем. Мы сейчас созываем граждан Кубанского края — казаков, горцев и коренных крестьян. А теперь выходит, что нужно прихватить и иногородних некоренных. Выходит, что мы будем посылать их умирать за Кубанский край, на фронт их пошлем, а прав никаких не дадим — это, господа, совершенно невозможное положение, это недемократично, это — я слов не найду, таких слов в русском языке нет — это невозможно. Я знаю только одно — кто за Раду умирает, тот и гражданин, и этого мы не должны забывать. В данном случае, сколько бы ни говорили, сколько бы ни причисляли меня к «Кубанцу» и к «России», а я скажу, что мы должны из этого положения так или иначе выйти.

Председательствующий. — Член Рады Горбушин, вы не совсем верно поняли председателя краевой Рады. Вы говорите, что он вас причислил к «России» и к «Кубанцу», — это не в таком смысле было сказано.

Член Рады Горбушин. — Я продолжаю. Вы, казаки, ясно и определенно сознаете, что здесь нас запутывают, и мы сами себя запутали в этом, что такое Кубанский край, что такое Кубанское казачье войско. Ясно и определенно нужно сказать, что Кубанское казачье войско является военной единицей, а не гражданской, а отсюда как вывод — что мы создаем Кубанское казачье войско. Кто казак, тот и будет членом нашей семьи, здесь, в законопроекте, сказано, что отбывается повинность не на краевой счет, а на войсковой, на войсковом обмундировании, на войсковых лошадях. Да поймите же вы, что вы сами себя запутали. Край вы или войско? — скажите, наконец, откровенно. Если здесь говорят о Кубанской армии, то не может быть речи о войсковых средствах: тогда нужно говорить о краевых средствах. Мы здесь сами запутались.

Второе положение: раз иногородние отбывают повинность, значит — они граждане, а раз мы их не принимаем в граждане, значит, должны другое — свое — войско создавать. На этом положении я буду настаивать. Должна быть создана не Кубанская краевая армия, а Кубанское казачье войско. Раз горцы и коренные иногородние будут казаками, то, значит, речь идет опять-таки о Кубанском казачьем войске, и тогда уже незачем примечание делать об иногородних. На всех съездах, на которых мне пришлось присутствовать, в том числе и на фронтовых, ясно и определенно было высказа-

но желание, чтобы содержание мобилизованных было на общегосударственный счет, а здесь мы говорим — на войсковой.

Председательствующий. — Член Рады Горбушин, разрешите обратить внимание на следующее: здесь, в законопроекте, нужно читать «на краевой счет», а не «на войсковой».

Член Рады Горбушин. — Я читаю то, что здесь написано, и говорю об этом потому, что этому положению вы также много уделяете внимания.

Председательствующий. — Нужно понимать «на краевой счет».

Член Рады Горбушин. — Я прошу меня не перебивать. Я говорю о том, что здесь написано, а не о том, что нужно подразумевать.

Председательствующий. — Покорнейше прошу воспользоваться данным вам словом и продолжать.

Член Рады Горбушин. — Я попрошу меня не перебивать. Я должен сказать, что все фронтовые съезды отметили, что наконец-то казаки на свою землю вышли. «Довольно пасынками России быть, давайте быть ее сынами».

Относительно содержания Кубанской армии я должен сказать, что не было ни одного съезда, на котором указывалось бы, что мы должны сами содержать свою армию: Кубанская армия должна содержаться на общегосударственный счет. Если бы мы хотели содержать ее на свой счет, откуда возьмутся у нас деньги? И я настаиваю на том, что, раз будет создана общегосударственная власть, то в нашей конституции ясно и определенно нужно сказать, а мы должны даже требовать, — чтобы наше войско содержалось на общегосударственный счет, а не на общекраевой, а то выйдет, что мы будем содержать свою армию на свой счет и в то же время с нас будут требовать средства на содержание российской армии. Таким образом, мы будем платить два налога. Возьмем для примера хотя бы лошадей. Пусть у нас сейчас только 10 тысяч лошадей в армии, в среднем — по тысяче рублей, и вот уже получается сумма в 10 миллионов рублей. Откуда мы возьмем такие средства? Какой путь найдет министерство финансов для такого чрезвычайного расхода?

Председательствующий. — Прошу ближе к делу.

Член Рады Горбушин. — Вот я и говорю, что нужно внести такую поправку, что должно быть создано вместо Кубанской армии Кубанское казачье войско и что впредь до воссоздания единой российской власти мы это войско будем содержать на свой счет, а потом передадим на общегосударственный счет.

Член правительства Намитоков. — Господа члены Рады! Когда к вопросу подходят с двух противоположных точек зрения и когда одна сторона ясно и определенно освещает этот вопрос, а другая только критикует, но недоговаривает, то действительно получается впечатление запутанности или самозапутанности. Мы до сих пор говорили, что мы вынуждены признать Кубанский край как нечто вроде государственного организма со всеми вытекающими отсюда последствиями; что власть на Кубани должна быть краевой властью, и все практические вопросы такой категории, как отбывание военной службы, должны разрешаться не принципиально, а с точки зрения целесообразности. Мы говорили, что Кубанский край есть единое государственное образование, что все должны отбывать воинскую повинность, что мобилизация может быть

объявлена только краевою властью, но сейчас, ввиду войны, которая определила непримиримые, противоречивые интересы между казаками, горцами и коренными жителями, с одной стороны, и неказачьим населением, с другой, этот вопрос о призыве не может разрешиться в том духе, как это нужно было бы с точки зрения принципиальной. Сейчас не может быть и речи о призыве той части иногородних, которые фактически находятся с нами в состоянии войны. Вот точка зрения, которая казалась бы ясной и определенной.

Член Рады Горбушин один настаивает на том, чтобы власть была войсковой, нечто вроде войскового правительства, и атаман был бы войсковым атаманом в настоящем смысле слова. В данном случае его точка зрения буквально совпадает с точкой зрения, которая получила свое развитие в Добровольческой армии. Когда мы вели официальную переписку с ее командованием, то мы говорили: «Кубанское краевое правительство, кубанский войсковой атаман». Нам на это упорно отвечали: «Кубанское войсковое правительство и Кубанское казачье войско»; мы говорили: «Кубанский край», а они отвечали: «Кубанская область». Конечно, это не случайно — тут есть целая идеология.

Я не понимаю, что хочет сказать член Рады Горбушин? Что Кубанский край есть Кубанская область, а краевое правительство есть войсковое правительство? Если это он чистосердечно скажет, то мы будем знать, как нам возражать ему. Но я до сих пор не слышал от него категорического заявления, что над нами есть какая-то власть и что войско — это одно, а Кубанское войско — это другое, и что наш Кубанский край находится в состоянии области по отношению к не существующей пока России. С этой точки зрения законопроект военный, по-моему, должен быть обсуждаем, не касаясь всех деталей, а детали эти должны быть переданы на рассмотрение Законодательной Рады.

По основным вопросам мы должны ясно и категорически сказать, чего мы желаем. А мы желаем, чтобы Кубанский край имел Кубанскую армию, причем вопрос о том, будет ли эта армия казачьей армией или смешанной, это — вопрос дальнейшего. Если окажется по ходу событий, что можно привлечь к отбыванию воинской повинности иногородних, это будет сделано; если же события будут развиваться в такой плоскости, как сейчас, то привлекать их на борьбу с самими собой невозможно. Затем, будет ли состоять Кубанская армия из казаков или неказаков, вопрос этот разрешится от того, кто будет принят в кубанское казачество. Если горцы будут причислены к казачьему сословию, то они также будут служить в Кубанской армии. Принципиально этот вопрос не имеет той остроты, которую ему придает член Рады Горбушин. Он говорит, что мы должны создать Кубанское войско и не создавать Кубанской армии; что Кубань должна быть частью великой России. Но позвольте, Россию еще нужно воссоздать. Легко только говорить о создании того, чего нет. А мы говорим, что нужно создать Кубанскую краевую армию и Кубанское краевое правительство. Так вот, основным вопросом, повторяю, является создание Кубанской армии.

Всем вам хорошо известно, что сейчас у нас нет ни одной части, находящейся в распоряжении войскового атамана. Устанавливая принципы высшей краевой власти, вы должны сказать, что идея о Кубанской армии отныне претворяется, так сказать, в жизнь; что со дня постановления Кубанской Чрезвычайной Рады о том, что созда-

ется Кубанская армия, должен быть издан войсковым атаманом приказ, по которому войсковые части, сведенные воедино, обращаются в Кубанскую армию. Что касается смешанных воинских частей, которые находятся в составе Добровольческой армии, то, чтобы не разрушать фронта, чтобы этот приказ не был истолкован Добровольческой армией и на фронте как желание расстроить дело борьбы с большевиками, — в отношении этих смешанных частей нужно принять меры постепенные. Нужно сделать так, чтобы войсковой атаман постепенно выделял эти казачьи части из частей Добровольческой армии и передавал их в состав Кубанской армии. Одновременно с созданием армии нужно учредить должность командующего этой армией. Может быть, ему будет дано название командующего армией, а может быть — походного атамана, но, во всяком случае, нужно будет создать должность верховную, военную исполнительную должность. Затем краевая Рада должна вынести постановление, чтобы никакая внешняя сила, никакая власть посторонняя не могли бы на территории Кубанского края производить мобилизацию или набор охотников без согласия на то и разрешения войскового атамана. Если вы станете на ту точку зрения, что территория…

Председательствующий. — Вы говорите не по пункту.

А. А. Намитоков. — Я сознательно уклоняюсь в сторону. Я совершенно согласен с теми ораторами, которые полагают, что этот законопроект нельзя принять в таком виде, как он предложен, и что нужно взамен этого проекта принять резолюцию, в которой должны быть перечислены те основные положения, которые являются наиболее существенными, поэтому я сознательно и уклоняюсь. Без разрешения войскового атамана никакая власть посторонняя не может и не должна производить мобилизацию или набор добровольцев. Если вы станете на ту точку зрения, что кубанский атаман — это краевой атаман и войсковой и что Рада — представительница не только войска, но и всего кубанского народа и высший орган края, если вы станете на ту точку зрения, что сейчас нет власти высшей, то вы вынуждены будете признать, что все распорядительные действия, затрагивающие интересы населения, могут исходить только от лица, вами уполномоченного по нашей конституции, а таким лицом является только войсковой атаман. Поэтому я говорю, что никто не имеет права производить на территории Кубанского края мобилизацию или объявлять набор и т. д. Вы недавно выслушали запрос относительно тех слухов, которые волнуют население и войско, — что помимо желания и согласия войскового атамана казачьи войсковые части перебрасываются на другой фронт. Резолюция должна ясно говорить, что ни одна воинская часть казачья не может быть перебрасываема на другой фронт без разрешения на то войскового атамана. Теперь практический вопрос, как все это должно осуществить.

Председательствующий. — Вы слишком уклоняетесь: те мысли, которые вы высказываете, заключены в известных параграфах.

А. А. Намитоков. — Я понял так, что сейчас идет общее обсуждение вопроса.

Председательствующий. — Сейчас идет постатейное чтение.

А. А. Намитоков. — Если постатейное чтение, тогда я возвращаюсь к ранее высказанному мною заключению. Законопроект этот не может быть принят, а взамен его должна быть принята резолюция, заключающая в себе ряд тезисов, о которых я говорил уже.

Председательствующий. — Слово предоставляется председателю правительства Бычу.

Л. Л. Быч. — Господа члены Рады! Я постараюсь быть кратким. При дальнейшем обсуждении законопроекта мы всегда будем натыкаться на вопрос: что мы — Кубанская казачья армия или просто Кубанская армия? Поэтому раз навсегда мы должны ясно и определенно сказать, как мы себя понимаем. Мы должны сказать твердо, что мы Кубанский край, разделить нас теперь нельзя. Здесь говорят: «Кубанское войско и принятие в казачье сословие». Но мы не сословие, мы не в том положении находимся, как мещане. Я повторяю, мы казаки, это — община, а не сословие. Вместе с нами живут горцы, живут коренные и некоренные жители. Мы оказались в необходимости решать сами все дела, не только теперь, но и в дальнейшем, мы говорим, что мы хотим быть федеративной частью России, а это значит, что большую часть всех дел, за исключением общегосударственных, мы сами будем решать для себя. Поэтому мы должны уже теперь раз навсегда усвоить себе ту точку зрения, что мы «сами себе довлеем», что мы самостоятельны в известном отношении, в известном смысле. Если мы это усвоим, то должны будем сказать, что мы не можем говорить только о Кубанском казачьем войске, о Кубанской казачьей армии, мы должны всегда иметь в виду интересы всего края, потому что нельзя расчленить их на части: это — интересы горцев, а это — коренного населения, а это — казачьи. Страна наша — Кубанский край, наша Кубань. Это мы должны раз навсегда усвоить.

Нас все время хотят назвать войсковой Радой, ввиду якобы того, что тут сидят одни казаки и они свои интересы преследуют; говорят, что у нас есть войсковое правительство. Но если мы станем на такую точку зрения, если у нас будет войсковое правительство, тогда, значит, еще какое-то — не казачье — должно быть правительство, у нас одно время так и было, когда иногородние в прошлом году имели свой областной комитет. И что же получилось? Казачье правительство одно распоряжение делает, а иногородние его отменяют. Вы, наверно, хорошо помните эту историю. И когда в этом году обсуждался вопрос, кто же должен войти в краевую Раду, мы, казаки, говорили: и казаки, и горцы, и иногородние, а другие говорили: «Нет, этого нельзя». Мы обсуждали этот вопрос вместе с Добровольческой армией, и там говорили: «Только казачья Рада должна быть, зачем иногородние пойдут в эту Раду»? Мы отвечали, что это нежелательно, так как будет разъединять все слои нашего населения, а мы должны объединяться, но не разъединяться.

Нам говорили, как быть с иногородними, которые не призываются к воинской повинности? Я скажу, что нужно их призвать. Теперь, может быть, опасно призывать, но в дальнейшем, когда наступит мир у нас, то, ясное дело, они будут отбывать воинскую повинность. Тут говорилось о гражданах первого и второго сорта. В дальнейшем мы, конечно, должны определить, кто имеет право быть гражданином и пользоваться гражданскими правами. Гражданские правя заключаются не в земле, а в том, что я на этой земле работаю и у меня моего заработка никто не грабит, что я имею право свободно жить и спокойно работать. Это есть такие права, которые должны защищаться кровью, если им идет с какой-нибудь стороны угроза. Сейчас ведь у нас, в сущности говоря, происходит довольно странное явление. Существует Кубанское краевое пра-

вительство, каковое вместе с войсковым атаманом объявляет мобилизацию казаков, а мобилизацию иногородних объявляет Добровольческая армия. вы сами понимаете, какое получается противоречие, и это не всегда в интересах Кубанского края. Мы считаем, что это ненормально. Все эти вопросы обсудить и решить должны мы, войсковой атаман и правительство, потому что, согласно конституции, вся ответственность падает на войскового атамана и, следовательно, без его согласия никто ничего не может сделать.

Очень смущает некоторых то обстоятельство, что нужно будет содержать на собственные средства армию. Нужно сказать, что войско будет содержаться на общегосударственные средства, но дело в том, что это войско и эти средства давать будем мы. Я представляю это так. Есть теперь край, и он должен быть самостоятельным сейчас, когда нет общегосударственной власти, вполне самостоятельным, ибо нет власти другой; с течением времени мы эту власть, общегосударственную, постепенно будем складывать и часть ее переложим туда, в центр, в чем и будут, между прочим, выражены федеративные начала: тогда выделится часть войска Кубанского и отдастся в распоряжение общегосударственной власти, это и будет общегосударственное войско, а то, что нужно нам для содержания охраны порядка на местах, то мы будем содержать на свой счет. Значит, мы часть армии выделим и часть денег отдадим в общую казну, а что нужно — оставим для охраны порядка и спокойствия на месте. Таким образом, мы говорим, что Кубанская армия должна быть отдельной, самостоятельной, из которой на общегосударственные нужды будет выделяться столько, сколько потребуется. Вопрос же о том, как потом призвать иногороднее население, разберет Законодательная Рада. В известном пункте законопроекта будет сказано, что порядок призыва иногородних будет разработан Законодательной Радой. Не нужно удивляться тому, что у нас не будет призвана некоторая часть иногороднего населения. Конечно, если военнообязанные иногородние приехали сегодня в Кубанский край, а завтра уедут, то странно было бы их призвать в нашу армию: если они приехали сюда из Курской губернии или Воронежской на некоторое время, то, вероятно, их там и будут призывать, но тот, кто живет долго у нас, пустил уже корни на нашей земле кубанской, тот у нас и будет отбывать воинскую повинность. Если так подойти к вопросу, то недоразумения члена Рады Горбушина разрешаются. Он нас упрекал, что мы в трех соснах заблудились, но я думаю, что мы какую-нибудь дорогу найдем и выберемся на путь.

Член Рады (фамилия не установлена). — Господа члены Рады! Здесь упоминается только о тех основных, коренных жителях Кубани, которые должны отбывать воинскую повинность, это казаки, горцы и коренные жители. Мне кажется, было бы странно призывать на службу тех, с которыми мы боремся как с врагами. Ведь мы боремся против большевиков, которые составляются, главным образом, из пришлого элемента, иногороднего, и призывать в настоящее время иногородних для борьбы с теми, которые идут против нас, мне кажется странно. Здесь упоминалось членом Рады Горбушиным, что нужно содержать армию не на войсковой счет, а на общегосударственный. Я вам хочу напомнить, что разбирался этот вопрос еще тогда, когда нами не был принят законопроект о конституции и мы должны были рассматривать только тот элемент, который вошел в состав войска; там было ошибочно сказано, что армия

Кубанская будет содержаться на войсковой счет, а потом, когда была принята конституция, описка эта осталась. Значит, нужно понимать не «на войсковой», а «на краевой счет». Мы, будучи в комиссии, ясно смотрели, что коренные жители, горцы и казаки, должны входить в состав Кубанской армии. Коренных жителей, горцев и казаков, мы считали одной семьей, и они умеют защищать свой край, причем все должны служить за краевой счет. Этот вопрос волновал всех казаков, и мы сказали: довольно справляться за свой счет, нужно справляться на краевой. Член Рады Горбушин говорил, что надо справляться не на краевой, а на государственный счет. Я скажу: когда у нас будет общероссийское государство и оно поведет это на известных началах, тогда и будем об этом говорить.

Здесь предполагалась, что у мобилизованных казаков будут взяты лошади, а они будут служить на казенных лошадях. Но теперь многие трудятся, и им нужны лошади, а приобрести других они не в состоянии; это беспокоит тех защитников, которые находятся на фронте. Мы обязаны годных лошадей принять и заплатить за них. Та лошадь, которая негодна, не берется, а если она потеряла годность к работе в строю, то за это казак получает известное вознаграждение. Поднимался вопрос о том, чтобы поощрять казаков, приходящих в строй на собственных лошадях, но для этого надо дать возможность служить им на тех лошадях, на которых они пришли, и, когда будут уходить, оставить лошадь в полку, но деньги уплатить по ремонтной стоимости. Вы желаете, чтобы казак был в строю на лучшей лошади, так оплачивайте же ему стоимость ремонта. Вот я и предлагаю, чтобы этот пункт был изъят, а наше предложение было принято. Я много жил среди казаков и много пострадал с ними, и был у нас разговор о военной жизни, и потому говорю, что Рада, приняв этот пункт, сделает большое дело для пользы нашего края. *(Голоса: «Перерыв».)*

Председательствующий. — Объявляю перерыв на 5 минут.

После перерыва.

Председательствующий. — Прошу занять места. Заседание продолжается. Ко мне поступила записка о прекращении прений по этому пункту. Осталось 5 ораторов. Внимание! Вносится предложение о прекращении прений по этой статье. Один будет говорить за, другой против. Кто будет говорить против?

Член Рады Коробьин. — Я говорю против прекращения прений в силу того обстоятельства, что я хотел внести новое предложение, которое еще не обсуждалось. Прошу не прекращать прений, а закрыть запись ораторов.

Председательствующий. — Кто желает говорить за прекращение прений? Таковых не имеется. Внесено предложение прекратить запись ораторов. Голосую предложение за прекращение прений. Кто за? Кто против? Прения прекращены. Слово докладчику.

Докладчик полк. Гончаров. — Господа члены Рады! Случайно вопрос военный перешел в политический, и начали снова обсуждать — «Кубанский край» мы или «Кубанское войско»? Для нас, членов военной комиссии, сомнений не было, наша точка отправления — это положения, принятые Радой. В 8-м пункте конституции говорится, что все граждане Кубанского края подлежат воинской повинности. Здесь мы разумели всех казаков, затем горцев и коренных жителей Кубанского края. Нас волновали вы-

ражения: «граждане Кубанского края» и «остальные жители Кубани» — к последним мы причисляли временно проживающих и поэтому отбыванию воинской повинности не подлежащих. Кроме того, мы в настоящее время видим, что этот контингент лиц на Кубани дал нам наибольшее количество большевиков, и потому дать им оружие — это значит снова вести войну, чего в настоящее время мы не имеем возможности делать. Что касается снаряжения, обмундирования и лошадей, то, конечно, под словом «войсковое» нужно подразумевать «краевое». Комиссия начала свою работу в то время, когда конституция еще не была принята и не было известно, из чего надо исходить, поэтому все исходили из понятия «войсковое», и потом уже сделали поправку, но в предложенном вам тексте законопроекта по ошибке не сделали изменений. Таким образом, я прошу подразумевать, что обмундирование и снаряжение полагается на краевой счет. Предлагаю краевой Раде принять этот пункт в том виде, в каком он предлагается, с изменением «войсковые» на «краевые» средства, как я вам докладывал.

Председательствующий. — По пункту первому ораторами внесено примечание: «Все остальное население Кубанского края отбывает воинскую повинность на основании закона, каковой должен быть выработан в срочном порядке Законодательной Радой». Предложение, только что внесенное членом Рады Коробьиным, заключается в следующем: начиная со слов «на войсковом обмундировании», исключить и принять только первые четыре строки. Еще вносится поправка относительно стоимости лошадей, предлагают внести: «войско уплачивает не ремонтную стоимость лошадей, а покупную». Слово докладчику.

Член Рады Гончаров. — Относительно стоимости лошадей, на которых приходят казаки, комиссия полагает, что нужно уплачивать ремонтную стоимость, но не покупную. Вам известно, что служба казака находится в зависимости от лошади, на которой он служит, и вот если бы случилось, что мы будем платить за лошадь по ее действительной стоимости, то богатые казаки будут иметь преимущество перед бедными, которые будут пользоваться худшими лошадьми. Чтобы этого не было, комиссия приняла ремонтную стоимость лошадей.

Председательствующий. — Голосую поправку — вместо слова «ремонтную» внести «покупную» стоимость лошадей. Кто за эту поправку? Кто против? Поправка отклоняется. Следующее предложение Коробьина сводится к следующему: первую статью принять только до слов: «на краевое обмундирование», а все дальнейшее исключить. Получится такая редакция. *(Читает.)* Кто согласен с такой формулировкой? Кто против? Отвергнуто. Теперь примечание к этой статье: «Все остальное население Кубанского края отбывает воинскую повинность на основании особого закона, который имеет быть разработан в срочном порядке Законодательной Радой». Кто за? Кто против? Принято. Голосую статью в целом. Кто за? Кто против? Статья принята.

Переходим ко второй статье *(Читает)*: «Призывной возраст казаков, горцев и коренного населения определяется в 20 лет, рассчитывая таковой к 1-му января года призыва. Команды пополнения строевых частей должны выкомандировываться на службу с таким расчетом, чтобы они прибывали в части не позже 1-го октября, а подлежащие увольнению от службы, за отбытием срока ее, отпускаются в дом после окончания лагерного сбора, но не ранее 1-го августа». Желающих прошу высказаться по

этой статье. Таких нет. Кто согласен с такой формулировкой, тех прошу поднять руки. Кто против? Нет. Статья принята.

Статья 3 *(Читает.):* «Общий срок службы определяется в три года. Приготовительный разряд, вторая и третья очереди и запас упраздняются». Кто согласен с этой статьей? Кто против? Статья принята в редакции комиссии.

Статья 4: «После окончания годичного срока службы казаки, горцы и коренное население переходят прямо в ополчение». Здесь написано: «после окончания годичного срока», это описка, сейчас комиссией внесена поправка: «трехгодичного срока». Кто согласен с этой статьей? Кто против? Статья принята.

Статья 5 *(Читает.):* «Войсковому атаману предоставляется право призвать по мобилизации потребное количество казаков, горцев и коренного населения, начиная призыв с младших сроков службы. Примечание: ввиду отмены приготовительного разряда ввести обучение гимнастике и военному строю по сокращенной программе во всех начальных школах края». Желающих прошу высказаться. Слово принадлежит полковнику Феськову.

Член Рады полковник Феськов. — Я полагаю, что примечанию места не должно быть. *(Голоса: «Правильно».)* Тут сказано... *(Читает.)* Это как бы возвращение к тем же приготовительным разрядам, и, я полагаю, его следует выбросить, а если угодно, так лучше обратить внимание на развитие спорта. Но главное, это дело не законодателей, а распорядка административного, поэтому я полагаю, что этому примечанию не должно быть места. *(Голоса: «Правильно».)*

Председательствующий. — Есть еще один оратор. Я прошу ораторов говорить как можно более сжато, так как у нас слишком много работы и слишком мало времени.

Член Рады Хаджимуков. — Я полагаю, что нужно прибавить следующее: «Войсковой атаман имеет право мобилизовать на принципе пропорциональности».

Председательствующий. — Господа члены Рады! Внесенное предложение так неразвито, что я не знаю, как его голосовать. Воля ваша — принять его или отвергнуть.

Докладчик полк. Гончаров. — Относительно последнего предложения я хочу сказать, чтобы оно было внесено. Конечно, по этому принципу будет построена вся служба, и одну часть населения, меньшую по количеству, не будут душить большой службой. Вся служба будет распределяться пропорционально. Я за то, чтобы эту поправку внести. По вопросу об исключении примечания я должен вам сказать следующее: комиссия полагала, что краевая Рада должна высказаться, что обучение гимнастике и военному строю в школах необходимо, так как это способствует, во-первых, физическому развитию, а во-вторых, в свое время будет помогать военному делу, но это не значит возвращаться к приготовительным разрядам.

Председательствующий. — Имеются две поправки. Одна относительно того, чтобы призывались казаки, горцы и иногородние по принципу пропорциональности, вторая поправка, внесенная Баталпашинским отделом, — об исключении примечания из этой статьи. Голосую. Кто за то, чтобы были введены слова: «по принципу пропорциональности»? Кто против введения подобных слов? Поправка отклоняется. Голосую вторую поправку. Кто согласен с тем, чтобы примечание было исключено, тех прошу поднять руки. Кто за то, чтобы это примечание осталось? Явным большинством при-

мечание остается. *(Возгласы с места.)* Господа, прошу с мест реплик не подавать; если считаться с репликами, то ничего не получится. Итак, ст. 5 сохраняется в редакции. *(Голос с места: «Одно слово».)* Ни одного слова. Что касается редакционных поправок, то они будут внесены во втором или в третьем чтении, а теперь, чтобы не затрачивать времени, я голосую. Кто согласен с текстом 5-й статьи, тех прошу поднять руки. Кто против? Таких не имеется. Принята.

Статья 6: «Освобождение от службы допускается только по физическим недостаткам и по болезни на общих основаниях». Желающих прошу высказаться. Голосую. Кто согласен с этой статьей? Принята.

Статья 7: «Льготы даются по семейному и имущественному положениям. Отсрочки даются для окончания образования, после чего все лица, окончившие учебные заведения, должны отбыть военную службу на общих основаниях». Кто желает высказаться? Слово принадлежит члену Рады от Ейского отдела Павлоградскому.

Член Рады Павлоградский. — Здесь маленькая ошибка. Не от Ейского отдела, а по собственному почину я хочу внести небольшую поправку, не изменяющую сущности положения. Здесь сказано: «Отсрочки даются для окончания образования, после чего все лица, окончившие учебные заведения, должны отбыть военную службу на общих основаниях». В прежних законах давались отсрочки для поправления здоровья, ибо бывают такие болезни, которые призыва не позволяют, а по истечении определенного срока они излечиваются, и человек опять может служить. Поэтому я прошу внести следующую поправку: «Отсрочки даются по болезни и для окончания образования, после чего должны отбыть военную службу на общих основаниях». *(Шум.)*

Председательствующий. — Ваша обязанность, господа члены Рады, терпеливо выслушать.

Докладчик полк. Гончаров. — Против введения этого предложения комиссия не возражает. Конечно, больной должен пользоваться некоторой отсрочкой для того, чтобы иметь возможность поправиться.

Председательствующий. — Внесена поправка в статью 7-ю об отсрочке, что отсрочка дается и по болезни. Таким образом, вводится слово «по болезни». Кто согласен с такой поправкой, тех прошу поднять руки. Кто против? Поправка отклоняется. Статья баллотируется в редакции комиссии. Кто согласен с редакцией комиссии, тех прошу поднять руки. Кто против? Статья принимается.

Статья 8: «Оставшиеся излишними от призыва, а также оставшиеся годными к строевой службе казаки, горцы и коренное население, признанные неспособными к службе строевой, поступают на службу в общественные мастерские, организованные за счет общества». Желающих прошу высказаться. Господа члены Рады! Я снова напоминаю, что слово может быть дано только по записке; это, так сказать, только уступка со стороны председателя — давать слово ораторам, не подавшим записки. Мы будем этим затягивать время.

Член Рады С. Г. Белый. — Господа члены Рады! Здесь говорится, что все оставшиеся излишними от призыва должны обучаться различным ремеслам за счет общества. Но известно, что большинство обществ, в особенности тех отделов, где сейчас происходит борьба между казаками и большевиками, очень бедно, а наделы земли

очень ограничены, и если сейчас мы введем этот параграф, эту статью, то и без того бедные и разоренные станицы разорим еще больше, так как обяжем их нести громадные расходы, и при этом не лично для своей пользы, а для всего края. Поэтому я предложил бы внести такую поправку: «Открыть на краевой счет ремесленные отделения, в которых будут обучаться оставшиеся казаки». Ведь теперь даже богатые станицы, которые, например, содержат уже 8 лет реальные училища, содержат ремесленное отделение, открытое для всех без исключения желающих обучаться, — в данное время, при всем желании, не в состоянии далее развивать это дело, ибо у станичных обществ средств нет, а земельный надел очень маленький. Если не будет принята первая моя поправка, то я внесу другую: «мастерские должны быть открываемы на счет станичных обществ только в тех станицах, в которых надел казачьих земель превышает 8 десятин».

Член Рады Жук. — Я, господа члены Рады, вношу такую поправку: «оставшиеся излишними от призыва, а также оставшиеся годные к строевой службе казаки, горцы и коренное население зачисляются на службу общественную», которая заменяет военную, например, как у нас по коневодству: казаки служат при общественных жеребцах.

Докладчик полковник Гончаров. — Господа члены Рады! Перед комиссией стоял вопрос — а как быть с теми, кто к военной службе неспособен, но к труду способен? И вот, для уравнения, по возможности, всех и была введена натуральная повинность. Комиссия пришла к выводу, что и неспособных к службе надлежит тоже использовать, в особенности теперь, принимая во внимание дороговизну рук, для наивозможно большого развития наших мастерских и всякого рода промышленных предприятий, работающих на пользу не только края, но и станиц. Конечно, тем станицам, которые не смогут на свой счет их содержать, нужно будет прийти на помощь субсидией. Получая даровые руки, станицы извлекут из них для себя пользу. Обременять краевую казну созданием новых мастерских по всему краю, конечно, невозможно. Вообще, комиссия полагает, что этот контингент людей нужно использовать для края, а как — это не входит в рассмотрение комиссии. Поэтому комиссия предлагает этот пункт принять именно в такой редакции, что эти лица должны быть использованы для края в мастерских.

Председательствующий. — Вы видите всю серьезность данного пункта в смысле использования сил тех людей, которые неспособны к военной службе, но способны к труду. Этот пункт достаточно выяснен. Внесены поправки. Я голосую поправку первую, что данные организации, данные мастерские должны содержаться не на общественный счет, а на краевой. Кто согласен с этим, тех прошу поднять руки. Кто против? Поправка отклоняется. Следующая поправка — чтобы на общественный счет были созданы мастерские только в тех станицах, где паевой надел превышает 8 десятин. Кто согласен с этим, прошу поднять руки. *(Голос с места: «Такой не было».)* Господа члены краевой Рады! Такая поправка была, и я обязан ее проголосовать. Кто согласен, чтобы эта поправка была принята? Кто против? Поправка отклоняется. Следующая поправка — г. Жука — чтобы лица, неспособные к военной службе, зачислялись в станицах на общественную службу. Пример был приведен. Кто согласен с этой поправкой? Кто против? Поправка принимается. Разрешите проголосовать снова. Президиум свидетельствует, что эта поправка принимается, но разрешите еще раз убедиться, что это

действительно так. Кто согласен с тем, чтобы неспособных к военной службе зачисляли на общественную службу, тех прошу поднять руки. Кто против? Поправка прошла! Кто согласен с этой статьей в редакции комиссии с дополнением ее поправкою члена Рады Жука, прошу поднять руки. Кто против? Статья с поправкой г. Жука принята.

Статья 9: «Служба в этих общественных мастерских считается за строевую службу их сверстников». Более подробную разработку этого вопроса передать в законодательный орган края. Примечание. «Отбывание воинской повинности врачами, ветеринарами, фармацевтами, агрономами, инженерами и другими специалистами должно быть по подлежащим ведомствам соответственно их специальности. Казаки, получившие педагогическое образование, должны прослужить в войсковых учебных заведениях три года». Желающих прошу высказаться по поводу этой статьи. Желающих нет. Голосую. Кто согласен с этой статьей? *(Голос с места: «Не в войсковых, а краевых учебных заведениях».)* В дальнейшем все учебные заведения, разумеется, будут краевыми, так что эта поправка соответствует положению дел. Однако я как председатель не могу обязать принять эту поправку, поэтому голосую. Кто согласен с этой поправкой? Статья принята с поправкой. Второй раздел принят. Для внеочередного заявления слово предоставляется члену Рады Горбушину.

Член Рады Горбушин. — Мы работаем больше месяца, а работе нашей и конца не видно; когда она кончится — никто из нас не знает. Мы все устали, так запутались, хотя председатель и говорит, что мы не запутались.

Председательствующий. — Господин оратор, я просил бы быть более воздержанным.

Член Рады Горбушин. — И ввиду того что мы устали, и сильно устали, мы уже не можем работать так, как начали работать; многие члены Рады болели, и очень сильно болели, как видно, тифом; многие члены Рады уже имеют желание разъехаться. Принимая все это во внимание, Лабинский отдел предлагает после выборов атамана утвердить положение об управлении краем, земельный вопрос, военный вопрос, как вопросы чрезвычайно важные, требующие немедленного разрешения, а затем сессию краевой Рады прервать до 10-го января. Это нужно также и для того, чтобы получить новые наказы и со свежими силами рассмотреть те вопросы, в которых мы все-таки запутались.

Член Рады И. Белый. — Я должен выразить удивление по поводу того, что предложение Лабинского отдела поступило во время обсуждения военного закона. Я полагаю, что этот вопрос мы можем обсуждать тогда, когда будет свободное время.

Председательствующий. — Господа члены краевой Рады! Внесено предложение по соображениям, которые были сейчас высказаны. Предлагаю его не обсуждать, а перейти к очередным делам. Кто согласен с этим? Кто против? Продолжаем обсуждение законопроекта.

Третий раздел: О строевых частях Кубанского края. Статья 1, пункт «а» *(Читает.)*: «Кубанский край выставляет в мирное время 4 пластунских полка трехбатальонного состава. Полкам присваиваются наименования, а не нумерация, дабы тем сохранить в памяти казачества его славное историческое прошлое». Кто желает высказаться по поводу пункта «а»? Таковых не имеется. Голосую. *(Шум, крики: «Всю*

статью».) Господа члены краевой Рады! Я полагаю, что если мы будем голосовать всю статью, от этого может произойти замешательство. Разрешите голосовать так, как я, ваш председатель, нахожу более нужным. *(«Просим».)* Кто согласен с пунктом «а»? Принят.

Пункт «б» *(Читает.)*: «9 конных полков четырехсотенного состава, из них один горский и один гвардейский дивизион». Желающих прошу высказаться по этому пункту.

Член Рады Фоменко. — Господа члены Рады! Тут написано, что нужно только девять конных полков, из которых один должен быть горский, а другой должен быть набран со всей Кубанской области в память генерала Корнилова, а именных полков у нас только семь. Теперь скажите, какой из полков свое историческое имя захочет отдать другому полку? Я думаю, ни один полк не согласится, а нам говорят, чтобы мы отдали. Лучше пусть будет 12 полков конных меньшего состава, нежели их будет 9 — четырехсотенного состава.

Член правительства генерал Савицкий. — Я, господа члены Рады, поддерживаю предыдущего оратора в том, что у нас должно быть не 9 конных полков, а, во всяком случае, не менее 12. Для того чтобы не упразднять существующих полков, военной комиссией предполагалось соединить Ейский и Уманский полки. Но я должен сказать, что, по-моему, это не совсем правильно, и ввиду того что мы приняли, что казаки будут служить на казенных лошадях, при мобилизации будет затруднительно развернуть конницу. Не сокращая количества полков, а лишь доводя их до четырехсотенного состава, мы, в случае мобилизации, прибавим сотни в полках, и у нас будут готовые кадры, каковые в военное время чрезвычайно трудно создавать; поэтому нам необходимо иметь не менее 12 полков конницы; расходы же на население не лягут, так как у нас принято, что лошади будут приобретаться на казенный — краевой счет.

Член Рады Канарев. — Господа члены Рады! Эта статья вызвала много прений и в военно-морской комиссии. Здесь два предыдущих оратора, один из них военный министр, защищали тот взгляд, что организация новых кавалерийских частей неудобна и что дело будет сильно страдать, если кавалерийские части будут переименованы в пешие; пострадают от этого и традиции полка. А я скажу: нет, традиции полка останутся и будут продолжать жить в настоящей войне, как они жили в прошедшей всемирной войне. Разве эти традиции будут хуже, если полки переименовать? Разве пластуны не так же крепко будут сохранять эти традиции? Разве эти традиции были не одинаковы, когда, например, пластунский полк был переименован в краевой? Из двух полков создался один, от этого не пострадали ни традиции, ни интересы края. Опыт показал, что кавалерия дорого обходится государству, но не приносит той пользы, которую приносит пехота. Значит, главной силой должна быть пехота, по нашему мнению. Сообразуясь с тем количеством войска, которое должно быть в Кубанском крае, достаточно иметь кавалерию в количестве 9 полков; содержать лишнюю конницу в мирное время не представляется нужным для края. Здесь генерал-майор Савицкий сказал: «Это не ляжет бременем на население». А откуда же будут брать средства? Разве они не будут взяты у населения? Значит, нужно только оправдаться? «Цель оправдывает средства»?!

Мне хочется уяснить, нужно ли такое количество конницы или нет? Комиссия, обсуждая этот вопрос, нашла, что конницы достаточно. Здесь уже говорилось, что пехота более нужна; она дешевле стоит и во время боя является главной силой; относительно же распределения полков по отделам будет сказано в особом примечании, что каждый отдел выставляет по одному полку; это будет еще зависеть от детальной разработки военными властями. Пока постановлено организовать семь полков от отделов, один полк от всего края, называемый Корниловским, и один полк чисто горский, чтобы горцы имели, как любители лошадей, свой полк. Одно только это преимущество дано горцам во всем законопроекте, в остальных же отношениях они будут нести воинскую повинность на одинаковых со всеми условиях.

Член Рады генерал Гулыга. — Господа члены Рады! Я боюсь, что мне придется повторяться, но для полноты картины вынужден буду это сделать. Я буду краток, чтобы не утомлять усталых ваших нервов. Член правительства по военным делам сказал, что 12 конных полков могут составить кадр для военного времени, а почему этого не будет при 9 конных полках? Комиссия при уменьшении конницы и увеличении пехоты руководилась прежде всего экономической стороной дела. В настоящей войне техника пошла так далеко, а расходы на технические средства так велики, что мы должны, для того чтобы расходы несколько уменьшились, спешить конные полки и заставить работать их пешими. Дело в том, что посадить всадника на коня стоит тысячу рублей; если мы будем считать, что в полку 600 коней, то общий расход будет уже 600 000 рублей. Теперь возьмем деятельность конницы в прошлой мировой войне. Я вам доложу как командующий отрядом, в большинстве случаев, не менее корпуса. Что нам дала бедная, бессильная кавалерия? Я спешил 2/3 кавалерии и держал людей в окопах, а лошадей отвели за тридцать верст. И я скажу, что лошади в большинстве случаев дохли, потому что некому было кормить их и за ними ухаживать, потому что на каждые шесть-семь лошадей оставался один коновод; но может ли один человек в день три раза убрать, три раза накормить и напоить семь лошадей. Люди падали от утомления, а лошади гибли десятками в день. Таким образом, конница спешивалась, из нее составлялись пешие части, с которыми я — именно с пластунами — имел честь драться. Традиции же полков от этого нисколько не пострадали. Заканчивая свою речь, скажу, что никогда пехота не нарушала традиций конницы. Я служил пятнадцать лет в кавалерии, а потом в пехоте, и знаю, что пехота везде и всегда больше пользы приносит, чем кавалерия, хотя я сам природный кавалерист.

Член Рады полк. Золотаревский. — Какое бы ни было количество полков создано, я только хочу сказать, что они, вероятно, будут разделены на конницу дивизионную и конницу корпусную. Я хочу говорить о том, что количество сотен в этих полках может быть различное. Четырехсотенные полки для корпусной конницы непригодны, потому что слишком выматываются люди и уменьшается тактическая единица в тех полках, где приходится часто действовать самостоятельно; это тяжело ложится как на конный состав, так и на людей. Те казаки, которые служили в шестисотенных полках и были в отдельных командировках или имели отдельные задачи для полка, скажут вам, как тяжело приходилось отдельным сотням, а если же мы сократим полки до четырех сотен, то люди будут служить почти без смен. Для дивизионной конницы это еще воз-

можно, потому что она будет заниматься специальной разведкой, ординарской службой, а для корпусной конницы невозможно, потому что это страшно тяжело ложится на состав лошадей и людей. Я сам командовал четырехсотенным полком и видел, как сотни отдыхали через два в третий день, а иногда и совсем не отдыхали. Люди нужны были для ординарской службы, для того, для другого, и таким образом у командира полка оставалось полтораста человек, которыми он должен был выполнять свои задачи, свои обязанности, а также иметь тактическую единицу в резерве. Исходя из этих соображений, я и просил бы, чтобы корпусная конница была шестисотенного состава.

Член Рады Манжула. — Господа члены Рады! После военного авторитета мне, конечно, трудно будет говорить, ибо я в этом вопросе не могу сравняться с ген. Гулыга или полк. Золотаревским, но я подойду к этому вопросу проще. Есть определенные части, и эти части срослись. Из истории мы знаем, что раньше у нас было совсем другое расположение, но факт тот, что край разделен на одиннадцать полков, теперь же предполагается, если мы исключим Гвардейский и Корниловский полки, оставить семь полков, которые будут распределены по отделам. На вид как будто бы просто, но встает вопрос, какой полк поставить на первом месте? Мы должны учесть, что каждый полк имеет особые традиции и определенные исторические заслуги. Вот мне и думается, что мы должны пойти по другому направлению, и пусть наши одиннадцать полков — с присоединением к ним Гвардейского и Корниловского — остаются, т.е. все то, что соответствует нашему наличному количеству. Опасаться того, что это будет дорого стоить, и заглядывать в будущее мы не станем. Я предлагаю оставить те же названия, ибо они связаны с вековой жизнью нашего народа, а экономить я предлагаю на количестве всадников каждого полка.

Член Рады Ильченко. — Господа члены Рады! Мне кажется, что это не так страшно; между тем говорят тут так, как будто бы вся Кубань будет плакать о своих полках. Ничего подобного. Сведут, например, Таманско-Полтавский полк, и никто плакать не будет. Вместо двенадцати полков будет шесть — и нет никакой затруднительности уменьшить полки. Говорят «за краевой счет», а мы знаем, что значит «краевой счет», это значит — за наш счет. И вот, я настаиваю на уменьшении и на сокращении полков, чтобы было не двенадцать, а семь.

Член Рады полк. Роговец. — Все сказал предыдущий оратор, и больше говорить нечего. Член Рады Манжула говорил о мирном времени, а о настоящем ничего не сказал. Я хотел бы отметить, что все сказанное предыдущим оратором есть непреложная истина, и в дальнейшем сама жизнь покажет и заставит переделать то, что в этом проекте окажется несоответствующим. Что касается сообщения полк. Золотаревского, то нельзя, господа, заранее предвидеть, какие полки пойдут в корпуса. Относительно же состава полков полагаю, что шесть сотен — это очень много; в четырехсотенных же полках в военное время сотни могут быть увеличены, и поэтому тяжесть чисто походной боевой жизни будет равняться шести сотням. Затем член Рады Гулыга совершенно правильно сказал и подчеркнул, что господином положения в военное время является пехота, и эту пехоту нужно подготовить Второе положение занимают технические средства, и на эти средства Раде придется обратить внимания больше, чем мы обращаем. Дальнейшее покажет нам сама жизнь после мирной конференции — если не будет

войны никогда; но если останется вопрос военный, то тогда мы обратим все свои взоры на артиллерию, пулеметы и на все, что потребуется. Я присоединяюсь к тому, что здесь изложено, а что касается традиций, то я скажу одно: что у казаков, в сущности, одна традиция: казаки трусами не должны быть.

Член Рады ген. Гулыга. — Господа члены Рады! Полковник Золотаревский говорил о необходимости большого состава кавалерийских полков — шестисотенного, причем указал на мотание конницы, на летучую почту в разных походах и на разъезды. Я позволяю доложить, что если армия будет кубанская и если корпусом будет командовать кубанский казак, то конница мотаться не будет. Я говорю за то, чтобы оставить четырехсотенные полки, но сотни увеличить: так будет лучше, потому что будет запас. Я перешел на четырехсотенные полки, потому что шестисотенные — это такая громадная величина, что очень трудно командовать, а ведь вы знаете, что командир полка не управляет, а только командует. Чем меньше сотен, тем лучше. Лучше уменьшить количество сотен, но состав каждой сотни увеличить. Это будет гораздо лучше, и полки будут сильнее и прочнее. Член Рады Манжула сказал, что лучше уменьшить число всадников в полку, а я скажу, что величайшее преступление по основным военным законам — это увеличение за счет ослабления. Не увлекайтесь увеличением частей за счет ослабления их: это вам говорит опытный человек, который провел три войны и который не знал со своими казаками, что такое шаг назад. Комиссия, составляя этот проект, имела в виду исключительно мирное время. Понятно, в мирное время они не будут нести особенно тяжелой службы и эти 9 полков будут боевыми единицами: о них-то и надо позаботиться, подготовить, поставить на твердые ноги, и тогда в военное время они осечки не дадут.

Член Рады Головко. — Я буду краток. Здесь при определении количества конных полков исходили из того, что должно быть 12, потому что существуют традиции и их рвать неудобно. Это, конечно, так, но не из этого надо исходить. Вы знаете, что у нас было одно историческое прошлое, но мы легко с ним порвали: из Кубанского войска перевелись в Кубанский край. Я обращаю ваше внимание на состав полков. Когда говорят об этом, то указывают, что на Западе конные полки составлены из четырех единиц. Здесь я бы хотел, чтобы было дано основание, почему там четыре, а не шесть. Этого не было сказано и высшим военным авторитетом, который говорил о действительности западной и действительности русской. Надо установить разницу и ту роль, которая выпадала на конницу германскую, и ту роль, которая выпадала на конницу русскую. В то время, когда германская конница несла разведку и т. д., русская конница помимо своего назначения принимала участие во всевозможных боях. Вы знаете о знаменитом Свенцянском прорыве в 1915 году. Если бы у нас не было русской конницы, то немцы были бы в Москве. У немцев развиты все средства сообщения, у них конницу заменяют автомобили, мотоциклеты, велосипеды, а у нас этого ничего нет. *(«Будет».)* Может быть, и будет, может быть, и мы перейдем к этому, но при данной обстановке, при данной войне приходится считаться с русской конницей и с теми задачами, которые выпадают на ее долю. Если взять все во внимание, то и здесь вам военные авторитеты заявят, что никогда не надо ослаблять боевую единицу и никогда не следует сокращать полки до четырехсотенного состава. В этом вопросе приходится обратиться к истории прошлой войны…

Председательствующий. — Господа члены Рады! Разрешите напомнить, что речь идет о том, что будет представлять из себя Кубанский край в мирное время.

Член Рады Головко (продолжает). — Я считаю, что и в военное, и в мирное время не следует и незачем изменять состав полков из шестисотенных на четырехсотенные.

Председательствующий. — Список ораторов исчерпан. Слово предоставляется докладчику.

Докладчик полковник Гончаров. — Господа члены Рады! Вы слышали заявление предыдущего оратора, что здесь якобы не указывалось, почему лучше полки четырехсотенного состава, а не шестисотенного. Я думаю, что он прослушал, как генерал Гулыга сказал, что это необходимо и удобно при командовании. Этого выпускать из виду не надо. Кроме того, мы уже говорили о распределении набора, а именно: для пехоты предполагается 14 500; нужно также усилить артиллерию и другие вспомогательные части, на долю же кавалерии остается 9000. Как же наилучше использовать эти 9 тысяч — распределивши их на шесть сотен или на четыре? Как это будет лучше в боевом отношении, военном и экономическом? И вот, комиссия полагает, что в том и другом отношении четырехсотенный состав будет лучше, потому что в нем будет больше бойцов и меньше расходов на всякого рода административные должности. Если увеличить число бойцов, а уменьшить состав полков, т. е. количество полков, то мы подойдем к экономической стороне вопроса, т. е. мы достигаем цели тем, что определяем четырехсотенный состав. О том, желательно или нет эти 9 тысяч распределить на 12 полков, вам было сказано достаточно ясно, и дополнять я не буду, ибо, ослабляя боевые единицы, мы не достигнем той пользы, которую требуем от этих частей. Я защищаю позицию, принятую комиссией.

Председательствующий. — Голосую поправку: вместо девяти — двенадцать полков. Кто за? Кто против? Поправка отвергнута. Следующая поправка: чтобы полки были вместо четырехсотенного состава — шестисотенного. Баллотирую. Отвергнута. Таким образом, баллотирую этот пункт в редакции комиссии. Кто за? Кто против? Принят.

Следующие пункты *(Читает.)*:

— пункт в) «Четыре артиллерийских полка, из коих два по четыре конных четырехорудийных батареи и два пеших по шести четырехорудийных батареи. Один гаубичный дивизион из трех батарей по четыре орудия каждая;

г) один тяжелый дивизион из трех батарей четырехорудийного состава;

д) одна учебная батарея из шести орудий;

е) один инженерный полк, заключающий в себе все виды военно-технической службы;

ж) один самолетный дивизион;

з) один броневой автомобильный дивизион».

Желающих говорить по этим пунктам нет? Голосую. Приняты.

Примечание *(Читает.)*: «Из 9 конных полков один полк, в память генерала Корнилова, формируется из казаков всех отделов». По этому пункту слово предоставляется Султану Шахим-Гирею.

Товарищ председателя Султан Шахим-Гирей. — Я не выполнил бы своего долга перед памятью генерала Корнилова, если бы не выступил по этому вопросу. Дело в том, что в примечании сказано таким образом, что полк имени генерала Корнилова формируется из казаков всех отделов. Я должен дать историческую справку относительно генерала Корнилова и его отношения к горцам. И на фронте, и здесь во время боев генерал Корнилов относился с особенной любовью к нашему черкесскому полку; у нас имеется от генерала Корнилова определенный документ, который в скором времени будет оглашен, и это сделается достоянием кубанского народа — казачества и горцев. Я говорю, что в состав этого полка, имени генерала Корнилова, безусловно должны войти горцы, хотя бы в виде одной сотни. Об этом прошу и надеюсь, что краевая Рада этого не отклонит.

Докладчик полковник Гончаров. — Военно-морская комиссия, конечно, присоединяется к этой поправке, так как мы под словом «казак» подразумевали и горцев.

Председательствующий. — В первое примечание внесена поправка: «формируется из казаков и горцев всех отделов». Баллотирую. Принято. Второе примечание *(Читает.)*: «Кубанский дивизион полностью переходит на сформирование инженерного полка». Баллотирую. Принято. Третье примечание: «Гвардейский дивизион сохраняется в своем прежнем составе». Принято. Четвертое примечание: «Горцы составляют отдельный 9-й горский полк; остальные подлежащие к отбытию воинской повинности горцы должны служить во всех частях всех видов оружия законченными отдельными единицами». Слово просит представитель горцев.

Член Рады Биджиев. — В этом пункте говорится относительно подлежащих отбыванию воинской повинности горцев. Они должны служить во всех частях всех видов оружия законченными отдельными единицами. Такая редакция понятна грамотным людям, а простым горцам она непонятна. Надо составить в такой редакции, которая была бы понятна и малограмотным, чтобы было видно, что будут отдельные части и что они могут себе отдельную пищу варить. Русские люди хорошо понимают свою речь, а для нас она не вполне понятна, даже для грамотных людей. Нужно написать простым языком и просто сказать — имеют свои котлы и проч., и чтобы были отдельные части. Прошу это здесь подчеркнуть.

Докладчик полк. Гончаров. — Разбирая вопрос о военной службе, военно-морская комиссия исходила из соображений, чтобы возможно равномерно и одинаково установить воинскую повинность в отношении горцев и, конечно, не могла не принять во внимание особых качеств их жизни, вероисповедания и проч. По мнению комиссии, один полк должен состоять чисто из горцев; в отношении остальных горцев, т. е. 500 человек, на долю которых приходится конная служба, постановлено, что они должны быть распределены между всеми частями. Мы говорим: «Представляет из себя законченную отдельную единицу». Это значит, что будет отдельная сотня при каком-нибудь полку, так, чтобы она могла самостоятельно довольствоваться. Таким образом, я думаю, что редакция этого пункта достаточно понятна и не должна вызывать недоразумений.

Председательствующий — Представитель горцев говорил не по существу — он говорил о форме редакции, которая была бы понятна. Между тем и редакция проекта

позволяет горцам отдельно кормиться и т. д. Значит, я голосую этот пункт в изложении комиссии. Принят.

Член Рады Горбушин. — Я хотел указать, что это можно определить в мирное время. Дай Бог, чтобы войны не было, но раз мы в мирное время готовимся к войне, то необходимо учитывать, что состав единиц боевых можно увеличить, но число таких единиц увеличить не так легко. И для того чтобы не было недоразумений, я предлагаю такое примечание: «Предоставить право Законодательной Раде в неотложных случаях увеличивать число единиц технических войск». Так как, если этого в примечании не будет, то Законодательная Рада не вправе будет увеличить.

Председательствующий. — Внесено членом Рады Горбушиным примечание 5-е *(Читает.)*: «Кубанской Законодательной Раде предоставляется право в неотложных случаях увеличивать число единиц технических войск». *(Баллотировка.)* Принято. Раздаются голоса о перерыве. Кто согласен? Кто против? Принято. Прежде чем объявить перерыв, прошу выслушать заявление члена Рады Иванченко.

Член Рады Иванченко. — Господа члены Рады! Вы знаете, что есть комиссия, которой было поручено в спешном порядке разработать законопроект о пособиях. Эта комиссия занялась вопросом о возмещении убытков, понесенных от гражданской войны. И мы считаем это очень важным, ибо целые станицы разгромлены, жители остались без крова, поля не запаханы. Нужно создать общий закон, ибо каждая станица делает так, как ей заблагорассудится; нужно комиссии немедленно приступить к делу; часть уже сделана, но в комиссию вместо 24 членов является 3—4—6 человек. При таких условиях работать нельзя, поэтому я от имени президиума этой комиссии прошу отдельские рады понудить своих членов посещать заседания или же избрать других представителей.

Председательствующий. — Разрешите доложить, что вечернее заседание будет в Законодательной Раде. Назначьте время. *(«Шесть», «Восемь».)* Кто за шесть? Принято. Объявляю заседание закрытым.

3 декабря.

Вечернее заседание.

(Заседание возобновляется в 6 час. 35 мин. вечера под председательством товарища председателя Омельченко.)

Председательствующий. — Заседание возобновляется. На очереди у нас стоит раздел 4-й законопроекта о реорганизации Кубанской армии. Оглашаю первую статью этого раздела: «Теперь же приступить к переформированию существующих и входящих в состав Добровольческой армии кубанских казачьих частей, с тем чтобы в наикратчайший срок достигнуть единства частей по отделам, по принципу территориальности». Кто согласен с текстом этой статьи, тех прошу поднять руки. Кто против? Большинством голосов статья принята.

Оглашаю следующую статью: «Казаков, входящих в смешанный состав Добровольческой армии, выделить в свои казачьи части». Голосую. Большинством голосов статья принята.

3-я статья 4-го раздела: «Составленные по принципу территориальности кубанские казачьи части свести в высшие строевые соединения до корпусов включительно». Кто согласен с принятием этой статьи, прошу поднять руки. Большинством голосов статья принята.

Статья 4-я: «Все казачьи части составляют самостоятельную Кубанскую армию. В оперативном отношении для борьбы с большевиками Кубанская армия подчиняется высшему командованию Добровольческой армии. В хозяйственном и административном отношении Кубанская армия остается в подчинении войскового атамана». Слово предоставляется члену Рады полковнику Роговцу.

Член Рады Роговец. — Господа члены Рады! Это — самый главный пункт; между тем он до некоторой степени для меня неясен. По-моему, если будет принят этот пункт, то войсковой атаман будет несколько ограничен в правах. Ввиду неясности я предлагаю и настаиваю, чтобы пункт 4-й следующим образом изменить: «Все казачьи части составляют Кубанскую армию, во главе которой стоит командующий армией, назначаемый войсковым атаманом». Это первое изменение. Второе изменение состоит в следующем: «При совместной с другими армиями борьбе против большевиков для успеха этой борьбы Кубанская армия и все ее части, по усмотрению атамана, могут быть подчинены в оперативном отношении общему главному командованию фронта», и третье изменение: «Ни одна кубанская строевая часть не может быть переброшена на чужой фронт без разрешения на то войскового атамана». *(Аплодисменты.)*

Член Рады И. Белый. — Господа члены Рады! Таманский отдел во вчерашнем заседании подробно остановился на 4-й статье, и после продолжительного обсуждения было решено статью 4-ю редактировать следующим образом: «Все казачьи части составляют самостоятельную Кубанскую армию». А то, что здесь говорил полковник Роговец, должно быть принято в виде особой резолюции, потому что мы в настоящее время говорим об организации Кубанской армии; вопрос же о том, кому будет подчиняться Кубанская армия, кто будет командующий и т. д. — вопрос дальнейшего. Против предложения полковника Роговца я не возражаю, но оно должно быть вынесено в особую резолюцию.

Член Рады И. Макаренко. — Я извиняюсь, господа члены высокого собрания, предыдущий оратор вынудил меня взять слово. Он, конечно, исполнил свою обязанность перед Таманским отделом, но само предложение Таманского отдела не имеет той сильной и ясной формулировки, какую имеет предложение полковника Роговца. И, по-моему, только та формулировка, которую предложил вашему вниманию полковник Роговец, заслуживает полного одобрения, ибо она сразу вносит ясность в недоумение.

Член Рады Гончаров. — Господа члены Рады! Та поправка, которая внесена полковником Роговцом, безусловно, должна быть принята, и Таманский отдел, я также уверен, от этой поправки не откажется. Только вопрос в том, где ее установить; впрочем, я думаю, что это безразлично.

Председательствующий. — Я голосую первую поправку полковника Роговца. «Все кубанские части составляют Кубанскую армию, во главе которой стоит командующий армией по назначению войскового атамана». *(Баллотировка.)* Большинством голосов поправка принята. Голосую вторую поправку полковника Роговца: «При со-

вместной с другими армиями борьбе против большевиков для успеха этой борьбы Кубанская армия — вся или часть ее — может быть подчинена в оперативном отношении общему главнокомандующему фронтом». *(Баллотировка.)* Большинством голосов принята. Голосую третью поправку полковника Роговца: «Ни одна казачья строевая часть не может быть переброшена на чужой фронт без разрешения на то войскового атамана». *(Голоса: «Неясно».)* Я понимаю так: образуется фронт вне пределов нашего войска: войску он не угрожает и не связан с нашим фронтом, как, например, фронт Харьковский или Одесский и т. д. Это называется чужой фронт; все же силы наши должны быть направлены на один из главных фронтов, которые угрожают Кубанскому краю.

Член Рады Роговец. — Тот атаман, которого мы выбрали, он точно, ясно и определенно будет знать, на какой из фронтов нельзя перебросить ни одной части, а на какой нужно.

Председательствующий. — Кто согласен с третьей поправкой полковника Роговца, прошу поднять руки. Большинством голосов поправка принимается. Итак, вместо 4-й статьи, предложенной комиссией, приняты три предложения полковника Роговца. 4-я статья в редакции, предложенной комиссией, отпадает. Теперь голосую в целом: кто согласен с тем, чтобы статью 4-ю исключить? Большинством голосов статья исключается. Кто согласен, чтобы вместо статьи 4-й принять три предложения полковника Роговца? Принято.

Далее перехожу к 5-му пункту: «Назначения в кубанские казачьи части начальников и офицеров, своих казачьих, по принципу старшинства и достоинства, производятся властью войскового атамана, и только в исключительных случаях, при недостатке офицеров для специальных частей, войсковому атаману предоставляется право назначать офицеров неказаков». Наличный состав начальников в частях должен быть пересмотрен по изложенному принципу. Желающих прошу высказаться. Слово предоставляется чл. Рады Усатову.

Член Рады Усатов. — Господа члены Рады! Я нахожу, что эта статья не удовлетворяет тому общему принципу, который мы приняли, когда говорили о назначении в команды начальников и строевых офицеров. Там было у нас оговорено: «При недостатке офицеров для специальных частей войсковому атаману предоставляется право назначать офицеров неказаков». Здесь ничего не упоминается о коренном населении. Я полагаю, что эту статью нужно изменить соответственно тому принципу, который мы приняли, т. е. назначение в команды начальников и строевых офицеров своих коренных. В соответствии с этим и далее: «Войсковому атаману предоставляется право назначать офицеров, но из своих коренных».

Председательствующий. — Слово предоставляется председателю краевой Рады Н. С. Рябоволу.

Н. С. Рябовол. — Господа члены Рады! Вышло небольшое недоразумение: здесь речь идет не о Кубанской армии, а о казачьих частях. Тут сказано: «Назначение в кубанские казачьи части офицеров» и т. д. Если бы здесь говорилось о Кубанской армии, то примечание члена Рады Усатова было бы правильно, потому что Кубанская армия должна состоять из разных слоев населения, но тут речь идет о чисто казачьих частях,

так что здесь никакой прибавки внести нельзя, а если бы нам ее захотелось принять, тогда правильнее было бы сказать «и горцы», но я не вижу никакого основания вносить такую поправку.

Член Рады М. Гатагогу. — Господа члены Рады! Пятый пункт четвертого раздела действительно имеет в виду только казачьи части, но я думаю и знаю, что в Кубанской армии будут не только казачьи части, но будут и горцы, и коренное население, и иногородние жители Кубани. А посему, говоря о кубанских частях, не нужно говорить отдельно о казачьих частях, а вообще о кубанских частях. Поэтому предложенную поправку члена Рады Усатова я приветствую и поддерживаю, только обращаю внимание членов Рады на следующее обстоятельство. Недостаточно указать, что в такой-то части могут быть назначаемы офицеры кубанцы, не определяя того, коренной ли он кубанец или нет. Ведь неизвестно еще, будут ли все кубанские жители считаться равными в правах с нами. Во всяком случае, они для работы на Кубанский край не призваны и быть офицерами не должны, пока они не будут уравнены в правах.

Н. С. Рябовол. — Господа члены Рады! Я не возражаю против поправки, предложенной членом Рады Усатовым, но ее нужно внести не в виде поправки, а в виде особого примечания.

Член Рады Коробьин. — Я, собственно, не согласен с членом Рады Рябоволом, что здесь вопрос идет только о казачьих частях. Я обращаю внимание на то, что эта статья находится в разделе 4, который говорит о реорганизации Кубанской армии. В разделе 4 вы приняли положение, что у нас будет Кубанская армия. То, что здесь говорится о кубанских частях, я думаю, это просто редакционный недосмотр военно-морской комиссии. Очевидно, здесь нужно сказать — «в Кубанской армии», ибо мы все время говорим о Кубанской армии, а не о кубанских казачьих частях. При таком понимании придется, конечно, принять ту поправку, которую сделал член Рады Усатов, — чтобы офицеры производились вообще из кубанцев, то есть из граждан Кубанского края — из казаков и коренного населения, словом — из тех лиц, кого вы согласитесь именовать одним термином «кубанец». Следовательно, здесь имеются в виду все полноправные граждане. Я в этом смысле поправку поддерживаю.

Член Рады полк. Роговец. — Никто против того, что говорит член Рады Коробьин, не возражает, но дело в том, что пункт 5 говорит о настоящем моменте, а в настоящий момент наша Кубанская армия состоит из казачьих и горских частей. А когда будут части, составленные из коренного населения, мы этого еще не знаем, и комиссия руководилась только тем, что есть в настоящее время. Поэтому, для того чтобы было ясно, я предлагаю изложить следующим образом: «Назначение в кубанские казачьи части начальников и офицеров, своих казачьих, по принципу старшинства и достоинства, производится властью войскового атамана» — с этим я согласен, а дальше необходимо ввести примечание следующего свойства: «При формировании армии из коренного населения назначению подлежат офицеры и коренного населения». Это дело будущего, может быть, это будет через пять лет, а, может быть, и через год.

Член Рады полк. Гончаров. — Господа члены Рады! Сейчас полковник Роговец разъяснил, чем руководилась комиссия. Мы руководились тем, что есть в настоящее время, ибо говорили о той перестройке, которая должна быть произведена немедленно.

Конечно, впоследствии, когда части будут составлены из коренных жителей края, против назначения начальников из коренных жителей края никто возражать не будет. Поэтому я с предложением полковника Роговца соглашаюсь и против него не возражаю.

Председательствующий. — Господа члены Рады! Для нас самое главное, чтобы в кубанских казачьих частях, которые существуют, были казачьи офицеры. Дело в том, что там теперь большой процент неказачьих офицеров, и комиссия это главным образом и имела в виду. Что касается тех поправок, которые вносились — некоторые устно, как пожелания, а другие в письменной форме, — то разрешите президиуму составить новую редакцию статьи, а пока я перехожу к следующему пункту.

П. 6: «Приказом войскового атамана Кубанскому казачьему войску теперь же должны быть объявлены решения краевой Рады о главнейших принципах, за которые казаки должны идти в бой: о будущем устройстве в России и о месте в ней Кубанского края. Примечание: Никто, кроме войскового атамана и краевой Рады, права производства офицеров, служащих в Кубанском казачьем войске, не имеет, и уже имевшие место производства не в соответствии с изложенным должны быть отменены».

Член Рады Гончаров. — Господа члены Рады! Примечание к 6 пункту попало по ошибке не туда, куда следует. Оно должно быть отнесено к п. 5 — это будет более правильно.

Член Рады Каплин. — Я — не по существу Я хотел заметить, что в разделе о реорганизации Кубанской армии нельзя говорить о том, что «приказом войскового атамана Кубанскому казачьему войску теперь же должны быть объявлены решения краевой Рады». Я не знаю, какое отношение имеет это к разделу 4, где говорится о реорганизации армии. Я думаю, что этот вопрос мы могли бы разрешить сейчас или потом но, во всяком случае, тогда, когда будем распределять отдельные дополнительные постановления, которые будут внесены.

Член Рады Коробьин. — Господа члены Рады! Я решительно возражаю против ст. 6 раздела 4 и полагаю, что она должна быть совершенно исключена по следующим соображениям. Во-первых, конечно, прав член Рады Каплин, что этой статье не место здесь, ибо мы трактуем о реорганизации Кубанской армии, а не о тех лозунгах, которые должны быть даны этой армии. Во-вторых, я полагаю, мы не должны главе края, войсковому атаману, давать предуказания относительно того, что он должен делать по отношению к армии — он сам будет знать, что ему нужно делать. Но самое главное мое возражение по существу: я говорю против внесения этой статьи в раздел 4-й. Ведь эта статья есть не что иное, как внесение политики в армию, которая разложила армию. Объявление лозунгов и есть внесение политики в армию. Мне не раз задавали вопрос: «Почему вы не вступите в ту или другую партию?», на что я заявлял, что, раз в армию политику вносить нельзя — а принадлежать к какой-нибудь партии значит иметь определенный лозунг, — то это и является одной из главных причин, что я не принадлежал и не принадлежу ни к какой партии. В самом деле, аналогия в данном случае будет полная. Вы только что приняли пункт, по которому наша Кубанская армия для общей борьбы с большевиками должна быть введена в общероссийскую армию под единым командованием. В общероссийской армии наша Кубанская армия будет представлять только одну часть, и вот вы представьте, что получится, когда этой

части даются лозунги, которые не принимаются общим командованием армии или другой частью этой армии. Вы скажете: необходимо, чтобы общее командование приняло эти лозунги, но вы сами знаете, как трудно разговаривать о том, чтобы наши лозунги принимало общее командование, когда вообще, сколько мы ни бьемся, наши лозунги не принимаются. Вы скажете, что в таком случае не нужно действовать нашей армией, — но тогда большевики придут! Лучше бороться с большевиками без лозунгов, чем внести в армию лозунги, которые могут ее разложить и которые не принимаются общим командованием или другой частью армии. Я категорически возражаю против этого и предупреждаю, что если вы примете этот пункт и войсковой атаман должен будет исполнить этот приказ, — тогда армия, безусловно, развалится. Эти лозунги при проведении их в жизнь встретят противодействие со стороны общего командования, а кроме того, вы знаете, что многие лица из офицерского состава держатся несколько иной политической платформы. Пойдет брожение в армии, и тогда, конечно, развал армии неминуем. Я считаю своим долгом предупредить вас, что к этому пункту нужно отнестись со всей серьезностью и вниманием и представить себе весь результат того, что будет, если этот пункт вы примете и проведете в жизнь. Мы не должны вносить развала в армию и должны отклонить этот пункт совершенно.

Член Рады Гончаров. — Против того, чтобы ст. 6-ю перенести куда-либо в другую часть проекта, я не возражаю, но на том, что она должна быть, — я настаиваю. Комиссия продумала этот вопрос, приняла его, и я нахожу, что ее предложение должно быть утверждено. Вчера или позавчера, докладывая вам в общих чертах положения, принятые комиссией, я сказал, что первая необходимость для Рады — это дать нашей Кубанской армии, которая выделена из вас, из народа, лозунги, в которых она нуждается и за которые она идет в бой, и что это крайне необходимо. Необходимо, потому что, в противовес принятым вами лозунгам, там прививаются другие лозунги, которые эту армию разлагают. Чтобы у армии не было сомнений, за что Кубанский край борется, — соответствующие слова должны быть от Рады громко сказаны и должны быть написаны на знамени Кубанской армии. Поэтому я полагаю, что об этом — здесь или в другом месте, — но вы обязаны заявить.

Председательствующий. — Из слов докладчика выясняется, что он принципиально не возражает против того, чтобы эта мысль была помещена в каком-либо другом месте, но он настаивает, чтобы она была помещена. Относительно примечания было внесено предложение, чтобы оно было помещено под ст. 5-й. По ст. 6-й есть радикальная поправка члена Рады Коробьина о совершенном ее исключении. С этой поправки мы и начинаем. Пункт 6-й гласит: «Приказом войскового атамана Кубанскому казачьему войску теперь же должны быть объявлены решения краевой Рады о главнейших принципах, за которые казаки должны идти в бой, — о будущем устройстве России и месте в ней Кубанского края». Кто за то, чтобы параграф этот в законопроекте, не предрешая места, был оставлен? Кто за то, чтобы этот параграф был исключен? *(Баллотировка.)* Неясно. Придется подсчитать.

Член Рады Коробьин. — Ввиду того что я считаю решение этого вопроса в ту или другую сторону чрезвычайно важным по тем результатам, которые могут быть вследствие принятия этого пункта, я вношу предложение произвести поименное голо-

сование, для того, чтобы не легла ответственность на тех, которые возражают против этого предложения.

Член Рады Воропинов. — Я тоже, господа члены Рады, думаю, что этот пункт имеет колоссальное значение; с другой стороны, я думаю, судя по тем результатам голосования, которые здесь оказываются, вопрос этот или не в достаточной степени выяснен, или мы действительно вполне сознательно раскалываемся на две приблизительно равные половины при разрешении этого вопроса. Я в данном случае думаю, что здесь происходит недоразумение, ибо, когда говорил член Рады Филимонов по этому вопросу, по вопросу о том, что на нашем знамени должны быть выброшены определенные лозунги, — я понимал, что общее собрание Рады единодушно мысль поддерживало, а сейчас происходит какой-то раскол на две равные части, причем вопрос ставится так: или утвердить принцип, или совершенно отбросить. Я думаю, что мы имеем дело здесь с недоразумением. Этот вопрос нужно выяснить, притом в достаточной степени. На этом основании я предлагаю или открыть прения, или временно отложить его и не голосовать.

Член Рады Роговец. — Господа члены Рады! Этот вопрос совершенно ясен, и то, что говорил Коробьин, тоже ясно и определенно. Для того чтобы мы были единодушны, я вношу следующее предложение: этот пункт из проекта совершенно выпустить, а сделать так, как сделал войсковой круг — отдельным изданием указа от Рады объявить о наших решениях и намерениях. Это будет ясно и определенно.

Председательствующий. — Итак, вносится еще предложение такого содержания: статью 6 выбросить, но вместо нее краевой Раде надлежит издать обращение ко всему населению. Голосую. Кто согласен с этим предложением? Кто за оставление этой статьи? Незначительное меньшинство. Подавляющим числом голосов ст. 6-я проекта выбрасывается. Что касается предложения чл. Рады Роговца, то оно обсуждению не подвергалось, и единственный выход из создавшегося положения — поставить его на голосование. Как угодно Раде — обсуждать это предложение или голосовать без прений? *(«Без прений».)* Тогда разрешите мне мысль, предложенную полк. Роговцом, формулировать так: чтобы от краевой Рады населению Кубанского края был выпущен манифест, указывающий политическое кредо краевой Рады.

Член Рады И. Белый. — Не только станицы, но, конечно, больше всего наши казачьи части ждут, что делается и что сделано Радой. Я думаю, что нужно этим манифестом, о котором говорил полк. Роговец, очень кратко, но очень ясно сообщить о всех главнейших постановлениях Рады — об устройстве Кубанского края, о земельном вопросе, об организации Кубанской армии и т. д.

Член Рады Коробьин. — Я полагаю, господа, что по окончании всех работ краевой Рады, как завершение, как ее венец, должен быть издан акт, манифест или указ — как хотите назовите, — в котором совершенно кратко, но ясно и определенно были бы сведены все наши лозунги и резолюции, и это будет обращением ко всему войску и населению края. Мое предложение сводится к тому, чтобы этот акт был как бы завершением всех наших работ.

Председательствующий. — Разница не по существу; вопрос лишь в том, когда это обращение сделать. Члены Рады Роговец и Белый внесли такое предложение,

чтобы Рада обратилась ко всему населению по возможности скорее. Предложение Коробьина — чтобы это было сделано в конце наших работ. Я ставлю вопрос принципиально. Нужно ли вообще издать такой манифест? Большинством голосов принято. Теперь голосую предложение Коробьина о том, чтобы этот манифест был издан по окончании работ Рады. Большинством голосов принято. Далее следует помещенное под ст. 5 примечание; оно уже было оглашено совместно со ст. 6. Кто согласен, чтобы это примечание было принято? Слово предоставляется чл. Рады Каплину.

Член Рады Каплин. — Господа члены Рады! Я извиняюсь, я не военный, но я должен принять участие, как член Рады, в голосовании военного законопроекта. Поэтому я должен понимать его. Но я не понимаю этого примечания. Здесь сказано, что «никто, кроме войскового атамана, не имеет права производства офицеров, служащих в Кубанском казачьем войске, и уже имевшие место производства не в соответствии с изложенным должны быть отменены». Вот этого я не понимаю, и я хотел бы, чтобы докладчик сделал разъяснение. Право производства было дано и применялось в определенных законом рамках. Наперед нельзя было предвидеть, какой закон угодно будет принять Раде; поэтому мне непонятно, как можно людей, законно произведенных в урядники, прапорщики и т. д., — как можно эти производства отменить с точки зрения закона, который еще не обсужден. Я бы просил докладчика разрешить мне эти сомнения.

Член Рады Канарев. — Это примечание, господа члены Рады, вызвано тем, что во время борьбы с большевиками многие начальники производили офицеров в чины своею собственною властью, не имея на то никакого права. Поэтому вышли большие недоразумения. Многие офицеры носят офицерские погоны и чины, а в приказе по войску и армии такие производства не проходили. Как же так — в приказах ничего не известно, а они носят погоны? Чтобы выяснить это недоразумение, комиссия вынесла такое постановление, что все производства должны пройти через войскового атамана. Так как мы считаем войскового атамана главой края, значит, он должен и производить их. Если войсковой атаман найдет нужным их утвердить, значит, они пройдут в приказе. Если же нет, то производство будет отклонено. Вот чем вызвано это примечание.

Председательствующий. — Слово предоставляется члену Рады полковнику Феськову.

Член Рады Феськов. — Господа члены Рады! Я нахожу, что этому примечанию места быть не должно, и объяснение докладчика меня совершенно не удовлетворяет. Если у нас в армии находились такие начальники, которые брали на себя смелость производства, когда это право им не было предоставлено законом, то это не производство, и о таких мы не можем говорить. Но тут говорится вообще о всех произведенных, говорится, что вообще никто, кроме войскового атамана, права на производство не имеет и уже имевшие место производства не в соответствии с изложенным должны быть отменены. Между тем, мы знаем, что главнокомандующему предоставлено право производства до известных чинов. Если мы это напишем, то этим мы нарушим закон основной и права тех, кого мы не имеем права разжаловать. Итак, примечание должно быть изъято.

Член Рады Коробьин. — Господа члены Рады! Я полагаю, что настоящее примечание должно быть исключено в силу тех соображений, что мы, принимая нашу конституцию, указали там, в разделе восьмом, что право производить в офицерские чины принадлежит войсковому атаману. У нас это принято, и говорить об этом уже нечего. Здесь возражают, что некоторые отдельные командиры частей производили в чины, но против этого ничего не поделаешь — это наша российская практика. Но в силу этого принимать такие примечания не является необходимым.

Член Рады Канарев. — Господа члены Рады! Комиссия, принимая это примечание, имела в виду действительность нашу, и, так как она в высшей степени ненормальна, то и полагали, что об этом должна сказать краевая Рада, так как других способов в то время, как разбирался вопрос, не было. А эта ненормальность должна быть уничтожена.

Председательствующий. — Значит, по мнению комиссии, благодаря нашей печальной кубанской действительности можно анулировать все полученные прежде права? Кто за то, чтобы это примечание выбросить? Большинством голосов примечание отвергается. По отложенной рассмотрением статье 5 слово предоставляется члену Рады Гатагогу.

Член Рады Гатагогу. — Ст. 5, которую нам поручено редактировать, изложена следующим образом: «Назначения в части Кубанской армии начальников и офицеров по принципу старшинства и достоинства производятся властью войскового атамана. В казачьи части весь командный состав назначается войсковым атаманом исключительно из казаков. При недостатке офицеров для специальных частей войсковому атаману предоставляется право назначать офицеров неказаков. Наличный состав начальников в частях Кубанской армии должен быть пересмотрен по изложенному выше принципу». Вместе с тем редакционное совещание, состоявшее из трех лиц, просило довести до сведения Рады, что, редактируя статью 5-ю в таком виде, оно имело в виду, что в пункте первом раздела 5-го наименование «казачье-горское училище» будет заменено названием «краевое военное училище». Я хочу указать на это только для сведения. Кроме того, в том же разделе сказано, что в постоянном составе училища должны быть обязательно только казаки и горцы, между тем там надлежит дать место и коренным жителям Кубани, иначе население будет обижено. Вот редакция, выработанная нами.

Председательствующий. — Кто согласен с предложением комиссии, прошу поднять руки. Предложение принято большинством голосов.

Далее 7-я статья: «Производство офицеров за боевые отличия принадлежит власти главнокомандующего армией». Слово принадлежит полковнику Роговцу.

Член Рады Роговец. — Господа члены Рады! Основываясь на том, что мы, говоря о порядке производства, все время говорили о войсковом атамане, и в целях сосредоточения делопроизводства в руках войскового атамана, я предлагаю внести в статью маленькое изменение и сказать: «Производство офицеров за боевые отличия принадлежит власти кубанского войскового атамана».

Член Рады Коробьин. — Господа члены Рады! Полковник Роговец предлагает сделать маленькое изменение, а я предлагаю большое — совсем эту статью выкинуть,

потому что ясно, что главнокомандующий всегда имеет право производить за боевые отличия. Это так же ясно и всем известно, как то, что Волга впадает в Каспийское море, а река Белая — в Кубань, а не наоборот.

Член Рады Белашев. — Член Рады Коробьин сказал как раз то, что вынес Таманский отдел, а именно, что во главе нашей автономной армии и впереди ее стоит командующий Кубанской армией, а право производства офицеров за боевые отличия должно принадлежать атаману по представлению командующего. Я предлагаю от имени Таманского отдела эту статью исключить совсем.

Член Рады Усатов. — Господа члены Рады! 4-й раздел касается реорганизации Кубанской армии. Но если вы будете просматривать 7-й, 8-й и 9-й пункты, то увидите, что содержание их не относится к реорганизации Кубанской армии. В пункте 7-м говорится о производстве офицеров за боевые отличия. В пункте 8-м — о старшинстве полковников, равным образом и п.п. 9 и 10 по содержанию своему не могут относиться к разделу о реорганизации Кубанской армии. Поэтому я предлагаю п.п. 7, 8, 9 и 10 перенести в 5-й отдел, где говорится о пополнении офицерского состава. Статью 11-ю предлагаю оставить в данном отделе.

Председательствующий. — Слово принадлежит члену Рады И. Макаренко.

Член Рады И. Макаренко. — Господа члены Рады! Предложение члена Рады Коробьина ясно и понятно и было бы вполне приемлемо, если бы была ясна, и не запутана, и понятна та окружающая действительность, в которой мы должны жить и действовать Только что перед этим нам было выяснено докладчиком и еще каким-то членом Рады, что у нас есть большая путаница в производстве офицеров. Мы знаем порядок производства офицеров, каким он должен быть в нормальное время. Эту же сумятицу, когда у нас из прапорщиков появились полковники — совершенно неожиданно, по приказам лиц, не имеющих на это права, — эту сумятицу нужно упразднить и исправить. Статья 5-я, помещенная в разделе о реорганизации армии, с этой точки зрения должна иметь место в этом отделе по праву, ибо этого требует наша действительность. Печально, что действительность эта порождала и порождает крайние недоразумения. Я лишь полагал бы, что в редакцию этой статьи, предложенную полковником Роговцом, необходимо внести поправку, и если вы будете внимательны, я вам прочту ту редакцию, которая, мне кажется, удовлетворит все требования. Только что вы высказали о том, что право производства, особенно в нынешнее путаное время, должно принадлежать в Кубанской армии только кубанскому войсковому атаману, и чтобы ни главнокомандующий, ни кто другой не имел права своею властью делать это производство. Иначе у нас опять будет путаница, опять неразбериха. Благодаря тому, что Кубанская армия не так велика, не так тяжело будет следить за производством. Исходя из этих соображений, я прошу выслушать редакцию, предлагаемую вашему вниманию: «Производство офицеров за боевые отличия принадлежит власти кубанского войскового атамана с надлежащего представления». Я делаю ударение на словах «с надлежащего представления». Мы, господа члены Рады, должны смотреть не только на то, что сейчас есть, но и на то, что вероятно может быть. Вы, господа, уже приняли 10 ноября положение, что мы будем стремиться к созданию единого фронта. Я это понимаю таким образом, что мы станем рядом, плечом к плечу, с Донской ар-

мией, т. е. что во время боев наши части могут быть переброшены на другой фронт и оказаться под властью командующего Донской армией. Казалось бы, что и в этом случае право производства за боевые отличия офицеров должно принадлежать все-таки кубанскому войсковому атаману с надлежащего представления. Эта редакция внесет ясность и определенность, к которой мы в настоящем и в ближайшем будущем стремимся и которая должна быть. Поэтому я поддерживаю эту статью и именно в такой редакции, которая предложена мною.

Председательствующий. — Слово принадлежит полковнику Феськову.

Член Рады Феськов. — Где будет статья 7-я — это безразлично, но если она будет принята, то должна быть принята в той редакции, как предлагает комиссия, и вот почему. Если мы скажем, что за боевые отличия будет производить в офицерский чин наш войсковой атаман, то этим мы вторгнемся в права главнокомандующего. Мы должны задать себе вопрос — имеем ли мы право это делать? Это одно. Второе — какое имеет практическое значение представлять наградные производства войсковому атаману, когда отличия совершаются за тысячи верст? Для того только, чтобы прочитать бумажку? Конечно, этим соблюдается известная формальность, но формальность эта и раньше соблюдалась. Командующий производил в чин, об этом объявлялось в приказе по армии, а затем все направлялось в центральное управление, где и подписывалось Николаем II-м. Этот порядок был совершенно правилен и имел ту цель, чтобы известие о награждении разошлось по всем войскам, где содержатся разные послужные списки, и могло быть в них занесено. Здесь также командующий будет производить в чины и посылать, для соблюдения формальностей, на подпись войсковому атаману. Поэтому я настаиваю, чтобы этот пункт был оставлен в редакции, предложенной комиссией.

Член Рады Гончаров. — Господа члены Рады! На том, чтобы ст. 7-я была в этом разделе, я настаиваю, так как эта статья относится к реорганизации армии и перестройке того, что у нас есть. Вместе с тем я полагаю, что она должна быть изложена в той редакции, как предлагал член Рады И. Макаренко. Что такое командный состав? Это лицо армии. Кто такой войсковой атаман? Это лицо ваше. И вот, чтобы сохранить армию в одинаковом лице с вами, я полагаю, что производство и назначение — а производство в большой степени связано с назначением — должно принадлежать власти войскового атамана, где бы наша армия ни находилась.

Председательствующий. — Голосую внесенное предложение об изъятии этой статьи. Кто за то, чтобы статью исключить? Кто за ее оставление? Большинством статья оставлена. Внесенная членом Рады Роговцом поправка им снимается. Остается предложение И. Макаренко: «Производство офицеров Кубанской армии за боевые отличия принадлежит власти войскового атамана с надлежащего представления». Кто согласен с этим предложением? Кто против? Принято.

Статья 8-я: «Приказ о старшинстве полковников должен быть пересмотрен с соблюдением интересов офицеров, произведенных за боевые отличия по военному цензу». Лиц, желающих говорить, нет. Прошу докладчика дать объяснение.

Член Рады Гончаров. — При уничтожении чина войскового старшины был отдан приказ, по которому бывшие войсковые старшины были переименованы в полковники.

Бывший войсковой старшина получает производство в полковники со дня производства его в войсковые старшины. Получилось такое положение: имеются, например, два офицера, один из них старший, другой младший. Первый служил на административной должности в управлении и на войне не был. Таким образом, права на производство ни за боевые отличия, ни по цензу, ни по выслуге не имеет. Младший был на войне. Был произведен за боевые отличия и старшинство получил со дня отличия на войне и стал старше своего товарища, который служил в управлении. При переименовании в полковники тот, который служил в управлении, становится старше своего боевого товарища. Эта ненормальность должна быть изменена: должно быть введено старшинство за боевые отличия и по выслуге боевого ценза, и это должно быть сохранено по приказу при переименовании. Таким образом, приказ переименования был сделан в интересах офицеров, служащих в управлениях.

Председательствующий. — Баллотирую статью 8-ю. Принята.

Статья 9: «В основу назначений на должности военных управлений и в военно-окружном суде должно быть положено: принадлежность к гражданам края, способность к занимаемой должности, опыт и знание, приобретенные в последнюю войну». Баллотирую. Принята.

Статья 10: «Раненые, способные занимать соответствующие должности, должны пользоваться назначениями вне очереди». Голосую. Принята.

Статья 11: «В соответствии с возможными изменениями числа чинов в Добровольческой армии чин прапорщика и подъесаула упразднить и восстановить чин войскового старшины».

Член Рады Белашев. — По редакции этой статьи выходит, как будто бы мы уравниваем чины с Добровольческой армией. Но дело в том, что мы составляем свою самостоятельную особую армию. Те чины, которые установлены по Добровольческой армии, могут, конечно, быть изменяемы, но одно это обстоятельство не должно нас заставлять равняться по Добровольческой армии. Я предлагаю от имени Таманского отдела редактировать таким образом: «чин прапорщика упразднить и восстановить чин войскового старшины», начало же статьи выбросить.

Член Рады Гончаров. — Согласно принятым уже нами статьям, Кубанская армия действительно приобретает другое лицо, чем предполагалось в комиссии, а поэтому я вполне присоединяюсь к предложению, сделанному представителем Таманского отдела.

Член Рады Золотаревский. — С первой поправкой я, безусловно, согласен, но мне кажется, что следует сделать хотя бы одно прибавление. Если примем во внимание, что вновь вводится чин войскового старшины, то получится большая какофония в нашем производстве.

Председательствующий Омельченко. — Прошу быть сдержанным и в таком высоком собрании таких выражений не употреблять.

Член Рады Золотаревский. — У нас сейчас получается такая история: если мы введем чин войскового старшины, то много офицеров, находящихся на фронте, будут переименованы в войсковые старшины, потому что они до сих пор не сумели написать и подсунуть производство в полковники, а находящиеся в тылу уже сделали это и носят

чин полковника. Таким образом, старые офицеры, согласно нашему постановлению, должны быть произведены в старшины, а их младшие товарищи будут полковниками. Чтобы выйти из этого положения и не обходить старых офицеров, следует в статье сделать добавление: «приказ Добровольческой армии № 415 считать для Кубанской армии неприемлемым».

Член Рады Бедаков. — Я хотел сказать то, что сказал полковник Золотаревский.

Член Рады Гатагогу. — Я хотел обратить ваше внимание на следующее обстоятельство, что в статье 11 в конце сказано: «восстановить чин войскового старшины». Предыдущего оратора особенно смущало это обстоятельство, но для меня тут нет ничего особенного. Я полагал, что все те, кто будет произведен в полковники, уже не будут переводиться в старшины, ибо закон не имеет обратной силы и ничего тут страшного нет.

Член Рады Гончаров. — Я вполне присоединяюсь к предыдущему оратору и предлагаю это дополнение отвергнуть, так как, действительно, напомню, что упразднение чина войскового старшины состоялось не по Добровольческой армии, а по приказу нашего войскового атамана, и наша Кубанская армия руководствовалась этим приказом.

Председательствующий. — Ставлю ст. 11 на голосование. *(Голос с места: «Будет ли восстановление чина войскового старшины иметь обратное значение?»)*

Член Рады Гончаров. — Здесь говорится о восстановлении чина: это не значит разжаловать тех, которые были переименованы. Можно ведь и те чины восстановить, которые были сто лет тому назад.

Член Рады Золотаревский — Я имею задать только один вопрос: чем виноваты те офицеры, которые находятся на фронте и которые с проведением этого приказа получат не чин полковника, уже давно ими выслуженный, а чин войскового старшины? Так вот я хочу задать вопрос: кто их удовлетворит?

Член Рады Гончаров. — Применение каждого постановления на практике вызывает недоразумения; но будем надеяться, что будущий войсковой атаман войдет в положение и обиженные офицеры получат то, что они заслужили.

Председательствующий. — Кто за то, чтобы первые две строки из ст. 11 выбросить? *(Баллотировка.)* Исключаются. Таким образом, статья получает такую формулировку: «Чины прапорщика и подъесаула в Кубанской армии упразднить и восстановить чин войскового старшины». Кто согласен? Кто против? Незначительное меньшинство. Принята. Далее следует дополнение к этой статье. Кто согласен, чтобы № 415 приказ Добровольческой армии, где говорится о соответствии чинов, не считать приемлемым для Кубанской армии? *(Голос с места: «Надо дать объяснение».)* Чтобы не затягивать времени, надо вовремя спрашивать, что непонятно. Я прошу относительно поправки дать разъяснение.

Член Рады полковник Золотаревский. — Приказ Добровольческой армии № 415 был издан для того, чтобы: сравнять гвардию с армией; а так как в гвардии не было чина подполковника и для того, чтобы сравнять офицера Добровольческой армии, который был в гвардии, и армейского офицера, был уничтожен чин подполковника, и все подполковники и все капитаны, которые должны были быть произведены в

подполковники, сразу попали в полковники. Таким образом, я говорю, что наш приказ, если он будет введен…

Председательствующий. — Вы не по существу говорите. Я не имею права допустить разговора назад. Кто согласен упразднить приказ № 415? *(Шум.)* Внесено предложение, чтобы об этом приказе упомянуть в виде примечания в проекте о Кубанской армии. *(Полковник Золотаревский с места: «Я снимаю это предложение».)* Объявляю перерыв на 10 минут.

После перерыва.

Председательствующий. — Заседание продолжается. Я получил заявление, относящееся к военному законодательству, от представителя секты меннонитов сел Великокняжеского и Александродар Баталпашинского отдела члена Рады Реймера. В этом заявлении указывается, что и ранее, согласно статье 179 устава о воинской повинности, меннониты, освобождаясь от ношения оружия, отбывали определенные сим уставом сроки обязательной службы в особых местных командах; что во время Европейской войны меннониты отбывали воинскую повинность в лазаретах, санитарных поездах, летучках, питательных пунктах и пр., и что ввиду изложенного надлежало бы предоставить меннонитам и в будущем подобную нестроевую службу.

Член Рады Гончаров. — К сожалению, никто из членов военно-морской комиссии не напомнил нам о существовании этой секты. Безусловно, нужно дать им возможность служить на безоружных должностях, как они раньше служили, и принять это в виде примечания к последнему пункту раздела об организации армии, где говорится об отбывании воинской повинности врачами, ветеринарами и казаками-педагогами на безоружных должностях.

Председательствующий. — По поводу этого предложения есть желающие высказаться? *(«Ясно».)* Докладчик свидетельствует о факте недосмотра. Кто согласен с тем, чтобы дополнить ст. 9 проекта примечанием о том, что меннониты отбывают воинскую повинность в должностях, не сопряженных с ношением и употреблением оружия? Кто против? Принято.

Переходим к обсуждению раздела 5 законопроекта. Статья первая: «Открыть одно казачье-горское смешанное училище с отделениями: пехотным, кавалерийским, артиллерийским и инженерным». Желающие высказаться есть?

Член Рады Гатагогу. — В данном пункте сказано о «казачье-горском» училище. Я уже имел случай указать, что наименование «казачье-горское» должно быть заменено названием «Кубанско-краевое смешанное училище». Теперь я повторяю это предложение.

Председательствующий. — Поступило заявление о необходимости общих прений по данному разделу, которое, я должен указать, находится не в соответствии с принятым нами порядком обсуждения предыдущих разделов.

Член Рады Павлоградский. — Предложение это внесено мною по очень серьезным соображениям. Не секрет для вас, господа, что русская армия развалилась не только под влиянием агитации большевиков, но и по многим другим психологическим причинам — по очень существенным и важным причинам, на которые никогда не обращают внимания, когда обсуждают эти причины. Я лично нахожу, что офицерский

состав русской армии был недостаточно подготовлен к борьбе с различного рода политическими течениями, проникшими в армию. Затем, офицер русской армии стоял далеко от тех солдат, которыми он командовал, — это второе положение. И если мы, открывая военно-учебное заведение, не воспользуемся опытом прежнего, то мы можем оказаться в таком же положении, в каком оказалась и русская армия. Нам необходим командный состав, подготовленный не в школах, созданных Петром Великим, а в школах, созданных в настоящее время, с учетом всех обстоятельств и с учетом всего опыта прежних лет. Поэтому я полагал, что, так как здесь говорится о том, что школы офицерские должны быть изменены несколько, то открыть общие прения по поводу того, как они должны быть изменены. А после этого, высказавшись принципиально за открытие учебных заведений, поручить Законодательной Раде разработать законопроект. В противном случае мы создадим старые школы, откуда выйдут опять офицеры-«панычи», которые в армии так далеко стояли от солдат, а таким командный состав не должен быть. Кроме того, здесь нужно затронуть вопрос и об унтер-офицерском составе. Если вы обратитесь к западноевропейской армии, то вы увидите, что там колоссальную роль играет унтер-офицерский состав в смысле подготовки и воспитания рядовых бойцов. И так как здесь в статьях о военном училище не сказано, на каких основаниях и как оно откроется, то необходимо обсудить сначала эти вопросы, а затем перейти к постатейному чтению.

Член Рады Гончаров. — Господа члены Рады! Я полагаю, что те основания, которые приводил предыдущий оратор в пользу открытия прений, недостаточно вески, поскольку в этом отделе говорится о принципах, на которых должно строиться наше будущее училище. А остальное — это дело Законодательной Рады, которая внесет свой законопроект. Я думаю, следует обсудить относящиеся к разделу 5 вопросы прямо в постатейном чтении, не открывая общих прений.

Председательствующий. — Кто согласен, чтобы общих прений по пятому разделу не было? Кто за общие прения? Таковых мало. Переходим к постатейному чтению. Слово принадлежит члену Рады Коробьину.

Член Рады Коробьин. — Господа члены Рады! Я буду говорить не против статьи, а против всего раздела 5. Господа, то, что сейчас происходит, напоминает мне блаженные времена бюрократизма: сейчас дело дошло до того, что учредительное собрание Кубанского края — Чрезвычайная Рада — занимается такими вопросами, как открытие военных учебных заведений. Мы еще, может быть, будем говорить об открытии прачечных при этом учебном заведении…

Председательствующий. — Покорнейше прошу вас делать надлежащие сравнения, более уместные в данном собрании.

Член Рады Коробьин. — Председательствующий говорит, что я сделал неуместное для данного собрания сравнение, а я все-таки думаю, что это сравнение подходящее, и приведу пример из жизни Государственной Думы. Для того чтобы затормозить деятельность Государственной Думы, царское правительство внесло в Государственную Думу первого созыва законопроект об открытии прачечной при одном из университетов. У правительства были свои цели затормозить деятельность Государственной Думы, забить ее подобной вермишелью. Я думаю, что здесь никто не имеет такой

цели, ибо мы являемся хозяевами своей деятельности, тем не менее считаю, что вопрос об открытии военного училища — это вопрос военного ведомства: как оно найдет нужным, в такой мере и проведет. Кроме того, этот вопрос не следует обсуждать уже в силу таких обстоятельств: здесь в одной из статей говорится о том, что военное училище должно быть открыто не позже 1 января 1919 года. Вы не забывайте, что 19-й год — через какие-нибудь полмесяца, вот и извольте к этому сроку открыть военное училище, найти профессоров, да еще при условии, чтобы это были казаки и горцы. Где вы найдете к 1 января профессорский состав для военного учебного заведения, притом с отделениями; пехотным, кавалерийским, артиллерийским и инженерным? Это невозможно вообще, и вы ставите совершенно неразрешимую задачу для военного ведомства. И в силу тех соображений, что это не дело краевой Рады, а дело, во-первых, военного ведомства, а во-вторых — в бюджетном отношении, — дело Законодательной Рады, я предлагаю раздел 5 не рассматривать, а весь полностью исключить.

Член Рады Макаренко. — Иногда бывает так, что предложения с первого раза кажутся действительно верными во всех отношениях, особенно когда ораторы придумают удачное сравнение, вроде вопроса о прачечных, которое, я бы сказал, к данному случаю не имеет никакого отношения. Я вам на это скажу следующее: мы формируем армию, и для учреждения, которое поставило вопрос о формировании своей армии, для такого учреждения возникает вопрос о том, чтобы эта армия имела надлежащим образом подготовленный командный состав. Это чрезвычайно серьезный вопрос, чрезвычайно серьезный тем паче — я говорю с точки зрения тактической, — что вопрос об открытии военного училища давно стучится в двери, давно требует своего разрешения. И, насколько известно, исполнительная власть именно ожидала от краевой Рады принципиального разрешения вопроса — открывать это учебное заведение или нет. Если мы принципиально постановим, что военное училище нужно открыть, то этим мы закончим вопрос об армии и, с другой стороны, положим основание подготовления кадров командного состава. А посему я совершенно не согласен с предложением члена Рады Коробьина и настаиваю, чтобы Рада сделала принципиальное постановление о том, чтобы училище было. Однако та точка зрения, что Кубанская краевая Рада не должна входить в детали этого вопроса, — совершенно верна. Мы должны заложить фундамент, а постройка, стройка, отделка, штукатурка — это не дело краевой Рады, это дело исполнительной власти и нашей Законодательной Рады.

Исходя из этого соображения, я вношу предложение следующего содержания: в разделе 5 принять только одну статью, но не в том виде, как она здесь изложена, а так, чтобы действительно фундамент был подведен под весь раздел 5. Раздел 5 состоит из двух частей. И по существу для меня важно одно, что здесь требуется открыть военное училище, а также учредить офицерские курсы при этом училище. Вот два коренных вопроса, которые имеет в виду раздел 5. Это мы должны сказать в статье I, которую я и предлагаю изложить в следующей редакции: «Открыть краевое военное училище с отделениями: пехотным, артиллерийским, кавалерийским и инженерным, и с офицерскими при нем курсами». Я подразумеваю под этим не казачье-горское, а краевое военное училище — это для всех ясно и понятно. Вот и все, а как будет происходить прием в это училище, на какой срок и по прохождении какого стажа — все

это, действительно, детали — детали, конечно, для нас, но для исполнительной власти и для Законодательной Рады — серьезные вопросы. Вот всеми этими соображениями я и руководствуюсь.

Председательствующий. — Я просил бы говорить по существу — о том, необходимо ли оставить раздел 5 или вы его находите излишним. Прошу этого не смешивать. Было внесено предложение, должен ли быть раздел 5, и я думаю, что центр тяжести падает именно в этой плоскости. В вашем же изложении смешивается понятие о необходимости раздела и о необходимости статьи в известной редакции. Прошу отвечать члену Рады Коробьину.

Член Рады Макаренко. — Здесь было высказано мнение, что 5-й раздел излишен, и я считаю необходимым высказаться...

Председательствующий. — Раз прения отклоняются в сторону, то я должен указать, куда падает центр тяжести. Я как этого оратора, так и последующих прошу центр тяжести сделать именно на этом и говорить, нужен ли 5 раздел, а не говорить о первой статье в такой формулировке, как предлагает член Рады Макаренко.

Член Рады Макаренко. — Покорнейше прошу господина председателя делать более удачные указания, так как я действительно возражаю члену Рады Коробьину — я все время возражал ему. Значит, вы не в курсе дела. Нам с г. Коробьиным, конечно, согласиться нельзя, ибо неразумно начинать создавать армию, не закончив фундамента — ее устоев, ибо командный состав армии — это есть один из краеугольных камней ее бытия. Посему я полностью возражаю Юрию Александровичу. Однако в то же самое время соглашаюсь с тем, что действительно краевая Рада не должна заниматься детальными вопросами. А посему, защищая существование положений раздела 5, я только свожу их к одной статье. Статью I я уже прочел, но еще раз прочту для ясности, для того чтобы не произошло путаницы в прениях: «Открыть краевое военное училище с отделами: пехотным, артиллерийским, кавалерийским и инженерным, и с офицерскими при нем курсами». Так как действительно офицерские курсы, особенно в наше время, когда многие офицеры не окончили полного курса военного училища, являются чрезвычайно необходимыми, в силу этого я и прибавляю вопрос об офицерских курсах. Таким образом, мое заявление сводится всецело к возражению Ю. А. Коробьину.

Председательствующий. — Членом Рады Коробьиным внесено предложение об исключении 5-го раздела как совершенно излишнего. *(Член Рады Коробьин с места: «Я свое предложение снимаю».)* Затем имеется еще предложение члена Рады Макаренко о том, чтобы свести весь 5-й раздел в одну статью, именно к положению об открытии краевого военного училища. Сейчас я получил заявление, в котором сказывается патриотизм и в котором просят это училище назвать Корниловским военным училищем. Если будет принят вопрос в постановке члена Рады Макаренко, тогда мы должны будем обсудить вопрос, назвать ли училище именем Корнилова.

Член рады Павлоградский. — Вполне поддерживая предложение И. Л. Макаренко, а равно заявление о том, чтобы училище назвать Корниловским, я считаю все-таки своим долгом сказать, что я не согласен, чтобы разработку и утверждение положения о военном училище поручить Законодательной Раде, потому что тогда военное

училище будет действовать на старом положении. Возьмут просто-напросто устав, положение о военных училищах и на этом основании выстроят его, а такое нам училище не нужно.

Председательствующий. — Я вас прошу говорить на тему о необходимости свести весь раздел в одну статью. Вот в этой плоскости я и прошу г. оратора вести дебаты.

Член Рады Павлоградский. — Мне кажется, раз мы начали обсуждать вопрос об организации армии, то мы должны обязательно говорить и об офицерском составе, ибо без командного состава не может быть армии, а командный состав может быть обучен только в военном училище. Вопрос об армии принят, значит, и вопрос об училище тоже должен быть обсужден. Я хотел только возразить г. Макаренко по поводу той части его речи, где он сказал, что, разрешая вопрос о военном училище, нужно обосновать, утвердить существование при нем курсов для подготовления офицеров, иначе говоря, офицерских курсов. Я должен сказать, что комиссия совершенно не имела этого в виду, а разумела совершенно другое — именно открытие военного училища для подготовки офицеров и урядников; курсы же офицерские — это временное установление. Может случиться, что в этом году они будут, а в следующем нет. А вам известно, что в основных законах говорят только то, что устанавливается навсегда или, по крайней мере, на долгое время, а не на один год. Я думаю, что это обоснование не должно вводиться в проектируемый взамен раздела пятого пункт, где должно быть сказано, что мы под кубанским военным училищем подразумеваем. А мы подразумеваем как подготовку офицеров, так еще и то, что у нас не практиковалось в России совершенно. У нас учебные команды были при частях, но не при училищах, и мы при обсуждении этого вопроса в комиссии нашли, что самое лучшее — подготовлять урядников не в частях, а при училище, где и создать отдельную учебную команду. Здесь будут урядники видеть все то, что им нужно, и будут иметь под рукой материал тот, который им необходим и который не всегда возможно найти в частях. Мы нуждаемся в подготовленных офицерах и урядниках, поэтому при каждом отделении училища и должна быть учебная команда, например, кавалерийская, пластунская, артиллерийская и т. д. При училище подготовляются урядники и уже в части выпускаются готовыми, обученными. Вот этот пункт и был положен в основание комиссией. Поэтому этот раздел должен быть в редакции, предложенной комиссией.

Член Рады Макаренко. — Я не знаю, господа, или я не умею читать, или здесь так и есть на самом деле. Сейчас заявлено, что курсы временные, а в предложенном нам законопроекте есть статья: «При военном училище должны быть учреждены офицерские курсы для пополнения знаний» и т. д. Я вас спрашиваю и вместе с вами — членов комиссии: тут говорится о временных курсах или о постоянных? *(Голоса: «О временных».)* Значит, член Рады Павлоградский возражал не мне, а кому-то другому, почему это не мое с вами дело. Мы читаем то, что нам предложено, это во-первых, а во-вторых, хотя бы курсы были даже и временными, но ведь они признаются комиссией, и комиссии об этом нужно сказать. Это ясно как божий день, и возражения члена комиссии Павлоградского сводятся к нулю. Однако у членов комиссии есть одно существенное указание насчет учебной команды. Это моя ошибка, что я не доложил вам об этом примечании. Я всецело за то, чтобы это примечание было сохранено, тогда полу-

чится полная физиономия этого учебного заведения. А для нас, для краевой Рады, эта физиономия вполне понятна и ясна. Что касается деталей, например, вопроса о сроке прохождения курсов, то я скажу, что это не дело краевой Рады. Приведу вам пример: я имел честь окончить курс Николаевского кавалерийского училища и знаю, что 20 лет подряд спорили о том, годичный, двухгодичный или трехгодичный курс должен быть в нем. Это училище существует более ста лет, а вопрос, во сколько лет нужно проходить курс кавалерийского училища, так и не решен. Это вопрос специальный, и потому это не вопрос краевой Рады. Этот вопрос специалисты вместе с Законодательной Радой, принимая во внимание теперешнюю обстановку, обсудят и вырешат. Иначе мы решим, что нужен двухгодичный курс, а затем окажется, что это совершенно лишнее. В особенности теперь может создаться такое положение, что нужен будет не годичный срок, а полугодичный; что же казенные деньги тратить лишние полгода? Или, наоборот, может оказаться, что необходим будет трехгодичный курс, а мы не в состоянии будем изменить это решение без ведома краевой Рады. Я думаю, что мы не должны сковывать этот вопрос в такие узкие рамки, подобно прокрустову ложу. Поэтому я полагаю заменить раздел пятый проектируемою мною статьею с сохранением относящегося к ней примечания; все же остальные вопросы отнести к ведению и компетенции войскового атамана, правительства и Законодательной Рады.

Член Рады Соляник. — Господа члены Рады! Здесь было внесено предложение о наименовании этого училища Корниловским, но у нас уже есть полк имени Корнилова и, кажется, должен быть открыт музей его имени. Поэтому я вношу предложение, чтобы это училище было наименовано именем павших героев за освобождение Кубани.

Член Рады Гончаров. — Господа члены Рады! Я все-таки считаю, что мы здесь должны разобраться и правильно разрешить этот вопрос. Дело в том, что разрешить вопрос об объединении всех статей, не рассматривая их в отдельности, — не так просто. Здесь есть статья, которая говорит о том, что офицеры, прежде чем поступить в военное училище, должны пробыть год службы в строевой части, для того чтобы ближе подойти к жизни солдата. Это начало, которого раньше не было в положениях о военных училищах, нужно принять краевой Раде. Говорят еще о том, что вопрос об установлении срока прохождение курса вне компетенции краевой Рады; а я должен сказать, что курс обучения в военном учебном заведении должен быть теперь же установлен, и странно было бы, если бы мы его не приняли. Что касается того, должно ли училище называться казачье-горским или кубанским краевым, в этот спор комиссия не входит, это вопрос хозяйский. Относительно срока открытия училища, профессорского состава и т. д. я должен сказать, что комиссия все это предусматривала. Есть и профессора, есть даже и учащиеся для будущего военного училища, подыскано и помещение. И я полагаю, что те замечания, которые делались, направлены, безусловно, не по адресу.

Председательствующий. — Итак, господа члены Рады, ставлю на голосование статью первую в редакции, предложенной членом Рады Макаренко, которою имеется в виду заменить все остальные статьи раздела 5: «Открыть кубанское военное училище с отделениями: пехотным, кавалерийским, артиллерийским и инженерным, и с офицерскими при нем курсами». *(Баллотировка.)* Большинством голосов предложение Макаренко принято. Затем голосую примечание: «при каждом отделении училища

открыть учебные команды для урядников». *(Баллотировка.)* Большинством голосов принимается. Что касается наименования училища, то сейчас поступило предложение: передать этот вопрос в особую комиссию, которая представит свои соображения на основании исторических данных. Сверх того ранее внесены три предложения: первое — наименовать это училище именем генерала Корнилова, второе — назвать его именем павших героев и третье предложение — просто Кубанским военным училищем.

Член Рады Гатагогу. — Господа члены Рады! Мне кажется, что мы скоро дойдем до того, что каждое учебное заведение и все полковые единицы Кубанского края будем называть в честь какого-нибудь героя. Оставим же место для будущих героев и назовем его просто краевым училищем.

Председательствующий. — Ставлю на голосование прежде всего предложение назвать военное училище Кубанским, затем предложение присвоить ему имя генерала Корнилова и, наконец, предложение назвать его именем павших героев. *(Баллотировка.)* Принимается большинством голосов первое предложение. Слово предоставляется члену Рады Коробьину — к порядку голосования.

Член Рады Коробьин. — Господа члены Рады! Предложение мое и Макаренко сводилось к тому, чтобы принят был первый пункт, а все остальные были исключены. И я думаю, что председатель должен поставить на голосование, исключаются ли эти статьи или нет. Далее у нас идет речь относительно предложения, внесенного Павлоградским, а далее мы увидим, чем нам заниматься.

Председательствующий. — Покорнейше прошу вас вслушаться в предложение господина Павлоградского; дело в том, что член Рады Павлоградский боится, чтобы это военное училище не было построено на традиционных началах, и в силу этого он вносит предложение такого содержания: «Положение о прохождении службы лицами переменного состава поручить разработать Законодательной Раде». Слово предоставляется члену Рады Гатагогу по мотивам голосования.

Член Рады Гатагогу. — Господа члены Рады! Предыдущие ораторы здесь говорили, что вопрос о том, какая постановка дела будет в училище, предоставляется на рассмотрение Законодательной Рады, войскового атамана и краевого правительства. Это ясно и понятно. Если же существует какая-либо боязнь, что дело постановки преподавания в этой школе будет построено на старых началах, то надлежит сделать соответствующее указание не в виде примечания, а в виде особого пожелания. Таким образом, я предлагаю это предложение принять в виде пожелания, но не в виде примечания.

Член Рады Коробьин. — Господа члены Рады! Я чувствую, что я уже надоел и вам, и председателю, но тут произошла такая путаница, которую нужно ликвидировать. Внесенное членом Рады Павлоградским предложение объясняется недоразумением. Ведь все вопросы, касающиеся организации училища, будет обсуждать Законодательная Рада; зачем же тогда вносить специальное пожелание?

Председательствующий. — Ставлю на голосование предложение Павлоградского. Кто согласен с ним? Кто против? Большинством голосов предложение Павлоградского отвергнуто. Что касается предложения Макаренко, то он ясно доказал, что с принятием его формулировки все остальные статьи являются лишними. Слово по этому вопросу предоставляется докладчику.

Член Рады Гончаров. — Господа члены Рады! Ввиду того что вами принята редакция члена Рады Макаренко и следующие статьи не будут обсуждаться, я хотел бы только обратить ваше внимание на примечание в конце седьмого пункта, которое ни в коем случае отбросить нельзя. Здесь говорится о возможности соглашения с Доном по вопросам организации военного образования. Так как содержать отдельно артиллерийское военное училище очень трудно, а вместе с тем желательно было бы, чтобы курс его проходился детально, то по этому поводу с Доном уже ведутся переговоры, чтобы открыть на Дону одно казачье артиллерийское училище, а у нас инженерное. Если состоится соглашение, то на Кубани будет инженерное училище, а на Дону артиллерийское. Тогда получится у нас два училища — одно кавалерийское и пехотное вместе, а другое инженерное. На Дону будет проходиться детально курс артиллерийских наук, а здесь инженерное дело. Затем, в настоящее время у нас находится два военных эвакуированных училища. Эти училища принимали деятельное участие в борьбе с большевиками, и мы обязаны поддержать их, дать им денежное вспомоществование, чтобы память о них не пропала, чтобы дать им возможность существовать, пока они перейдут на свои места. Желательно поэтому, чтобы краевая Рада дала принципиальное указание, что она не имеет ничего против того, чтобы снабдить их необходимой ссудой за общегосударственный счет. Прошу обсудить мои предложения и внести их в виде примечаний к первому пункту.

Председательствующий. — Господа члены Рады! Докладчик по существу не возражает против исключения пятого, шестого и седьмого пунктов и просит краевую Раду остановить внимание на примечаниях к седьмой статье. Кто согласен, чтобы статьи вторая, третья, четвертая, пятая, шестая и седьмая были исключены из раздела пятого? Кто против? Большинством голосов вышеуказанные статьи исключаются. Что касается примечаний к статье седьмой, то докладчик высказывается за их сохранение. Желающих говорить нет? Сначала голосую первое примечание: «В случае возможности соглашения с Доном о соединении специальных отделов училища инженерное отделение выделить в отдельное казачье училище, а обучение артиллеристов перенести на Дон». Большинством голосов первое примечание принято. Теперь голосую примечание второе: «Софийское и Константиновское пехотные училища до воссоздания центральной российской власти должны быть поддержаны краевым правительством в материальном отношении за общегосударственный счет». Большинством голосов принято второе примечание. Слово предоставляется для внеочередного заявления члену Рады И. Л. Макаренко.

Член Рады Макаренко. — Господа члены Рады! Я только сегодня впервые стал часто появляться на трибуне и обременяю своим появлением ваше внимание только потому, что вопрос сегодня обсуждался чрезвычайно серьезный по настоящему времени — вопрос военный. Но сейчас меня принудило одно еще более важное, с моей точки зрения, обстоятельство отнять у вас время и попросить вашего внимания вместе со мной... *(Шум, возгласы: «Погромче».)*

Председательствующий. — Право оратора — выражать свои мысли так, как он находит возможным. *(Обращаясь к оратору.)* Прошу вас говорить громче и более кратко.

Член Рады Макаренко. — Я, господа члены Рады, говорю о деле; я просил слово для внеочередного заявления, мне председатель его предоставил; если собрание против этого, я не буду пользоваться данным мне словом.

Председательствующий. — Вам слово предоставлено, вы можете им пользоваться.

Член Рады Макаренко. — У нас на очереди было постановлено обсуждать кандидатуры в войсковые атаманы. Но не это служит причиною для моего внеочередного заявления. Я заявляю, что я лично, как член Рады, как человек, работающий вместе с вами, почувствовал сегодня, что мне, как члену Рады, как представителю населения, нанесена грубая пощечина. Я считаю, что она нанесена и тем, кто со мной единомышленник, а я глубоко верю, что со мной единомышленник — вся краевая Рада. Меня понудило к этому выступлению то обстоятельство, что в вышедшем номере газеты «Слово Кубанца» напечатана статья под названием «Два политических течения». Мимо этого обстоятельства я не могу пройти и не обратить на него внимания. Я прочту из этой газеты только три фразы: этих фраз вполне достаточно, чтобы почувствовать все. «В Раде, — говорится здесь, — выплыл вопрос о двух ориентациях, о двух политических течениях. Одно из них — за единую великую Россию, другое — за самостийную Украину. Первое политическое течение опирается на союзников. С Англией, Францией, Америкой, Японией и Италией рука об руку должна идти возрожденная Россия. Другое течение немецко-большевистское». Тут есть разъяснение этого течения: «Сущность второй ориентации ясно авантюристская. Она замешана на большевистских дрожжах. Она — немецко-большевистская и имеет в виду прежде всего Германию». В третьей фразе говорится: «Вот что таит в себе так называемое самостийничество украинское, которого, со слов некоторых членов Рады, будто бы придерживается и председатель нашего правительства». Господа члены Рады, я скоро буду плакать перед вами от такого оскорбления. Разве мы с вами работаем не на пользу нашего родного края, разве мы с вами работаем на пользу Германии? Разве наши души не болят по поводу того, что судьба Кубанского края на волоске висит, что над нашей Кубанью висят грозные тучи? Разве наши дети и братья своими спинами и грудью не отражают этой тучи большевизма? Разве не любовь к нашему краю руководит нами? Где же эти два политических течения в Раде? Где оно есть — немецко-большевистское течение? У нас есть одно течение, спаянное любовью к краю, и мы, когда обсуждали, помните, наши одиннадцать тезисов, разве мы боролись там, разве мы не были единодушны? Кого же подразумевают здесь под немецко-большевистским течением, да еще присоединяют вдобавок туда нашего председателя правительства? *(Шум.)* Я, господа члены Рады, уже близок к концу. Я не могу, господа, оставаться спокойным, когда в нашем родном Екатеринодаре, у нас в столице, по адресу дорогого нам учреждения, нашего хозяина земли кубанской, нашей краевой Рады, по адресу нашего войска, нашего края — такой выпад, такая пощечина. Разве можно работать нормально, когда нам нанесено такое оскорбление? Эта статья написана по поводу выборов войскового атамана, и в ней указано, что одно течение идет за Филимоновым, другое — за Бычем. А разве Быч немецко-большевистской ориентации? За Быча стоят четыре больших отдела, и это пощечина больше чем половине краевой Рады. *(Крики: «Всей».)* Да хотя бы она была одному члену нанесена! Теперь читаю дальше — кто же это пишет?

Настоящая статья является передовой, и за нее несет ответственность редактор, а редактором газеты «Слово Кубанца» состоит Новосельцев, секретарь краевой Рады. Или мы — представители народа, или я не знаю, что мы есть? Газета называется «Слово Кубанца» — на завтрашний день, 4 декабря.

Член Рады Роговец. — Господа члены Рады! Если уж пошло на правду, то и я скажу, что когда читал эту статью, я не знал, к сожалению, что эта статья подписана членом Рады, но этот редактор, который допускает в этой статье такие слова, это последний человек, я даже не знаю, как его назвать. Одно могу сказать, что этот человек, когда находился в Новочеркасске, ездил к немцам и вел с ними переговоры, а теперь позволяет себе писать подобные вещи.

Член Рады Добриан. — Господа члены Рады! Эта газета «Слово Кубанца» называлась раньше и «Кубанью», и «Кубанцем». Когда она называлась «Кубанцем», ее закрыло правительство за такие же вещи. Теперь ее издает армавирский бывший казачий круг под казачьим флагом. Я сам, когда видел эту газету, то говорил: «Читайте, но знайте, что тут только вывешен казачий флаг. Если она пишет несправедливо, вы ее закройте, иначе под вашим флагом будут творить то, что хочется». Кто то — у кого идеи совсем не казачьи — будет писать в этой газете, прикрываясь казачьим флагом, и такими мерами, которые принимались раньше, невозможно будет оградить себя от повторения таких случаев. Мне кажется, что армавирский казачий круг не имеет права издавать своей газеты, которая настроена явно против нас. Если этот казачий круг действительно чисто казачий, то я думаю, что он может писать только то, что нам нравится. Но дело в том, что участниками этой газеты являются люди совершенно посторонние, которым безразличны интересы казачьи. И так как они прикрываются казачьим флагом, то я предлагаю воспретить этому учреждению издавать свою газету. Что касается самого редактора Новосельцева, о котором сказано здесь, что он ездил в Новочеркасск и разговаривал с немцами, а теперь нас называет большевиками, я предлагаю принять по отношению к нему самые строгие меры.

Член Рады Филимонов. — Я в печати уже касался газеты, которая теперь выходит под именем «Слово Кубанца», и высказывался самым категорическим образом против того, чтобы эта газета носила флаг кубанского казачества. Я находил, что эта газета может писать то, что она пишет, и может проводить то, что она думает, и может отстаивать те принципы, которые разделяются составом редакции «Кубанца», но писать от имени казачества то, что противоречит взглядам всего казачества, которые были определенно и ясно высказаны вами, говорить от имени казачества — она не может и не имеет права. В своей статье я также писал, что вопрос об упомянутом казачьем круге необходимо будет поднять на краевой Раде, так как совершенно недопустимо, чтобы казачество в лице краевой Рады предпринимало определенную реформу и проводило в жизнь определенную программу, а другая казачья организация Кубанского края была против этой программы. Я полагал, что такая деятельность газеты может повести к разделению среди самого казачества. Я находил, что газета эта, прикрываясь казачьим именем, проводила в народные массы такие принципы, которые в корне противоречат интересам казачества. И вот сейчас я, конечно, не могу разделить тех взглядов, которые здесь высказываются, чтобы газету эту закрыть, ибо я являюсь сторонником

свободы слова, самой широкой свободы, но я являюсь самым непримиримым противником того, чтобы газета для проведения своих целей пользовалась не принадлежащим ей флагом. В данном случае, если бы газета издавалась частными лицами, то мы могли бы реагировать и правительство обязано было бы реагировать на такое ее направление, а не Рада, потому что, если мы каждый раз будем заниматься обсуждением газетных статей, то, конечно, мы будем заниматься не принадлежащим нам делом. Это дело правительства, и оно обязано охранять порядок и достоинство краевой Рады. Но ввиду того что газета «Слово Кубанца» выходит под флагом Кубанского казачьего союза, то я полагаю, что мы должны высказаться по этому вопросу, и предлагаю высокому собранию вынести постановление, чтобы газета «Слово Кубанца» не носила тот флаг, под именем которого она выходит. Другими словами, запретить этой газете выходить под именем Кубанского казачьего союза.

Член Рады Коробьин. — Господа члены Рады! Факт, оглашенный Макаренко, конечно, возмутителен. Но я призываю к спокойному отношению к печати. У шести великих держав печать держится на свободе слова, и это ее привилегия. И стеснять ее нельзя. Правда, ее очень часто можно использовать с отрицательной стороны, и она может облить такой грязью, что потом всю жизнь не смоешь. И с этим надо бороться законными средствами. Здесь раздаются голоса, чтобы закрыть газету, но как же мы это можем сделать, когда сами проповедуем свободу слова? Я вижу здесь элемент криминала: здесь нанесено оскорбление самому высокому собранию — Чрезвычайной Раде, а во-вторых, здесь есть состав клеветы. И вот, я предлагаю вынести постановление о привлечении к уголовной ответственности редактора этой газеты. *(«Мало».)* Нет, это совсем не мало. Я говорю, что в результате судебного привлечения никто не бросит упрека Чрезвычайной Раде или правительству в произволе, никто не скажет, что они говорят о свободе слова, а сами эту свободу стесняют и выкидывают флаг произвола. Редактор будет сидеть в тюрьме, а в связи с этим его можно и исключить из казачества. То, что предлагает сотник Филимонов, вполне правильно: эта газета может называться как угодно, но не выходить от имени не существующей организации или от организации, которая приводит граждан Кубанского края в недоумение. Можно припугнуть, но закрывать газету не следует. Надо привлечь редакцию к судебной ответственности.

Член Рады (председатель) Рябовол. — Может быть, мы по этому поводу очень много говорим, но не говорить нельзя. Конечно, тут нанесено глубочайшее оскорбление всей Раде, и я с грустью смотрю на того члена Рады, который сейчас улыбался; вероятно, это казалось ему очень смешным. Но это совсем не смешно. Я констатирую факт, что нас хотят разъединить, хотят внести в нашу среду раскол. Я свидетельствую, что в нашей работе по принципиальным вопросам мы не расходились, даже по вопросу о федеративной республике, по земельному вопросу, и по военному вопросу, и по всем тем вопросам, которые обсуждались. Все они до единого были приняты громадным большинством против 17, например, воздержавшихся. На чем мы разошлись — это на кандидате в атаманы. Мы разошлись не на проведении в жизнь наших принципов, а на личностях. Очевидно, между нами в принципиальных вопросах раскола не было и нет, но есть люди, которые хотят во что бы то ни стало создать этот раскол. Надо обращать

на это внимание и противодействовать этому. Не должно быть среди казаков раскола; мы не имеем права раскалываться в то время, когда наши братья вместе, не раскалываясь, воюют. И тот, кто пишет такие статьи, тот враг не только Кубани, но и вообще всего народа. Я не имею слов, как назвать члена президиума Новосельцева, и не могу допустить мысли, как он мог сидеть на этом почетном месте, после того как он написал свое знаменитое интервью в «России», не выражающее мнение казачества. Это позор. Я против того, чтобы газета закрывалась, — это не дело краевой Рады. Я даже против того, чтобы «Слову Кубанца» не позволить выходить под прежним названием. На наше несчастье, есть такие организации, где сидят три с половиной казака, и она уже имеет право говорить от имени казачества как ей нравится и имеет право быть монархистом и чем угодно; она имеет право издавать газету и защищать свою точку зрения. Я никогда ничего не имел бы против, если бы мы, как высшее законодательное учреждение, подвергались деловой критике — если бы господин писатель говорил, что такой-то проект принять необходимо по таким-то соображениям. Ведь критика полезна. Если бы газета была даже очень левая или очень правая, но давала именно такой материал, то дай Бог, чтобы таких газет было побольше. Но когда занимаются глупостью в настоящий момент и когда хотят внести раскол в то время, когда мы спаяны, то это будет не проповедование своих взглядов, а это будет предательская работа. По этому самому я совершенно оставляю вопрос о закрытии газеты в стороне, так как это не наше дело. Мы будем проводить свою линию, и пусть нас называют и большевиками, и чем угодно. Это мнение меня с позиции не собьет: я не мальчик и могу возражать. Я вношу предложение как член Рады, а не как председатель, исключить Новосельцева из состава президиума, а также исключить из казачьего сословия. Когда в Киев была отправлена делегация привезти оружие, то этот самый господин под предлогом данного ему поручения беседовал с немцами, я же категорически отказался и с грустью ушел. Это можно доказать, и таких казаков нам не надо. *(«Передать суду», «Позор».)*

Член Рады Соколов. — Я буду очень краток. Я думаю, что каждый из вас в эти три дня обсуждения кандидатур в атаманы нравственно устал более, чем за все время работ. Я сам за себя говорю. Что касается написанного в газете, то это нелепость, это своего рода провокация, и мы не должны об этом умалчивать. Я уполномочен от своих казаков, от казаков нашей станицы, сказать вам о необходимости предоставить право войсковому правительству в случае, если будет какая-либо газета провоцировать против казачества, ее закрывать немедленно, чтобы номера этой газеты не распространялись. Раз там будет возмущение, раз она будет ссорить казаков между собою, то обязательно ее закрывать. Я поддерживаю мнение предыдущего оратора закрыть совсем эту газету, а также чтобы и газета «Россия» не выходила *(Аплодисменты.)*, чтобы не было нападок, чтобы не вносились раздоры в нашу семью и чтобы нас не ссорили. Господа члены Рады, у нас на очереди выборы атамана, а нас нервируют такими статьями. Это позор. Тех, которые пишут подобные статьи, следует исключать из казачьего сословия. Так и относительно Новосельцева: раз он действительно провокатор, то надо принять меры, чтобы газета «Слово Кубанца» не выходила, а то в станицах казаки будут думать, что здесь казаки действительно издают такие газеты, а также чтобы не выходила и провокационная газета «Россия», которая нас мутит.

Член правительства по внутренним делам Кулабухов. — Некоторые члены Рады, между прочим Коробьин, высказали мнение, что свобода печати не допускает закрытия газет, а я скажу, что в тот момент, когда на фронте льется родная кровь, тыл должен быть обеспечен, чтобы наши борцы знали, что здесь твердо и прочно стоят те, которые должны защищать их интересы и мысли; что та провокация, которая разлагает казачество, она вовремя пресекается, провокаторы наказываются и что стоящие у власти всячески борются с нарушением нормальной жизни. Я думаю, что если бы мы стали на тот путь, который советует Коробьин, т. е. нереагирование на выпады печати, то у нас давно был бы большевизм. Вы возьмите, например, те клеветнические статьи, которые читали в газете «Россия»; мы делали попытки у этой змеи вырвать зубы, но, к сожалению, у этой ядовитой змеи есть высокие родственники. Несмотря на это, когда мне стало известно, что краевая Рада высказалась против этой организации, когда я узнал, что голос народа высказывается за то, чтобы обратили внимание на эту змею, я вчера издал постановление о закрытии газет: «Утро Юга» — за напечатание статей «Политические хамелеоны», «Краснов и немцы» и «Суверенный Дом»; «Россия» — за напечатание статьи «В поисках наилучшей республики» и «Слово Кубанца» — за напечатание статьи «Два политических течения». Я не знаю, прав ли я или нет *(Голоса с места: «Прав».)*, но, во всяком случае, то доверие, которое лежит на мне со стороны народа, я должен поддержать во что бы то ни стало, и честь и достоинство края мы обязаны поддержать и защищать до последней капли крови. *(Аплодисменты.)* Я думаю, что так или иначе мы должны поступить и в отношении «Кубанца» или «Слова Кубанца». Долгом своим считаю заявить, что, к сожалению, эта газета издается от имени совета казачьего круга и самое энергичное и ответственное участие в издании этой газеты принимает инженер Маймулин, давая большие деньги, которые тратятся на эту газету и на бесплатное распространение ее в пределах Кубанского края. Для этого у меня есть достаточное доказательство в виде подлинного письма. *(Голоса: «Просим огласить».)* Я сейчас оглашать его не буду, а тогда, когда это потребуется, я оглашу. *(«Просим огласить сейчас».)* До тех пор пока будут существовать такие газеты, до тех пор пока власть будет бездействовать, — будьте уверены, у нас не будет спокойствия. И если здесь властью не будет обеспечено спокойствие, то дело может дойти до того, что придут сюда фронтовики, которые не умеют просить, а прямо говорят: «Дайте нам дорогу». Давайте лучше не доводить до этого. Я считаю своим священным долгом закрывать те газеты, которые вносят разложение в нашу среду. Я должен сказать, что я вынужден был закрыть газету «Утро Юга» за то, что она в высшей степени оскорбительно позволила себе отзываться о нашем старшем брате, родном нам Доне. Эта газета оскорбительно отзывалась о донском войсковом атамане, являющемся высшим представителем войска, лицом, избранным войсковым кругом. В то время когда мы протянули нашему родному брату Дону свою дружественную руку, когда наша делегация была на Дону, кому-то не нравилось это, кому-то понадобилось разъединить эту братскую руку. И вот в газете «Утро Юга» появилась провокационная статья, которая хотела в нашу среду, в нашу дружную семью пустить яд разложения. Но я скажу — это не удастся: власть для того и создана, чтобы эти печальные случайности не допускать. *(Аплодисменты.)*

Председательствующий. — Внесено предложение о прекращении прений. Лиц, согласных с этим предложением, прошу поднять руки. Кто против? Прения по внеочередному заявлению прекращаются. Предложения, которые внесены, следующие: по отношению к члену Рады Новосельцеву — об исключении из казачества, о предании суду и об исключении из членов президиума. Другие предложения по отношению к газете: закрыть газету, запретить газете выходить под флагом совета казачьего круга. Относительно редактора Новосельцева есть два предложения, совмещающиеся одно с другим: одно предложение — исключить его из членов президиума, другое — исключить из казачьего сословия. Естественно, что членом президиума может быть только казак, следовательно, первым я ставлю на голосование предложение об исключении Новосельцева из казачества.

Член Рады Д. Филимонов (с места). — Разрешите о порядке голосования. *(Шум.)*

Председательствующий. — По мотивам голосования оратор имеет право взять слово.

Член Рады Филимонов. — Господа члены Рады! Хотя с места раздаются голоса, что нужно принять предложение без прений, я полагаю, по совести, что такое серьезное предложение без прений принимать нельзя. И я... *(Шум, возгласы: «А оскорбление можно принимать?», «Долой».)*

Председательствующий. — Внимание, господа! Оратор говорит по мотивам голосования. *(Шум.)* Господа члены высокого собрания! Разрешите напомнить вам, что в таком высоком учреждении нельзя решать дела, руководствуясь только сердцем *(Шум.)*; нужно с холодным беспристрастием принимать те или другие решения. Прошу выслушать спокойно: мы унижаем достоинство высокого учреждения тем, что позволяем волноваться.

Член Рады Филимонов. — Я полагаю, что те члены Рады, которые волнуются, думают, что я являюсь защитником г. Новосельцева. Но если бы они внимательно слушали, то они убедились бы в том, что я отнюдь не являюсь таковым. Один из членов Рады, которого я вижу, но фамилии которого не помню, и который так возмущается сейчас, должен знать, что я боролся против «Кубанца» еще тогда, когда, быть может, этот член Рады не знал, что существует такая газета. Я полагаю, решать необдуманно такие вопросы — недопустимо для высокого собрания по следующим соображениям: у нас существует определенный порядок исключения из казачьего сословия, для этого необходимо иметь приговор станичного общества станицы, к которой принадлежит тот, кто подвергается исключению... *(Шум.)*

Председательствующий. — Внимание! Прошу соблюдать спокойствие. Вы поднятием рук можете опровергнуть возражение члена Рады Филимонова.

Член Рады Филимонов. — Я полагаю, что предложение об исключении г. Новосельцева из казачества краевой Радой должно быть отвергнуто, но краевая Рада вместо этого предложения может довести до сведения избравшей Новосельцева станицы о таком преступном по отношению к Раде факте, и уже дело станичного сбора возбудить вопрос об исключении Новосельцева из казачества, а соответствующей инстанции — утвердить это постановление. Что касается предложения второго —

об исключении Новосельцева из президиума, то я полагаю, что, так как президиум формировался отделами и утверждался Радой, то предложить Екатеринодарскому отделу, который делегировал сюда Новосельцева в состав президиума, обсудить этот вопрос и вынести решение по данному вопросу, дабы он, как наиболее заинтересованная сторона, высказал свое отношение. *(Шум.)*

Председательствующий. — Вы вносите совершенно новое предложение; покорнейше прошу говорить по мотивам голосования.

Член Рады Филимонов. — Вот те основания, которые побудили меня внести новые предложения и которые заставляют меня голосовать против внесенных предложений. *(Шум.)*

Председательствующий. — Минуту терпения и холодного спокойствия! Разрешите мне как председателю обратить внимание на то, что предложение г. Филимонова является выводом из тех предложений, которые ко мне поступили. Предложение довести до сведения станицы — это, конечно, есть вывод из тех решений, которые вы приняли. Но указание на то, что в решении вопроса об исключении из президиума решающую роль должно играть заключение отдела, не является убедительным. То, что выбирают в президиум отделы, это действительно факт, но это установлено ради удобства, это не юридическое право. Обыкновенно президиум выбирает краевая Рада как таковая. Член Рады Филимонов исходил из того факта, который существует на практике, но факт и право — две вещи разные. Порядок голосования будет таков: первым будет поставлено предложение исключить из казачества; вторым — о предании суду и третьим — довести до сведения станиц. Голосую предложение об исключении из казачьего сословия Новосельцева за ту провокационную деятельность, которая усмотрена в его проступке. Кто согласен с этим предложением? Кто против? Явное меньшинство. Кто воздержался? Явное меньшинство. *(Голоса с места: «Разрешите по мотивам голосования»; «Просим подсчитать».)* Повторяю голосование. Кто согласен с предложением об исключении Новосельцева из казачьего сословия, тех прошу поднять руки. Прошу подсчитать. Кто против этого предложения? Прошу подсчитать. Объявляю результаты голосования: 128 за исключение, 68 против, 87 воздержавшихся. Ввиду малой численности присутствующих членов Рады президиум находит результаты голосования неокончательными, и вопрос относительно принятия резолюции по поводу газеты остается открытым. Объявляю повестку работ на завтрашний день. Завтра заседание в Зимнем театре. Должно быть закончено обсуждение военного законопроекта, и завтра же должен рассматриваться вопрос о зачислении в казачество и исключении из него. *(Голос с места: «А выборы атамана?»)* Внимание! Вопрос о выборах атамана разрешите поставить отдельно. По поводу намеченной комиссии для разбора договора с Асмоловым Лабинский отдел внес внеочередное заявление о расширении прав этой комиссии, но так как кворума нет, то внеочередное заявление остается на завтра.

Заседание объявляю закрытым до завтрашнего дня.

Заседание закрыто в 10 час. 30 минут вечера.

Стенографический отчет 32-го заседания Чрезвычайной Рады Кубанского края 4-го декабря 1918 года.

Заседание открыто в 10 час. 55 мин. утра товарищем председателя Омельченко.

Председательствующий. — Заседание возобновляется. Господа члены Рады! На очереди — обсуждение военного законопроекта, поэтому заседание будет закрытым для публики. Раздел VI — военно-морское дело. «Признать необходимым управление морскими делами в настоящем его виде, но с тем, чтобы функции этого управления были бы точно разграничены с ведомством торговли и промышленности». Желающих прошу высказаться по этому пункту. *(Голос с места: «Без прений».)* Кто согласен с оглашенной формулировкой, тех прошу поднять руки. *(Голос: «Просим объяснить, что значит «в настоящем его виде»?»)*

Член Рады Гончаров. — Господа члены Рады! При изложении доклада комиссии я пояснил, что в распоряжении названного управления имеется: 10 моторных лодок, 4 броневых катера, два транспорта и 4 других судна. Численность команды равняется приблизительно 800 человек; содержание этого центрального управления стоит около 4000 руб. в месяц. Ведению управления подлежит морская пограничная стража, прибрежная разведка, наблюдение за рыболовством, за маяком. Вот в общих чертах сущность деятельности этого управления и то, что нужно подразумевать под словами «в настоящем его виде». Но так как функции этого управления тесно соприкасаются с ведомством торговли и промышленности, то, конечно, нужно, чтобы в законодательном порядке — Законодательной Радой — были разграничены пределы ведения и точно определены права и обязанности каждого из этих управлений.

Председательствующий. — Итак, я голосую эту статью. Кто согласен с предложенной комиссией формулировкой? Кто против? Подавляющим большинством статья принята.

Раздел VII — о комиссиях, состоящих в ведении члена правительства по военным делам. Ст. I: «Комиссию по выработке воинских уставов, как положившую в основу своих работ вполне соответствующие переживаемому времени принципы, вполне сохранить». Желающих прошу высказаться.

Член Рады Горбушин. — Я, господа, полагаю, что эту статью нужно совершенно отбросить. Здесь сказано: сохранить принципы, на которых основаны работы комиссии. Нам, вероятно, доложат об этих принципах. О принципах очень долго нужно спорить, и в виду того что прения могут чрезвычайно затянуться по принципам, которые положены в основание новых уставов, я предлагаю отбросить эту статью и передать в Законодательную Раду. Пусть Законодательная Рада выработает те или другие принципы.

Председательствующий. — Слово принадлежит представителю военно-морского ведомства, председателю комиссии по выработке воинских уставов.

Председатель комиссии полковник Дрейлинг. — Господа члены Рады! Понятно, о принципах можно очень много говорить, но я думаю, что в данном случае мне

придется говорить перед таким собранием, которое много знает в военном деле, ибо большинство из вас знакомы с военной службой. Поэтому, когда я буду говорить о некоторых принципиальных вопросах, затронутых в нашей комиссии, мне кажется, что можно будет ограничиться кратким изложением, потому что и краткое изложение будет достаточно понятно.

Те основные принципы, которые приняты при разработке уставов, поведут прежде всего к тому, что поднимется уважение к личности военнослужащего в армии. Комиссия строит устав на началах более гуманных. Вот второе положение. И, наконец, комиссия старается ввести в устав как можно больше правовых норм, стремясь к тому, чтобы произвол, который подчас царил в армии, по возможности сократить. Основные принципы, которые вошли в работы этой комиссии, следующие: справедливое обращение с подчиненным; гарантия его личности постольку, поскольку это возможно в армии; смягчение наказаний по их типам — чтобы наказания не носили ни уничижительного, ни мучительного характера; сохранение власти начальников; обязательность выполнения приказаний, отдаваемых по службе. Вот те положения, которые были взяты комиссией за основание. Кроме того, сама служба строится так, чтобы хорошая служба была бы выгодна, а нехорошая — невыгодна; в этих видах, между прочим, вводятся меры поощрения для тех, кто безупречно служит. Таким образом, люди, служащие безупречно, поощряются за свою службу. Нарушающие же долг службы, долг дисциплины наказываются или по приговору суда, или властью начальников. По отношению личности военнослужащего устанавливается целый ряд гарантий от возможного проявления произвола: во-первых, отменяется исключительное право военных начальников предавать военнослужащих суду; право это дается военно-прокурорскому надзору, который и будет привлекать к судебной ответственности; затем отменяется право исключать со службы, как это раньше практиковалось простым выбрасыванием со службы подчас преступных, а подчас и просто неугодных лиц. Вновь устанавливается иной порядок так называемого принудительного удаления. Бывают случаи, когда действительно тех или других лиц, непригодных и нежелательных в рядах армии, но не совершивших такого серьезного преступления, которое по суду влекло бы за собою исключение со службы, нужно, тем не менее, удалить. Для подобных случаев устанавливается порядок, по которому военачальник обязан произвести подробное расследование, дать сведения, по которым он считает вредным данное лицо, и представить по команде. Высший начальник назначает комиссию, в состав которой входят и лица равных должностей с удаляемым. Эта комиссия разбирает дело, принимает определенное решение, и это решение как обязательное проводится начальником в жизнь. В этом отношении гарантируется личность военного от произвола свыше.

Затем, в отдел о жалобах тоже введены существенные изменения, которые также ведут к гарантии личности военнослужащего. Если военнослужащий чувствует себя обиженным, оскорбленным или не получившим того, что ему полагалось получить, — он имеет право принести жалобу своему начальнику. Жалоба приносится непосредственно тому начальнику, который является старшим над начальником, на действия которого приносится жалоба. Я приведу пример, конкретный и определенный. Скажем, какой-нибудь казак или урядник приносит жалобу на командира сотни непо-

средственно командиру полка, офицер жалуется на командира своего полка командиру бригады. Всякая жалоба должна быть подписана. По получении жалоба в определенный срок должна быть рассмотрена, прежде всего принципиально, затем ей должен быть дан ход, должно быть указано, куда она должна быть направлена. И начальник, ее получивший, обязан уведомить лицо, подавшее жалобу, какие меры им приняты. Затем в двухнедельный срок начальник обязан дать окончательное решение — в положительном смысле или отрицательном, но окончательное. Если в этот срок никакого ответа не будет получено, то военнослужащий получает право жаловаться на отказ в правосудии. В прежнее время в этом случае можно было жаловаться через месячный срок следующему начальнику, и так до бесконечности. Теперь порядок изменен: обиженный жалуется непосредственно военно-прокурорскому надзору, и уже от военного прокурора идет дальнейшее направление дела. Вы видите, что и здесь гарантирована личность военнослужащего от возможного произвола, но в то же время не нарушено дело военной дисциплины, потому что преимущественное право разбираться в делах и решать вопросы предоставляется военному начальнику, но если он не выполняет почему-либо этой своей обязанности или покрывает зло, дело переходит к прокурорскому надзору.

Наконец, введено существенное изменение в отдел о судах чести.

Суд чести — это такой институт, который должен обеспечивать честь воинского звания от каких бы то ни было посягательств извне и от худого поведения самих воинских чинов — членов армии. Прежде существовал суд чести только для офицеров, теперь мы распространяем эти суды и в отношении урядников, так что будут суды чести и офицерские, и урядническиe, это — с одной стороны, а с другой стороны, мы расширяем пределы подсудности судов чести и в отношении высшего командного состава. Для начальников отдельных частей, для генералов и для высших начальствующих лиц особых судов чести не будет, но старший начальник будет иметь права и обязанности, соответствующие правам и обязанностям судов чести. Мы расширяем пределы подсудности судов чести и даем им большие рамки, мы изменяем и самый процесс в судах чести. В прежнее время офицеры, почему-либо угодные начальникам, могли делать очень много нехорошего, и в то же время они не были предаваемы судам чести, ибо право предания суду чести предоставлялось только начальникам частей. Ведь суд чести не таков, как коронный, который разбирается предварительно в деле, определяет состав преступления; по составу преступления применяет и определенную статью уголовного закона, и виновный идет под суд. Суд чести совсем иной — это суд совести. И так как часто в проступках, за которые преступник карается с точки зрения уголовных законов, нет ничего марающего мундир в понимании армии, то с этой точки зрения чрезвычайно важно изменить тот порядок положения суда, который существовал прежде. Теперь предоставляется самому суду право определять, следует ли то или другое лицо привлекать к судебной ответственности по суду чести. Таким образом, суд чести является как бы автономным. Но автономное учреждение внутри частей, казалось бы, могло наложить тень на дисциплину, и с этой точки зрения мы обязываем председателя суда чести доносить командиру полка о всех решениях, распоряжениях и постановлениях суда — кого именно он привлекает к ответственности.

Суд чести разбирает дело, как находит нужным. Если это касается офицера, то разбирает офицерский суд чести, если урядника — урядницкий. И после того приговор суда чести должен быть приведен в исполнение в отношении виновного. Если это оправдание или внушение, то это должно быть исполнено самим судом; если же приговор более тяжелый, т. е. такой, который может существенно нарушить права данного военнослужащего — лишать же прав, кроме суда, никто не уполномочен — и вызывает необходимость принятия определенных мер, то приговор направляется по команде, и приказом определенного военачальника виновный удаляется со службы или лишается звания урядника. В прежнее время бывало, что лицу, удаленному из одной части, через несколько времени удавалось попасть в другую часть; если он был удаляем и из этой части, он перебирался в третье место, и бывали случаи, когда вслед за такими странствующими офицерами сообщались сведения о том, что они люди низкой пробы — берегитесь! И ничто не гарантировало часть, что вступивший в ее ряды не будет марать мундир и дальше. С этой точки зрения комиссия решила применить в отношении лиц, удаляемых по суду чести, такие меры, какие применяются только по общеуголовным законам, а именно: лица, исключенные по суду чести, приравниваются к исключенным со службы без права ношения мундира; они имеют право вступать на военную службу только в качестве рядовых. Такая же мера принята и в отношении урядников, удаляемых со службы по суду чести. Если урядником не соблюдено военное достоинство, то в отношении его могут быть приняты судом чести меры или в виде внушения, или оправдания, или лишения звания урядника. Опять-таки, суд только указывает на необходимость принять меры, а затем эти меры проводятся особым распоряжением начальника, который имеет власть провести эту меру в жизнь. С другой стороны, этому начальнику не предоставляется возможности сохранить угодного ему человека, так как он обязан то постановление, которое будет сделано судом, действительно провести в жизнь. Наконец, возможно и такое положение, когда среди офицеров или урядников произойдут те или другие ссоры, произойдет оскорбление одного другим. Прежде по нашему уставу в таких случаях устанавливалось или примирение, или дуэль, т. е. поединок — решение вопроса оружием. Одни считали, что это суд Божий, другие на массе примеров доказывали, как часто невиновные страдали в этом случае, и весьма часто именно оскорбленные и невинные получали пулю.

Председательствующий. — Прошу по существу.

Председатель комиссии полковник Дрейлинг. — С этой точки зрения чрезвычайно важно нововведение, которое вносится в устав, в том смысле, что поединок отменяется среди офицеров, отныне поединок не существует по уставу. А если кто пожелает драться, то он может драться как всякий гражданин. В отношении офицеров не предположено особого порядка, какой был установлен в прежнее время.

Кроме этого разобранного «положения о судах чести» к уставу дисциплинарному приложено еще «положение о чрезвычайных военных судах». Дело в том, что в местах, объявленных на военном положении, находящихся в чрезвычайных условиях — во время военных действий или борьбы с революцией, как сейчас, — поднимается преступность такого рода, которая может специально вредить интересам войск. Назовем большевизм как явление преступное, которое специально вредит тому, чтобы уста-

новилась правильная, мирная жизнь. Это явление предусматривается определенными статьями законодательства. В больших войнах шпионаж — это тоже явление, которое особенно вредит армии. Такие явления, т. е. особые виды преступлений, должны быть предусматриваемы определенными, ясными и точными приказами, по которым устанавливается подсудность по этим именно преступным деяниям особым чрезвычайным судам вместо прежних военно-полевых судов. Высшему военному начальнику предоставляется право усиливать кару за некоторые преступления и в исключительных случаях применять также и телесные наказания, как такую меру, которая может скорее прекратить определенные преступления, преступления хулиганского типа. Вот особенность, которая введена в это положение о чрезвычайных военных судах. Прежде этот чрезвычайный суд был военно-полевой расправой, в котором не было сколько-нибудь действительных гарантий по отношению к личности подсудимого. Бывали случаи еще в недавнее время, когда, например, требовался подсудимый, но оказывалось, что его дело уже ликвидировано и что он уже убит, поэтому оставалось только составлять приговор подсудимому задним числом, т. е. приурочивая ко времени, когда он был жив. Это недавнее прошлое и обязывает нас ввести некоторые гарантии к обеспечению личности. Поэтому мы считаем необходимым, чтобы приговоры в тех случаях, когда они касаются серьезных праволишений, например, лишения всех прав или особых прав и преимуществ, утверждались бы только старшими начальниками, например, командиром корпуса и выше. В распоряжении командира корпуса всегда есть военный юрист: просматривая журнал заседания, он, во всяком случае, может остановить иной раз допущение роковой ошибки. Таким образом, в этом положении о чрезвычайных судах есть тоже стремление дать гарантию человеческой личности. И через весь устав проходит красной нитью эта гарантия личности как военнослужащего, так и вообще лиц, соприкасающихся с военной службой, и проведение в жизнь гуманных идей. Если этот устав увидит жизнь, то это будет большим культурным шагом вперед.

Председательствующий. — Желающих прошу высказаться.

Член Рады Харченко. — Господа члены Рады! Никто из нас не может сказать, что военный устав не нужен — безусловно, он нужен. Но, чтобы принимать устав, надо знать, что мы принимаем. Например, здесь было сказано: «властью начальников», но мы должны знать, кто признается начальником: каждый встретившийся офицер или тот, которому мы беспрекословно подчиняемся. *(Шум.)* А «так» — ни закона, ни устава мы не должны принимать, поэтому вопрос о комиссии по выработке уставов передать на рассмотрение в Законодательную Раду. *(Шум.)*

Член Рады Усачев. — Господа члены Рады! Эта самая комиссия по выработке уставов была создана при Законодательной Раде прошлого созыва, в этой комиссии участвовал и я; устав был выработан в новом духе, и я думаю, что бояться нечего тех начинаний, которые намечены комиссией. Мы строили жизнь так, как диктовала нам жизнь на местах. Поэтому я прошу эту комиссию сохранить, она очень много сделала.

Председательствующий. — Я думаю, что здесь нового абсолютно ничего нет. Но если принять предложение члена Рады Горбушина, то этот пункт нужно выбросить, а тогда и этой комиссии, которой поручено в спешном порядке выработать устав, тоже не будет. Между тем ясно, что действовать будет не устав комиссии — комиссия может

только выработать устав, а утверждать его будет, очевидно, Законодательная Рада или войсковой атаман. Я не знаю, как быть в этом случае. Лично я думаю, что комиссию по выработке уставов сохранить нам необходимо, иначе уставы не могут быть проведены в жизнь. *(Голоса: «Просим голосовать».)*

Член Рады Горбушин. — Мое предложение — исключить только первую статью, выкинуть ее, но я не говорил, что нужно упразднить комиссию. Здесь сказано, что мы якобы подтверждаем те принципы, которые положены в основание работ комиссии по выработке уставов. Мы этих принципов не знаем, и поэтому нужно эту статью выкинуть, а комиссию, безусловно, сохранить. *(Голоса: «Совершенно правильно».)*

Член Рады Гончаров. — Господа члены Рады! В начале своего доклада я говорил, что комиссий было много, мы их все рассматривали, и те, какие не представляли никаких сомнений о необходимости их работ, мы не внесли в доклад. Эта комиссия, если она и попала, то только потому, что в числе принципов упоминается и о телесных наказаниях. Вот об этом и желательно знать ваш голос — голос краевой Рады. Я предлагаю после слова «принципы» внести — «но без применения телесных наказаний».

Председательствующий. — Поправка Горбушина сводится к исключению слов: «как положившую в основу своих работ вполне соответствующие переживаемому времени принципы». Докладчик высказывается за сохранение всей этой статьи целиком с добавлением слов: «но без телесных наказаний». Кто согласен с поправкой члена Рады Горбушина, тех прошу поднять руки. Кто против? Подавляющим большинством эти слова выбрасываются. Поправка отпадает. Статья получает такую формулировку: «Комиссию по выработке воинских уставов сохранить».

Ст. 2: «Особую комиссию генерала Корсуна немедленно упразднить, дела, возбужденные этой комиссией, прекратить и все последствия, связанные с решениями этой комиссии, считать отмененными. *(Голоса: «Без прений», «Я хочу поправку внести».)*

Член Рады Усачев. — Я прошу обратить внимание на эту статью. Комиссии генерала Корсуна было поручено рассмотреть поступки всех офицеров, которые оставались в тылу и которые должны были дать ответ, чем они занимались и что делали, когда призывали в отряды, ибо некоторые не пошли не потому, что не могли, а потому что не хотели; просто махнули рукой и остались в тылу. Когда отряды вернулись, то они явились, и вот нужно было выяснить, кто из них чем занимался. Я полагаю, что эту комиссию нужно упразднить, но слова: «и все последствия, связанные с решениями этой комиссии, считать отмененными» — оставить, иначе, если мы комиссию отменим, то работа в пользу большевиков останется безнаказанною.

Член Рады Горбушин. — Господа, я настаиваю, чтобы эту всю статью полностью сохранить, но важно в конце сделать добавление: «за исключением лиц, против которых возбуждено судебное следствие». Много, очень много есть офицеров, которые преданы суду чести. И если мы этот вопрос вырешим таким путем, эти офицеры все равно будут преданы суду чести, и бояться ничего. Я сообщу вам о факте, который, собственно говоря, не знаю, как его назвать: одного из прапорщиков, жившего в нашем Лабинском отделе, который сидел в тюрьме, психически ненормального,

его все-таки предали суду чести. Я настаиваю, чтобы статью сохранить так, как она есть, вместе с добавлением: «за исключением лиц, против которых возбуждено судебное следствие».

Член Рады Слюсаренко. — Господа члены Рады! Относительно комиссии генерала Корсуна я могу сказать следующее: я находился на фронте в Добровольческой армии, когда был получен приказ о том, что все офицеры должны дать ответы на 14 пунктов, предложенных генералом Корсуном. Это породило нехорошее впечатление, потому что, когда мы собирались идти в бой, с нас требовали отчет, чем занимался и что делал, и в то же время нам приказано было идти в наступление. В этом же бою смертью храбрых пали два офицера, а после боя нам приказано было дать объяснения на все 14 пунктов. Мы все возмутились: может быть, нас сегодня не будет в живых, а с меня требуют какой-то отчет, за что — я сам не знаю. Это крайне возмущало нас. Прошло немного времени, и вот мы узнали, что те офицеры и вообще те лица, которые именно участвовали в большевизме и были их главковерхами, свободно ходят по улицам и не боятся следствия, а честных бойцов тянут к ответу. Это считалось ненормальным, а мы полагали так: на кого будет донесено, тех пусть тащат к следствию, но не всех 3800 офицеров, которые не участвовали в большевизме. Раздались голоса, чтобы упразднить эту комиссию, а кто виновен, того пусть привлекают к ответственности. Я лично знаю таких офицеров, которые участвовали в большевизме, и они до сих пор ходят на свободе, а комиссия Корсуна об этом не знает и на них ареста не распространяет, а те офицеры, которые умирают за те идеи, за которые борется казачество, состоят под судом и следствием.

Член Рады Гончаров. — Господа члены Рады! Через комиссию генерала Корсуна прошло 3800 офицеров, и это еще не все. Между тем решено в этой комиссии до настоящего времени, т. е. свыше чем за 4 месяца, не более 400 дел. Таким образом, если оставить эту комиссию, то ее работы будут долго еще продолжаться — до 3-х лет. Если принять те добавления, которые здесь предлагаются, то как же быть относительно тех, которые заявление подали, а решения еще не последовало? Я предлагаю принять редакцию в том виде, как ее предлагает комиссия.

Председательствующий. — Внесено добавление: «за исключением лиц, против которых возбуждено судебное следствие». Голосую. Большинством голосов добавление отвергается. Статья принимается в такой редакции: «Особую комиссию генерала Корсуна немедленно упразднить, дела, возбужденные этой комиссией, прекратить и все последствия, связанные с решениями этой комиссии, считать отмененными».

Ст. 3: «Привлечение к ответственности офицеров или казаков, принимавших так или иначе участие в большевизме, предоставить в отношении офицеров и казаков, находящихся в станицах, станичным сборам, а офицеров, находящихся в частях, — судам чести этих частей; для центральных же управлений края сформировать один выборный суд чести в Екатеринодаре». Голосую. Большинством голосов ст. 3 принята.

Ст. 4: «Существование аттестационной комиссии для суждения о способностях и других качествах лиц, предназначенных на высшие командные должности, безусловно, необходимо, и работы ее должны продолжаться и впредь. В состав этой комиссии должны входить и молодые штаб-офицеры». Голосую. Большинством голосов принята.

Ст. 5: «Отвергнув существование комиссии генерала Корсуна, дальнейшее существование учреждения суда чести под председательством генерал-майора Филимонова не является необходимостью, а потому этот суд должен быть отменен». Голосую. Ст. 5 принята.

Ст. 6: «Признавая необходимым возможно скорее урегулировать вопрос о пенсиях офицерам и казакам, а также их семьям, краевая Рада поручает Законодательной Раде разработать этот вопрос на принципах, принятых в пенсионной комиссии, т. е. чтобы в первую очередь были обеспечены все раненые и потерявшие здоровье и трудоспособность независимо от прослуженных лет; офицеры же и казаки при увольнении в отставку за 20 лет должны получать 50 % содержания и за 30 лет — 80 %». Голосую. Принята.

Теперь на очереди раздел 8-й. Поступили заявления о том, что этот раздел лишний и в рассматриваемом законопроекте неуместен. Прошу ораторов высказаться. Слово принадлежит члену Рады доктору Белому.

Член Рады С. Белый. — Господа члены Рады! Когда я читал этот раздел, я, признаться, был поражен, какими судьбами могло получиться, что здесь мимоходом трактуется такое огромное дело как коневодство. Если бы нам здесь предложили проект желательной организации коневодства — это дело, но создавать какой-то отдельный обрывок дела — я думаю, что не стоит тратить времени на это. Я предлагаю исключить раздел 8-й из законопроекта.

Член Рады Канарев. — Господа члены Рады! Здесь мы только поставили вопрос принципиально: нужно ли в Кубанском крае коневодство или нет. Но нам нужно подойти к практической стороне вопроса и решить, как организовать эту отрасль хозяйства и сделать так, чтобы она приносила как можно больше пользы в смысле коневодства военного и давала хороших лошадей для военных и домашних нужд. Специалистами по этому вопросу делались доклады, в каком положении находится в настоящее время коневодство, и из этих докладов было видно, что пользы от коневодства большой не было. Тратились большие деньги на производителей, но не достигали того, чего желали. Комиссия представляет на ваше усмотрение материалы, которые удалось ей раздобыть по этому вопросу. На основании полученных данных можно будет организовать коневодство так, как это делалось в других казачьих войсках, — насколько помню, в войске Уральском. Там все производители были сосредоточены в отделах, и время от времени были посылаемы в станицы, и затем, по миновании надобности, посылались обратно в отделы. Может быть, мы в общих чертах введем такую же систему и у нас на Кубани, а детали разработать — это уже не дело Рады; это дело тех учреждений, которые являются в этом вопросе компетентными.

Член Рады Василенко. — Господа члены Рады! Если такое коневодство у нас будет, как в настоящее время, то служить у нас казакам не на чем станет. Я был недавно командирован в плавни посмотреть, какое там коневодство. Я ездил с этой комиссией и видел, что под это коневодство занимается 22 тысячи десятин войсковой земли. Земля эта ходит по 5 коп. десятина, и на ней всего пока вырастили 3000 лошадей за семь лет. Если такое коневодство будет, то лучше никакого не надо, потому что земли оно занимает много, а выгоды для войска и пользы не дает никакой. Когда мне при-

шлось познакомиться с постановкой коневодства в Приморско-Ахтарском районе, то я заметил, что там лучшие куски земли занимаются под хлебопашество, а когда дело доходило до сдачи лошадей в комиссии, то там устраивают так, что все лошади оказываются негодными для войска, а разве только годными для кожи.

Председательствующий. — Вы критикуете прошлое коневодства, а у нас разговор идет о том, нужна ли реорганизация коневодства вообще или нет.

Член Рады Василенко. — Если только такое коневодство будет, как у нас было, и по истечении 1 января 1919 г. — срока договора — если мы опять оставим за собой эти земли, то у нас не на чем будет ездить.

Член Рады И. Белый. — Господа члены Рады! Я не протестовал бы против общих положений, против того, что развитие коневодства необходимо, но я протестую против той формы, в которой оно было выражено. Тут указываются конкретные меры; если вы примете их, то этим свяжете все власти и Законодательную Раду. Ведь для того чтобы сосредоточить производителей в отделах, нужно немедленно устроить огромные конюшни и т. д. Я предлагаю средину статьи от слов: «сосредоточить по отделам» до слов: «на краевые средства» — исключить и оставить такую редакцию: «Развитие коневодства в Кубанском крае весьма необходимо; подробную разработку этого вопроса поручить Законодательной Раде».

Член Рады Гончаров. — Господа члены Рады! Против предложенной сейчас поправки я не возражаю, но хочу добавить несколько слов о том, чтобы управление коневодством в крае было поручено ведомству по военным делам. Теперь идут споры о том, кому должно быть подчинено дело коневодства; я нахожу, что оно должно быть в ведении члена правительства по военным делам.

Председательствующий. — Господа члены Рады! Докладчик выдвинул совершенно новый вопрос; он не был намечен совершенно в докладе, и я предложение это не решаюсь поставить на ваше голосование. Итак, было выдвинуто предложение члена Рады С. Г. Белого об исключении раздела VIII из законопроекта. Голосую. Большинством голосов предложение отвергается — раздел VIII остается. Теперь поправка представителя Таманского отдела члена Рады И. А. Белого об исключении середины статьи от слов: «для этого сосредоточить» до слов: «за краевые средства». *(Баллотировка.)* Большинством голосов поправка принимается. Итак, формулировка раздела VIII такова: «Развитие коневодства в Кубанском крае весьма необходимо. Подробную разработку этого вопроса поручить Законодательной Раде». Принято. Слово предоставляется сотнику Д. А. Филимонову по поводу VII раздела в связи с принятым решением.

Член Рады Филимонов. — Господа члены Рады! Принятые статьи II-го раздела носят чисто временный характер, и я полагал бы, что этим статьям места не должно быть в том разделе, который трактует о реорганизации Кубанской армии. Полагаю, что эти статьи должны быть изданы в виде особых постановлений. Таким образом, предложение мое сводится к тому, чтобы II-й раздел изъять из законопроекта военного и издать входящие в него статьи в виде особых резолюций. Тогда наш закон о реорганизации и организации Кубанской армии будет иметь более цельный характер, нежели сейчас.

Председательствующий. — Предложение это имеет связь с тем, что вы уже приняли. Кто поддерживает предложение сотника Филимонова о том, чтобы II-й раздел был исключен из законопроекта и все его статьи были изданы особо в виде резолюций? Большинством голосов предложение принимается. Объявляю перерыв на 10 минут; после перерыва заседание будет открыто для публики.

После перерыва.

(Заседание продолжается под председательством Н. С. Рябовола.)

Председатель. — Слово предоставляется председателю отдельского совещания Екатеринодарского отдела, члену Рады Ткаченко.

Член Рады Ткаченко. — Господа члены Рады! Сегодня группа Екатеринодарского отдела, я подчеркиваю — группа, потому что кворума не состоялось, обсуждая вопрос, затронутый вчера вечером о члене Рады Новосельцеве, редакторе газеты «Слово Кубанца», находит, что те наказания, которые были выдвинуты вчера по отношению к члену Рады, редактору газеты «Слово Кубанца» Новосельцеву, по некоторым соображениям, чрезвычайно высоки, и группа членов Екатеринодарского отдела, обсуждая этот вопрос, пришла к следующему заключению: отозвать Новосельцева из президиума Рады, поручить краевому правительству привлечь его как редактора к законной ответственности и состоявшееся постановление, с приложением статьи, сообщить станице Раздольной. Заниматься же привлечением к ответственности вообще редакторов, казалось бы, не наше дело — на это есть правительство, которое обязано этим заниматься. Поэтому Екатеринодарский отдел и вносит такое предложение.

Председатель. — Нам предстоит перебаллотировать те предложения, которые внесены. Я начну баллотировку с предложения Екатеринодарского отдела. Екатеринодарский отдел предлагает: отозвать члена Рады Новосельцева из состава президиума краевой Рады. *(Сильный шум, голоса: «Голосуйте вчерашнее предложение».)* Я понимаю ваше волнение; я вчера так же волновался, как и вы, да и нельзя было не волноваться, узнав об этой гнусности, которая была допущена по отношению к членам Рады. Но вчера, благодаря тому, что всех нас взволновало это событие, мы не могли спокойно обсуждать этот вопрос. Сегодня же каждый из нас продумал этот вопрос, и вот я бы предложил вопрос об исключении из казачьего сословия снять — по следующим соображениям. Это есть все-таки политическая борьба, и если мы будем за это исключать, то о нас будут говорить, что в краевой Раде образовалось большинство, они делают что хотят и даже исключают из казачьего сословия. Мне кажется, что предложение Екатеринодарского отдела есть для уважающего себя общественного деятеля достаточно жестокое наказание. Я не знаю, как для кого, но если бы за то, что я сделал, меня исключили из президиума, мне было бы очень тяжело. Кроме того, вероятно, это станет достоянием станицы, которая его послала. Это наказание достаточно тяжелое. Я еще должен вам сказать, что если член Рады Новосельцев будет привлечен к судебной ответственности, то он будет посажен в тюрьму, это несомненно. Так что это также тяжелое наказание. Это дело суда — разбираться, прав он или виноват. Я голосую. Кто за то, чтобы член Рады Новосельцев был исключен из состава президиума? Таким образом, большинством голосов член Рады Новосельцев исключается из состава президиума Рады. Теперь кто за то, чтобы было поручено правительству

привлечь члена Рады Новосельцева к судебной ответственности? Дело в том, что правительство не может без нашего разрешения привлекать к ответственности члена Рады и члена президиума. Итак, я голосую это предложение. Большинством голосов предложение привлечь Новосельцева к ответственности принимается. Голосую третье предложение Екатеринодарского отдела: довести обо всем случившемся до сведения станицы, избравшей члена Рады Новосельцева. Большинством голосов предложение принято. Слово предоставляется члену Рады Филимонову.

Член Рады Филимонов. — Господа члены Рады! Приказ, который я вам огласил несколько дней тому назад, мною был просмотрен, сокращен и изменен, а в некоторых частях дополнен. Оглашу в той редакции, которая, по нашему мнению, должна быть принята Радой, потому что, должен предупредить, мы, члены президиума, продолжаем стоять на той точке зрения, что приказ должен носить общий характер и не касаться отдельных случаев произвола, которые наблюдаются на местах. Правительство, пользуясь этим приказом, должно будет издать приказ по каждому отдельному случаю. Приказ гласит следующее:

«Приказ представителям власти и населению Кубанского края от Кубанской Чрезвычайной краевой Рады.

Кровавые кошмары дикого разнузданного большевизма широкой волной пронеслись по полям и станицам благословенной Кубани. Пожар разрушения и бессмысленного взаимного уничтожения коснулся самых захолустных уголков нашего края. Много слез и горя принесла власть самозванцев и палачей свободы и прав казачества, много погибло невинных лучших людей. Тысячи матерей, вдов и сирот оплакивают погибших в борьбе за правду сынов вольной Кубани. Вопли, стоны и проклятия пострадавших от безграничного произвола большевиков оглашают станицы. Размаху насилия и жестокости большевиков не было границ. Жизнью человека мог распорядиться каждый большевик. Прикрываясь именем народа, большевики грабили народ. Те, кто, опьянев от обещаний большевиков, думал сделаться богатым и счастливым, остались нищими. Сожжены целые станицы, уничтожено и разграблено нажитое потом и кровью достояние тружеников-земледельцев. Поруганы и осквернены святыни народов Кубани. Поруганы, осквернены и разрушены святые храмы, поругано и осмеяно религиозное чувство. Неописуемая злоба и ненависть толкала насильников на совершение таких злодеяний, от которых содрогаются самые черствые, жестокие сердца. Такого безудержного произвола и насилий не знала история. В угаре большевизма подчас и благонамеренные люди творили безумные деяния. Не было границ унижениям и оскорблениям всех, кто не был с ними согласен. Но ни массовые расстрелы, ни жестокие казни, ни страшные пытки и издевательства не убили душу свободолюбивого, не привыкшего к рабскому существованию казачества. Наоборот, этот бесшабашный произвол возмутил всех и зажег священным гневом протеста и поднял на борьбу всех против тех, кто в своем ослеплении забыл Бога, потерял совесть и надеялся посредством убийств и штыка завоевать себе покойную и довольную жизнь и сделать рабами тех, кто никогда не знал рабства.

Надежды и чаяния их не оправдались. Иначе и быть не могло. Пролитая кровь не проходит даром: к небу взывает она, и небо вняло слезам и беспредельному горю

подавленного, униженного и разграбленного народа. Сбылись в точности слова писания: «Мне отмщение и Аз воздам». Дружным натиском кубанских полков и батальонов Добровольческой армии полчища большевиков изгнаны из пределов края. Но многие из них остались в станицах и селах, многие, раскаявшись, возвращаются по своим домам одиночным порядком и небольшими группами. Среди них есть казаки и иногородние. Чувством глубокого гнева проникнуты к большевикам сердца казаков, ибо слишком много горя и бед, слез и унижений принесли им большевики, и у каждого возникает вопрос: что с ними делать и как поступать с ними? Вопрос этот очень серьезный и сложный. Для разрешения его потребуется много времени. Но нам необходимо сейчас определить наши отношения к тем, кто остался с нами и кто возвращается к нам.

Нашей задачей является восстановление законной власти, уничтожение произвола и установление законности и порядка. Все, что противоречит этим требованиям, не должно иметь места в отношениях к большевикам, оставшимся или возвращающимся в станицы. Меры, принимаемые против них, должны быть основаны на законе. Казачество с глубокой скорбью вынуждено было встать на путь вооруженной борьбы ради восстановления попранных прав народа и борьбу эту будет продолжать до полной победы; но когда умолкает гром орудий, когда прекращается битва, когда побежденный сдается на волю победителя, все отношения должны быть основаны на праве и человечности. Всем властям и населению надлежит помнить, что приказом главнокомандующего Добровольческой армией обеспечивается жизнь всем тем, кто сложит оружие и оставит ряды большевиков. И, тем более, жизнь и неприкосновенность личности и жилища должны быть обеспечены им в тылу, когда они возвращаются в свои станицы и села. И здесь ни личные обиды и горести, ни утрата экономических благ, ни слезы близких нам людей не должны руководить нами, ибо тогда бы мы вступили на путь мести. Но нам, победителям, местью заниматься непригоже, ибо месть — средство борьбы слабых, бессильных людей. Все должны видеть, что мы несем с собою в станицы, села и города вместо хулиганства — порядок, вместо произвола и усмотрения — законность, вместо насилия — защиту всем в ней нуждающимся, вместо самосудов — стройный и равный для всех суд.

Большевики были беспощадно жестоки, в их руках были все средства управления: множество пушек, ружей, тысячи пулеметов, миллионы снарядов и патронов, сотни тысяч красноармейцев и полное отсутствие законности — над всем господствовал произвол и усмотрение. И не спасли их ни многотысячные армии, ни пушки, ни штыки, ни пулеметы, ни кровавые расправы. История также учит, что в гражданской войне побеждает тот, на чьей стороне симпатии. Жестокостью можно временно подавить, запугать, но нельзя управлять. Поэтому все действия кубанских властей и отдельных лиц не должны напоминать народу приемов большевистских властей и омрачать благородную задачу, выполняемую ныне Кубанским правительством. Все порожденные большевизмом вопросы должны разрешаться на законном основании. Личному усмотрению места быть не должно. Ныне от всех представителей власти требуется много мужества и решительных действий, чтобы не допускать проявлений какого бы то ни было произвола, насилия или, что всего хуже, личной расправы со своими врагами, так

как настоящий момент является очень соблазнительным для сведения личных счетов. Мы, кубанцы, не словами, а на деле должны доказать, что мы истинные демократы, друзья народа.

Кубанская Чрезвычайная Рада, ставя своей задачей борьбу с большевизмом и установление законности и порядка, повелевает всем представителям власти, от высших до низших, в своих действиях руководствоваться началами, изложенными в настоящем приказе. Всех виновных в самочинных действиях привлекать к судебной ответственности. Войсковому же атаману и краевому правительству Рада приказывает руководствоваться в своей деятельности духом настоящего приказа, привлекая к суровой ответственности всех нарушителей воли краевой Рады. Пусть же побежденные встретят в каждом победителе не мстительного врага, а уверенного в своей правде и силе великодушного победителя. Пусть каждый казак, горец и крестьянин проникнется мыслью, что порядок и спокойствие могут быть достигнуты тогда лишь, когда над всеми будет господствовать святая правда и закон».

Я не буду приводить тех мотивов, которые были мною приведены в прошлый раз.

Член Рады Коробьин. — Господа члены Рады! Все обращения к народу должны быть выражены всегда ясно, отчетливо, в сильных и коротких выражениях. Только при таких условиях они воздействуют на народные массы, особенно на малограмотных. Это же не обращение к народу, а какое-то апостольское чтение, в течение целого часа выслушиваемое. Это не обращение к народу, а брошюра. Это нам, людям, сидящим здесь, трудно слушать и читать, а как же будет читать малограмотный народ? И мы надеемся, что это обращение воздействует на кубанский народ? Нет, не воздействует и не произведет никакого впечатления, потому что никто до конца не прочитает. Я предлагаю, чтобы комиссия занялась переработкой этого проекта, чтобы он был составлен кратко, ясно и отчетливо. Мне говорят, что текст обращения уже переработан, а я считаю, что переработка эта никуда не годится. Если член президиума не в состоянии переработать это как следует, то нужно переизбрать других лиц, которые сделают это как следует.

Председатель. — Я прочту еще другую редакцию этого приказа, совершенно новую; может быть, окажется возможным ее скомбинировать с текстом воззвания Филимонова *(Читает.):*

«Кубанский край испил свою долю из чаши великих страданий нашей Родины. Вековое рабство, в котором держало самодержавие народные массы, дало возможность разрушительной волне анархии широко прокатиться из края в край Великой России.

Кровавый туман мировой битвы народов и братоубийственной гражданской войны только начинает рассеиваться. Забыты великие заветы Христа о любви и братстве. Попраны закон и справедливость. Пролита братская кровь. Еще пылают сердца злобой и жаждою мести.

Но сквозь этот кровавый туман уже засверкали лучи новой жизни народов — жизни свободной, разумной, мирной и светлой.

И в этот торжественный ответственный час, в час решения судеб всего мира, когда решается и судьба нашей великой многострадальной Родины и родного нам Ку-

банского края, Чрезвычайная краевая Рада, призванная свободной волей народа утвердить истинное народовластие, именем избравшего ее народа провозглашает:

Отныне на Кубани не должно быть произвола и насилия.

Все лица, подозреваемые или обвиняемые в каких-либо преступлениях, а также в большевизме, должны отвечать только по суду, должны быть ограждены от самосудов и произвола.

Равный для всех закон и справедливый законный суд — лучший залог закрепления нашей победы над насилием и произволом большевиков.

Путь мести и кровавой расправы отныне должен быть оставлен. Наш край и Родина зовут нас к дружной и мирной работе.

Главнокомандующий Добровольческой армии генерал Деникин обещал помилование всем тем из большевиков, которые добровольно сложат оружие. Подобает гуманное начало военачальника довести до конца и охранить жизнь, семейства и имущество тех, кто прозрел раньше, не пошел за большевиками и остался, чтобы полезным и мирным трудом искупить свой, часто только по невежеству совершенный грех перед Родиной и нашим краем.

На основании изложенного Чрезвычайная Кубанская краевая Рада именем народа повелевает войсковому атаману, краевому правительству, отдельским и станичным атаманам, аульным и сельским старшинам:

1) Немедленно принять строжайшие меры к прекращению самосудов, произвола и насилий над свободою, личностью, жизнью, честью и имуществом всех проживающих в пределах Кубанского края.

2) Неукоснительно следить, чтобы все обвиняемые в каких-либо преступлениях, а также большевизме, были переданы в распоряжение законных судебных властей и ограждены от насилий.

3) Немедленно пересмотреть все дела арестованных и освободить незаконно и невинно арестованных.

4) Принять меры к охране от насилий тех большевиков, которые добровольно сложат оружие и возвратятся домой согласно призыву главнокомандующего Добровольческой армии.

5) Производить аресты и обыски только на точных основаниях закона.

6) Прекратить самовольное, без утверждения войскового атамана, приведение в исполнение смертных приговоров по постановлениям чрезвычайных военных судов.

7) Не допускать телесных наказаний.

8) Привлекать немедленно к строжайшей ответственности всех лиц, злоупотребивших предоставленной им властью.

9) Привлечь к строжайшей ответственности всех виновных в неисполнении сего приказа, без различия должности, звания и положения.

Ведя непримиримую борьбу с произволом и насилием и утверждая основы истинного народовластия — равенство, законность, справедливость и порядок, Чрезвычайная краевая Рада никому не даст права мести и расправы.

Пусть знают все, пусть знают наши враги, что мы — победив — были великодушны».

Разница заключается в том, что здесь по пунктам перечисляется все то, что должна сказать Рада. Может быть, конечно, здесь признано будет целесообразным некоторые пункты выбросить, изменить, но важно получить от Рады указание, должно ли это быть издано в виде воззвания, как изложил Филимонов, или в смысле приказа. *(«Приказом».)* Я даю слово члену Рады Филимонову и прошу оратора не касаться деталей вновь поступившего предложения, потому что оно может быть изменено.

Член Рады Филимонов. — Не так просто издать этот приказ, как кажется. Я самым категорическим образом возражаю сторонникам того взгляда, что мы должны издать приказ в суровых тонах. Такие приказы издавались на местах, но от этого получались печальные результаты. Я говорю, что приказ в данный момент должен ударить по сердцам. Приказ, написанный в таких выражениях, в каких изложен предлагаемый приказ, цели не достигнет. Кроме того, я полагаю: мы, краевая Рада, не только нашему кубанскому населению, но и всему миру должны сказать в приказе, почему мы ведем борьбу. *(«Это уже сказано».)* Мы должны сказать не устами отдельных ораторов, а всей Радой. Мы должны оправдать эту борьбу не только перед нашим населением, но и перед судом истории, а в этом приказе этого нет. Вторая часть приказа рисует положение в Кубанской области в таких мрачных красках, что выходит, не большевики творили бесчинства и безобразия, а казаки. Вы это слышали, и я не буду останавливаться на тех местах, где об этом говорится.

Председатель. — Я вас уже предупредил и вновь прошу не касаться существа предложения, а высказаться лишь по вопросу, какая форма наиболее приемлема для обращения Рады — форма воззвания или приказа.

Член Рады Филимонов. — И вот, я полагаю, господа члены Рады, что мы должны издать приказ в форме воззвания, а не в форме категорического приказа. Мы должны заразить население тем настроением, которым наполнены наши сердца. Если мы напишем в форме приказа, в том виде, как предлагается, то это будет не воззвание к населению, а приказ представителям власти, ибо все пункты приказа говорят о том, что должны делать представители власти.

Председатель. — Прошу говорить о форме. *(Шум, протесты.)* Прошу дать мне возможность руководить собранием.

Член Рады Филимонов. — На основании тех соображений, которые я вам приводил, я предлагаю принять приказ в форме воззвания.

Председатель. — Ко мне поступил целый ряд записок по этому вопросу. Между прочим, здесь говорится о том, чтобы разработку редакции воззвания поручить президиуму. Дело в том, что президиум организован не для редактирования воззваний. Мы очень заняты, и я думаю, что это должен сделать кто-то другой. Лично я предлагаю прервать прения по этому вопросу и передать выработку проекта юридической комиссии. Настроение Рады мы знаем, а также то, что предложил вашему вниманию член Рады Филимонов, и пусть юридическая комиссия приготовит в спешном порядке проект обращения в третьей редакции. Если же я сейчас дам слово ораторам и они будут долго спорить, а потом мы вынуждены будем баллотировать тот или другой проект, то мы только потеряем время и едва ли достигнем цели.

Член Рады Морев. — Мне кажется, что недоразумение кроется в том, что приказ стремятся объединить с воззванием. Между тем, то, что предложил член Рады Филимонов, может в качестве воззвания существовать и при пунктах, содержащих предписания. Приказ нужно поручить написать коротко и ясно и издать особо, а воззвание принять то, которое предлагалось. *(«Правильно».)*

Председатель. — В этом уже комиссия разберется и, может быть, найдет нужным написать и воззвание, и приказ, а может быть — только воззвание. Наше желание одно, чтобы это было сделано спешно и к завтрашнему заседанию было представлено. *(«Правильно».)* Прошу тех, кто согласен с моим предложением, поднять руки. Кто не согласен? Принято. Юридическую комиссию прошу заняться этим делом сейчас, чтобы скорее кончить.

У нас имеются для рассмотрения следующие законопроекты: о зачислении в казачество и исключении из него, о взаимоотношении казачьего и неказачьего населения, об увековечении памяти героев — жертв гражданской войны, и последний вопрос — выборы войскового атамана. Поступили три предложения. Первое — назначить сегодня вечером частное совещание членов Рады, закрытое, конечно, в котором обсудить вопросы, связанные с выборами войскового атамана. Другое — обсудить этот вопрос по отделам и выделить из каждого по пяти человек в согласительную комиссию. Эта комиссия до сих пор ничего не могла сделать, так как все время занято общими заседаниями. Третье предложение такое: сегодня вечером не устраивать заседания ни частного совещания, ни общего собрания Рады, а дать возможность этой комиссии побеседовать; тогда, может быть, завтра утром будет частное совещание, а потом выборы. Вопрос в том, желаете ли вы сделать частное совещание о кандидатах или же сегодня приступить сразу к выборам, не дожидаясь, что скажет согласительная комиссия, или желаете, чтобы комиссия имела предварительное суждение и разговоры.

Член Рады Омельченко. — Господа члены Рады! Я считаю необходимым по поводу выборов войскового атамана сделать частное совещание закрытое, где бы мы могли откровенно поговорить и потолковать, потому что, я полагаю, столковаться насчет какого-либо кандидата мы можем только при общем обмене мнений, не поручая этого вопроса комиссии. Все равно комиссия к одному знаменателю не придет, и постановление ее для нас, пятисот человек, обязательным быть не может. Следовательно, решение комиссии должно подвергнуться переоценке в пленарном заседании. Значит, вся работа комиссии сведется ни к чему. Поэтому я предлагаю сделать закрытое частное совещание, где мы потолкуем и поговорим о выборах, о том, кому быть войсковым атаманом и почему более подходит то или другое лицо.

Председатель. — Считаю долгом напомнить, что нам до перерыва необходимо было бы разрешить один законопроект или, точнее, вопрос, который, я думаю, споров и раздоров не вызовет, — именно о воссоединении Черноморской губернии и части Ставропольской с Кубанским краем. Принципиальное мнение о нем необходимо узнать. Как практически разрешится этот вопрос — это другое дело, но предрешить в этом направлении наши шаги необходимо. Что касается вопроса о выборах атамана, то я скажу, что его откладывать нельзя, ибо этим вопросом мы болеем больше всего — и все войско, и все население. Ставлю на голосование одно предложение — устроить

сегодня частное совещание членов Кубанской краевой Рады для обсуждения вопроса о выборах войскового атамана. Кто за это предложение? Кто против? Два. Таким образом, сегодня вечером в здании Законодательной Рады будет частное совещание по вопросу о выборах в войсковые атаманы. *(Голос с места: «В котором часу?»)* Господа члены Рады! Что касается времени, то у нас всегда происходит недоразумение, потому что у нас наблюдается всегдашнее опаздывание. Я сторонник назначения более позднего времени: лучше пусть будет начало позже, но чтобы все собрались в тот час, какой будет назначен. Я должен констатировать печальный факт: вы назначаете час, президиум, секретари и стенографистки должны прийти раньше этого часа, и в результате время теряется. Если в 10 часов, так в 10, если в 6, так в 6. А то что же выходит — вы назначаете время, а потом приходится целый час ждать. В сутках только 24 часа, так что каждый час дорог. Кто за 6 часов, прошу поднять руки. Кто за 7? Таким образом, в 6 часов откроем заседание в Законодательной Раде. Господа члены Рады, сейчас еще час, и мы еще можем поработать часов до двух. Выслушаем доклад комиссии по зачислению и исключению из казачества, но прений, может быть, и не будем открывать. Объявляю перерыв на 10 минут.

После перерыва.

(Председательствует товарищ председателя Султан Шахим-Гирей.)

Председательствующий. — Заседание Рады продолжается. Господа члены Рады! На имя президиума поступило заявление, содержание которого сводится к следующему. Как известно, на 23 сентября назначена была Чрезвычайная краевая Рада; впоследствии срок открытия был изменен. Но многие члены Рады с мест приехали и жили здесь почти неделю в надежде, что 23 сентября откроется краевая Рада; затем они уехали. Ныне подписавшие заявление возбуждают ходатайство, чтобы те члены Рады, которые тогда приехали, получили суточное вознаграждение. Я полагаю, что этот вопрос едва ли встретит возражение. Я полагаю, что нужно выдать им суточное вознаграждение в размере вознаграждения, получаемого членами Рады в сутки. Согласны? *(Голоса: «Согласны», «Просим голосовать».)* Кто за то, чтобы выдать суточное вознаграждение в размере вознаграждения, получаемого членами краевой Рады? *(Голоса с мест: «А за сколько времени?»)* А это мы потом обсудим. Кто за выдачу суточных, тех прошу поднять руки. Кто против? Нужно подсчитать. Может быть, вы не поняли, в чем дело? *(Горбушин с места: «Слово для мотивировки».)* Пожалуйста.

Член Рады Горбушин. — Господа члены Рады! Я видел, что сейчас голосовали против предложения представители тех отделов, которые находятся вблизи. Между прочим, удовлетворение этого ходатайства имеет существенное значение для членов Рады, живущих далеко. Мы не получили известий, что Рада отложена, и приехали сюда. Теперь ни общество, ни Рада не выдают нам суточных. Чем виноваты те, которые сюда приехали, жили на свой счет и потерпели известный расход? Они должны получить за то время, которое пробыли здесь. Некоторые были два дня, другие три, четыре и пять дней. *(Голоса с мест: «Некоторые и десять».)* По количеству дней, пробытых здесь, и нужно выдать вознаграждение в том же размере, в каком получают члены краевой Рады. *(Шум.)*

Член Рады Оверя. — Господа члены Рады! Я полагаю, что, едучи сюда, каждый брал из станичного правления некоторую сумму денег. Я понимаю, что они ее и расходовали за те дни, которые были здесь по служебным обстоятельствам. Конечно, приехавши сюда, может быть, за день, за два до назначенного срока и узнав, что созыв Рады откладывается, они жили здесь уже не по служебным обязанностям, ибо они не должны ни одного дня здесь быть, а ехать домой. Исходя из того, что этот промежуток был четыре-пять дней, а некоторые жили и по десяти дней, я скажу, что этот вопрос о суточных следовало бы рассмотреть в конце заседаний Рады.

Председательствующий. — Это законное желание. Но я снял этот вопрос о количестве дней, подлежащих оплате, только потому, что нужно разобрать, сколько таких лиц, почему некоторые пробыли здесь больше того, чем следовало бы.

Член Рады Омельченко. — Господа члены Рады! Мне кажется, что нам, краевой Раде, не стоит время терять на обсуждение тех предложений, которые внесены. Здесь говорят чуть ли не о том, чтобы вопрос передать в комиссию. А люди истратили свои деньги, и им не на что жить. Безусловно, лица, которые сюда приехали на заседание краевой Рады, — приехали на свои деньги. Я думаю, что здесь может быть только один принципиальный вопрос: должны ли они получить эти деньги или нет, а что касается вопроса, за сколько времени — за два или за три дня, — то, мне кажется, можно следственную комиссию нарядить, чтобы она выяснила, сколько они жили больше того, чем требовалось. Во всяком случае, за 5—6 дней краевая Рада обязана выдать эти деньги.

Мне кажется, что в зависимости от расстояния краевая Рада должна выдать эти деньги за 4 дня — это минимум, а максимум — за 6, за 7 дней. Вот таким критерием должна руководиться краевая Рада. Мое конкретное предложение — выдать этим членам Рады вознаграждение в размере таком, в каком мы получаем.

Председательствующий. — Других желающих высказаться нет. Поступило предложение выдать суточные членам Рады за время, потраченное ими на проезд в Екатеринодар и обратно и пребывание здесь, но не более чем за 7 суток. Кто за то, чтобы выдать суточные? Кто против? Предложение принято. Было предложение выдать суточные за время пребывания в Екатеринодаре, а также за время, потраченное на проезд туда и обратно, не более как за 7 суток. *(Голос с места: «Не более 5 суток».)* Есть два предложения — 7 суток и 5 суток. Я ставлю на баллотировку в порядке старшинства цифр. Кто за то, чтобы вознаграждение было выдано не более чем за 7 суток? Предложение отклонено. Кто за 5 суток? Принято. Вопрос исчерпан. *(Шум; голоса: «Неправильно голосовали».)* Вы можете внести заявление, что голосование было неправильно. Президиум свидетельствует, что правильно. Слово предоставляется докладчику по законопроекту о приеме в кубанские казаки, образовании казачьих обществ в городах Кубанского края и об исключении из кубанского казачества.

Член Рады полковник Бедаков. — Господа члены Чрезвычайной Рады! Мы подошли к разрешению очень важного вопроса — вопроса о зачислении в казачье сословие и об исключении из него. Когда мы рассматривали нашу конституцию и вопрос земельный, мы не один раз останавливались перед вопросом о кубанском гражданстве. Мы ведь в крае имеем, наряду с полноправными гражданами, огромную группу лиц не-

полноправных, считая всех иногородних. Мы, господа, теперь и призваны разрешить вопрос об иногородних. Разрешить этот вопрос полностью, во всем объеме, сейчас не представляется возможным, потому что, чтобы быть зачисленным в казачье сословие, необходимо согласие того лица или той группы, которую мы предполагаем или желаем зачислить. С другой стороны, имеются в виду тяжелые отношения казаков к иногородним. В данное время настроение не таково, чтобы можно было рассчитывать на крупные жертвы с их стороны в пользу иногородних. Я это объясняю тем, что главную тяжесть борьбы с большевиками, всю тяжесть несет на себе казачество. Иногородние в этом вопросе играют незавидную роль. И мы, господа, призваны установить в этой области причины, найти объяснение тому, что борется с большевиками почти исключительно казачество. Этому мы должны найти объяснение в том положении, которое у нас занимают иногородние, именно в том, что они у нас неполноправные граждане. Мы сейчас призваны улучшить их положение, и, мне кажется, для этого лучшее средство, лучший путь — зачисление в казачье сословие. Тот проект, который предлагает комиссия, не насилует ничьей воли. Мне кажется, лучшим средством к разрешению этого вопроса является тесное объединение казаков с иногородним населением. Мы, казаки, никогда не представляли замкнутую в себе касту, мы всегда принимали в свою среду отдельных полезных нам лиц. Теперь мы ставим вопрос шире: мы желали бы облегчить возможность вступать в нашу среду и целым группам, целым селениям. Я лично полагаю, что тем, кто давно живет бок о бок с нами и наравне пользуется земельным наделом, тому должна быть предоставлена и облегчена возможность вступить в казачью среду. Этот проект предусматривает прием отдельных лиц, семейств, земельных крестьянских товариществ и целых сельских обществ. Прием совершается только по просьбе о приеме; при этом отдельные лица, принимаемые в казачье сословие, и семьи их непременно должны быть наделяемы землей. А если у этих лиц была земля на правах частной собственности, то она должна быть причислена к юрту той станицы, из которой они потом должны получить свой пай. Если бы у них был остаток собственной земли, то ею они должны пользоваться на тех основаниях, какие мы установили. Крестьянские земельные товарищества сохраняют за собой право на землю в пределах той земельной нормы, которую потом установит Законодательная Рада, а весь излишек, если бы он оказался, должен поступить в краевой земельный фонд. Крестьянские земельные товарищества, если бы у них оказался недостаток в земле, могут ходатайствовать о наделении землею из общего краевого фонда. По наведенным справкам комиссия установила, что наивысший размер пая в крестьянских товариществах равняется 27 десятинам. Приговоры станичных обществ о принятии отдельных лиц и семейств утверждаются советом краевого правительства, приговоры о крестьянских земельных товариществах, число дворов в которых не превышает 30, подлежат утверждению также совета краевого правительства. А утверждение приговоров о принятии земельных товариществ, у которых число дворов более тридцати, возлагается на Законодательную Раду. Разница лишь в том, что крестьянские товарищества, имеющие 30 или более дворов, могут образовывать особое хуторское управление. Поэтому прием их приравнивается к правилам приема сельских обществ. Несколько иначе обстоит вопрос о принятии в казаки добровольцев — зачисление их совершается по их

на то прошению. Комиссия полагает, что на нас лежит обязанность принять тех лиц в свое сословие, кто защищал наш край. Комиссия рассматривает прием добровольцев как повинность на нас, казаков, и эта повинность должна быть распределена равномерно между станицами. Те добровольцы, которые поступили в Кубанскую армию до 17 марта 1918 г., и пробыли в ней три месяца до похода в Мечетинскую, и участвовали в боях — те добровольцы должны быть приняты в казачье сословие, если бы они только пожелали. Также и лица неказачьего сословия, выступавшие в пределах Кубанского края с 23 февраля 1918 г. и прибывшие вместе с Кубанской армией в станицу Мечетинскую 1-го мая, если они пожелали бы, должны быть зачислены в казачье сословие.

Я перехожу к вопросу о создании городового казачества. Для нас, кубанцев, совершенно ново создание станичных обществ в городах. На Кубани мы городовых казаков не имели, хотя и знаем о существовании их на Дону и в Астраханском войске. Какие цели создания казачьих обществ в городах? Я полагаю, что прежде всего это объединение с городским населением; вторая цель — это то, что мы стремились зачислить в казачью среду интеллигентные силы. Для приема в городовые казаки лиц неказачьего сословия необходим ценз пребывания в Кубанской области, который мы и определили в 10 лет, и этот ценз может быть понижен только для тех лиц, которые оказали особо выдающиеся услуги Кубанскому краю. Для образования станичного управления в городах необходимо, чтобы в городе было не менее двухсот лиц казачьего сословия, достигших 25-летнего возраста. О желании образовать в городе станичные управления должно быть подано прошение не менее как от ста казаков, достигших 21 года; к этому прошению должен быть приложен список всех казаков, желающих причислиться в городовое казачество. Прошение подается атаману отдела, а разрешение создать в городе станичное управление принадлежит совету краевого правительства. Что касается добровольцев, то для них облегчена возможность быть зачисленными в городовые казаки — для них не устанавливается ни ценз пребывания в Кубанской области, ни другие ограничения, какие установлены для других, как, например, десятилетний ценз и некоторый имущественный ценз.

Далее, перехожу к вопросу об исключении из казачьего сословия. Исключению, как и зачислению, подлежат как отдельные казаки, так и группы казаков, живущих в хуторах, выселках, не имеющих своего управления; исключению могут подлежать и целые станицы, хутора и выселки. Отдельные лица могут быть исключены за порочную жизнь, за вред, который они причиняют своей станице, или за уклонение от воинской повинности. Казаки, живущие в хуторах и выселках, могут быть исключаемы также за вред, причиненный ими той станице, к которой они причислены, и за вред, причиненный соседним станицам. Целые станицы исключаются за такие деяния как измена казачеству. Если бы в станицах оказались казаки, виновность которых в этом деле не установлена, такие казаки переселяются в соседние станицы с тем же паевым наделом, какой они имели в их станицах. Приговор об исключении отдельных казаков выносится станицей, причем должно быть подано не менее 2/3 голосов об исключении. Приговор об исключении хуторов и выселок производится той же станицей, к которой причислены эти хутора и выселки. Целые станицы или хуторские управления может исключать только войсковой атаман и краевое правительство. Приговоры ста-

ничных или хуторских сборов об исключении из казачьего сословия представляются атаману отдела, который обязан лично или через помощника проверить обстоятельства дела, а затем уже он передает правительству, которое выносит окончательное решение по этому вопросу. Приговоры об исключении хуторов и выселок также направляются атаману отдела, который в данном случае составляет комиссию под своим председательством: из одного члена, командируемого от управления внутренних дел, и одного члена от судебного ведомства. Эта комиссия обязана ознакомиться со всеми обстоятельствами дела. Она может возвратить приговор в станицу или дать ход этому делу. Таков же порядок и в исключении из казачьего сословия целых станиц. Расследовать дело поручается комиссии, которая на месте знакомится со всеми обстоятельствами этого дела. Решение вопросов об исключении хуторов и выселок принадлежит Законодательной Раде. Окончательное решение вопроса об исключении целых станиц принадлежит только краевой Раде. Исключаемые из казачьего сословия лица лишаются паевого надела и тех прав, которые присвоены казакам. Могут быть также лишены некоторых прав и семьи казаков, но при условии, что это будет оговорено в приговорах. Исключаемым из казачества лицам может быть воспрещено проживание в известном районе или даже в целом крае. В этом последнем случае должна быть дана отсрочка для ликвидации имущества не менее как на один месяц. У меня имеются сведения о числе приговоров об отдельных лицах, изъявивших желание поступить в казачество. Должен сказать, что сведения об отдельных лицах касаются последних 1/2 года. Цифра подавших заявление равна 358. Добровольцами подано 98 прошений; сколько из них удовлетворяют тем условиям, которые проектирует комиссия, не пришлось установить. Поданы прошения о зачислении отдельных селений и хуторов в казачье сословие. Это — волость Вельяминовская, село Конево, Воскресенское, Успенское. В заключение своего краткого доклада возвращусь к вопросу о зачислении в казачье сословие. Я должен доложить, что в этом вопросе мы должны проявить необходимую уступчивость. Мы, казаки, не должны забронировываться, а, наоборот, мы должны стремиться к слиянию с коренным населением. Я полагаю, что этим мы достигнем успокоения всего края.

Председательствующий. — Господа члены Рады! Докладчик закончил доклад. Угодно ли вам сейчас приступить к обсуждению основных положений доклада или перейти к постатейному чтению? *(Голоса: «Просим перерыв».)* Поступило заявление об отсутствии кворума, следовательно, обсуждение этого вопроса нужно отложить. Объявляю перерыв до 10 часов утра завтрашнего дня.

Заседание закрыто в 2 часа дня.

Стенографический отчет 33-го заседания Чрезвычайной Рады Кубанского края 5-го декабря 1918 года.

Заседание открывается в 10 час. 55 минут дня под председательством Н. С. Рябовола.

Председатель. — Заседание возобновляется. Мною получено следующее заявление от одного из наших кандидатов в войсковые атаманы — председателя правительства Л. Л. Быча. «Председателю краевой Рады. Настоящим еще раз подтверждаю свое несогласие баллотироваться в войсковые атаманы. Л. Л. Быч». Сейчас было по этому вопросу совещание президиума. Часть президиума находила, что это заявление не должно быть оглашено, потому что Рада об этом уже знает и потому что мы тогда произвели бы выборы согласно нашему вчерашнему договору по совести. Другая часть президиума настаивала на том, чтобы это было сделано, а раз мы это сделали, то я считаю обязанным для себя ящик Л. Л. Быча снять. Объявляю перерыв и прошу обсудить это положение.

После перерыва.

Председатель. — Некоторое время двери будут закрыты. Если состоялось какое-либо решение по данному вопросу, прошу довести до сведения президиума. *(Подача заявлений.)* Таманский отдел постановил стоять на прежней точке зрения — баллотировать двух кандидатов. Екатеринодарский, Ейский, Кавказский, Лабинский, Майкопский и Баталпашинский тоже. Таким образом, все отделы высказываются за то, чтобы оба кандидата баллотировались. Двери открываются. Предлагается следующий способ для голосования кандидатов. Депутаты будут вызываться по списку. *(«Правильно».)* Каждый вызванный депутат подойдет к ящику и опустит свой шар, а потом будет выходить в кулуары, и до окончания выборов никто не будет впущен. Ассистентами будут представители от отделов, и они будут удостоверять личности от отделов. Каждый депутат должен иметь карточку, и его личность должна быть удостоверена представителями от отделов. Я просил бы также сделать, чтобы первый ряд был свободен, чтобы было места больше.

Господа члены Рады! Тут поднят вопрос о членах Законодательной Рады, допущенных к участию в заседаниях краевой Рады. Как прикажете? Предоставить ли им для данного случая права подачи голоса? *(Голоса: «Нельзя».)* Будут голосовать только имеющие право решающего голоса. *(«Правильно».)* Господа члены Рады! Еще один недоуменный вопрос относительно членов Законодательной Рады — горцев. Как вы помните, вопрос этот был разрешен в одном из первых заседаний в смысле предоставления им права решающего голоса по тем соображениям, что в Баталпашинском отделе в то время не все аулы были освобождены от большевиков и не имели здесь своих представителей. Как прикажете теперь быть? *(«Оставить по-прежнему»; «Нет».)* Разрешите баллотировать. Прошу тех, кто находит, что горцам, членам Законодательной Рады, должно быть предоставлено при выборах право решающего голоса, поднять руки. *(Баллотировка.)* Принято. Таким образом, горцы, члены За-

конодательной Рады, имеют право баллотировать наравне с членами краевой Рады. Имеется просьба от членов правительства предоставить им возможность, ввиду того что они заняты службой, подать голос в первую очередь. Ходатайство удовлетворяется. *(Производится голосование подачею шаров по вызову депутатов согласно спискам.)*

Председатель. *(По окончании баллотировки.)* — Откройте двери. Членов юридической комиссии прошу на время подсчета сюда, на сцену. Прошу допустить к голосованию члена Рады Дицмана. Как угодно: будем считать один ящик, потом другой, или разом? *(«Нет».)* Считайте белые, а черных не трогайте пока. Считайте вслух. *(На местах шум, нетерпение.)* Все равно, господа, сейчас все будет известно. *(По окончании подсчета.)* Объявляю результаты голосования: Л. Л. Быч — 247 избирательных, 251 неизбирательных; генерал-лейтенант А. П. Филимонов получил 275 избирательных и 225 голосов неизбирательных. Результат голосования ясен: 275 и 225 голосов у генерал-лейтенанта Филимонова и 247 и 251 у Л. Л. Быча. Маленькая разница в два голоса получилась оттого, что Филимонова голосовали 500 человек, а Быча 498, но полагаю, что два голоса разницы существенной не делают. Конечно, нужно считать избранным генерал-лейтенанта Филимонова. *(Громкие аплодисменты.)* Генерал-лейтенант Филимонов отсутствует. *(«Просим сюда пожаловать».)* Прошу занять места. Господа члены Рады! У нас имеются еще одни выборы — членов в Законодательную Раду. Дело в том, что с распределением количества мест по отделам на основе принципа пропорциональности получилась, в конце концов, путаница, и мы разрешили этот вопрос неудовлетворительно. Сейчас этот вопрос придется окончательно вырешить, чтобы не было споров. Необходимо заметить, что некоторые городские головы не прислали списков тех, кто имел право участия в выборах, а другие прислали, но неправильные, т. е. цифры для нас неинтересные. Нам нужно получить соответствующие списки. Теперь вам предоставляется разрешить этот вопрос по новому принципу. Нам предлагают разного рода способы: во-первых, исчислять согласно всему количеству населения; во-вторых — пропорционально количеству казачьего населения; в-третьих, согласно предложению Лабинского отдела, — пропорционально количеству членов Рады по отделам. Прошу по этому поводу высказаться.

Член Рады Омельченко. — Господа члены Рады! Я уже имел честь выступать однажды перед вами для изложения своего взгляда на систему производства выборов в Законодательную Раду. В настоящее время намечено три способа, которыми можно выбирать членов Законодательной Рады. Я прежде всего буду говорить против того, чтобы в Законодательную Раду выбирали пропорционально количеству членов краевой Рады. Я указываю, что получится несоответствие между количеством членов Законодательной Рады и количеством населения данного отдела. Возьмите Таманский отдел и Майкопский — это отделы, которые в отношении численности населения разнятся между собой. Если мы примем тот способ, который рекомендует от имени Лабинского отдела член Рады Филимонов, то число членов в Законодательную Раду от этих двух отделов будет одинаково, и это получится в силу следующих обстоятельств. В настоящем заседании краевой Рады присутствуют от Майкопского отдела 92 человека, и от Таманского отдела тоже 92 человека. По-

чему это так? Да очень просто. Майкопский отдел имеет мелкие населенные пункты. И то количество населения, которое там имеется, оно разбито по мелким населенным пунктам. Так как, по выборному закону, каждый пункт в 2500 человек имеет право послать своего депутата, а в Майкопском отделе большое количество населенных пунктов, то это и дает возможность населению послать в краевую Раду 92 человека. Значит, и в Законодательную Раду пройдет пропорциональное этому количество депутатов. Таманский отдел имеет население значительно больше, но, так как количество населенных пунктов меньше, то и количество представителей в краевую Раду получается то же самое — 92 человека. И вот, если мы возьмем этот принцип, то за спиной члена Законодательной Рады Таманского отдела будет стоять значительно больше, чем от Майкопского отдела. Это будет несправедливо. Основываясь на этом факте, говорю, что при выборах в Законодательную Раду нельзя пользоваться предложением члена Рады Филимонова. В связи с этим скажу, что нельзя все население принимать во внимание при выборах членов в Законодательную Раду. Чтобы не утомлять вашего внимания, я заявляю, что при выборах в Законодательную Раду, во всяком случае, мы должны руководствоваться законом о выборах в краевую Раду, потому что выборы в Законодательную Раду являются логическим выводом из закона о выборах в краевую Раду. За моей спиной стоит 5 тысяч населения, от имени которого я должен представительствовать в Законодательной Раде и интересы которого я должен защищать. Конечно, если посмотреть с иной точки зрения на это, то окажется, что в Законодательной Раде остаются непредставленными некоторые группы населения, но если говорить о справедливости, тогда нужно изменить закон относительно выборов в краевую Раду. Я стою на той точке зрения, что, за неимением лучшего, при настоящих выборах в Законодательную Раду нужно руководствоваться выборами в краевую Раду, т. е. надо иметь в виду то население, которое пользуется в данном случае избирательным правом.

Член Рады Гатагогу. — Господа члены Рады! Речь предыдущего оратора для меня совершенно непонятна по следующим соображениям. Он возражал против выборов в Законодательную Раду пропорционально числу депутатов от того или другого отдела краевой Рады. Он делал сравнения и говорил, что Майкопский отдел посылает 92 человека и Таманский тоже 92 человека, и что за спиной представителя Таманского отдела стоит 5 тысяч, а за спиной Майкопского — меньше чем 5 тысяч населения. Положение о выборах в краевую Раду, по его мнению, не соответствует действительному положению, т. е. действительно необходимого представительства в краевой Раде нет. Но, с другой стороны, он же говорит, что нужно основываться при выборах в Законодательную Раду на том несовершенном законе, который он только что раскритиковал. Я совершенно не понимаю, что он хотел сказать, и хочу обратить ваше внимание на следующее. Если выбирать в Законодательную Раду сейчас, т. е. в данном составе, то выборы должно производить пропорционально населению, населяющему отделы, ибо такое представительство будет соответствовать интересам края. Другого способа принять нельзя.

Председатель. — Меня просят дать справку о населении Майкопского отдела. В Майкопском отделе числится 231 тысяча, а в Таманском 294 тысячи (*«Всего и*

горцев?») Нет, всего населения в Майкопском отделе 374 тысячи, а в Таманском 420. В конце концов, разница небольшая в общем количестве депутатов от них в Законодательную Раду — или 10 или 12. Замечание, сделанное членом Рады Омельченко, совершенно верно, что представительство у нас основано не на количестве населения, а на числе населенных пунктов. Спорить против этого не приходится; там, где больше мелких населенных пунктов, там больше депутатов. Сверх того, пропадают значительные излишки. Например, станица Павловская Ейского отдела имеет всего 7 тысяч населения, а она дает одного депутата от 5 тысяч, потому что на другого депутата остается 2 тысячи, т. е. не хватает до половины установленной нормы. В то же время мелкие населенные пункты, имеющие две с половиной тысячи, даже 800 человек, посылают особого депутата. Этого забывать нельзя. Так как по принципу количества депутатов в краевую Раду произвести справедливое распределение мест нельзя, то я предлагал другой способ — исходить из количества казаков, горцев и коренных жителей, т. е. того населения, которое имело право принять участие в выборах в краевую Раду. Этот способ был принят вами, но на практике он оказался неосуществимым. Не потому, что он невозможен — нет, он возможен, а потому что с мест были доставлены неточные цифры. Я тогда же, как вы постановили, в тот же день разослал запросы по городам, но до сих пор я получил ответ только от Темрюка, а из других мест дали сведения о том, сколько граждан действительно принимало участие в выборах. Это для нас неинтересно. Значит, эту цифру, наиболее точную, мы не можем получить скоро, может быть, лишь через 10—15 дней. Поэтому, вероятно, в настоящий раз мы будем вынуждены руководствоваться календарем — помещенною в нем статистикою всего населения.

Итак, господа, есть три способа. Один способ — считать по количеству войскового населения. Другой способ — по количеству всего населения. Третий способ — наиболее справедливый, но который на практике мы не можем осуществить, — распределять места соответственно количеству коренного населения, т. е. того населения, которое пользовалось правом участия в выборах.

Кто желает высказаться? Желает ли Рада разрешить этот вопрос сегодня? Если мы придерживаемся начала распределения мест по количеству коренного и горского населения, то данный способ отпадает, так как у нас нет цифр. Ставлю поэтому на голосование остающиеся два способа, т. е. определение числа депутатов по войсковому или по всему населению. *(Голоса; «И третий способ — по числу депутатов краевой Рады»; «Это несправедливо»; «Голосовать».)* Вы желаете голосовать третий способ — соответственно числу депутатов? Я вам разъясню, что он означает: может от 9 тысяч приехать 9 депутатов, а от всей Павловской станицы с 7-тысячным населением — всего один депутат. Голосую первый способ: распределить общее количество мест в Законодательной Раде соответственно численности войскового населения. Кто за? Кто против? Принято. Таким образом, будем считать по количеству войскового населения. Объявляю перерыв на 5 минут. Прошу представить списки кандидатов от каждого отдела в члены Законодательной Рады в порядке большинства поданных за них голосов. Мы ознакомимся и в соответствующем количестве зачислим.

После перерыва.

Председатель. — Заседание возобновляется. Согласно ранее принятому вами постановлению из 80 мест членов Законодательной Рады 8 мест предоставлено горцам. Остающиеся 72 места распределяются по отделам соответственно только что принятому вами принципу, следующим образом: Баталпашинский отдел — 8 депутатов, Екатеринодарский — 8, Ейский — 13, Кавказский — 10, Майкопский — 10, Таманский — 12, Лабинский — 11 и горцы — 8 депутатов. Всего 80. Избраны по отделам в состав Законодательной Рады следующие лица:

1) По Екатеринодарскому отделу.

Члены: Т. М. Пироженко, Н. С. Рябовол, Я. Л. Щупляк, С. Ф. Манжула, С. С. Маршин, Н. Е. Крахмаль, В. Г. Донцов, Н. А. Преображенский (от иногородних), А. А. Намитоков, М. Х. Гатагогу; и

Кандидаты: И. Г. Сидельников, И. Н. Шевченко, М. П. Пилюк, Н. Т. Сырицын, Г. Л. Трахов и Н. В. Головач.

2) По Кавказскому отделу.

Члены: А. И. Кулабухов, П. М. Каплин, Ф. К. Воропинов, Д. Е. Остапенко, И. П. Важев, С. Е. Белоусов, С. В. Сытник, М. А. Зозуля, А. Ф. Колосовский и Ф. П. Мажара; и

Кандидаты: П. И. Копанев, А. И. Курьянов, Н. Н. Каширин, С. Г. Белый, А. И. Мищенко, Т. Т. Котляров, Т. В. Питинов, И. И. Черненко, А. И. Ермоленко, А. Е. Деркач, М. П. Мурай.

3) По Ейскому отделу.

Члены: Л. Л. Быч, И. Л. Макаренко, П. И. Курганский, Ф. А. Щербина, А. М. Гордиенко, Т. К. Роговец, Д. Н. Гудзь, В. С. Жук, И. А. Оверя, Е. Л. Прихидько, М. Я. Феськов и С. Г. Околот; и

Кандидаты: В. Д. Савицкий, П. М. Жежель, Г. Харченко, С. Ф. Чепурный, Ф. Е. Рудик, Т. А. Семки, А. М. Лаштабега, К. Припахайло, П. И. Тирюха.

4) По Лабинскому отделу.

Члены: Д. А. Филимонов, А. А. Рябцев, Д. Е. Скобцов, Е. К. Ильин, М. А. Траценко, И. А. Тищенко, И. В. Горбушин, Г. Д. Хвостов, Ф. Т. Аспидов, М. С. Сахно, П. Я. Уколов; и

Кандидаты: Т. Т. Дьяченко, Д. М. Козлов, И. А. Ковалев, В. И. Щербанев, А. И. Черкашин, П. А. Муратов, С. Г. Дудченко.

5) По Баталпашинскому отделу.

Члены: Ф. И. Згонников, П. Е. Усачев, Султан Шахим-Гирей, Г. С. Щербаков, И. М. Баташев, Д. Х. Козлов, И. А. К. Хубиев, Т. Ш. Биджиев, Р. Д. Крюков, А. М. Юрченко, П. С Белоусов, М. Т. Баранов; и

Кандидаты: П. П. Пучкин, Ф. С. Шеремет, В. И. Уткин, Д. Н. Попов, Асхада Мардов и Али Султан Герюков.

6) По Майкопскому отделу.

Члены: Ф. С. Сушков, К. Г. Натырбов, А. Г. Шемхогов, В. М. Подтопельный, И. В. Кислов, Ю. А. Коробьин, П. А. Авдеев, Г. С. Голуб, А. И. Гальченко, Г. Н. Снигирев, П. П. Новиков, И. В. Чаплыгин; и

Кандидаты: В. Я. Девяткин, А. В. Дробитько, П. Я. Беседин, Г. Д. Гуляев, С. К. Луковицкий, П. Д. Данилов, П. Т. Бочаров, М. И. Переверзев, Д. И. Соколов, И. В. Данилов, Т. М. Ешугаев.

7) По Таманскому отделу.

Члены: К. А. Безкровный, Л. В. Белашев, В. Н. Иванис, И. А. Белый, С. Г. Крикун, А. Д. Усатов, К. Ф. Гончаров, Г. В. Омельченко, В. И. Гулецкий, А. И. Балабас, И. В. Третьяков, Л. В. Иванченко; и

Кандидаты: И. М. Бедаков, К. С. Петрунько, А. П. Тимченко, К. В. Пасенко, Ф. И. Гулый, М. П. Соляник, Ф. Е. Ильченко, В. А. Крамарь и Г. Ф. Сергиенко.

Прошу согласных с этим списком поднять руки. Явным большинством краевой Рады списки утверждаются. Господа члены Рады! У нас не закончены еще некоторые законопроекты и некоторые резолюции, которые ожидают, чтобы мы их приняли. Сегодня заседание будет в 6 час. в здании Законодательной Рады. Слово предоставляется войсковому атаману.

Войсковой атаман А. П. Филимонов. *(Атамана встречают громкими и долго не смолкаемыми аплодисментами. Возгласы: «Браво».)* — Родные кубанцы! Прежде всего я приношу вам искреннея извинения за то, что не нашел случая выразить вам мои горячие чувства благодарности за те — свыше меры содеянного мною — награждения, которыми вы меня удостоили. Я пытался это сделать несколько раз, но обстановка была неподходящая. Тем не менее, я теперь с этого и начинаю. Благодарю вас, господа кубанцы. Вы вашей оценкой моей далеко не совершенной деятельности, надо в этом сознаться откровенно, — вы этой оценкой подняли мой дух, подняли настроение, мою энергию. Обласканный вами, награжденный вами, я, разумеется, найду в себе силы еще поработать на пользу Кубани, если вы это считаете возможным, родные казаки. Мне много есть о чем сказать вам, много о чем спросить, но вы понимаете, что в этот момент я не могу быть невзволнованным. Я не могу собраться с мыслями, я не могу ручаться за то, что в изложении своих намерений, мыслей и планов я буду достаточно точен и определенен. И поэтому я покорнейше прошу вас разрешить мне завтрашний день или, в крайнем случае, сегодня вечером взойти на трибуну, чтобы доложить то, что я чувствую, что я намерен делать, доложить о том, на что я рассчитываю с вашей стороны. В настоящий момент, находясь в состоянии глубокого волнения по поводу состоявшегося избрания, я

могу только от всей души благодарить вас за честь, мне оказанную. Я имел случай и честь при открытии настоящей чрезвычайной сессии доложить вам то, что мною уже доложено. Сознание высокой чести быть первым избранным войсковым атаманом, сознание исполненного долга — больше этого, в смысле нравственного чувства самоудовлетворения, никто дать мне не может. В дальнейшем мне предстоит тяжелый крестный путь служения Кубани. Я поэтому докладываю вам, что все мои силы, все мои способности будут направлены ко благу Кубани. Я внимательно слушал, по мере возможности, все то, что здесь делалось, и я видел, как временами настроение поднималось, разыгрывались страсти; здесь говорились горячие речи, здесь горячо спорили — все это нисколько меня не удивляло. Я находил все это естественным: только на хороших крепких дрожжах может быть испечен хороший хлеб. Было бы хуже, если бы заседания протекали равнодушно, сонно. Я видел тот интерес, который проявлялся во всех вопросах, касающихся жизни Кубани; я видел, что каждый из нас отдавал всего себя при разрешении различных вопросов. И это дает мне право думать, что и впредь кубанское казачество будет интересоваться общественными делами, будет помогать своим общественным деятелям и вместе с ними будет создавать счастье и благополучие Кубани. Я внимательно слушал вас и даю клятвенное обещание, что все ваши пожелания, мечты, все ваши намерения будут мною приняты к непременному, неуклонному исполнению и руководству. Я не мыслю службы в Кубанской области без вашего сочувствия, без вашей поддержки. Все то, что здесь говорилось, все это прочно и твердо запечатлелось в моем мозгу и сердце, и вновь я клятвенно повторяю, клятвенно обещаю свято хранить и исполнить ваши желания. В этом направлении все будет сделано. А как, при каких условиях — я вновь прошу разрешить мне сказать завтра. Благодарю, родные кубанцы, спасибо за честь, мне, скромному кубанскому казаку, оказанную. Большое спасибо! *(Шумные аплодисменты. Крики «Ура». Голоса: «Просим гимн», «Атамана сюда!» Членами Рады исполняется гимн «Ты, Кубань, ты наша родина».)*

Председатель. — Господа члены Рады! Сегодня в вечернем заседании мы окончательно утвердим и рассмотрим военный законопроект. *(«И земельный»; член Рады Коробьин — с места: «И проект конституции», голос: «И приказ».)* И еще, и еще... работы много, по крайней мере заседания на четыре. Некоторые вопросы, между прочим, конституцию, мы должны рассмотреть срочно во что бы то ни стало, иначе край не может управляться. Вопрос военный мы также должны закончить и вынести целый ряд постановлений резолютивного характера.

Объявляю перерыв до 6 часов вечера.

Перерыв от 2-х часов 30 мин. дня до 6 час. 45 мин. вечера.

Вечернее заседание.

(Заседание возобновляется под председательством товарища председателя Султана Шахим-Гирея.)

Председательствующий. — Объявляю заседание открытым. Слово предоставляется генерал-лейтенанту Гейману.

Член Рады генерал-лейтенант Гейман. — Господа члены Рады! Я не нахожу слов, чтобы выразить глубокую мою признательность за то, что вы сделали своим постановлением. Не важен чин, а важно то нравственное удовлетворение, которое вы доставили мне. Вы — представители народа, значит одобрили те действия, которые мною были предприняты для спасения Кубани. Я сделал дело небольшое. Всего около 20 станиц мне удалось поднять и сохранить их от вторжения большевиков за свой страх и риск. У меня не было с кем посоветоваться. Я сделал это на том основании, что душа и сердце казака не могут быть загрязнены большевиками: рано или поздно проснется казачество и сбросит ярмо этого ига. Я, находясь в Майкопе, чутко прислушивался ко всему, что делалось по станицам, начиная с первого месяца натиска большевиков. Всем хорошо известно, что в речах представителей нашего правительства, когда они описывали свой полный трагизма Ледяной поход, проскользнули нотки грусти, что Кубань не отозвалась на их призыв и что фронтовое казачество не сразу прозрело и не сразу отрезвело от заблуждений, занесенных большевиками. Конечно, тут доля правды есть, но не во всей полноте. Ведь отрезанная от Кубани часть полковника Шкуро восстала, даже не зная, что делается здесь, в сердце Кубани, в Екатеринодаре. Уже с января месяца в Майкопском, Лабинском и Баталпашинском отделах многие казаки уже отрезвели. Так, в станице Ярославской было поднято восстание вахмистром Кисловым, который сумел поднять казаков и захватил власть в свои руки, но, сдавленный большевиками, должен был погибнуть и сложил свою лихую голову вместе с теми, кого он поднял. Это уже доказывает, что казакам иго большевиков не нравилось с самого момента захвата ими власти, и они стремились освободиться. Затем вам известно, что в начале января атаман Майкопского отдела вынужден был уйти из пределов отдела, и Майкопский отдел оставался беспомощным. Осталась, правда, кучка храбрых людей, которые во главе с Мурзаевым попытались восстать, но это было сделано неудачно. Мурзаев был захвачен, и — под угрозой расстрела — кучка храбрых должна была сдаться. Я чутко прислушивался ко всему и видел, что казаки ждут только удобного момента. В конце января они стали приходить ко мне с предложением что-нибудь сделать; просили объединить их, чтобы поднять восстание. Но пример Лабинской станицы удерживал меня от этого. Не страх за свою собственную жизнь удерживал меня; я боялся взять на свою ответственность десять тысяч голов казачьих — вот что меня удерживало. А что если подниму и не сумею удержать — ведь сотрут с лица земли! Вот, наконец, в станице Даховской и других я нашел готовых на борьбу людей. Я покинул Майкоп, и в лесах предгорий, среди папоротников, имея при себе лишь двух казаков, я написал свой первый приказ. В нем я призывал казаков восстать и присоединиться ко мне и сбросить иго большевизма. Моя уверенность в казаках не обманула меня. Приказ дошел до сердец казаков. Они пришли ко мне — в числе 150 человек — вооруженными. Это было ядро будущего партизанского отряда, который достиг до 3000 человек, сплоченных одной волей, одним желанием сбросить иго большевиков. Я потребовал полного подчинения и полной покорности мне. И этого я достиг. И мы сделали для своих станиц то, что не допустили туда карательных отрядов. Наши действия были оценены. Я еще раз глубоко благодарю вас и низко кланяюсь. *(Бурные аплодисменты.)*

Председательствующий. — На очереди последнее чтение законопроекта военного. Двери считаю возможным оставить открытыми ввиду того, что общие прения закончены и, я полагаю, ответственного ничего не будет внесено, а будут лишь отдельные коррективы. Слово предоставляется докладчику.

Член Рады полковник Гончаров. — Господа члены Рады! В третьем чтении законопроект об организации и управлении Кубанской армией представляется вам на усмотрение в следующей редакции. *(Читается весь законопроект.)* Обращаю, в частности, ваше внимание на следующее изложение измененных, согласно поправкам, статей 4—5 раздела 4: «Все кубанские части составляют Кубанскую армию, во главе которой стоит командующий (или походный атаман) по назначению войскового атамана. При совместной с другими армиями борьбе против большевиков, для успеха этой борьбы, Кубанская армия — вся или часть ее — по усмотрению войскового атамана может быть подчинена в оперативном отношении общему главнокомандующему фронтом. Ни одна кубанская строевая часть не может быть переброшена на чужой фронт без разрешения на то войскового атамана». *(Голоса: «Было принято: «на другой фронт».)* Нет, было принято: «на чужой фронт».

Председательствующий. — Здесь происходит недоразумение по поводу того, как было принято — «на чужой фронт» или «на другой фронт». Докладчик утверждает, что было принято «на чужой фронт». Желающих говорить нет, я ставлю на баллотировку. *(Голосование.)* Принято — «на чужой фронт». Поступило предложение о введении общей нумерации для всех разделов во избежание путаницы.

Председательствующий. — Я ставлю на баллотировку предложение: ввести общую нумерацию для всех разделов. Большинством голосов предложение принято. Кто за принятие и утверждение законопроекта военного в целом? Принят единогласно, утвержден и стал законом. Господа, так как в положении об организации армии говорится об ее устройстве, то, я полагаю, надлежит сохранить то ограничение, которое помещено на проекте, а именно: «оглашению не подлежит». Кто за это предложение? Кто против? Принято.

Переходим к третьему чтению проекта временного положения об управлении Кубанским краем. Слово предоставляется члену Рады Коробьину.

Член Рады Коробьин. — Господа члены Рады! Вы помните, что некоторые пункты нашей конституции — в том числе и декларация — были рассмотрением отложены до выяснения соответствующих вопросов в согласительной комиссии из представителей от Рады и представителей от Добровольческой армии. Вам уже известно, что мы, в сущности говоря, в этой согласительной комиссии сговорились по всем пунктам, кроме основного — об организации Кубанской армии, и на этом мы разошлись.

При рассмотрении в согласительной комиссии проекта конституции почти никаких изменений не внесено. Наша декламационная часть там совершенно не рассматривалась, ввиду того что краевая Рада, рассмотрев перед этим тезисы, принятые 11 ноября, вынесла резолюцию в том смысле, что эти тезисы являются пожеланиями Рады. Так или иначе, наша декларативная часть, в сущности, повторяет упомянутые тезисы.

Выяснилось, что командование Добровольческой армии против этой декларации ничего не имеет. По крайней мере, изменений никаких не внесено. Статьи 1—2 предлагаю принять в установленной ранее редакции.

Председательствующий. — Баллотирую. Кто за принятие означенных статей? Кто против? Приняты.

Член Рады Коробьин. — Статья 3 вызвала в согласительной комиссии очень большие прения — прения по вопросу о предоставлении прав гражданства на Кубани вообще всем подданным бывшей Российской империи.

Я, конечно, сущности прений передавать не буду, а скажу лишь, что признано желательным дополнить данную статью третьим тезисом: «Все российские граждане пользуются в Кубанском крае защитой закона на общих с гражданами Кубанского края основаниях». Я думаю, что для нас важно, чтобы в государственном строительстве не принимали участия все те массы, которые проходят через Кубанский край, но защитой закона гражданского и уголовного должны пользоваться все.

Председательствующий. — Желающие говорить по третьей статье есть? *(«Нет».)* Должен сказать, что лично я не понимаю этого выражения: «пользоваться наравне с гражданами Кубанского края защитой закона».

Член Рады Коробьин. — Я дам объяснение, в чем тут дело. Есть публичные права граждан и частные. Публичные права — это политические права, предоставление прав избирать или быть избранным в государственные учреждения или городские общественные управления. Для нас важно, чтобы не допустить к избирательным урнам так называемый, цыганский элемент. Надо гарантировать, чтобы к избирательным урнам подходили только жители Кубанского края. Когда представители Добровольческой армии находили, что все граждане Кубанского края могут принимать участие в избирательной кампании — государственном деле, то мы заявили, что это приведет к анархии. Но гарантировать защиту закона мы можем и обязаны это сделать в отношении всякого. Напрасно это вас смущает. Я укажу пример. Нельзя же допустить такого положения, при котором, если будет судим за убийство казак, то он должен идти на каторгу на 10 лет, если же российский гражданин, то на 20. Все должны быть равны перед законом. Равным образом, если кто-нибудь оскорбит российского гражданина, то, согласно этой статье, он должен отвечать перед законом. Эта статья успокаивает тех российских граждан, которые думают, что мы — самостийники и хотим поставить всех российских граждан в положение наших рабов. Мы только по обстоятельствам политическим не можем допустить их к политической власти. *(«Правильно».)*

Председательствующий. — Кто за принятие ст. 3 в таком изложении: «Все граждане Кубанского края равны перед законом. Права кубанского краевого гражданства определяются особым законом. Все российские граждане пользуются в Кубанском крае защитою закона на общих с гражданами Кубанского края основаниях»? Принята.

Член Рады Коробьин. — Дальнейшие 4 — 6 статьи предлагаю принять без изменений. *(Читает.)* «Все граждане пользуются свободой совести. Никто не может быть преследуем за религиозные убеждения, и никто не может пользоваться привилегиями на вероисповедных основаниях». *(«Не слышно».)*

Председательствующий. — Голосую статью 4, 5 и 6. Приняты.

Член Рады Коробьин. — Ст. 7: «Гражданам предоставляется свобода». *(«Не спешите!»)* Ведь вы все это читали тридцать раз!

Председательствующий. — Виноват, вы не можете делать замечаний краевой Раде.

Член Рады Коробьин. — Извиняюсь... «свобода собраний и союзов с соблюдением правил, установленных особым законом».

Председательствующий. — Ставлю ст. 7 на голосование. Принята.

Член Рады Коробьин. — Ст. 8: «Кубанский край имеет свою армию. Все граждане Кубанского края подлежат воинской повинности, отбываемой на основании особого закона». Относительно статьи 8-й я должен дать разъяснение. Вот это та самая статья, к обсуждению которой мы не приступали в согласительной комиссии, потому что мы заявили представителям Добровольческой армии, что от этого пункта мы отступить не можем. И это было предпосылкой возможности всего нашего соглашения, что Кубанский край должен иметь свою Кубанскую армию; представители же Добровольческой армии сказали, что своей армии мы иметь не должны, таким образом, по моему мнению, никакого изменения в ст. 8-ю вносить нельзя, а следует принять ее в таком виде, в каком она есть.

Председательствующий. — Она принята и утверждена уже законом военным. Ставлю на голосование ст. 8. Принята.

Член Рады Коробьин. — Ст. 9: «Источником высшей власти в Кубанском крае является воля его граждан, выражаемая на представительных собраниях».

«Носителями законодательной власти в Кубанском крае являются краевая и Законодательная Рады, а носителями исполнительной власти — войсковой атаман и Кубанское краевое правительство». Что касается третьей части статьи, то она видоизменена, и я прошу принять ее в следующей, новой, редакции: «Судебная власть осуществляется независимыми судами, действующими на основаниях, в законе определенных. Судебные решения и приговоры выносятся именем закона». Это будет яснее и точнее. Уже помещенная в первой редакции фраза: «не подчиненная власти, кроме закона» — имела именно тот смысл, от чьего имени будут выноситься решения и приговоры. Прежде они выносились от имени его императорского величества, у большевиков — от имени рабоче-крестьянского правительства. Нам важно знать, от чьего имени будут произноситься приговоры и решения. Вместо того чтобы употреблять неясные выражения, мы напишем, что судебная власть осуществляется судом, независимым и действующим на основании закона, причем судебные решения и приговоры выносятся именем закона. Эта формула покрывает предыдущие.

Председательствующий. — Разрешите поставить статью 9 на голосование сейчас. *(Баллотировка.)* Ст. 9 принята с изложением третьей части в предложенной докладчиком редакции.

Член Рады Коробьин (по оглашении статей 10—15 проекта). — Прочтенные статьи не требуют каких-либо изменений. Правда, после принятия краевою Радою примечания к ст. 15 состоялось особое постановление, коим право избрания в Законодательную Раду несколько расширено. Однако, по моему мнению, это изменение

не должно быть вводимо сюда, потому что оно есть примечание, которое создано для данного случая, но этот данный случай еще не совершился. *(«Верно».)* Перехожу к ст. 16: «Законодательная Рада осуществляет законодательную деятельность, поскольку она не отнесена к ведению краевой Рады и пользуется правом законодательной инициативы. По законодательным предположениям своих членов или комиссий она может поручить краевому правительству разработку соответствующего законопроекта на принятых Радою основаниях. В частности, к ведению Законодательной Рады относится: рассмотрение и утверждение краевого бюджета, утверждение проектов правительственных займов, определение ежегодного контингента лиц, подлежащих призыву на военную службу, утверждение договоров, заключаемых с другими государствами, государственными образованиями и областями, и обсуждение деятельности Кубанского краевого правительства, к которому она может обращать вопросы и запросы». Разрешите сделать некоторые комментарии по поводу второй части этой статьи. Предоставление Законодательной Раде права определения контингента призываемых вызвало возражение со стороны представителей командования Добровольческой армии. Но ввиду того что нашей предпосылкой является организация своей армии, эту фразу необходимо оставить. Такие же возражения со стороны члена комиссии Нератова возбудило и упоминание о праве заключения договоров. По его мнению, мы не имеем права заключать договоры, потому что мы рассматриваемся как штат всего государства, а штатам этого делать нельзя. Но мы говорили, что мы штатом будем, когда будет единая государственная власть. А так как мы сейчас не штат а — как Дон — суверенное государство, то мы имеем право и можем заключать договоры с союзниками, и, быть может, нам придется заключать военные или торговые договоры. Мы это должны оставить, потому что эго есть логический вывод из условий нашего существования. Дальнейшие статьи 17–33 *(Читает.)* комиссия предлагает принять в установленной ранее редакции.

Председательствующий. — Ставлю доложенные статьи на голосование. Приняты.

Член Рады Коробьин. — Я предлагаю включить в статью 34-ю и 36-ю после слов: «члены правительства» слова: «краевой контролер и их товарищи». Дело в том, что краевой контролер и его товарищ пользуются, как и председатель краевой Рады и его товарищи, правами министров. В нашей практике государственный контролер принимал участие в заседаниях Совета министров, и поэтому нужно оговорить, что краевой контролер и его товарищ пользуются правами, как и всякий член правительства.

Председательствующий. — Кто согласен с этим дополнением? Принято.

Член Рады Коробьин. — Первые статьи раздела VIII, определяющие права атамана, вызвали возражения со стороны представителей Добровольческой армии, которые находили, что все военные силы в Кубанской области должны находиться в непосредственном подчинении командованию Добровольческой армии, а затем они предложили, что войсковой атаман должен быть также подчинен командованию Добровольческой армии. Вы понимаете, что мы на эту точку зрения стать не могли, и мы заявили, что войсковой атаман как глава края никому подчиняться не может. Он может подчиниться только центральной власти, когда она будет создана, а теперь, во всяком

случае, он никому подчиняться не может. Я полагаю, что это так и должно остаться. *(Голоса: «Выкинуть слова: «командованию Добровольческой армии».)* Таких слов там и нет. Подняты были прения и по поводу некоторых из последующих статей, однако оснований к изменению их комиссия не находит. *(Читает дальше статьи 37—62 с приложениями.)*

Председательствующий. — Ставлю на голосование оглашенные статьи. Приняты. Ставлю на голосование декларативную часть так, как она редактирована. Принята единогласно. Кто за принятие временного положения об управлении Кубанским краем в целом? Кто против? Кто воздержался? Один. Вы воздержались? *(«Нет».)* Виноват, тут шутить нельзя.

Я обязан знать, кто воздержался. Воздержавшихся нет? *(«Нет».)* Законопроект принят единогласно и отныне стал законом. *(Аплодисменты, голоса: «Перерыв», «Перерыв».)* Тут не так много вопросов осталось, чтобы делать перерыв. Ко мне поступило заявление о том, чтобы я принял меры, чтобы все принятые вами законопроекты — о конституции, военный и т. д. — были напечатаны до отъезда членов Законодательной Рады и им розданы. *(«Земельный просим».)* Пожелание это будет выполнено.

Член Рады Каплин. — Господа члены Рады! Согласно ст. 28 только что принятой окончательно конституции, лица, посягнувшие на свободу и безопасность краевой и Законодательной Рад, подлежат ответственности как за государственное преступление. Я считаю, что в этом отношении нужно сделать что-то более капитальное — нужно издать закон о привлечении к ответственности лиц, которых предусматривает ст. 28. Такой закон существовал в отношении охраны безопасности нашей Государственной Думы и Совета — это 328 ст. Уложения о наказаниях. И вот, я нахожу и полагаю, что необходимо принять закон, соответствующий этой 328 статье. Исходя из этого, я предлагаю поручить юридической комиссии к завтрашнему или послезавтрашнему заседанию разработать и предложить вниманию Рады закон об ответственности лиц, которые могут посягнуть на безопасность и свободу краевой и Законодательной Рад.

Председательствующий. — Желающих говорить по этому вопросу нет? *(«Нет».)* Ставлю на голосование предложение Каплина: поручить юридической комиссии разработать закон о порядке привлечения к ответственности лиц, посягнувших на безопасность и свободу краевой и Законодательной Рад. Принято. У нас на очереди стоит еще один вопрос — о приеме и исключении из казачьего сословия. Рассмотрим его сейчас? *(«Перерыв», «Перерыв».)* Тогда объявляю перерыв на 10 минут.

После перерыва.

Председательствующий. — Заседание возобновляется.

Член Рады Омельченко. — Господа члены высокого собрания! Комиссия, после того как земельный законопроект был рассмотрен, имела еще одно заседание, и вот на этом заседании, на основании частных разговоров со многими членами Рады, выяснилась желательность восстановления 3-й статьи первоначального проекта, которую мы было исключили, и вот я должен особенно остановить ваше внимание на этом положении.

Председательствующий. — Виноват, об этом мы будем говорить, когда перейдем к ст. 3-й.

Член Рады Омельченко. — В статьях 1 и 2 никаких изменений не предполагается. Дальше идет статья 3 первоначального проекта, которую мы исключили. Я думаю, что, может быть, после того как я прочту все статьи проекта, мы отдельно поставим вопрос о третьей статье и о примечании втором к ст. 5, которое мы исключили, но по поводу которого в комиссию от Баталпашинского отдела поступило заявление. Отдел указывает, что если это примечание изъять, то в тех случаях, когда фактически станичные общества уже взяли во владение частновладельческие земли, эти станичные общества обязаны будут заплатить землевладельцам за пользование землей по 1-е сентября 1919 года. Так вот, имея в виду заявление Баталпашинского отдела (другие отделы тоже в частном порядке подавали заявления), я предлагаю заслушать законопроект в целом и утвердить те статьи, которые вы должны безапелляционно утвердить.

Председательствующий. — Г. докладчик, вам предложено было прочитать законопроект, а Рада может утвердить его или нет. Если вы думаете вносить новые предложения, то вы можете внести, когда будет утвержден законопроект.

Член Рады Омельченко. — Итак, я изволил прочесть ст. 3. Статья 4... *(Читаются все статьи законопроекта.)* Итак, все статьи прочитаны.

Председательствующий. — Желающих прошу высказаться.

Член Рады Демиденко. — Господа члены Рады! Во всех статьях прямо указывается, что в пользовании и владении тех или иных юридических лиц остаются земли и леса. Соответственно этому я бы просил и в ст. 4 ввести, что в пользовании городов остаются как земли, так и леса, потому что этими лесами пользуются города и исключительно эти леса обслуживают в городах интересы школ. Я просил бы вставить в этом месте «и леса». У некоторых городов, как, например, в городе Майкопе, есть небольшой лес нестроевой, который служит исключительно для отопления своих городских учреждений — это могут подтвердить представители данного города. Я просил бы принять предлагаемую поправку и в пользовании городов оставить не только земли, но и леса.

Председательствующий. — Господа члены Рады! Вопрос, который поставлен оратором, вопрос очень серьезный и сложный. В прошедшем заседании, кажется, этот вопрос подвергался обсуждению, и, сколько помнится, это предложение было отвергнуто. Было принято, что земли остаются в распоряжении и пользовании городов. Если вы желаете пересмотреть вновь этот пункт, то это другой вопрос. Я повторяю, что предложенная сейчас поправка вносит определенное изменение в смысл ст. 4.

Член Рады Ильченко. — Господа члены Рады! Я хочу указать на одну маленькую ошибку и внести предложение, которое, собственно, ничего не изменит. В ст. 4 сказано, что земли остаются «за их владельцами», а я предлагаю заменить «за их обществами». Это для того, чтобы в станицах не было путаницы. А то может быть из-за этого много разговоров. Если оставить «за их владельцами», то кому-нибудь покажется, что владелец земли — это что-то не то, это что-то другое, хотя оно, конечно,

совершенно одинаково. Поэтому я прошу изменить в пункте 4 слова «за их владельцами» словами «за их обществами». Хотя оно и так верно, но лучше было бы так.

Член Рады Хубиев. — Господа члены Рады! Есть в третьей статье примечание, где говорится, что недра и леса, принадлежащие карачаевскому народу в пределах старой территории, указанные в прокламации графа Евдокимова, остаются в пользовании и распоряжении этого народа. По-моему, здесь выходит недоразумение. Ведь карачаевский народ живет не только в пределах, намеченных прокламацией, но и на иной земле, вне этой территории. И поэтому я прошу это указание совершенно выбросить и оставить так: «недра и леса, принадлежащие карачаевскому народу, остаются в пользовании и распоряжении этого народа»; тогда ясно и понятно будет, потому что часть карачаевского народа остается вне этой территории, а часть живет в этой территории.

Член Рады Минаев. — Господа члены Рады! В течение всех заседаний я вошел в первый раз и скажу, что я не юрист: этих вопросов не могу касаться, потому что я не особо высокого образования, так выражаться не умею и обсуждать вопрос не буду, а только скажу, как земельный вопрос самый серьезный и требует много обсуждения всестороннего, над которым немало потрудились, а в настоящее время идут разговоры о том, чтобы сделать перерыв, ввиду того что работы много, а мы устали, то мое предложение такое: проект земельный принять в таком виде, не утверждая его, а параллельно с другими... *(Шум; крики: «Долой», «Вон».)*

Председательствующий. — Прошу не кричать, призываю к порядку.

Член Рады Минаев. — Когда они вернутся, то могут привезти некоторые новые материалы, а потому я предлагаю сейчас не утверждать этого законопроекта, а раздать его в таком в виде, как он есть. *(Шум, крики: «Долой», «Вон».)*

Председательствующий. — Господа члены Рады! Сейчас внесено совершенно новое предложение, совершенно изменяющее характер наших работ. Предложение такого сорта, которое я должен поставить на баллотировку, а вы скажите свою мысль — утверждать или не утверждать земельный законопроект. Здесь предлагается напечатать этот законопроект в некотором количестве экземпляров и передать его на руки, а утверждение перенести к последующей сессии краевой Рады. Угодно ли вам обсудить этот вопрос или поставить прямо на баллотировку? *(Голоса: «Просим баллотировать».)*

Ставлю на голосование. Кто за то, чтобы земельный законопроект сейчас не утверждать, а в напечатанном виде раздать на руки и утверждение перенести на следующую сессию? Кто против? Явное большинство. Отвергнуто. *(Аплодисменты.)*

Член Рады Копанев. *(Шум.)*

Председательствующий. — Господа члены Рады! Оратор ждет, призываю к порядку.

Член Рады Копанев. — Господа члены Рады! То, что предыдущий оратор сказал, конечно, это нужно сделать. *(Шум, крики: «Предложение отвергнуто», «Долой».)* В горных станицах ожидали наделения землей. *(Возгласы: «Это всем известно», «Довольно».)*

Председательствующий. — Господин оратор, я вам заявляю, что это предложение громадным большинством отвергнуто и возвращаться к нему нельзя.

Член Рады Копанев. — У меня постановление, я должен объяснить членам Рады, потому что меня прислали. *(Голоса с мест: «Довольно».)* У меня от 5000 населения постановление есть, и я должен сказать, что нужно нам. *(Шум, крики: «Долой».)*

Председательствующий. — Прошу со мной в пререкания не вступать.

Член Рады Копанев. — Господа, простите мне, зачем вы так волнуетесь? Я должен все-таки сказать, я от нагорной полосы. *(Шум.)*

Председательствующий. — Господа члены Рады! Член Рады Копанев объяснил сейчас, что он по вопросу об утверждении законопроекта говорить не будет, а хочет внести некоторые коррективы в отдельные статьи законопроекта. *(Голоса: «Просим».)*

Член Рады Копанев. — Господа члены Рады! Раньше было сказано, что нагорная полоса наделяется землей в первую очередь, а теперь что же выходит? В краевой фонд входят земли частных владельцев, офицерские или потомственные, а эти земли отходят к тем станицам, от которых они отрезаны. И, значит, нагорные полосы ничего не получат, потому что им резать нечего, нечего наделять. *(Шум.)*

Председательствующий. — По существу, господин оратор.

Член Рады Копанев. — Я по существу говорю. По постановлению, земли частных владельцев, как сказано, остаются в пользовании тех хозяев, которые, как бы сказать, владеют культурными землями, садами, питомниками и племенным скотом. На тех участках, которые имели по 20 000 десятин и сейчас имеют, все занимаются культурным хозяйством, так что и отбирать у них нечего. А нагорным станицам ожидать неоткуда, потому что земли отходят к тем станицам, от которых они отрезаны. Жители нагорных полос более полувека жили в горах, мучились, и в настоящее время мы для нагорной полосы ничего не сделали. Я предлагаю…

Председательствующий. — Что вы хотите внести, какое ваше конкретное предложение?

Член Рады Копанев. — Собственно говоря, я прошу, чтобы эти земли, которые отрезаны от тех станиц, наделялись и жителям нагорных полос. Я знаю, около Гиагинской есть до 30 000 десятин земли, значит, эта земля прирезывается к этой станице, а нагорным станицам опять нечем пользоваться. Я прошу, чтобы и нагорные полосы наделить этой землей. *(Частичные аплодисменты.)*

Председательствующий. — Господа члены Рады! Вопрос этот обсуждался и подвергался тщательной критике во время первого чтения законопроекта земельного, и никаких предложений тогда не было внесено. Эта статья уже была утверждена и принята, а теперь вносится совершенно новое предложение. Если вам угодно, я поставлю на обсуждение. *(Голоса: «Не нужно».)*

Член Рады Макеев. — Так как малоземелье признано как факт и так как в основание земельного проекта было принято, что земли должны принадлежать тем, кто их будет сам обрабатывать, то в статью 13 прошу внести поправку: «бывшим владельцам, которые пожелают обрабатывать землю» — чтобы этим не допустить эксплуатации труда.

Член Рады Омельченко. — Господа члены Рады! Что касается редакционных поправок, которые внесены некоторыми ораторами, как, например, о замене в ст. 3 слов: «остаются в пользовании их владельцев» словами: «остаются в пользовании их обществ», то такие редакционные поправки должны быть, безусловно, приняты.

Председательствующий. — Кто за то, чтобы слова «остаются за их владельцами» заменить словами «остаются в пользовании обществ»? Принято.

Член Рады Омельченко. — Господа члены Рады! Что касается предложения о нагорных полосах члена Рады Копанева, то это предложение является не редакционной поправкой, а поправкой по существу. Следовательно, те положения, которые внесены, они, безусловно, при третьем чтении проекта, как вносящие существенное изменение, должны быть отвергнуты, о чем я прошу почетное собрание подтвердить. Я как докладчик не могу согласиться с такими предложениями. Я удивляюсь тому, что при этом чтении вносились не редакционные поправки, а поправки, касающиеся существа данной статьи.

Председательствующий. — Я баллотирую поступившие предложения. Первое предложение, чтобы в статью: «Земли, принадлежащие городам, остаются в распоряжении и пользовании городов» — было внесено добавление «и леса». Кто за эту поправку? Кто против? Отвергнута.

Член Рады Омельченко. — Относительно предложения, внесенного по поводу карачаевского народа, должен указать, что оно является не редакционным видоизменением, а касается существа дела. Следовательно, теперь нам придется или открыть прения по этому вопросу и детально рассмотреть это предложение со всех сторон, или подобное предложение должно быть отвергнуто. Я как докладчик стою на той точке зрения, чтобы это предложение было отвергнуто. *(Голос с места: «Прошу слова».)*

Председательствующий. — Я не могу дать слова. Если кто желает говорить, то должен своевременно подать записку. По поводу внесенного предложения я считаю своим долгом сделать разъяснение. Вы приняли статью, в которой говорится, что земли, принадлежащие аульным обществам, остаются в их распоряжении и пользовании впредь до разрешения земельной реформы. В данном случае говорят о карачаевском народе. Прокламация графа Евдокимова захватывает только часть территории карачаевского народа, но другие аулы, как Джибукай и другие, которые, безусловно, составляют территорию карачаевского народа, эта редакция статьи лишает тех прав, которые предоставлены остальным аулам, и такое положение создает ссылка на прокламацию. Поэтому и предлагается исключить эти слова. Кто за то, чтобы исключить из этой статьи ссылку на прокламацию графа Евдокимова?

Член Рады Омельченко. — Я считаю, что, поскольку здесь идет речь о том, чтобы оградить интересы аульных обществ известной территории, то они уже ограждены формулировкой 3 статьи, где говорится: «впредь до проведения земельной реформы» и т. д. И я думаю, что исключать те слова, которые являются ссылкой на прокламацию графа Евдокимова и по поводу которых много говорили, нельзя. Интересы аульных обществ ограждены. Если имеются в виду исключения для того, чтобы оградить какие-нибудь другие интересы, то об этом нужно поговорить основательно, а так, мимоходом, исключать я не рекомендовал бы.

Председательствующий. — Я ставлю на голосование. Кто за то, чтобы исключить ссылку на прокламацию графа Евдокимова? Кто против? Явным большинством предложение отвергнуто. Есть еще одно замечание господина Макеева. Я, собственно

говоря, не понимаю этого замечания, которое обсуждалось и было отвергнуто. Ведь статья, на которую ссылается г. Макеев, была уже редактирована таким образом: «бывшим собственникам земли, заявившим желание обрабатывать» и т. д. — эти слова были исключены после длинных дебатов. И сейчас эти слова вставлены быть не могут, потому что голосованием во втором чтении они были исключены. Мне кажется, что это предложение не является редакционной поправкой, а касается существа дела.

Ко мне поступило предложение открыть прения по ст. 3.

Член Рады Омельченко. — Я как докладчик должен сказать о статье 3, что до общего голосования законопроекта это предложение нужно обсудить.

Председательствующий. — Это ваше право.

Член Рады Омельченко. — Я полагаю, что те статьи, которые я изволил прочесть, и те постановления, которые имеются, нужно утвердить; а что касается ст. 3 и примечания, то я уже вам докладывал, что мы об этом немного поговорим и дополнительно утвердим.

Председательствующий. — Господа члены Рады! Я считаю долгом напомнить вам, что статья 3 земельного законопроекта была вами почти единогласно отвергнута, но, так как поступило предложение восстановить ее, то я голосую, желаете ли вы открыть прения по этому вопросу? *(Член Рады Омельченко с места: «Разрешите мне сказать несколько слов».)* Пожалуйста.

Член Рады Омельченко. — Господа члены Рады! Мне кажется, что такой вопрос ставить невозможно.

Председательствующий. — Прошу следить за тем, что я говорю. Если Рада решит открыть прения, то я это должен сделать. Голосую. Кто за то, чтобы открыть прения? Большинством голосов отвергнуто. Слово принадлежит докладчику.

Член Рады Омельченко. — Господа члены Рады! Третья статья проекта комиссии гласила следующее: «Кубанское казачье войско сохраняет за собой все права по владению, пользованию и распоряжению принадлежащими ему землями, недрами, лесами и водами». Эта статья вами целиком исключена из земельного законопроекта. Я как докладчик от имени многих голосов, раздавшихся здесь, хотел бы сказать, чтобы эта статья снова была восстановлена на своем прежнем месте. И вот поставлен вопрос: нужно ли говорить по поводу 3-й статьи, чтобы ее водрузить или чтобы ее отвергнуть? *(Голоса: «Принять».)* Только что произведенным голосованием вы снова отвергли эту статью, но я считаю это голосование результатом некоторого непонимания. Вы ее отвергли было, но я покорнейше прошу высокое собрание после утверждения законопроекта снова возбудить вопрос о восстановлении этой статьи в той или иной редакции, чтобы водрузить ее на прежнее место.

Председательствующий. — Теперь я снова ставлю на голосование вопрос: желаете ли вы открыть прения по этому вопросу? *(Шум.)* Вопрос возбужден, и я ставлю на голосование — вообще об открытии прений, а потом уже последует ваше обсуждение. Кто за то, чтобы открыть прения по 3-й статье старого законопроекта? *(Баллотировка.)* Постановлено открыть прения. Теперь я ставлю вопрос, открыть ли прения до утверждения законопроекта или после. Большинством голосов принято обсудить после утверждения. Считаю необходимым огласить проект земельный целиком. *(До-*

кладчик читает проект земельный.) Принят. Слово предоставляется докладчику члену Рады Омельченко.

Член Рады Омельченко. — Господа члены высокого собрания! Я хочу сказать относительно 3-й статьи. Принимая во внимание голоса, которые раздались среди членов Рады и после обмена мнений в комиссии, мне было поручено как докладчику ходатайствовать перед вами о восстановлении 3-й статьи на ее прежнем месте. *(Голос: «Принять без прений».)*

(Заседание продолжается под председательством товарища председателя сотника Д. Филимонова.)

Председательствующий. — Слово предоставляется члену Рады Султану Шахим-Гирею.

Член Рады Султан Шахим-Гирей. — Господа члены Рады! Я вижу по вашему настроению, что вы готовы принять этот пункт без всякого обсуждения. Конечно, я не могу объяснить этот перелом, который произошел в ваших душах и сердцах, в вашем уме после того, как этот пункт был отвергнут единогласно. Крик о том, чтобы принять без прений эту статью, не мог меня остановить, ибо я считаю своим долгом и перед народом, и перед совестью сказать то, что надлежит сказать в данном случае. Я, может быть, даже убежден в том, что мои слова останутся «гласом вопиющего в пустыне». Но я во всеуслышание должен сказать, что принятие 3-го пункта это явится опять тем, о чем мы так долго спорили, — тем подводным камнем, в результате которого может разбиться наш корабль кубанский. Я должен сказать следующее, что целым рядом постановлений, вынесенных по земельному законопроекту, вы признали, что Кубанский край владеет всеми недрами и лесами. В то же время вы делаете исключение для Кубанского войска. Возможно, что войско пожелает сохранить свою физиономию, но по существу получится совершенно другое. Если вы примете статью 3-ю в той редакции, которая вам предложена комиссией, — я должен вам сказать откровенно, что вы эти земли совершенно изъемлете из краевого фонда и у вас образуется совершенно особый фонд, так сказать, войсковой. Может быть, это справедливо, может быть, это так нужно — я спорить не буду, но я только хочу указать на другое обстоятельство. Кубанское войско, изымая из краевого фонда недра, земли и леса, оставляет за собой исключительное право собственности на доход и всех совершенно отстраняет от участия в эксплуатации этих территорий, а вместе с тем требует, чтобы Кубанское войско как таковое могло участвовать во всех доходах со всей территории земель, принадлежащих Кубанскому краю. Я обращаюсь к вам и говорю: справедливо ли будет такое разрешение вопроса? Отвечает ли это стремлениям и духу каждого из нас, которые задались целью, если не во всех отношениях, то хотя бы частично осуществить ту справедливость, которая присуща каждому человеку, а тем более тем, которые собрались устраивать жизнь на законных основаниях, на основах правопорядка, и руководились единым принципом не обидеть друг друга? Если 3-я статья будет принята в той редакции, в которой она была отвергнута, то мы возвращаемся к тому, перед чем стояли, когда баллотировалась эта статья. Я оставляю за собой право говорить от имени той нации, которая имеет основание и право говорить и имеет право сохранить за собой те права, которые ей принадлежат и исторически, и по законам Российского государства.

Я оставляю за собой право на это. Тогда у вас будет вопрос вообще о краевом фонде: нужен ли он или нет? А именно — должно ли образовать несколько фондов или будет один войсковой фонд, а краю будет отходить определенный процент доходов? Но тогда вопрос переходит в совершенно другую плоскость. Впрочем, может быть, предлагающие хотели этим выразить другое; может быть, они не имели в виду доходов от эксплуатации недр и лесов, а хотели, чтобы казачество первое было удовлетворено землею. Тогда это можно сделать в другом порядке. Это будет вопрос, подлежащий рассмотрению Законодательной Рады при разработке ею земельного законопроекта. По этим соображениям, высказанным только что мною, я предупреждаю членов Рады о том, что, если статья 3-я будет принята в том виде, как ее предлагают, то это будет подводным камнем, о который разобьется наш корабль, и я оставляю за собой право говорить от горской национальности и крестьянских товариществ, которые также живут на этих землях.

Член Рады Феськов. — Господа члены Рады! Быть может, для нас выпустить статью из проекта не представляет ничего особенного, да оно так и есть; но дело в следующем: что казаки уже теперь, особенно в Ейском отделе, да, вероятно, и в других, все время беспокоятся о том, что как будто казачество где-то затерялось, а вместе с тем исключение этой статьи производит впечатление, будто бы и достояние казачества куда-то делось. Это нас, здесь присутствующих, особенно не запугивает, но должен вам засвидетельствовать, господа, что если мы 3-ю статью совершенно выпустим, то это наделает много беспокойства среди всего казачьего населения, оставшегося на местах. С этим не считаться нельзя. И в какой бы редакции мы ее ни приняли, но ее нужно сохранить, о чем я лично и Ейский отдел просим краевую Раду.

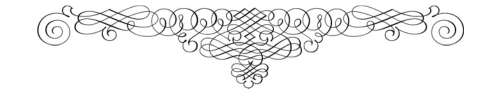
Член Рады Демиденко. — Господа члены Рады! Прошлый раз, когда эта статья вами была отвергнута, многими приводились доводы и за, и против, и было такое выражение сказано: «все ваше наше, а все наше ваше». Это я подтверждаю, что было. Поэтому, выслушав все доводы, мы тогда единогласно признали, что, раз мы строим край на основах крепких и твердых, — мы для этого края и создадим один фонд. Мы признали, что отдельных лиц в крае нет. Признавая же Кубанское войско как особую юридическую единицу, вы оставляете за ним право частной собственности, между тем за городами вы не оставляете такого права. Чтобы не создавалось новых инцидентов, чтобы не пришлось настаивать на том, чтобы и за городами оставлялось право собственности как за юридической единицей — вообще чтобы не возбуждать снова прежних недоразумений, я прошу не восстановлять этой статьи и не бояться, что войско потеряет свою физиономию, ибо мы будем создавать семью казачества.

Член Рады Гатагогу. — Господа члены Рады! Опять 3-я статья, опять она — и те же слова! Придется, к сожалению, и мне повторяться: ничего нового не придумаешь. Придется говорить о своей боязни. Вы выслушали прошлый раз, что может создать эта статья; какое положение создается для нас, горцев, я вам говорил уже. Какое положение будет у вас? Что же вы хотите, чтобы мы остались на старом положении? Я не думаю; а если вы примете этот пункт и оставите за войском землю, то я вас уверяю, что мы опять придем к старому положению. Вы оставляете за войском земли, эти земли будут отобраны у тех станиц и общин, из которых они были

выделены, и получится ненормальность с точки зрения здравого смысла, полный абсурд. Разрешите, я приведу пример: в юрте аула Тахтамукай находится частной земли 2000 десятин с лишком. Частные земли были из юртов выделены. Правда, были сделаны дополнительные юртовые наделы, но не полностью, и теперь по закону они перейдут к этому обществу. Возле аула Урупского, напротив, нет частновладельческой земли; он и сейчас без земли, ибо пришлось поделиться с соседним аулом своим наделом; этот аул останется без дополнительного надела, так как не будет земли, из которой можно будет наделить. Теперь мы, горцы, просим: если вы примете эту статью, то дайте возможность из горских земель, которые были отобраны, образовать свой фонд, или уравняйте нас в правах с вами. По этим соображениям я прошу бывшую статью 3-ю в проект не включать, но если вы ее введете, то я прошу внести специальную статью об образовании особого фонда земельного для горцев.

Председательствующий. — По мнению президиума, кворума нет; таким образом, обсуждение 3-й статьи сегодня не может состояться. Кто за то, чтобы обсуждение статьи 3-й было перенесено на следующий день? Большинством голосов принято. Объявляю заседание закрытым.

Заседание закрывается в 9 час. 30 мин. вечера.

Стенографический отчет 34-го заседания Чрезвычайной Рады Кубанского края 6-го декабря 1918 года.

Заседание открыто в 10 час. 55 мин. утра товарищем председателя Д. А. Филимоновым.

Председательствующий. — Заседание открывается. Господа члены Рады! Во вчерашнем заседании вечером было постановлено обсуждение ст. 3 земельного законопроекта перенести на сегодняшнее заседание. Желающих высказаться по этой статье прошу записываться.

Член Рады Воропинов. — Господа члены Рады! Вопрос о третьей статье лично отношу к разделу вопросов в высшей степени щепетильных, но, тем не менее, считаю для себя обязательным высказать свой взгляд на этот вопрос. Собственно говоря, мнение Ейского отдела по существу остается или малопонятным, или даже совсем непонятным. Ейский отдел опасается, что вдруг произойдут какие-то события, а мы, войско Кубанское, от своей земли отказались и потому можем очутиться перед возможностью лишиться права на свою землю. В связи с этим в одном из отделов кто-то из остроумных людей вывесил объявление такого содержания: «Кубанский атаман разыскивает неизвестно куда скрывшееся Кубанское казачье войско. Указавшему его будет выдано приличное вознаграждение». Это объявление, господа, напоминает мне того старого запорожца, который с трубкой в руках бегает и разыскивает свою трубку. Ведь, господа, получается странное положение. Говорят, что войска нет, что войско погибло, войско необходимо разыскать и т. д., а посмотрите на краевую Раду, что она представляет собой — разве по существу это не есть войско Кубанское? Разве представляется хоть какая-нибудь возможность того, что земельный вопрос при таком составе краевой Рады может быть разрешен не в интересах всей Кубанской области? Этого не может быть. Но я, господа, просил вас остаться на тех позициях, на которых мы стояли до сего времени. Я лично принадлежу к той группе лиц, которая стояла на том, чтобы Кубанский край именовался краем войска Кубанского, но настоящий политический момент, а особенно перед созывом краевой Рады, был таковым, что об этом разговаривать было не совсем удобно и не совсем безопасно, ибо в определенных политических кругах, выразителем которых явилась газета «Россия», г. Шульгин и иже с ним пытаются проводить определенную мысль о том, что нас, войско Кубанское, надо трактовать как определенное сословие и в этих границах предоставить нам возможность самоуправления. Вы — войско, и в области своих сословных интересом извольте управляться, самоуправляться как вам угодно, а Кубанская область — это есть одна из губерний, в которой высшая власть должна принадлежать г. губернатору, или генерал-губернатору, или наказному атаману. Ввиду этих соображений и ввиду того, что было стремление загнать нас в сословный тупик, я лично отказался от мысли начать проводить ту терминологию, которая для нас более всего подходяща. Но теперь мы стали на ту точку зрения, что в настоящее время дело не в терминологии, а в сущности. И я полагаю, что вопрос, возбуждаемый Ейским отделом, неуместен и мы должны остаться

при прежнем решении, т. е. статью 3-ю в законопроект не вводить — это самое лучшее, что мы можем сделать. Если же — я не сомневаюсь, что мы, конечно, дорожим своим историческим названием, что нам дорого, чтобы край наш не был безличным, — если мы хотим, чтобы в самом понятии, в самом заглавии оттенялось, кто в этом крае играет первенствующую роль, то я скажу, что сейчас для этого нет времени. Будет время, успокоятся политические страсти, и краевая Рада, вероятно, ни на одну минуту не задумается и не остановится перед тем, чтобы восстановить историческое название, и тогда мы в состоянии будем назвать наш край краем войска Кубанского и по всей конституции провести соответствующую терминологию. Таким образом, предложение Ейского отдела, я полагаю, не может быть принято, и статью 3-ю и земельный законопроект в данный момент абсолютно нет смысла вводить.

Член Рады Ильченко. — Господа, я по земельному вопросу уже выступал, и опять мне приходится говорить то же самое, что и в первый раз. Этот пункт совершенно не нужен, прямо не нужен, и бояться нечего, что его не будет; чего бояться, даже не выразив, чего именно бояться?! Здесь боятся того, что если мы приедем домой, то нам скажут: «Вы утеряли войско». Мы не войско утеряли, а название, и тут ничего нет страшного. *(Шум.)* Если мы назовем краем, мы ничего не потеряем. Для нас сила не в слове, не слова нам нужны, а жизнь. И сама жизнь говорит за то, чтобы этот пункт выбросить, прекратить прения и баллотировать его.

Член Рады (фамилия не установлена). — Господа члены Рады! Здесь только что оратор сказал, что нам не нужны слова, но нужно что-то другое. А я скажу; сначала бывают слова, а впоследствии принимается дело. Мы почему-то выпускаем из вида, что есть Кубанское казачье войско. Войско на воздухе держаться не может, следовательно, у этого войска должны быть и земли, должны быть средства, должны быть богатства. Наше войско существует не первый год, без этих средств жить оно не могло бы. Другие говорят, что есть край, а я по этому поводу позволяю себе высказать мысль, может быть, несправедливую: у нас есть край; в крае у нас находятся не одно казачье население — есть и иногородние, и горцы, и карачаевцы. Может ли быть, чтобы Рада в настоящее время, когда наши дети, братья завоевали этот край, вынесла постановление, которым они лишаются своего достояния? Как будто бы назвать свое достояние другими словами неудобно. Может быть, будет вторая Рада, когда от края явятся большее количество представителей иногородних, чем казаков. Но сейчас, когда казаки своими трупами усеяли все поля Кубани, даже Ставрополя, я от этих слов не отступаю ни на шаг. Ибо казаки на фронте встречают: «Где вы потеряли свое достояние?» По-моему, мы должны сказать, что Кубанское войско существует, достояние кубанских казаков имеется. И я просил бы всех не отступать от ст. 3-й предложенного земельного проекта. Я бы, господа, желал, чтобы в эту минуту новый выбранный атаман дал пояснение по поводу «края» и «войска».

Член Рады Пилипенко. — Господа члены Рады! Вчерашний вечер почти все ораторы высказались за отклонение ст. 3-й земельного проекта. Ейский отдел, настаивая на принятии этой статьи, исходил из таких соображений, которые другими отвергались. Во-первых, под словом «Кубанский край» понимаются все живущие здесь народы; сюда относится казачье население, коренное и пришлое иногороднее.

Понятие это слишком широкое, и если мы примем его, то что же тогда останется для нашего войска, для казачьего населения? Почему некоторые пункты этих статей указывают, что карачаевскому народу принадлежат недра и леса, а почему нет статей, которые ясно бы указывали на права нашего кубанского казачества? Эту статью внести крайне необходимо, потому что мы не знаем отдельных положений, отдельных статей о строительстве нашего государства в будущем. Нас послали защищать казачьи интересы, все то, что по праву должно принадлежать нам, и мы в этом законопроекте должны ясно и определенно указать так, как именно об этом говорит ст. 3-я по проекту комиссии, — что Кубанское казачье войско владеет и распоряжается тем-то и тем-то. Это крайне необходимо внести, это наш долг, потому что нас могут спросить: «А где войско Кубанское? Где права?» — а их нет. Что значит понятие «Кубанский край»? — это понятие слишком широкое, а потому внести 3-ю статью крайне необходимо.

Член Рады Жук. — Я считаю, что третью статью необходимо сохранить, и вот по каким обстоятельствам. Мы с вами здесь находимся уже месяц, мы понимаем всю обстановку положения всего края, но когда мы возвратимся домой, к избирателям, которые не в курсе дела, то вы представляете, какая может получиться картина. Нас спросят: «Где же войско?» Это одно положение. Другое положение то, что казаки имеют свою историю — а за казаками есть история — и никогда не согласятся перестать существовать как община, как войско. Я понимаю, что «край» — эта очень широкое понятие, это правильно, но в настоящий момент войдите в положение, какой период строительства государства Российского в целом, и в частности Кубанского края, мы переживаем? Вдруг получится, что колесо истории повернется обратно, и мы, казаки, останемся без земли, потому что нам скажут: «Вы отказались от войска и своих прав». Я настаиваю категорически и прошу, чтобы эта статья осталась в целом. Она будет говорить, что у казаков есть история, которая дала им права и землю.

Член Рады Ковалев. — Я как природный казак смотрю и невольно вижу то, что будет в будущем. Сначала, как некоторые говорят, мы будем Кубанском краем, а потом мы посмотрим, что будет. Это говорят некоторые господа, социалисты больше всего, им хочется обезличить нас. Мы сейчас воюем на фронте, и вы посмотрите: какой процент казаков здесь, в Раде, такой процент и на фронте. Нас — большинство. Поэтому все должны подчиниться большинству, и в названии это положение тоже необходимо подчеркнуть: сначала называют именем правильным, а потом говорят и делают. Посмотрите на север, на нашу соседнюю страну, на Дон. Там сразу было сказано: «Всевеликое войско Донское», хотя там есть иногородние, калмыки, степные народы, и все они называются казаками, и все пользуются равными с казаками правами. Если нам укажут на их законопроект и на наш законопроект о приписке к казачьему сословию, о приписке всех тех, кто желает приписаться в казачье сословие, то вы увидите, что там приписавшиеся пользуются равными правами до земли включительно, а у нас говорится о горцах, о добровольцах, о карачаевцах, а о казаках не говорят. Даже больно становится. Сначала нужно переименовать «Кубанский край» на «Кубанское казачье войско» *(Аплодисменты.)*, а тогда в эту статью 3-ю,

которая такой болью в сердце каждого отзывается, вычеркивать не нужно. Этим вы сохраните и нас, казаков. Мы это кровью доказали и еще будем доказывать впредь.

Член Рады Пономарев. — Господа члены Рады! Я извиняюсь, что мои, как бы сказать, слова, может быть, будут некоторым не по сердцу, но не думайте, что это с целью упрека, что это может иметь к кому-нибудь отношение. Нет, я раньше пользовался, ныне пользуюсь и буду пользоваться землей не по тем проектам, которые уважаемое собрание вырабатывает, а по общему проекту, который давно уже выработан: «из земли еси и в землю отыдеши». *(Смех.)* Земля есть кормилица для всех нас, землей мы будем сыты и в землю мы отойдем. Я хочу высказать в сих словах, что правда превозносится над судом, истина — повелительница над судом. С этой точки зрения я и хочу провести свою мысль. Мы говорили в этом высоком собрании, что пусть владельцы земель, которые заинтересованы собственностью, пусть они от этих земель откажутся в общую пользу, потому что в большинстве случаев из-за земли льется невинная кровь, из-за этого многие жертвуют своей жизнью. Тем, которые стремятся создать единую, неделимую Россию, которые не считаются со своими собственными интересами, забыли семьи, жертвуют жизнью, мы говорим, что Кубанская область имеет краевую армию, которая содержится на общий краевой фонд для всех одинаково. Но почему-то теперь говорят: создадим кубанский войсковой фонд и краевой. Получается, как раньше на германцев говорили — «Что мое, то мое, а что твое, то тоже мое». *(Шум, крики: «Долой».)* Мы принимаем общий краевой фонд, общую краевую армию, и вдруг создаем еще и войсковой фонд. Где же правда? Я затрудняюсь найти здесь эту правду, но я должен указать на нее, потому что эту правду искали и раньше. И я думаю, что как раз и мерочка подойдет к этой справедливости, к этой правде. К тем, «стремящимся создать единую Россию», подойдет такая мерочка: «кости грешника наполнишася грехом и на дне адовом упокоишася». Вот как раз и подойдет эта мерочка к тем, которые, «стремясь создать единую Россию», преследуют личные интересы. Вдруг наряду с общекраевым земельным фондом создается и свой, войсковой, фонд! Если вам, господа, придется высоко подняться, то побаивайтесь, как бы не пришлось упасть, как бы не получилось вавилонское столпотворение. В заключение я вам говорю: «уклоняйтесь от зла, и да с вами Бог».

Член Рады Гатагогу. — Господа члены Рады! К сожалению, очень трудно говорить, когда заранее знаешь, что наши мысли многим не нравятся. Если так, то, конечно, говорить не стоит, но я полагаю все-таки, господа члены Рады, что вы должны выслушать и принять те доводы, которые мы будем приводить. Ибо я полагаю, что мы имеем право сказать о том, о чем думаем и о чем болит у нас душа. Мы вас слушали, потрудитесь и вы нас выслушать. Здесь усвоили одну очень простую и всем попятную мысль, что казачество имеет собственность, что казачество имеет леса, земли, недра. Оставить все это неплохо — совершенно правильно, я с вами вполне согласен, даже больше — я сторонник того, чтобы за вами это оставить, но подумайте и о нас, о коренных жителях края. *(«Уже подумали — там примечание есть».)* Вы подумали о карачаевцах, а не о горцах. Если бы вы внимательно вчитались в то, что там написано, то вы не стали бы это говорить.

Я должен заявить, что у горцев такой собственности нет, кроме одного Карачая, у которого имеется земли несколько тысяч десятин, — других земель общинных

у горцев нет, и говорить о том, что о горцах подумали, — я не нахожу, чтобы это было сказано чистосердечно. Если вы становитесь на путь преимущественного положения, то вы подумайте и о горцах, сделайте так, чтобы и горцы не были обижены.

Мы полагаем, что, раз вы призываете нас одинаково к отбыванию воинской повинности, если вы считаете нас равноправными гражданами в этом отношении, то мы наряду с одинаковыми обязанностями должны пользоваться и одинаковыми правами. Если же вы хотите сделать совершенно другое из боязни, что земли, находящиеся в пользовании Кубанского края, могут быть розданы не только казакам, но и между горцами и коренными иногородними, то я не понимаю совершенно, о каких правах гражданства вы говорите, ибо права гражданства устанавливаются вами. Вы можете ограничить понятие «край», можете не принять в число граждан, если не хотите, если боитесь, что ваши права будут совершенно отняты, можете ограничить это понятие известными условиями, но если вы говорите о правах гражданственности, то воздайте и нам, горцам, должное; воздайте то, что мы заслужили по праву, то, что нам принадлежит по праву, то, что отнято у нас без всякого на то права, конечно, права справедливого, а не насильнического. Вы этим возвратите то, что было отнято у горцев царями, что было отнято для того, чтобы наградить известных лиц, чтобы отметить их службу перед собой, — вы отдадите то, что исторически было отнято. Иначе что же получается? То, что было отнято, вы возьмете в краевой фонд и в первую голову будете наделять малоимущих казаков, а потом горцев и иногородних; у вас же остается старое положение: вы имеете общую собственность, колоссальнейшие богатства — это у вас остается, да плюс к этому вы прибавляете то, что было отнято у нас и что досталось всевозможным прислужникам старого строя. По чистой совести я это считаю неправильным. Вы или должны закрыть двери для входа сюда, ограничить права гражданственности в крае, т. е. указать точно, кто пользуется правом наделения из этого земельного фонда, и оградить этот круг определенными данными, или же пойти по тому пути, по которому вы намечаете сохранить за войском войсковые земли, против чего ни один горец не возражает. Но тогда дайте же и нам, горцам, возможность образовать из всех земель, которые были отняты у нас, особый горский фонд, из которого будут наделяться малоимущие горцы.

Ставить горцев на одну доску с крестьянами, которые здесь живут оседло, тоже нельзя, ибо эти крестьяне, может быть, только вчера получили землю, только вчера образовали товарищество. Что же получается? У казаков остается фонд, а у горцев и иногородних его нет. Вы не забывайте, что у нас есть статья, которая говорит, что в первую голову будут наделяться малоимущие казаки, а потом горцы и иногородние. Те же иногородние, которые приписываются к казакам, они, может быть, только вчера купили полдесятины земли, и они, как малоимущие, будут наделяться на равных с казаками правах. А горцы, которые испокон веков жили здесь, выросли здесь, защищали этот край, — ничего не получат. Если вы, казаки, считаете, что это справедливо, тогда идите по тому пути, по которому идете сейчас, только раскройте скобки. Если вчерашние крестьяне, живущие где-нибудь в селе Успенском и, может быть, входящие в товарищество, приписываются в казаки, то они становятся казаками Кубанского войска и должны быть сряду наделены землей, ибо у них только полдесятины. Если вы

так продолжите вашу мысль, то выйдет, что малоимущий казак имеет 12 десятин, и в то же время он подлежит дополнительному наделу в первую очередь, а горец, который имеет несчастных две десятины, только потому, что он не приписан в казаки, будет наделяться во вторую очередь, и, наконец, иногородний, который, может быть, вчера купил полдесятины земли и приписался в казаки, будет наделен в первую очередь. *(Голос: «Ничего подобного».)* Это значит — закрывать глаза: прочтите законопроект, и вы увидите, что это именно так. Вывод из моей речи таков: горцы ничего не имеют против третьей статьи, наоборот — приветствуют мысль о сохранении третьей статьи в том случае, если вы им воздадите должное. Мы не будем жить раздельною жизнью с вами, казаки, если вы признаете равными гражданами и казаков, и горцев, и иногородних, но тогда статью третью нужно выбросить. Если же вы хотите сохранить 3-ю статью, тогда дайте должное и горцам.

Председательствующий. — Записано еще 12 ораторов. Поступило предложение прекратить прения и другое — закрыть запись ораторов. Кто за то, чтобы прения прекратить? Кто против? Прения прекращены. *(Голос с места: «Позвольте сказать за прекращение прений».)* Здесь раздаются протесты, и я предлагаю высказаться одному за прекращение, другому против. Я исправляю свою ошибку и даю желающим высказаться. Против прекращения — Демиденко.

Член Рады Демиденко. — Господа члены Рады! Вы всегда в таких вопросах говорили: «Нужно быть осторожными и подходить к таким серьезным вопросам осторожно». Перед нами прошел целый ряд ораторов, которые говорили только в направлении предложения Ейского отдела, и вы, не выслушав противоположной точки зрения, не даете возможности другим сказать в противовес этому предложению, не даете возможности записавшимся ораторам высказаться, чтобы осветить эту точку зрения как с одной, так и с другой стороны. Я предлагаю закрыть список ораторов, но дать возможность высказаться и тем и другим.

Член Рады Ильченко. — Господа члены Рады! Кажется, нет надобности балакать. Уже все достаточно говорили. Осталось баллотировать. Я настаиваю и прошу прекратить прения.

Председательствующий. — Кто за прекращение прений? Большинством голосов прения прекращены. Итак, статья третья гласит: «Кубанское казачье войско сохраняет за собой все права по владению, пользованию и распоряжению принадлежащими ему землями, недрами, лесами и водами». Кто за то, чтобы эту статью принять? Большинством голосов статья 3-я принимается. Слово предоставляется члену Рады Намитокову для внесения добавления в третью статью. Дело в том, что член Рады Намитоков просил слова в общем списке ораторов, причем он хотел внести дополнения к статье 3. *(«Просим».)* Этого внесения он не сделал. Что же касается ст. 3-й, то в нее могут быть внесены изменения и поправки, а потому я даю слово Намитокову, но так как он выступает от всей группы горцев, то просит сделать перерыв, в точение которого он совместно с группой обсудит этот вопрос. Объявляю перерыв на 10 минут.

После перерыва.

Председательствующий. — Заседание возобновляется. Слово предоставляется члену Рады Намитокову.

Член Рады Намитоков. — Господа члены Рады! Мы, горцы, считали, что решение земельного вопроса было бы наиболее правильным, если бы статью третью исключить, но ввиду того, что сейчас состоявшимся голосованием принято статью эту оставить, мы, горцы, предлагаем внести в нее следующее добавление: «Горские племена, сохраняя в своем пользовании и распоряжении принадлежащие им земли, в том числе недра, воды и леса, образуют особый горский фонд». Таким образом, круг земель, состоящих собственностью Кубанского казачьего войска, расширяется; сюда входят не только те земли, которые составляли войсковую собственность, но земли и леса юртовые. Тогда отпадает необходимость статьи 4-й, и она должна быть исключена.

Член Рады Морев. — Господа члены Рады! Когда мотивировали необходимость принятия отвергнутой статьи третьей, говорили, что нам нужно возвратиться в станицы с ответом, что войско не потеряло своих прав. Но наше положение, представителей городов, еще хуже, потому что, когда выяснится, что потеряли города, нам туда тоже нельзя будет ехать.

Если вы разрешите, я прочту вам письмо, присланное на мое имя из Анапы, от Анапского городского управления. Там волнения и недоумения. *(Оглашает письмо.)* «Г. члену Кубанской краевой Чрезвычайной Рады Н. И. Мореву. По газетным известиям, в Чрезвычайную Раду внесен законопроект о земельных отношениях, по которому в распоряжение и пользование городов оставлены лишь земли, принадлежащие городам; что же касается недр, лесов и рыболовных вод, то они, по смыслу 1—5 ст. законопроекта, переходят в распоряжение Кубанского края».

В то же время недра, леса и воды Кубанского войска остаются в его распоряжении, равно леса станичных, хуторских и сельских обществ также остаются в распоряжении обществ. Таким образом, города, не в пример прочим коллективным собственникам, лишаются тех статей дохода, которые составляют источник городских доходов, не связанный с обложением налогами горожан, но служащий именно к облегчению налогового бремени; с другой стороны, в руках города эти статьи дохода и при существовании института частной собственности эксплуатируются в условиях, исключающих спекуляцию и обогащение немногих за счет неимущих.

Поэтому городская управа считает несправедливым лишение города права распоряжения недрами, лесами и водами в пределах отведенной городу площади земли и моря и просит вас внести на обсуждение Рады соответствующую поправку к 5-й статье законопроекта.

Далее статья II законопроекта, лишающая все земельные сделки в крае законной силы с 1-го марта 1917 года, требует точного ограничения своего действия лишь на земли неусадебного назначения, ибо и Временное правительство, и краевое правительство аннулировали до сих пор лишь сделки на землю сельскохозяйственного назначения. Установление же недействительности всех земельных сделок создаст непреодолимые финансовые затруднения для городов по выплате прибавочной ценности за аннулирование права собственности, отчужденной городами после 1-го марта 1917 года.

Наконец, при обсуждении ст. 16 законопроекта необходимо иметь в виду интересы мелких арендаторов-хлеборобов городской земли, которые, вероятно, не могут быть удовлетворены нормой землепользования из городских запасов земель, ибо пло-

щадь последних невелика. Поэтому они также должны быть удовлетворены из запасов краевого земельного фонда.

Разрешите мне внести предложение. Если сохраняются права за горцами и войском, то мы также просим, чтобы за городами также сохранились права на земли с отведенными лесами, недрами и водами. Затем разрешите мне возвратиться к оглашенному документу. Быть может, вы прислушаетесь к тому, какой отклик вызовет принятый вами законопроект, и поймете те опасения, которые возникают. Их нужно устранить; в своих же интересах нужно сделать так, чтобы было спокойствие, к которому мы стремимся. Если вы думаете обособлять Кубанское войско, сохранять за ним право собственности, то за городами такое же право должно быть признано. Уклоняться нельзя. Раз вы вступили на этот путь, то идите по нему до конца.

Председательствующий. — Господа члены Рады! От горцев поступило предложение, чтобы в статью 3-ю были внесены два дополнения. Во-первых: наряду с Кубанским казачьим войском вставить «горские племена», а также после слов: «Кубанское войско и горские племена сохраняют за собой право по владению, пользованию и распоряжению всеми принадлежащими им землями» — включить дополнение: «в том числе и юртовыми». Это предложение горцев. Другое предложение поступило от представителя города Анапы. Оно сводится к следующему: «и города Кубанского края сохраняют права по владению, пользованию и распоряжению принадлежащими им землями, недрами и водами и т. д.». Прошу желающих высказаться по этому вопросу.

Член Рады Зуб. — Господа члены Рады! Мне кажется, что если мы вернемся назад, то запутаемся и вместо того, чтобы кончить работу через два-три дня, будем путаться еще целый месяц. В примечании к статье 4-й говорится отдельно о землях, принадлежащих карачаевскому народу: «Недра и леса, принадлежащие карачаевскому народу в пределах старой территории, указанной в прокламации графа Евдокимова от 19-го февраля 1862 года, остаются в пользовании и распоряжении этого народа». Чего же еще нужно? Относительно городов сказано в статье 5-й: «Земли, отведенные городам, остаются в их распоряжении и пользовании». Я думаю, что раз остаются под городами земли, то в тех землях будет и вода, и из нее не запретят напиться. *(Смех.)*

Член Рады (фамилия не установлена). — Господа члены Рады! На первый взгляд, когда мы принимали статью третью, я знал, что она вызовет горячие прения. Так и получилось. После принятия статьи третьей заявили о своих правах горцы, после горцев — города. И если рассматривать с точки зрения справедливости, их заявления совершенно правильны. Но получается так, что вся работа за полтора месяца приведена к нулю, потому что если мы, согласно их заявлениям, статью 3-ю вычеркнем, а потом вычеркнем статью 4-ю, может быть, придется вычеркивать и 5-ю статью и т. д. — до самого конца мы все перечеркнем. Когда такое дело, я предлагаю статью 3-ю вычеркнуть совсем, потому что она вносит разногласия.

Член Рады И. Макаренко. — Господа члены Рады! Голосование, которое было перед перерывом, сделало то, что оно должно было сделать, но явился член Рады Морев и заявил претензии от имени городов, претензии, равные таковым же Кубанского войска. Я вам скажу, что значит такая претензия, заключающаяся в том, что города

требуют прав на владение недрами и водами: это все равно, если бы отдельные станицы или отдельные аулы заявили также свои требования. Ни в одном государстве нигде отдельные города, отдельные населенные пункты таких прав не предъявляют и не могут предъявлять. В этом отношении претензия члена Рады Морева совершенно неосновательна и в этом отношении просто-напросто непонятна. За городами, за населенными пунктами остается право пользования поверхностью той земли, которая им принадлежит, но что касается недр и воды, то не понимаю, почему выдвинута такая претензия. Я предполагаю, что предложение Морева будет отклонено единогласно и единодушно.

Что касается предложения горцев о внесении в статью 3-ю поправки в том смысле, что их племена пользуются правами и т. д., т. е. правами, равными войску, я сказал бы, что эти требования законны и понятны, и я поддерживаю их.

Что касается второй поправки горцев относительно юртовых земель, которая, по их мнению, должна свалить статью 4-ю, эту поправку оставляю на ваше усмотрение, ибо цели этой поправки я не вижу и не выясняю. Дело в том, что если за войском останется право общинного владения и распоряжения всем тем, что находится в этой общине, то само собой разумеется, что это право распространяется и на юртовое довольствие. Юртовое довольствие никогда не представляло отдельной земельной собственности. Юртовые станицы — это достояние всех казаков. Таков порядок был, есть и остается на будущее время. Я повторяю, перед второй поправкой я развожу руками: следует или не следует ее принять, но больше склоняюсь к тому, чтобы за статьей третьей принять первую поправку горцев, а вторая поправка имеется у нас в ст. 4-й, которую не будем и трогать, пусть так и останется.

Здесь говорят, что войско оставило за собой собственность, и приравнивают это право к городам и делают на слове «собственность» ударение. Я хочу это ударение устранить, так как этого делать совсем не следует и это неправильно. Ведь войско представляет собой юридическую единицу и имеет организацию некоторого государственного установления. Так упоминалось раньше в законе, так должно быть и сейчас. Это не частная собственность и не отдельных сословий, не право отдельных групп; это право народной группы, и сравнивать права войска с правами города — просто смешно. Войско желает быть войском и оставляет за собой территорию, без каковой войска нет и не может быть. Это совершенно верно. Исходя из такого соображения, предлагаю первую поправку принять, а вторую, как имеющуюся в статье 4-й, — отвергнуть, сохранив статью 4-ю. Тогда мы выйдем из трудного положения, и у нас все будет ясно и просто.

Член Рады Намитоков. — Я отвечу на недоуменные вопросы. Макаренко говорит, что для него непонятна сущность поправки, что войско и горцы сохраняют за собой право распоряжения юртовыми землями. Дело в том, что во всем земельном проекте я не вижу категорических указаний на то, что кто же, в конце концов, распоряжается юртовыми землями? Статья 4-я говорит о праве пользования станиц и аулов, но право пользования не есть право распоряжения, в том числе и недрами. Так вот, смысл этой поправки заключается в том, что право пользования недрами юртовых земель должно принадлежать войску как юридическому лицу. В отношении горцев эта поправка имеет

то значение, что у нас, у горцев, нет своей земли как собственности; общественные национальные земли есть только у карачаевского народа. Мы считаем, что если на этот путь стать, то надо закрепить право не только за войсковыми землями и карачаевского народа, но и сохранить за собою юртовые земли. Если вы стали на путь национализации, или, как хотите, — монополизации, то логически вытекает из этого постановления вопрос, который поднят вами сегодня. Мы считаем, что голосовать нашу поправку отдельно невозможно; если будет принято, что горцы пользуются недрами и землями, то оказывается, что мы никаких ни земель, ни недр, ничего не имеем, потому что все наши земли принадлежат нам на праве пользования. Примечание второй поправки уравняет нас с казаками и определит положение казаков и горцев.

Член Рады Демиденко. — Мне понятна защита ст. 3-й проекта со стороны Макаренко — инициатива принадлежит ему. Мне также понятно и то, что... *(«К делу, к делу».)* Позвольте говорить на основании данных. Мне понятно, что член Рады Макаренко говорит, что поправка, внесенная от имени горцев, для него является непонятной. Если ему непонятно, то нам, простым смертным, тем более непонятно. Макаренко приравнивает города к станицам. Совершенно непонятно, каким образом город, живущий особой жизнью, приравнивается к станице. Войско как юридическая единица имеет в своем распоряжении территорию; город, в свою очередь, тоже, как и войско, владеет территориями. Известно, что для той или другой станицы, когда ей не хватает земли, последнюю выделяют из войскового фонда. Город как юридическое лицо тоже имеет свою землю, но не для раздачи населению, а исключительно для того, чтобы эта земля служила источником пользования; этой землей город содержит все свои учреждения. Макаренко указывает на то, что город имеет притязания на недра; а позвольте вас спросить: те города, где есть курортные источники, имеют ли они как юридические единицы право на пользование этими источниками? Ясно, что если войско как юридическое лицо имеет эти права, то надо их оставлять и за городами, по справедливости и закону, который вы проводите. Это важно для всех и для того населения города, которое живет в исключительных условиях в данное время. Я думаю, что вы оставите эти права и за городом.

Член Рады Коробьин. — Вы, должно быть, не забыли общих прений по вопросу о Божьей точке зрения на землю. Можно думать, что эта точка зрения приведет к тому, что вся Рада угрузнет в земельном законопроекте. На эту самую Божью землю находятся собственники, и первым является войско, которое организует особый войсковой фонд. Горцы, безусловно, пошли за войском, и вы приняли первую поправку; примите вторую, будьте логичны, примите и третью — относительно горцев. Здесь Макаренко с большой смелостью утверждал, что города ни в одном государстве не пользуются правом собственности на недра, воды и леса, а только правом распоряжения и пользования землей. Это неправда, и я могу это констатировать. Города пользуются, не в пример селам и станицам, недрами и всеми находящимися в земле водами и благосостояниями этой земли. Я вам говорю: вас подавляющее большинство, и вы можете провести этот законопроект как угодно, но будьте демократами, будьте логичны и последовательны, ибо не сегодня-завтра население откликнется на то, что вы здесь делаете. *(«Запугивает».)* Я здесь никого не запугиваю, но считаю необходимым

сказать, что политика заключается не в том, чтобы видеть, а в том, чтобы предвидеть. Здесь один член Рады говорил, что не нужно распространять это право собственности на города, но раз вы признали это право за войском, то гарантируйте и городам право собственности на землю, которою они до сих пор владели.

Член Рады Петрунько. – Господа члены Рады! Этот пункт третий был отвергнут, поэтому я как представитель от коренного населения все время сидел спокойно, не выходил и не протестовал, так как видел, что работа идет спокойно. Потом вдруг оказалось, что пункт, отвергнутый единогласно, теперь вновь баллотируют и принимают не единогласно, но немногим больше половины. На права, предоставленные пунктом войску, являются претендентами как горцы, так и города; тогда позвольте и нам заявить свое право на недра, хотя господин Макаренко и сказал, что никто никогда не пользовался правом на недра. Если желаете, то прочту документ, на каком основании пользовалось недрами наше поселение. *(Читает.)* Когда у нас в Кубанской области появилась нефтяная промышленность, когда ставили всевозможные заявки в нашей Крымской солдатской слободке, промышленники обратились в областное правление, чтобы оно утвердило эти заявки. Правление отклонило их просьбу, так как эти земли не принадлежали войску, и направило их в управление земельных имуществ, которое, в свою очередь, направило их к нам. Говорят, что ни в одном государстве не было такого права, а я повторяю, что оно было и у нас. Если у нас отбирают все наши права, то мы ничего не имеем, но пусть все будет общее. Мы не хотим делиться, а чтобы было все одно. А теперь, если происходит разделение на три, даже на четыре части, а мы будем претендовать и на пятую, то что же получится? Я предлагаю, как статья была отвергнута, так ее и отвергнуть, чтобы не было делений и разделений. *(«Правильно».)*

Председательствующий. – Осталось два оратора. Поступило несколько записок о прекращении прений. *(«Прекратить, прекратить».)*

Член Рады Каплин. – Я полагаю, что было бы лучше закрыть запись ораторов. Всего осталось два, я буду следующий, и говорить я должен. Я хочу внести предложение, которое до сих пор не было сделано, но я его считаю важным. Две-три минуты, которые вы уделите, могут устранить массу неприятностей в будущем. Я предлагаю вместо прекращения прений закрыть запись ораторов.

Член Рады (фамилия не установлена). – Господа члены Рады! По настоянию Рады видно, что мы будем сидеть до вечера, и мнение наше будет одно и то же, а поэтому, полагаю, продолжать прения не следует. Мы свой голос покажем и наше решение не изменим.

Председательствующий. – Голосую. Кто за прекращение прений? Кто против? Продолжаются. *(«Неправильно, голосуйте снова».)* Я голосовал, и президиум свидетельствует, что большинство высказалось против прекращения прений. *(«Неправильно, снова голосуйте».)* Ставлю еще раз на голосование. *(«Подсчитать».)* Я полагаю, что на подсчет голосов потребуется больше времени, чем для двух ораторов. *(«Ограничить время ораторам пятью минутами».)* Ставлю на голосование закрытие записи ораторов. Запись прекращена.

Член Рады Каплин. – Я только три минуты, господа члены Рады. Я не буду говорить по поводу третьего пункта о создавшемся положении в городах. Согласно

ст. 1 право частной собственности на землю уничтожается, в том числе и на частные собственности — на плановые места в городе. В станицах этой частной собственности не было, там были сделки только на плановые места, там свои особые порядки, и, кстати сказать, чрезвычайно запутанные, вызывающие массу недоразумений; в городах же право частной собственности всегда существовало, а на плановые места сделки совершались в таком порядке, как совершаются на всякое недвижимое имущество. Теперь выходит, что право частной собственности на плановые места в городах уничтожается; кроме того, по ст. 11 все сделки — залоги на все частновладельческие земли — воспрещаются. Таким образом, с завтрашнего дня ни один из хозяев планового места в городе не в состоянии будет совершить никакой купчей крепости, ни залога, никакого права для возведения построек. Я думаю, что это вызовет страшную путаницу и недоразумения в отношении каждого городского жителя по поводу плановых мест. Мне говорят, что пусть делают так, как в станицах. Но ведь прежде всего нужно установить известный порядок. Прошу дополнить статью 3-ю следующим: «Оставить частную собственность на плановые места в пределах городской территории». Сохраняя эти земли, вы устраняете недоразумения, которые возникнут, если вы уничтожите право собственности на плановые места.

Член Рады Роговец. — Я только одну минуту. Я призываю вас перевести ваши взоры на фронт и на то, что делается в тылу. Провокация идет очень сильная. Я призываю не к Божьей точке зрения и не к тому, о чем говорил член Рады Коробьин, а я хотел бы, чтобы в будущем был порядок. Нужно статью третью как приняли, так и оставить, что казаки пользуются и распоряжаются и т. д. Я думаю, что от этого ничего плохого не произойдет, и все будут удовлетворены. А если мы эту статью выбросим, то и пойдет провокация. Я приглашаю, чтобы этот пункт остался так, как мы его приняли. *(Аплодисменты.)*

Председательствующий. — Список ораторов исчерпан. Таким образом, предлагается несколько добавлений к статье 3-й. Первое добавление, внесенное горцами, второе — от представителей городов, третье — члена Рады Каплина и четвертое — от коренного населения. Я буду голосовать в порядке поступления. Горцы предлагают внести первое дополнение: «и горские племена». Тогда статья будет гласить так: «Кубанское казачье войско и горские племена». Баллотирую это дополнение. Принято. *(«Подсчитать».)* Раздаются голоса, что необходимо подсчитать. Я перебаллотирую. Господа члены Рады! Я вынужден пока прекратить подсчет голосов, так как от имени горцев поступил протест, который сводится к тому, что для них теперь не имеет смысла голосование этих двух дополнений отдельно. Представитель горцев поэтому просит дать ему слово по мотивам голосования.

Член Рады Гатагогу. — Господа члены Рады! Разделение наших предложений и тот способ голосования, который сейчас чуть было не провели, для горцев неприемлемы по следующим обстоятельствам: если вы вчитаетесь в наше предложение первое, то увидите, что вы предоставляете горцам в пользование и распоряжение нуль, ибо у нас нет еще общей собственности, нет коллективной собственности. Вот почему вся тяжесть вашего предложения переносится на вторую часть. Первая часть почти декларативного характера, она в общих выражениях предоставляет право собственности на то,

что заключается во второй части нашего предложения. Если бы вдруг получилось, что первая часть принята, а вторая нет, то, конечно, вышло бы недоразумение, потому что в этих двух предложениях центр тяжести заключается во второй части. И голосовать отдельно эти два предложения ни в каком случае нельзя, ибо, если бы вы первую часть приняли, а вторую — нет, то оказалось бы, что горцы владеют и распоряжаются нулем.

Председательствующий. — Господа члены Рады! Таким образом, горцы предлагают принять в такой редакции: «Кубанское казачье войско и горские племена сохраняют за собой все права по владению, пользованию и распоряжению принадлежащими им землями, в том числе и юртовыми, недрами, лесами и водами». По смыслу внесенного дополнения горцы, если бы это дополнение было принято, должны иметь право пользоваться, распоряжаться и владеть не только землями, но и недрами, лесами и водами. Ввиду того что горцы настаивают на голосовании этих двух предложений совместно, так как центр тяжести этих дополнений во второй части, то я голосую их вместе. Кто за то, чтобы в статью третью были внесены слова: «Кубанское казачье войско и горские племена», а затем — «владеют, пользуются и распоряжаются всеми принадлежащими им землями, в том числе юртовыми, недрами, лесами и водами»? Кто за принятие этого дополнения? Кто против? Явным большинством дополнение отвергнуто. Следующее предложение представителей городов: «За городами Кубанского края сохраняются все права по владению, пользованию и распоряжению отведенными им землями, лесами, недрами и водами». Кто за принятие этого предложения? Кто против? Явным большинством предложение отклоняется. Следующее предложение члена Рады Петрунько: «Земли, леса и недра, принадлежащие коренному населению, остаются в его владении, пользовании и распоряжении». Кто за это предложение, тех прошу поднять руки. Кто против? Явным большинством предложение отклоняется. Следующее предложение члена Рады Каплина, которое гласит: «Право частной собственности на плановые места в пределах городских территорий сохраняется. *(Голоса: «Правильно».)* Кто за это предложение? *(Голоса: «Непонятно».)* Раздаются голоса — непонятно. Я еще раз оглашу. Вы знаете, что первой статьей принятого вами законопроекта право частной собственности отменяется. Член Рады Каплин вносит предложение следующего характера. *(Читает.)* Кто за принятие этого предложения? Кто против? Явным большинством предложение отвергнуто. Все внесенные предложения и дополнения отклонены. Статья 3-я в окончательном виде будет гласить: «Кубанское казачье войско сохраняет за собой все права по владению, пользованию и распоряжению принадлежащими ему землями, недрами, лесами и водами». Кто за принятие этой статьи? Кто против? Меньшинство. Статья принята. Господа, ввиду того что как будто бы голосование было недружное за эту статью, просят поднять руки воздержавшихся. Кто воздержался? *(Шум.)* Я вынужден снова проголосовать. Я не понимаю, почему раздаются такие протесты. Кто за статью 3-ю в редакции, в какой она была предложена комиссией? *(Голоса с места: «Что же вы делаете? Сами будете смеяться».)* Кто против? Меньшинство. Таким образом, статья 3-я принята. Для внеочередного заявления по земельному проекту слово предоставляется члну Рады Усачеву.

Член Разы Усачев. — Господа члены Рады! После того как мы отвергли примечание второе к статье 5-й — в Баталпашинском отделе это вызвало прения, и те-

перь Баталпашинский отдел настаивает вместо этого примечания внести отдельную резолюцию. Вызывается это тем, что некоторые земельные участки, как, например, офицерские, согласно постановлению краевой Рады в декабре месяце прошлого года уже были обществами взяты, общества их использовали. Теперь, когда мы отвергли примечание о том, что аренда уплачивается в доход края, то хозяева этих земель могут взять с нас такую аренду, что мы не в состоянии будем ее заплатить и эти деньги поступят в их собственный карман. Баталпашинский отдел, для того чтобы не дать деньги спекулянтщикам, просит принять следующую резолюцию: «Бывшие частные землевладельцы не вправе взыскивать арендную плату в свою пользу с 1-го января 1918 г. по 1-е сентября 1919 г., как за те земли, которые фактически перешли от них в распоряжение станичных и других обществ на основании постановления краевой Рады в сентябре 1917 г., так и за те земли, которые не будут самими землевладельцами обработаны в текущем сельскохозяйственном году». *(Аплодисменты.)*

Председательствующий. — Господа члены Рады! Угодно ли обсуждать внеочередное заявление Баталпашинского отдела? *(Голос: «Без прений».)* Господа члены Рады! Вы помните, что при обсуждении земельного законопроекта этому вопросу было уделено очень много внимания. Примечание было отвергнуто, но после обсуждения его в отделах. Баталпашинский отдел пришел к заключению, что его необходимо внести. Предложение поступило, и я ставлю на ваше усмотрение. Желаете ли вы обсуждать это предложение или нет? *(«Нет».)* Ставлю на голосование. Кто за то, чтобы обсуждать, прошу поднять руки. Кто против? Большинство. Ставлю на голосование предложение, внесенное Баталпашинским отделом. *(Читает.)* Кто за принятие этого предложения? Кто против? Большинство. Предложение отклоняется. Для внеочередного заявления, в связи с принятием нами 3-й статьи, предоставляется слово представителю от горцев.

Султан Шахим-Гирей. — Господа члены Рады! Я вышел не для того, чтобы внести какие-нибудь новые предложения, нет, я не принадлежу к категории тех лиц, которые через каждые два дня выносят новые постановления. Я только хочу сказать, что думают горцы по поводу того, что произошло сегодня. Я обязан это исполнить, ибо мне поручено горцами. Принятие третьего пункта в том виде, в котором он был внесен комиссией, ставит неказачье население Кубанского края в своеобразное положение. Казачество выделяет себя в земельном отношении от остального населения, оставляет за собою все права и прерогативы сословия по владению своими землями, кроме того, эта статья дает возможность Кубанскому казачьему войску пользоваться, т. е. принимать участие в эксплуатации и материальных выгодах земель, не входящих в состав войсковых. *(Шум.)* Я прошу мне не мешать и дать возможность высказаться. Такое положение создает некоторые ненормальности в том смысле, что если Кубанское казачье войско раньше и владело своими землями, то оно за то отбывало воинскую повинность за свой счет. Теперь в военном законопроекте снаряжение казаков предусматривается за счет краевых средств, состав которых казачество абсолютно не учитывает. Это первое положение. Второе положение, более глубокое — что земельный вопрос в том виде, в котором, казалось, он должен быть разрешен, — разрешения не получил, и все те ненормальности, которые были до сих пор, они в том же виде и остались; для нас же

создается положение, я скажу, худшее, чем то, которое было при прежнем, старом, режиме. Ввиду того что решение земельного вопроса не может внести успокоение в среду населения Кубанского края, мы, горцы, своим долгом считаем громогласно заявить, что всякую ответственность за те последствия, которые будут вытекать из аграрных беспорядков, мы с себя снимаем. *(Аплодисменты.)*

(Председательское место занимает Н. С. Рябовол.)

Председатель. — Господа члены Рады! Здесь имеется еще насколько заявлений, подписанных членами Рады, например, группой членов Рады Екатеринодарского и Ейского отделов, которым предлагается исключить из всех рассмотренных законопроектов название «Кубанский край» и заменить на «Кубанское казачье войско». *(Голоса: «Просим», аплодисменты.)*

Видите, как опасно и как невозможно принимать поправки и пункты, когда законопроект обсужден. Это должно делаться другим порядком: надо, чтобы всякое предложение было серьезно пересмотрено и обсуждено, и не в таком настроении, в каком мы находимся сейчас. Не буду скрывать, что в настоящий момент каждый из вас думает о том, как бы скорее прекратилась сессия, и вот теперь некоторыми членами Рады вносится совершенно новое, ломающее в корне все то, что здесь было принято, предложение.

Я заявляю, что если сделаете переименование, то тогда у нас будет два правительства, а может, и три, поэтому я считаю недопустимым и невозможным вносить эту поправку, ибо ею мы совершенно упраздняем всю ту работу, которую мы сделали за эти полтора месяца, Я предлагаю обсуждение и голосование этих поправок отложить, и кроме того — чтобы на будущее время такие предложения вносились хотя бы после обсуждения в отделах, а не за подписью случайных групп в 10—15 человек. Мы можем заниматься тем, чего хочет Рада, а не тем, что нравится или не нравится отдельным группам. Я обязан обратить внимание только на те заявления, которые поданы за подписью не менее ста человек, иначе нельзя разрешать серьезные вопросы, иначе нельзя законодательствовать. Обсуждать и разрешать мы можем только те вопросы, которые в достаточной степени подготовлены, а потому предлагаю отложить рассмотрение этого вопроса хотя бы на время после перерыва.

Если мы будем выдвигать отдельные предложения, то можно в таком настроении, когда осталось до перерыва сессии два дня, напринимать таких законов, которые всю вашу работу сведут к нулю. Таким образом, разрешите проголосовать без прений, что эта поправка в настоящий момент снимается с обсуждения. Есть возражения? *(«Нет».)* Таким образом, я баллотирую. Кто за то, чтобы снять поправку? Кто не находит нужным снять? Два. Кто воздержался? Очень мало. Снимается.

Господа члены Рады! Мне поданы проекты креста, флага и герба — как вы желаете обсуждать этот вопрос? Сейчас или отложить? *(«В отделы».)* Не могу, потому что у меня нет необходимого количества экземпляров. *(«Голосовать».)* Желает ли Рада разрешить вопрос о флаге и гербе сейчас или желает передать в Законодательную Раду? Прошу тех, кто находит нужным разрешить сейчас, поднять руки. Кто против? Кто за то, чтобы передать этот вопрос в Законодательную Раду? Кто против? Мало. Принято. Разрешение вопроса о флаге, гербе и печати передается в

Законодательную Раду. Кто против? Мало. Принято. Разрешение вопроса о флаге, гербе и печати передается в Законодательную Раду. Объявляю перерыв на 5 минут.

После перерыва.

Председатель. — Заседание возобновляется. Господа члены Рады! Ко мне поступило заявление от представителя городов Морева о том, чтобы предоставить ему слово для внеочередного заявления по земельному вопросу. Я отклонил и переношу это заявление на вечернее заседание. Сейчас слово предоставляется для заявления г. войсковому атаману.

Войсковой атаман генерал-лейтенант Филимонов. — Господа члены Рады! Приступая к исполнению обязанностей войскового атамана применительно к новым положениям конституции, я считаю необходимым предварительно договориться с вами и условиться насчет понимания многих вопросов, которые предстоит мне, будущему исполнителю ваших желаний, вашей воли, как и будущему вашему правительству, пронести в жизнь. Новая конституция внесла существенное изменение в части, касающейся роли атамана и его отношений к будущим исполнительным органам управления. В старой конституции, как вы знаете, войсковой атаман и правительство не имели органической между собой связи. В то время как войсковой атаман был избираем краевой Радой, правительство получило свое существование и свою власть от Законодательной Рады. Правительство и атаман независимо друг от друга должны были делать одно и то же дело, и для них явилось необходимостью каждый раз по всем вопросам договариваться, входить в соглашение. Ни у атамана, с одной стороны, ни у правительства, с другой, не было законных основных юридических прав воздействовать на волю другого. Каждый действовал по указанию своей собственной совести — отсюда, несомненно, рождалось двоевластие, рождались те трения, которые, конечно, пользы не давали. Независимое правительство, имея в своих руках весь аппарат власти, конечно, если бы пожелало, могло делать все то, что хотело. У атамана, кроме авторитета, фактически не было никаких средств воздействовать на то или иное направление в работах правительства. На практике это, конечно, сказалось не в пользу тех результатов, которых вы, вероятно, ожидали. В новой конституции этот недочет совершенно устраняется; атаман и правительство являются одним целым, неразрывным организмом. Отныне мы работаем совместно. Этого нужно было ожидать, и я рад, что Рада первой своей работой поставила именно это изменение конституции. Всякий, кто здесь наблюдал за вашей работой, должен был прийти к заключению о необыкновенной сложности, необыкновенной многогранности всякого вопроса, имеющего общественный или государственный характер. Всякий вопрос, касающийся лица, возбудившего его, или организации, его возбудившей, здесь, с этой кафедры, освещенный с разных сторон, вырастал часто в большой, неразрешимый вопрос. Наиболее сильной иллюстрацией к этому положению может служить хотя бы сегодняшний день, сегодняшнее заседание. Земельная реформа, по существу очень важная, каждый день давала новые загадки и новые задачи. И вы разрешаете ее не первое заседание, разрешаете, как видите, не совсем гладко, не так, как нам этого хотелось бы. И так во всем. И я говорю, та трудность положения для исполнителя вашей воли, с одной стороны, поддерживалась несовершенствам конституции, а с другой — необыкновенной

сложностью и многогранностью вопросов, которые ставит на разрешение жизнь. Вот почему я полагаю — это для меня не секрет, — что те разговоры, те неудовольствия, неудовлетворенность деятельностью войскового атамана явились, между прочим, и следствием этих обстоятельств. Мне часто многие доброжелатели говорили, что в таких случаях нужно делать так и так-то; например, Иванов, Петров, Сидоров в таких-то случаях делали так-то, следует и нам делать так же. Я всегда удивлялся такого рода советам. Я не Петров и не Сидоров, я только Филимонов, со всеми его недостатками и достоинствами. Я не могу подражать другим. Я всю свою жизнь, всю служебную карьеру сделал собственной головой, собственными ногами и на старости лет не могу изменять своим правилам, не могу быть иным, каков я есть, такой и останусь. Я не хочу быть другим, у меня есть чистая совесть и сознание, что я работаю и население ко мне отнесется снисходительно.

Мне задают вопрос, говорят: почему я не покажу определенно своей физиономии, к какой я политической партии принадлежу? Я отвечаю, что я не понимаю войскового атамана как партийного деятеля, проводящего программу своей партии. Я не понимаю, как войсковой атаман на своем посту мог бы провести кадетскую программу целиком, как он может быть социалистом, эс-эром, эс-деком? Я полагаю, что войсковой атаман, так же, как и главнокомандующий, который, будучи по специальности кавалеристом, не может опираться на конницу и формировать свою армию исключительно из одной конницы, должен быть вне партийности — он не может принадлежать к какой-либо партии. Как луч солнечный, состоящий из многих цветов спектра, соединенных воедино, дает животворящую силу, которую мы называем дневным светом, так и здесь — только при полном равновесии всех сил возможно правильное течение государственной и общественной жизни. На своем посту я не могу принадлежать к какой-либо партии, я вне партии и таковым останусь, по возможности руководя теми течениями, которые являются выражением общественной мысли и общественной жизни.

У меня спрашивают, как я смотрю на будущее управление Кубанского края и почему я по этим вопросам не выступал? Я вам докладываю, что перед Радой я считаю себя членом краевого правительства, я считаю необходимым присутствовать и обсуждать вопросы, касающиеся Кубанской области, вместе с краевым правительством. Всем объединенным правительством было поручено выступить с докладом председателю, что и было сделано; я не имел коренного расхождения с правительством, поэтому я не выступил. Когда же меня и теперь продолжают в этом отношении допытывать газетные интервьюеры, то я отвечаю, что, прослушав курс государственного права, изучив историю, я не сомневаюсь, что для такого государства, как Россия, не может быть иного управления, как такое, которое основывалось бы на децентрализации власти. Я заявляю, что я не пугаюсь таких слов, как федерация и автономия. Я знаю по историческому ходу вещей, что эта форма устройства должна быть и неизбежно будет. *(Аплодисменты.)*

Господа члены Рады! Вчера я говорил вам, что при несении своих служебных обязанностей строго буду руководствоваться теми пожеланиями и резолюциями, которые вы вынесете, но вы должны знать, что одно дело хотеть, пожелать, другое дело выполнить. Я докладываю вам, что в той работе, которую вы наметили, много труд-

ностей, много терний; я вновь скажу, с чего начал эту речь: работа, предстоящая мне и будущему правительству, а также Законодательной Раде, колоссальна по своему разнообразию и объему, прошу этого не забывать. Чем человек меньше думал о каком-нибудь вопросе, чем меньше он к нему подготовлен, тем он ему кажется проще. Мне один из моих учителей говорил, что знание похоже на концентрический круг: чем больше круг знаний, тем сфера неизведанного, неузнанного более соприкасается с этим кругом. Вот почему людям несведущим свойственна большая смелость при решении всяких вопросов. Но умудренные знанием и образованием, несомненно, осторожны в решении этих вопросов, и поэтому я вас прошу помнить, что я — старый казак, видавший виды, — может быть, утерял непосредственность в решении этих вопросов и делаю это осторожнее, может быть, чем вам хотелось, но я вам заявляю, что, как чужой человек, нанятая нянька, обращается смелее с ребенком, чем родная мать, так и я не позволю себе производить эксперименты, которые привели бы к нежелательным результатам, и не сделаю ничего, что не было бы обеспечено полным успехом.

Должен сказать, что к числу необыкновенно трудных задач, которые предстоят моему разрешению и будущего правительства, принадлежит вопрос о военной реформе. Я заявляю, что, как и все ваши пожелания, и военную реформу считаю для себя обязательной. Но прошу вас помнить, что мы переживаем тяжелое время, идет борьба с гнусным противником; мы получаем сведения и радостные, и тяжелые. Я получил сегодня известие, что большевиками занят Харьков и Западному фронту Дона грозит опасность. Мы не можем допустить, чтобы Дон потерпел какие-нибудь неудачи, неудачи Дона — наши неудачи; мы должны помнить, что успехи на Дону способствуют соблюдению чести и достоинства Кубани; мы спокойно жить не можем, и я считаю необходимым идти рука об руку с деятельностью наших братьев, нашего родного брата — Дона. Я нахожу, что с донскими казаками мы не можем ни на одну минуту разнять руки, но мы должны работать вместе и с Добровольческой армией и действовать при благожелательном отношении наших союзников. *(Аплодисменты.)* Поэтому я докладываю, что, как бы вам ни хотелось теперь сорганизовать Кубанскую армию целиком, чтобы наша армия прежде всего обслуживала Кубань, я все-таки должен сказать, что еще долгое время вам придется мириться с тем, что наши полки будут появляться на других фронтах.

Мне известно, что вас интересует вопрос, почему, с чьего ведома находятся наши воинские части в Крыму? Мне член правительства по военным делам доложил, что вы желаете мне сделать этот вопрос. Должен сказать, что меня это несколько удивило — я не понимаю, почему вы не запрашивали раньше, когда Добровольческая армия действовала на Дону и в Терской области, почему вас смущает теперь вопрос появления наших казачьих частей на Крымском полуострове? В Керчи находятся несколько сотен казачьих; это является необходимой, важной мерой для охраны Керченского пролива, и задумываться над тем, чтобы перебросить наши казачьи части через пролив, — задумываться над этим не приходилось. Мне стало впоследствии известным, что наши части находятся в небольшом количестве в Мариуполе и в Симферополе; об этом вы также не должны беспокоиться: этого требует необходимость.

Я повторяю то, о чем уже докладывал председатель правительства, что в оперативные распоряжения Добровольческой армии правительство не должно вмешивать-

ся. Нельзя командующих армиями связывать по рукам и ногам, нельзя вмешиваться в их распоряжения, делать указания: двигайте части туда или назад. Это невозможно с точки зрения военного положения, но я знал, что такие передвижения делаются, и относился к этому совершенно спокойно. Я должен вас предупредить, что возможны передвижения в более крупном масштабе. Я говорю о перенесении Донского фронта на запад; если понадобится помощь донцам на западе, то она будет оказана. Но вас не должно беспокоить, что наши казаки будут отправлены на Украину, я вам докладываю, что воевать с Украиною мы не собираемся. *(Аплодисменты.)*

Я вам указывал, что мы должны работать при доброжелательном сочувствии союзников. Представители союзных держав здесь, в Екатеринодаре, с нами, и на днях я имел приятную обязанность в качестве хозяина Кубани оказать им гостеприимство. Между прочим, меня несколько огорчило одно обстоятельство: когда Раде стало известно, что я охочусь в Красном лесу, то раздавались возгласы, которые можно было бы перевести как: «Нашел время развлекаться». Господа, я был только гостеприимным хозяином по отношению к союзникам. Гостеприимство имеет две формы: одна, когда хозяин делает что хочет, а гость поступает в полное его распоряжение, и хозяин его развлекает как умеет — вплоть до демьяновой ухи; но есть и другая форма, когда хозяин делает то, что хотят гости, когда он поступает в распоряжение гостей. Я держался этой последней формы и спрашивал гостей, что для них приятно; они пожелали посмотреть Красный лес, поохотиться там, и я не имел права им в этом отказать. Красный лес в былое время был гордостью и украшением Кубани, это было лесное хозяйство, которым гордиться могла вся Россия: там стараниями войскового начальства были разведены питомники не только лесной дичи, но и диких зверей; это был целый зоологический сад. Кстати, нужно перестать смотреть на охоту как на барскую затею. Она составляет для государства целую отрасль сельского хозяйства, этим гордятся и занимаются в культурных странах. В Красном лесу стараниями бывших войсковых атаманов были разведены олени, их насчитывалось более 3000 голов. Туда приезжали гости со всех сторон, чтобы полюбоваться этим дивным зрелищем. Но увы! Мы, пробыв в Красном лесу два дня, не увидели ни одного оленя, ни одного кабана: зверь почти уничтожен разнузданными бандами большевиков, которые пулеметами разогнали наше богатство. Я не нахожу слов против этого бесчинства, но все-таки мне удалось доставить удовольствие гостям. Поездка туда и времяпрепровождение доставили гостям удовольствие, о котором они неоднократно мне изъявляли.

Я докладываю определенно, что добрые отношения с союзниками и Добровольческой армией установлены полностью. Разрешите вам огласить письмо, только что мною полученное от главнокомандующего Добровольческой армией по случаю моего переизбрания. *(Читает.)* Комментарии к этому письму не нужны. Оно записано тепло и сердечно, и я заявляю, что со своей стороны делал и в будущем намерен поступать так, чтобы все ненужные трения устранить, дабы добрые отношения с Добровольческой армией у нас не прекращались.

Я в течение вчерашнего и сегодняшнего дня получил заявление от всех присутствующих военных начальников о преданности их и готовности служить войску по

моему требованию и приказанию. *(Аплодисменты.)* Я отмечаю это для того, дабы порадовать вас, что армия наша стоит на высоте своего положения — она предана правительству и Раде и таковой всегда останется. Вот, господа члены Рады, то, что я хотел вам доложить для установления между мною и вами дальнейшего понимания.

Я просил бы всех вас не забывать, что я — природный кубанский казак; вся моя жизнь протекла здесь, на глазах у всего казачества, что я три раза избирался на этот ответственный пост. Это обстоятельство обязывает меня и теперь, как и раньше, определенно заявить, что вся моя жизнь, все мои силы к вашим услугам. Я прошу вас поддержать меня на этом пути. С каждым днем положение становится труднее, силы человека могут ему изменить, и я прошу вас дать мне нравственную поддержку, дать мне силы к этому крестному походу. Тут не раз говорилось, как тяжелы обязанности атамана, но отказаться от них нельзя; каждый казак, имеющий силу, пока у него есть жизнь и кровь, не имеет права отказываться. Так и я понимаю свои обязанности перед Кубанским краем. *(Аплодисменты.)*

Я приступаю немедленно к исполнению своих обязанностей и поэтому, может быть, не буду в состоянии внимательно следить за вашими работами в дальнейшем. Но я слышал, что работы ваши близятся к концу, близок перерыв. Если это будет так, то, когда вы начнете работать, впоследствии я вам доложу о моей службе, я вам скажу, можно ли было выполнить те задачи, которые вы здесь поставили. Можно ли будет создать Кубанский край, о котором мы все мечтали. И мы добросовестно решим, что нам делать дальше. А теперь я вновь обращаюсь к кубанским казакам — под этим именем я разумею и казачество, и горцев, и иногородних; в общей работе устроения края между нами недоразумений быть не должно; мы должны идти рука об руку. Я хотел бы здесь заявить, что все трения, которые обнаруживаются, в частности, по земельному вопросу, несомненно, в дальнейших работах Законодательной Рады все сгладятся. Я прошу горцев не волноваться тем, что некоторые положения в настоящее время как будто нарушают принадлежащие им права. Я верю, что лучшим коррективом, лучшим исправителем будет наша жизнь — она наладит наши отношения.

Желаю вам полного единодушия, полного единения, желаю вам любить и быть преданными Кубанскому краю, а все остальное вам приложится. *(Аплодисменты.)*

Председатель. — Меня просят сообщить, что 9 декабря прибывают из Туапсе тела К. Л. Бардижа и его семьи. Я полагаю, что краевая Рада должна принять участие в похоронах наших кубанских патриотов. Похороны должны быть на краевой счет. *(«Просим, просим».)*

Следующее заседание завтра в 10 час. утра.

Заседание закрыто в 8 ч. 15 м. дня.

Стенографический отчет 35-го заседания Чрезвычайной Рады Кубанского края 7-го декабря 1918 года.

Дневное заседание.

Заседание открыто в 11 час. 10 мин. дня председателем Н. С. Рябоволом.

Председатель. — Заседание возобновляется. Слово предоставляется члену Рады Мореву.

Член Рады Морев. — Господа члены Рады! На этот раз я выхожу на кафедру не по своему желанию, а по поручению городского и коренного неказачьего населения Кубанского края. Я не стану скрывать, что в этот раз выхожу со скорбью и печалью, и причина этому следующая. Мы, представители городского и коренного населения, за все время нашего пребывания в Раде относились с особой осторожностью и бережностью к вопросу о том, чтобы было достигнуто объединение и сплочение хотя бы главнейших элементов населения Кубанского края. Нас упрекнуть, что мы в этом отношении погрешили, никто не может. Еще в прошлом — я говорю про себя — идея необходимости объединения основных элементов населения края была мною признана, и документально доказано, что я в общественных учреждениях проводил ее всемерно. Когда здесь, с этой кафедры, и в отделах, и в кулуарах пересчитывалось население Кубанского края, то всегда и везде: «казаки» часто прибавляли «и горцы», и очень редко — «и коренное население Кубанского края». Когда мы говорили, что это нас печалит, нам объясняли, что тут нечего печалиться, что это объясняется просто недоразумением или редакционной ошибкой. Мы этому верили, и верили до последнего момента — мы хотели этому верить. Когда здесь освещали все те положения, которые угодно было принять этому высокому собранию, когда говорили, что эти положения покоятся на принципах демократизма, что они возникли из стремления к объединению всех, что в основе их лежит справедливость, — мы верили, и верили до последнего момента. И про этот земельный законопроект, который имеет быть утвержден в той форме, в которую он вылился, нам говорили, что он покоится на основах демократизма. Мы теперь понимаем, что этого нет, что этот проект есть продукт решения узкосословного. Мы с болью это констатируем. Мы видим, что принцип демократизма был только слова; дело стало иным. Мы знаем, что та форма решения земельного вопроса, которая подлежит утверждению, кроет в себе неиссякаемый источник смут в нашем крае, где мы стремились внести успокоение и возродить гражданскую жизнь. Мы уверены, что в основании этого проекта лежит несправедливость. Вы видите, что эти стулья перед нами пусты, — это факт, указывающий на то, что не достигнуто объединение, а то объединение, которое было…

Председатель. — Я перебиваю вас: стулья горцев пусты совсем по другим соображениям и причинам.

Член Рады Морев. — Вчера вы слышали заявление представителей горского населения и понимаете, что то объединение, которое было, нарушено, во всяком случае,

дало трещину, и серьезную. Мы сторонники того, чтобы всякий принимаемый законопроект не только не вносил нового препятствия к сплочению, а, наоборот, способствовал устранению тех, которые существуют. И мы с болью констатируем, что снова предмет раздора восстановлен и уже привел к печальным результатам. По поручению представителей городского и коренного населения я имею основание заявить, что мы снимаем с себя всякую ответственность за те последствия — по нашему мнению, тяжелые последствия, — которые возникнут из-за проекта земельного, если он будет утвержден в той форме, в которой здесь предложен.

Председатель. — Он не утвержден еще.

Член Рады Морев. — Он не утвержден, потому что третьего чтения не было, но он может быть утвержден, когда все титулы будут утверждены. Деловые политики, и депутаты-сладкопевцы, и все мы должны помнить, что в результате заявлений, сделанных горцами, а затем мною, нужно констатировать, что земельный закон есть результат произведения не депутатов от населения нашего края, а представителей казачьего сословия, составляющего меньшинство Кубанского края. Теперь из дела этого вычеркнуть нельзя.

Председатель. — Слово предоставляется члену Рады А. Белоусову.

Член Рады Белоусов. — Краевая Рада поручила юридической комиссии выработать приказ от имени Рады о прекращении всевозможных самосудов и произвола, творящихся в Кубанском крае. Тяжелая и сложная работа выпала на долю юридической комиссии; нужно было, чтобы этот приказ был не только приказом, но и имел в себе элемент воззвания. Комиссия после детального обсуждения, при участии представителя Верховного суда Щербины, остановилась на тексте, который я буду иметь честь от имени юридической комиссии сейчас доложить.

«Кубанской Чрезвычайной краевой Рады приказ № 1 от 7 декабря 1918 года.

Кубанский край испил свою долю из чаши великих страданий нашей Родины. Вековое рабство, в котором держало самодержавие народные массы, дало возможность разрушительной анархии широко прокатиться из края в край Великой России.

Кровавый туман мировой битвы народов и братоубийственной гражданской войны только начинает рассеиваться. Забыты великие заветы Христа о любви и братстве. Попраны закон и справедливость. Пролита братская кровь. Еще пылают сердца злобой и жаждой мести. Но сквозь этот кровавый туман уже засверкали лучи новой жизни народов — жизни свободной, разумной, мирной и светлой.

И в этот торжественный, ответственный час, в час решения судеб всего мира, когда решается судьба и нашей великой многострадальной Родины и родного нам Кубанского края, Чрезвычайная краевая Рада, призванная свободной волей народа утвердить истинное народовластие, именем избравшего ее народа провозглашает:

Отныне на Кубани не должно быть произвола и насилия. Подняв знамя борьбы против ужаса, произвола и насилий большевиков во имя законности и справедливости и одержав под этим знаменем победу, Рада не допустит никаких незаконных посягательств, откуда бы они ни исходили, на свободу, жизнь, честь и имущество жителей Кубанского края — казаков, горцев и иногородних».

Все лица, подозреваемые или обвиняемые в каких-либо преступлениях, а также в большевизме, должны отвечать только по суду, должны быть ограждены от самосудов и произвола. Равный для всех закон и справедливый законный суд — лучший залог закрепления нашей победы над насилием и произволом большевиков. Путь мести и кровавой расправы отныне должен быть оставлен. Наш край и Родина зовут нас к дружной и мирной работе.

Главнокомандующий Добровольческой армией генерал Деникин обещал помилование всем тем из большевиков, которые добровольно сложат оружие. Подобает гуманное начало военачальника довести до конца и сохранить жизнь, семейства и имущество тех, кто прозрел раньше, не пошел за большевиками и остался, чтобы полезным и мирным трудом искупить свой, часто только по невежеству совершенный, грех перед Родиной и нашим краем.

На основании изложенного Чрезвычайная Кубанская краевая Рада именем народа повелевает войсковому атаману, краевому правительству, отдельским и станичным атаманам, аульным и сельским старшинам:

1) немедленно принять строжайшие меры к прекращению самосудов, произвола и насилий над свободой, личностью, жизнью, честью и имуществом всех проживающих в пределах Кубанского края.

2) Неукоснительно следить, чтобы все обвиняемые в каких-либо преступлениях, а также большевизме были переданы в распоряжение законных судебных властей и ограждены от насилий.

3) Немедленно пересмотреть все дела арестованных и освободить незаконно и невинно арестованных.

4) Принять меры к охране от насилий тех большевиков, которые добровольно сложат оружие и возвратятся домой согласно призыву главнокомандующего Добровольческой армией.

5) Производить аресты и обыски только на точных основаниях закона.

6) Прекратить самовольное, без утверждения войскового атамана, приведение в исполнение смертных приговоров по постановлениям чрезвычайных военных судов.

7) Не допускать телесных наказаний.

8) Привлекать немедленно к строжайшей ответственности всех лиц, злоупотребивших предоставленной им властью и

9) Привлекать к строжайшей ответственности всех виновных в неисполнении сего приказа, без различия должности, звания и положения.

Ведя непримиримую борьбу с произволом и насилием и утверждая основы истинного народовластия — равенство, законность, справедливость и порядок, Чрезвычайная краевая Рада никому не даст права мести и расправы.

Пусть знают все, пусть знают наши враги, что мы — победив — были великодушны».

Председатель. — Кто желает высказаться по поводу этого? *(«Баз прений».)* Я голосую. Кто за предложенную редакцию? Кто против? Кто воздержался? Редакция принята. *(Голос с места: «Если бы сейчас отпечатать и на руки передать».)*

Господа члены Рады! Сейчас мы заслушаем законопроект о наградах и пособиях, и если никаких возражений и редакционных поправок не будет, то он, как и все другие принятые законопроекты, будет напечатан, чтобы вы могли их взять с собой. Даю слово докладчику по законопроекту о наградах и пособиях Перегородиеву. *(Коробьин с места: «Майкопский отдел возбуждает по поводу приказа Рады...»)* Я так не могу. Оказывается, Майкопский отдел имеет нечто возразить против этого воззвания. *(Шум, голоса: «Уже принято, надо было раньше думать».)*

Член Рады Перегородиев. — Текст законопроекта о наградах и пособиях установлен комиссиею в следующем виде. *(Оглашает весь законопроект.)*

(Заседание продолжается под председательством товарища председателя Омельченко.)

Член Рады Тундовский. — Я считаю необходимым, чтобы в постановлении было ясно указано, что наравне с строевыми частями пользуется правом на награждение знаками отличия и медицинский персонал, оказывавший полкам помощь, хотя он с оружием в руках не выступал. Поэтому я и прошу внести такую поправку: «а также медицинский персонал, оказывавший медицинскую помощь на полях сражения».

Член Рады Перегородиев. — У нас ведь принята статья, на основании которой все лица, оказавшие ценные услуги в борьбе с большевизмом, могут быть награждены — не только фельдшера и доктора, но и сестры милосердия, обозные казаки и др. Эта статья всех объединяет, а если мы внесем в нее подробные перечисления, то это будет громоздко. И зачем это делать, когда у нас есть статья, которая прямо говорит, что крест Спасения Кубани может быть жалуем и в других случаях за особо выдающиеся отличия. Под эту статью могут подойти все, и я считаю, что надобности в принятии предложенной поправки нет.

Председательствующий. — Внесено предложение, по поводу которого мы выслушали возражение Перегородиева. Разрешите голосовать это предложение. *(Голосование.)* Отвергнуто. Итак, в законопроект никакой редакционной поправки не вносится. Что касается 23 статьи, то она передана на разработку юридической комиссии, которая заявила, что окончательная редакция будет готова к вечернему заседанию. Разрешите голосовать первые 22 пункта. Поправок не вносится. *(Голосование.)* Утверждены.

Член Рады Перегородиев. — Постановление Чрезвычайной Рады 29 ноября о награждении войскового атамана и других деятелей изложено следующим образом. *(Читает весь проект.)*

Председательствующий. — По поводу персональных наград кто-нибудь имеет что-нибудь сказать?

Член Рады Усачев. — По моему мнению, надо статью, где вместе с председателем правительства говорится и о председателе Законодательной Рады, разделить на две статьи, чтобы председатель правительства был отдельно, а председатель Законодательной Рады — отдельно.

Председательствующий. — Кто согласен с предложением члена Рады Усачева? Отклонено. Кто согласен с наградами лиц, только что прочитанными? Принято. Таким образом, постановление утверждено.

Член Рады Перегородиев. — Согласно принятым поправкам, окончательная редакция постановления Рады о пособиях увечным участникам освобождения Кубанского края от большевизма и об обеспечении семейств погибших в этой борьбе изложена в таком виде. *(Читает ст. 1—12 постановления.)*

Председательствующий. — Прошу желающих высказаться. Желающих нет. Ставлю на голосование. Кто согласен с только что доложенным законопроектом? Прочтенный законопроект утверждается. Слово принадлежит представителю Екатеринодарского отдела Ткаченко.

Член Рады Ткаченко. — После принятия третьей статьи земельного законопроекта Екатеринодарский отдел, обсуждая этот вопрос, в связи с тем наблюдением, что ею вносится коренное разногласие между казачьим населением, горцами, а потом и городами, предлагает земельный законопроект в том виде, как он принят при втором чтении с поправками, не принимать третьим чтением и не утверждать, а получить его на руки и, обсудив на местах, в той или другой форме принять и утвердить после перерыва.

(Заседание продолжается под председательством Н. С. Рябовола.)

Председатель. — Прошу желающих высказаться.

Член Рады Ильченко. — Господа члены Рады! Мне кажется, что ехать с неутвержденным законопроектом домой даже нельзя. Я согласен принять его в той редакции, какая предложена здесь, а статью третью не принимать, обсудить ее дома. *(Шум.)* Дайте же высказаться! Я настаиваю — или весь проект отклонить, или принять весь, кроме ст. 3-й.

Член Рады Перегородиев. — Господа члены Рады! Предложение отложить законопроект, безусловно, приемлемо, поскольку мы этот законопроект, пока он не принят в окончательном виде, приехав в станицы, можем обсудить на местах. Это положение очень серьезное, и мне кажется, что необходимо посоветоваться со станицами, и тогда уже с чистой совестью можно утвердить. Вы смотрите, какие недоразумения и треволнения вызвала эта статья. Я поддерживаю внесенное предложение, чтобы законопроект утвердить уже тогда, когда мы съедемся сюда после перерыва и когда будем знать мнение станиц о нашем законопроекте.

(Во время речи Н. О. Рябовола председательствует тов. председателя Омельченко.)

Н. С. Рябовол. — Господа члены Рады! Хотя, повторяю, я по этому вопросу и не являюсь специалистом, но мне ясно, что здесь делается не так, как нужно, и ясно, что нет никого, кто бы этим земельным законопроектом был удовлетворен вполне. После прочтения этого законопроекта остается какая-то неуверенность, и едва ли правильно то основное положение, о котором говорил член Рады Ильченко, будто бы нам, безусловно, нельзя возвращаться в станицы с неутвержденным законопроектом. Раз он составлен несколько спешно и вызывает большие сомнения, мое личное мнение — мы могли бы без особой опаски возвращаться с ним в станицы, и именно в таком его виде, в каком он сейчас находится. Мы своим избирателям скажем, что этим вопросом Рада интересовалась, уделяла ему очень много внимания и вынесла такие-то резолюции. Эти резолюции мы прочтем на наших станичных сборах, расскажем о статье 3-й, ко-

торая вызывала здесь такие споры и раздоры, и я думаю, что упрекать на местах нас никто не будет в том, что мы ничего не делали или сделали плохо. Основное положение законопроекта то, которого жаждет население, оно будет его приветствовать, а некоторые пункты, которые иногда вызывают недоразумения и притом сложного характера, целесообразнее обсудить на местах. Я всецело присоединяюсь к сделанному здесь предложению, чтобы третьего чтения сейчас не делать, потому что на почве его могут произойти нежелательные столкновения, а сохранив тот смысл редакции, какой сейчас есть, осведомиться на местах о мнении избирателей. Только что я получил данные, которые подтверждают, что член Рады Морев был прав, объясняя причину отсутствия здесь горцев. Это лишний раз подтверждает, насколько легко может выйти конфликт при разрешении этого вопроса, а это крайне нежелательно. Мы только отдаляем этим разрешение вопроса земельного. Я предложил бы напечатать проект в том виде, в каком он сейчас есть, раздать депутатам и разъехаться по домам. Возвратясь через некоторое время, обсудив его на местах, вы сможете принять его в окончательной форме и утвердить. А Законодательная Рада, которая тоже должна будет собраться к этому времени и работать, пригласив специалистов и узнав ваше настроение, ваши желания, может быть, придумает какую-нибудь редакцию, не изменяя ваших желаний по существу. Этим мы не затрудним и не затормозим движение законопроекта, а ускорим практическое разрешение его. Я горячо поддерживаю предложение Екатеринодарского отдела.

Член Рады Д. Филимонов. — Передача законопроекта для обсуждения на местах, конечно, приведет к таким решениям и заключениям, к каким пришли депутаты той или другой станицы. Если здесь, господа члены Рады, мы — представители всего Кубанского края — не могли найти того правильного пути, по которому должно было бы идти разрешение земельного вопроса, то разве в каждом отдельном населенном пункте этот путь будет найден? Конечно же, пути этого не найдут в станицах; направление разрешения земельного вопроса в каждом населенном пункте будет односторонне, ибо там возобладает то направление, которого, я повторяю, придерживается депутат того или другого места. Наша же задача сводится к тому, чтобы сейчас явиться на места и внести в волнующиеся умы успокоение. А законопроект, если он пойдет в порядке, предложенном Екатеринодарским отделом, успокоения на местах не даст. И нас каждый будет иметь право упрекать в неискренности, каждый будет иметь право говорить, что мы оттягивали разрешение земельного вопроса в надежде, что вот, быть может, наступит более благоприятное время, когда мы ясно и определенно скажем: казачество должно остаться казачеством.

Сейчас, господа члены Рады, мы работаем под флагом устроения нашего края и внесения гражданского мира и порядка среди населения. Мы должны это иметь в виду при разрешении вопроса. А разве разрешение, которое мы приняли, говоря по совести, разве оно внесет успокоение? Конечно же, нет. Ну, что же мы скажем относительно того, чем кончились заседание Рады? Остается одно ясным: предполагается сделать перерыв. И вот мы разъедемся под гнетущим, тяжелым впечатлением, что на последнем заседании Рады не присутствовали горцы, что представители городов и коренного населения сложили всякую ответственность за последствия, которые будут вытекать

из принятия законопроекта. Мы явимся на места, и пойдет смута, и пойдут нестроения снова в нашей среде, и это нестроение передастся на фронт. Завтра же черноморские полки узнают от своих депутатов, что интересы Черноморья были принесены в жертву, узнают представители коренного населения, и пойдет вредное для нас всех брожение. Мы это не должны упускать из виду и должны исправить свою ошибку, подсказываемую нашими экономическими интересами, пока это не поздно. Все те доводы, которые приводились здесь относительно того, что мы, в конце концов, можем остаться ни с чем, не обоснованы, и я их отвергаю полностью как не выдерживающие критики.

«А вдруг, — скажут нам, — если вернется все к старому, а вы отказались от своих прав?» Это не так, никто не посмеет этого сказать. Ведь мы, образовывая единый краевой фонд, исходили из интересов общегосударственных, из интересов общекраевых. Мы отказывались от некоторой доли своих прав в предположении, что у нас будет общий фонд. И если бы я даже верил в то, во что я не верю, верил в то, что может вернуться старый порядок, когда вздумали бы отобрать фонд, то все равно наших земель никто не посмеет отобрать — наши земли вернутся к нам же. Это возможно только тогда, когда все решения будут аннулированы, признаны недействительными. А раз это так, то и наше постановление о том, что частновладельческие земли переходят в краевой фонд, тоже будет аннулировано, и мы останемся с теми правами, которые у нас имелись. Я на этом и заканчиваю. И предлагаю высокому собранию в интересах спокойствия, в интересах, быть может, не только экономических, но и в интересах всей нашей жизни предложение Екатеринодарского отдела отклонить, перейти к третьему чтению законопроекта и при этом чтении статью 3-ю исключить. *(Голоса: «Правильно»; аплодисменты.)*

Член Рады Коробьин. — Вы видите, господа члены Рады, что законы писать — не блины печь, что в данном вопросе получается удивительная путаница. Комиссия внесла статью третью; вы в первом чтении ее исключили, потом приняли, теперь опять предполагается ее исключить. И этот факт сам по себе говорит о том, что положение в данном случае в высшей степени трудное и запутанное, но к нему надо отнестись со всей серьезностью. Вы знаете, господа, что во многих государствах существует так называемая двухпалатная парламентская система. Это — для того, чтобы, когда закон принимается или предполагается быть принятым спешно, вторая палата могла проверить этот закон и внести поправки. Но и у нас в данном случае есть выход. Положение в самом деле запутанное, но есть выход такой: мы сделаем на январь перерыв, и этот самый факт подскажет нам, как нужно будет поступить. Давайте отложим разрешение этого законопроекта, узнаем мнение о нем на местах, рассмотрим его там и, вернувшись сюда со свежими силами и с новыми данными, рассмотрим этот законопроект снова, главным образом ст. 3-ю. И тогда со спокойной совестью, совершенно спокойной, как настоящие законодатели, утвердим законопроект так, как подскажут нам на местах. Вот моя мысль. Я поддерживаю предложение Екатеринодарского отдела и прошу согласиться с ним и не делать опрометчивых, поспешных шагов.

Член Рады Траценко. — Господа, из всех вопросов, которые мы здесь обсуждали, земельный вопрос вызвал у нас больше всего усилий и больше всего разногласий. Когда мы обсуждали законопроект, мы несколько раз одни и те же пункты принимали,

отвергали, скова принимали и снова отвергли. Те пункты стоят перед глазами — что с ними делать? Я подчеркиваю, много трудов было положено на то, чтобы выработать определенный, законченный законопроект. Я спрашиваю, все ли вы уверены, все ли вы убеждены — загляните в ваши души и скажите искренно, вполне ли вы уверены в том, что то, что нами в законопроекте принято, — все уже принято окончательно. В необходимости проведения начала справедливости мы вполне уверены, на этот счет колебаний никаких нет. Что касается меня лично, то я говорю, что уверенности в том, что все принятое нужно для края, — у нас такой уверенности нет. Ввиду того, что при разрешении законопроекта надлежащей уверенности у нас не было и сейчас ее нету; были постоянные колебания, которые наблюдаются и сейчас, — я полагаю, что интересы дела, интересы края требуют, чтобы мы ни сегодня, ни завтра, вообще до перерыва сессии не принимали окончательного решения по земельному вопросу. А нашим избирателям мы можем заявить все обстоятельства дела, сказать, что мы работали много, работали искренно, честно, и поэтому мы можем просить край дать нам возможность еще раз отмерить, чтобы окончательно отрезать. Я поэтому в интересах спокойствия края, в интересах единения трудовой кубанской демократии предложил бы отрезать окончательно не на этой сессии, а на январской. Я всецело поддерживаю предложение Екатеринодарского отдела о том, чтобы окончательно и бесповоротно принять решение по этому вопросу в январской сессии.

Член Рады Рябцев. — Я вполне поддерживаю и разделяю предложение Екатеринодарского отдела, и вот по каким соображениям. Сегодня представитель горцев Султан Шахим-Гирей на мой вопрос, почему он не идет сюда, заявил мне: «Нам там делать нечего, так как третий пункт принят, а поправки отвергнуты». Это я довожу до вашего сведения.

Председатель. — Имеется предложение прекратить прения по данному вопросу. Голосую. Кто за прекращение прений? Прения прекращены. Первое предложение — Екатеринодарского отдела — чтобы третье чтение законопроекта было отложено до возобновления заседаний Рады после перерыва. Второе предложение — члена Рады Филимонова — чтобы к третьему чтению приступить немедленно, но третью статью исключить. Кто за предложение Екатеринодарского отдела, чтобы третье чтение перенести на январскую сессию? Кто против? Предложение Екатеринодарского отдела отвергнуто.

Поступило предложение от Лабинского и других отделов, чтобы временно прервать заседание Рады не на один день, а на несколько, причем выражается пожелание, чтобы такой перерыв был сделан в настоящее время. Меня все отделы спрашивают, когда будет сделан перерыв, но я лично не имею возможности сообщить им об этом. У нас имеется земельный законопроект. Вы постановили его третий раз читать, есть у нас еще законопроект о принятии и исключении из казачьего сословия и об увековечении памяти погибших героев. Мне лично кажется, что последний законопроект — об увековечении памяти погибших — может быть передан в Законодательную Раду на рассмотрение и утверждение. *(Голоса: «Правильно».)* Весь законопроект разработан чрезвычайно подробно, но мне кажется, что когда именно подробно разработан проект, то утверждение его представляет большие трудности, — поэтому я предлагаю передать

его на утверждение Законодательной Рады. Желаете по этому поводу высказаться? *(Голоса: «Голосовать без прений».)* Докладчик не возражает против передачи законопроекта в Законодательную Раду. Ставлю на голосование. Кто согласен, чтобы законопроект об увековечении памяти павших героев был передан в Законодательную Раду? Большинство. Таким образом, законопроект об увековечении памяти героев передается на рассмотрение в Законодательную Раду.

Следующий законопроект — о зачислении в казачье сословие. Желаете его рассмотреть до перерыва или после? *(Голоса: «После перерыва».)* Таким образом, остается только земельный законопроект и несколько небольших законопроектов и заявлений членов Рады. Я лично полагаю, что если бы мы сделали два заседания — сегодня вечером и завтра утром, то можно было бы окончить наши работы. Хотя предугадать нельзя, но я предполагаю, что в два-три заседания можно закончить нашу работу. В крайнем случае, если мы не успеем закончить, то придется остаться до завтрашнего вечера. Я прошу не разъезжаться.

Комиссия народного образования настаивает, чтобы в то воззвание, которое было прочитано членом Рады А. Белоусовым от имени юридической комиссии, был внесен дополнительный пункт. Дело в том, что на днях мы выслушали доклад об истязании учительницы, о том, что дети иногородних не принимаются в школы. Мы тогда же выразили пожелание, чтобы это было внесено в общую резолюцию. Что касается факта истязания, то в воззвании он принят во внимание при напоминании о мерах к прекращению самосуда, произвола и насилий над личностью и честью всех живущих в крае. Относительно детей иногородних там ничего не сказано, и докладчик комиссии по народному образованию предлагает дополнить приказ следующим 10-м пунктом: «надлежит не только не препятствовать поступлению в школы детей иногородних, но всячески содействовать этому поступлению на свободные места за плату, установленную попечительными советами и утвержденную ведомством народного просвещения». Кто согласен? Принято единогласно. В этом воззвании нужно изменить еще одно слово; там сказано: «привлечь к ответственности», а предлагается «привлекать к ответственности». Возражений против поправки нет? *(«Нет».)* Принято.

Внесено предложение упразднить, ввиду принятия положения об управлении Кубанским краем, представительство Юго-Восточного союза. Дело в том, что прошлогодней Радой были избраны представители в Союз казачьих войск и в Юго-Восточный союз; теперь у нас имеется правительство, и у Рады непосредственных связей с упомянутыми учреждениями не имеется. Делегировать в них представителей Кубани и наладить отношения должно правительство.

Следующее предложение — упразднить Верховный суд, так как за восстановлением общих судебных установлений и наличием военно-окружного суда он является излишним. В свое время он был образован по предложению Бардижа, так как тогда нужно было принять спешные меры. Возражений нет? *(«Нет».)* Значит, все эти организации упраздняются.

Господа члены Рады, вносится предложение представителями Таманского отдела о принятии мер против усиленного истребления лесов на частновладельческих землях. Ввиду того что имеются случаи уничтожения лесов, Таманский отдел издал приказ

о запрещении свободной рубки лесов. Ныне вносится предложение, чтобы соответствующее распоряжение было издано и от правительства, чтобы не только на вырубку войсковых лесов брались разрешения, но чтобы и частные владельцы лесов могли производить рубку лишь с разрешения правительства. Эта мера необходима в тех целях, чтобы не обесценивалась земля. *(Голоса: «В каком количестве?»)* Все равно, в каком количестве, но рубить лес самовольно воспрещается, и тот, кому понадобится рубить лес, должен взять на это разрешение. Возражений нет? *(«Нет».)* Принято единогласно. Объявляю перерыв на 10 минут.

После перерыва.

Председатель. — Заседание возобновляется. Вчера в отделах обсуждался вопрос о том, чтобы краевая Рада от своего имени в срочном порядке послала делегацию в Париж. Мотивы таковы: с одной стороны, слишком много, а с другой — слишком мало говорят о том, какую помощь могут оказать нам союзники. До сих пор ничего определенного население нашего края не знает, и мы, разъехавшись по отделам, узнать этого не можем. Для того чтобы мы могли получить сведения из первоисточника и узнать, что там делается, отделы пришли к соглашению, чтобы таковая делегация была послана. Отделы избрали 12 человек в комиссию, которая обсудила бы этот вопрос детально. Комиссия имела суждение и вынесла такое решение: делегацию послать для целей информационных — как для того, чтобы осведомить, что мы делаем, так и для того, чтобы узнать, что делается там, а равно для защиты краевых интересов. Комиссия находит, что необходимо послать делегацию из девяти человек *(Голос: «Много».)*, причем избрание делегатов производится следующим образом. Во главе делегации должен стоять ответственный руководитель, которого избрать надлежит здесь, а остальных членов делегации, 8 человек, изберут отделы, от каждого по одному и одного от горцев. *(Голос: «Много».)* Этой делегации должны быть предоставлены достаточные средства, чтобы она не была похожа на «бедных родственников», не производила бы такого впечатления. Кроме этого — эту делегацию должны сопровождать не менее 20 казаков в качестве охраны, курьеров и для представительства. Вот те предположения, которые сделаны комиссией, вами избранной.

Вам предстоит окончательно решить вопросы: находит ли Рада нужным послать делегацию, цель этой делегации, количество делегатов, средства для ее поездки. Я ставлю на голосование первый вопрос — находит ли Рада необходимым послать такую делегацию в Париж. *(Баллотировка.)* Принято большинством голосов против четырех. Второй вопрос — цель посылки делегации. Комиссия формулировала этот вопрос так: для информации и защиты краевых интересов. Желаете обсуждать этот вопрос? Кто согласен, чтобы делегации были даны такие задания? *(Голосование.)* Большинством голосов принято. Третий вопрос: количество делегатов. Комиссия предлагает такое число: глава делегации и по одному человеку от каждого из семи отделов и один от горцев. Имелось в виду, что эта делегация может разбиться на несколько делегаций, так как она обязана во время перерыва посылать часть членов для доклада краевой Раде, чтобы мы знали, что происходит и будет происходить там, чтобы мы были осведомлены по отделам в достаточной степени. Комиссия предполагала, что поездка лишнего человека обойдется в 10—12 тысяч рублей. Для упрощения способа

избрания комиссия остановилась на 9 человеках. Желающих высказаться нет? Есть. Слово предоставляется члену Рады Ю. А. Коробьину.

Член Рады Коробьин. — Господа члены Рады! К сожалению, Майкопский отдел не был оповещен об организации этой комиссии и в работах ее не участвовал, и, принимая это во внимание, мы обдумать этих вопросов не могли. Но сейчас, переговорив с Майкопским отделом, я нахожу, что комиссия из девяти человек слишком громоздка; здесь чуть ли не каждый отдел рассматривается как штат. Это в принципе неверно. Что будут делать девять человек в Париже? Ведь они будут делать одно дело. Следовательно, из них 5—6 человек будут представлять излишнюю роскошную толпу. Это нам совсем не по карману, и к положительным результатам эта роскошная толпа не приведет. Я лично вношу предложение послать три человека, включая сюда и главу делегации.

Член Рады И. Белый. — Господа члены Рады! Комиссия, остановившись на 9, имела в виду следующее: прежде всего признано необходимым, чтобы к следующему нашему собранию часть делегации из Франции возвратилась, но чтобы и там осталось достаточное количество членов. Далее, имелось в виду, что одной из задач делегации будет установление товарообмена с союзниками. Предполагалось, что по этому вопросу придется ехать и в Англию и в другие государства. И вот, чтобы можно было это сделать, мы решали остановиться на 9 человеках. *(Член Рады Коробьин с места: «Разрешите несколько слов по другому вопросу».)*

Председатель. — Не знаю, почему Майкопский отдел так волнует этот вопрос. Я лично предполагал, что это количество делегатов принять необходимо, потому что нужно будет заехать за тысячи верст, туда, откуда нельзя будет снестись ни по телеграфу, ни почтой. Значит, для того чтобы иметь возможность обсудить тот или иной вопрос, делегация должна быть в достаточном количестве. Вот этим руководствовались. *(Голоса: «Правильно».)* Слово предоставляется члену Рады Долгополову.

Член Рады Долгополов. — Господа члены Рады! Вопрос о посылке делегации чрезвычайно серьезный и недостаточно освещенный, и так разрешать его, как вы решаете, совершенно невозможно. Я не говорю уже о материальных средствах — здесь не тысячами пахнет, — но ведь мы самого главного не обсудили. Мы не обсудили задач делегации, потому что мы сначала решили отправить ее для целей информирования, а потом было сказано — для защиты интересов и для товарообмена. Так решать вопросы, без обсуждения, нельзя. Я прошу этот вопрос осветить подробно и для того открыть прения.

Председатель. — Я могу открыть прения о целях посылки делегации и в связи с этим — о количестве членов делегации. Я лично полагал, что, обсуждая вопрос о посылке делегации, мы никого в заблуждение не вводили. Посылается делегация для информирования и для защиты интересов края. Этой делегации даются самые широкие полномочия.

Против прекращения прений говорили, теперь кто желает высказаться за прекращение прений? Желающих нет? Голосую. Большинством голосов прения прекращены.

Теперь следующий вопрос: какое количество делегатов нужно послать? Имеется предложение 9, 3 и 6. Господа члены Рады! Здесь могут ставиться на голосование

цифры 9 или 3. Цифра 3 выбрана с целью сократить количество людей, цифра 9 облегчает способ избрания, названная же вами цифра 6 осложняет способ голосования, поэтому прошу голосовать или 9, или 3. Кто за то, чтобы послано было 9 человек? Большинством голосов принято 9 человек.

Теперь четвертый вопрос: средства для посылки делегации. Конечно, эта делегация будет иметь колоссальное значение для нас и вообще для государства. Конечно, эта делегация по своему составу велика; кроме того, придется взять с собой конвой и караул и достаточное количество следующих лиц в качестве переводчиков. Средства для этого нужны большие. Здесь имеется предложение ассигновать в распоряжение делегации до полумиллиона рублей. Слово предоставляется члену Рады Коробьину.

Член Рады Коробьин. — Господа члены Рады! На вопрос председателя, почему это волнует меня, я скажу: потому что здесь пахнет не полумиллионом — этого им не хватит, потому что наш рубль совершенно обесценен и там ничего не стоит, так что каждый депутат обойдется нам в сотни тысяч рублей. Этот вопрос очень серьезный, и прошу обратить на него особое внимание в интересах экономии наших народных денег. Я предлагаю войти в соглашение с Доном, чтобы донцы в нашу делегацию включили и своих представителей, в число этих 9 человек. *(Председатель: «Так нельзя».)* Я вижу единственный выход из создавшегося положения — войти в соглашение по этому вопросу с Доном.

Председатель. — Нам стоит сейчас содержание войска более 10 миллионов, а сколько стоят те жизни, которые гибнут каждый день? Если посылка этой делегации сохранит тысячи жизней, которые оценить нельзя, и если для этого потребуется полмиллиона — их нужно дать, и если потребуется даже и два миллиона, то разговоров об этом быть не может. *(«Правильно».)* Я, конечно, предлагаю до полумиллиона. Имеется в виду, что делегация должна быть только делегацией Кубанского края. Если этих средств будет мало, то должны быть ассигнованы средства сколько потребуется. Нужно выбрать людей, которым можно было бы доверить дело. Я голосую, чтобы краевой Радой был отпущен в распоряжение делегации кредит до полумиллиона рублей. *(«Мало».)* Тогда до миллиона. Голосую. *(Баллотировка.)* Принято. Таким образом, краевому правительству предлагается по постановлению краевой Рады открыть кредит в распоряжение делегации в сумме одного миллиона рублей.

Поступило предложение, чтобы эту делегацию сопровождало не менее 20 казаков. *(Мало», «Много».)* Разрешите вопрос так, чтобы в распоряжение делегации краевым правительством и войсковым атаманом было предоставлено достаточное количество казаков. *(«Правильно», «Не менее 20».)* Есть два выхода. Говорили о 20, но есть другая форма, а именно, чтобы делегации было предоставлено право потребовать от правительства отпустить в ее распоряжение потребное для представительства и для курьерских надобностей количество казаков — до 20 человек. *(«Десять».) (Голос с места: «Для чего там казаки?»)* Для чего? Я скажу: для курьерской службы. Не может же делегация сообщаться почтой, кроме того — для представительства. Нужно будет поставить караул, где будет находиться наша делегация. Есть два способа: один — установить точную цифру — 20 человек, а другой — столько предоставить, сколько потребуется делегации. *(«Двадцать и потребуется».)*

Член Рады П. Макаренко. — Я принужден по этому пустячному вопросу давать некоторые справки. Когда на Дону в августе и сентябре при Большом войсковом круге был представитель Добровольческой армии, то все время в гостинице у его дверей стояли парные часовые — кубанцы, и я думаю, что это так и следует делать. Раз пожалует представитель организации Добровольческой армии, прослывшей на весь мир, то ему нужен почет и уважение. Вы знаете, что для того, чтобы держать пару часовых для одного генерала, сколько людей требуется. Ведь утомляются, и их надо сменять. Если наша делегация будет в Париже или в Риме, то ей для представительства, для форсу, чтобы показать себя, тоже нужны часовые. Говорят, что чем меньше держава, тем больше надо тратить на представительство, оно должно иметь у себя парных часовых. Дело было простое: я явился в Киев представителем от войска. Я сам по себе, быть может, величина маленькая, незаметная, а раз я представитель войска, то мы катим на автомобиле, и на козлах стоят казаки, и под козлами казаки, и всюду казаки, и нам поэтому соответствующий прием всюду оказывали. А когда явишься «так себе», попросту, то и прием такой же — «так себе».

Знаете: «по одежке встречают, а по уму провожают». И стоит ли вам спорить: 20 человек или 10 человек. Достаточное количество казаков для представительства должно быть дано делегации. И таким вопросом Рада занимается! Возьмут столько, сколько требуется. *(«Майкопский отдел полагает: «совсем без казаков».)*

Председатель. — Значит, вопрос будет поставлен так: чтобы правительство и войсковой атаман отпустили в распоряжение делегации достаточное количество казаков для представительства и курьерской службы. *(Баллотировка.)* Принято. Здесь задают вопрос о том, чтобы работать в согласии с Доном и другими группами. Это само собой разумеется: наша делегация и обязана говорить то, что мы ей скажем, а мы свое отношение по этому вопросу выразили в своих тезисах и резолюциях. Там все ясно сказано. Конечно, наша делегация должна работать в полном контакте с донской делегацией.

Член Рады Каплин. — Сейчас последовало вполне авторитетное заявление, что делегация должна работать в полном контакте с Доном. Но я думаю, что раз мы так говорим, то должны вынести по этому предмету и соответствующее постановление. Раз мы, в самом деле, идем рука об руку с Доном и раз мы — тот единый фронт, о котором говорили, раз мы в тесном союзе с Доном, то пусть пред лицом Франции не будет двух различных фронтов, пусть будет один фронт. Я предлагаю постановить, чтобы наша делегация предложила Дону присоединить свою делегацию для совместного представительства. *(«Правильно».)*

Председатель. — Я формулирую иначе: наша делегация должна работать в контакте с представителями Дона. Дело в том, что Дон посылал неоднократно своих делегатов. Соединение же делегаций невозможно: наша делегация должна быть принята как делегация от Кубанского края, но само собою разумеется, что она должна работать в полном контакте с донской казачьей делегацией. Против такой постановки вопроса возражений нет? Принято.

Член Рады Каплин. — Я полагаю, что длительная работа утомила вас, устал и я, но, тем не менее, считаю необходимым поднять частный вопрос, относящийся к этой

делегации. Дело в том, что делегация является представительницей краевой Рады. Но краевая Рада через два-три дня не будет функционировать, она разъедется. У нас будет Законодательная Рада и правительство. И вот меня интересует вопрос: в каком взаимоотношении между собою окажутся делегация, правительство и Законодательная Рада? Я полагаю, что эта делегация не может действовать независимо и самостоятельно от той власти, которая останется. Ведь функции делегации — это частичное проявление той власти, которая, после того как разъедется Чрезвычайная Рада, принадлежит краевому правительству и Законодательной Раде. Поэтому, во избежание недоразумений и для того чтобы делегация не считала, что она действует независимо от правительства, я нахожу необходимым указать, что в своей деятельности она должна руководствоваться постановлениями правительства и Законодательной Рады. *(«Правильно».)*

Член Рады Омельченко. — Мы переживаем экстраординарные события, которые вызывают необходимость посылки данной делегации. Исходя из этого положения, а также имея в виду, что один факт посылки делегации вызывает на местах особенный интерес, скажу, что важно, чтобы делегация эта руководствовалась не теми положениями и постановлениями, которые вынесет Законодательная Рада и правительство, а важно, чтобы в основание ее работы легли те принципы, которые утвердила краевая Рада. Вот та почва, с которой делегация сойти не может и не должна и о которой она обязана поведать за границей тем, кому надлежит знать о ней. Мы посылаем выборных людей, и важно, чтобы во главе их стояло такое лицо, такой человек, который все должен знать и которого мы знаем и верим, что он с этой платформы не сойдет. Конечно, эта делегация должна будет отчитываться перед краевой Радой и правительством. Вот как я разумею тактику этой делегации, ее полномочия и правомочия.

Член Рады Горбушин. — Я должен указать на одну особенность посылки делегации. При помощи ее мы надеемся помимо принципиальных вопросов разрешить экономические вопросы — вопросы о товарообмене. Но таких вопросов мы здесь не решали, откуда же делегация получит инструкции? Каждая делегация не имеет права говорить от себя: она должна говорить то, что ей прикажут. В данном случае мы по общим вопросам наделяем ее наказом, а по практическим — экономическим вопросам — кто ей прикажет? Или она будет действовать так, как ей захочется? Но так быть не может. Этой инструкции мы не в состоянии выработать. Мы избрали войскового атамана и Законодательную Раду, пусть же они совместно выработают эту инструкцию. Это та власть, в компетенцию которой входит разработка подобного рода инструкций. Эту инструкцию делегация должна получать от нашего правительства, иначе получится недоразумение, из которого мы не выйдем. Предлагаю, чтобы делегация руководствовалась по принципиальным вопросам постановлениями краевой Рады, а по остальным вопросам — инструкциями правительства.

Член Рады Воропинов. — Опасения члена Рады Каплина не выдерживают никакой критики. Дело в том, что наша делегация является парламентской делегацией, и, само собою разумеется, поднимать вопрос о том, чтобы парламентская делегация подчинялась правительству, неуместно. Конечно, поскольку речь идет о полномочиях делегации по вопросам практического характера, то полагаю, что в этом отношении

она должна руководствоваться планами правительства, но в области политической она должна быть независимой. Что получится, если правительство, войсковой атаман и Законодательная Рада будут давать свои инструкции делегации краевой Рады? Ведь может получиться так, что сформируется новое правительство, которое, при условии подчиненности ему делегации, может давать ей такие указания, которые не сходятся с решениями, принятыми краевой Радой. Само собою разумеется, такое правительство у власти оставаться не может, и, как только об этом Рада узнает, она заставит это правительство выйти в отставку. И выходит то, что парламентская делегация от правительства зависима быть не может, хотя полное взаимное осведомление правительства и парламентской делегации должно существовать. Полагаю, что, может быть, правительство найдет необходимым к составу этой делегации присоединить одного или двух делегатов по вопросам специального характера.

Н. С. Рябовол. — Для меня по этому вопросу недоумений не возникает. Я совершенно согласен с членом Рады Горбушиным, что основной вопрос, который выработан на Раде, — вопрос политический, вопрос нашего государственного бытия, вопрос о федеративной России. Наша делегация в этих вопросах должна быть самостоятельна и независима и отвечать о своих действиях только перед краевой Радой, и по этому вопросу правительство никаких инструкций не должно давать. Что касается вопроса о товарообмене, о том, что мы можем дать Франции и что она может дать нам, то я полагаю, что наша делегация будет вести только предварительные переговоры, а договор будет подписан законным правительством страны. Я присоединяюсь к мнению Горбушина, что нельзя подчинять делегацию в политических вопросах Законодательной Раде, а тем более правительству. Вдруг будет избрано правительство, которое не будет пользоваться доверием и мнения которого будут расходиться с мнениями краевой Рады. Все это возможно, а потому я полагаю, что в принципиальных вопросах делегация никакими другими инструкциями, кроме краевой Рады, руководствоваться не должна. *(«Правильно».)*

Член Рады Демиденко. — Я много говорить не буду, но скажу, что мне несколько странными кажутся выслушанные рассуждения о разграничении отношений делегации к краевому правительству, с одной стороны, и парламенту — с другой. Прежде всего мне кажется, что когда делегация...

Председатель. — Я полагаю, что делегация будет и парламентская, и правительственная.

Член Рады Демиденко (продолжает). — У нас создается такое положение, что парламент на время прерывается, и в течение двух месяцев не будет парламента, но будет правительство. И еще вопрос, насколько делегация будет самостоятельна? Конечно, она знает наша решения, но как проводить эти принципы в жизнь, подскажет обстановка, и, может быть, сама делегация будет говорить с правительством. И мне кажется, что в этом отношении делегация должна быть связана с правительством.

Председатель. — Это новая постановка вопроса. Нужно было разъяснить раньше: или приказать правительству отправить делегацию, или послать свою делегацию. Вы стали на точку зрения парламентскую, а парламентскую делегацию нельзя подчинять правительству. *(«Прения прекратить».)* Баллотирую о прекращении пре-

ний. Прения прекращаются. *(«Многие не голосуют».)* Виноват, голосуют все, кроме представителей от Таманского отдела, кроме группы сидящих здесь. *(Указывает на часть мест, занимаемых депутатами Таманского отдела.)*

В настоящее время вопрос о средствах разрешен, и остается вопрос: кому должна подчинятся настоящая делегация? По поводу уклонения некоторых членов Рады от участия в баллотировке считаю нужным сказать, что если бы был ими поднят вопрос перед началом прений — так это было бы понятно: тогда надо было снять вопрос с очереди и передать в отделы, а завтра поставить на обсуждение. Между тем возражения выдвинуты теперь, когда работа уже закончена. *(Член Рады Коробьин — с места: «Не было в комиссии представителей от Майкопского отдела».)* Итак, я голосую: кому должна быть подчинена делегация и от кого должна получать инструкции? Есть одно предложение, что наша делегация должна получать инструкции от краевого правительства. Есть другое предложение: что наша делегация получает инструкции в той части, которая касается общих вопросов, — от краевой Рады или, во время ее отсутствия, — от Законодательной Рады, по вопросам же практического свойства сносится непосредственно с правительством и от него получает соответствующие указания. Я голосую предложение о том, чтобы все инструкции делегация получала от правительства. Прошу согласных с этим предложением поднять руки. Кто против? Громадным большинством отклонено. Другое предложение: делегация подчинена краевой Раде, а в отсутствие ее — Законодательной Раде; по вопросам практического свойства она сносится с правительством. Кто за это предложение? Против? Нет. Принято.

В заключение мы должны еще выбрать главу делегации в общем собрании, остальных членов делегации вы выберете по отделам. *(Голос с места: «Я прошу, чтобы вопрос был обсужден в комиссиях»; «Вопрос обсуждался».)* Выставляют кандидатуру Луки Лаврентьевича Быча. *(Голоса: «Просим огласить списки комиссии»; «Это для нас полная неожиданность».)* Господа члены Рады! Позвольте доложить вам, что я не понимаю всех этих заявлений. Вчера этот вопрос обсуждался во многих комиссиях, сегодня избранная комиссия собиралась и заседала. Я никогда не задаю вопрос, когда делают доклад от комиссии, сколько было на заседании членов и кто. Ведь это вопрос не важный. *(Голоса: «Нет, важный».)* Я оглашаю состав этой комиссии *(Читает.)*: Рябовол, Султан Шахим-Гирей, Быч, Манжула. Удовлетворены? Господа члены Рады! Предложение о посылке делегации обсуждалось Радой и принято Радой, а не комиссией. И я не понимаю, чего хотят возражающие. Сейчас поступило предложение, чтобы вопрос о личном составе делегации отложить на завтрашнее заседание. *(Голоса: «Сегодня».)* Есть два предложения: одно — чтобы вопрос о личном составе делегации перенести на завтрашнее утреннее заседание, а другое — этот вопрос разрешить теперь же. Прошу тех, кто находит нужным, чтобы вообще вопрос о избрании личного состава делегации был перенесен на завтра, поднять руки. Кто против? Громадное большинство. Кто за то, чтобы сегодня произвести выборы главы делегации, а завтра остальных членов? Принято. Объявляю перерыв на 10 мин. Прошу в отделах обсудить о кандидатуре главы делегации, если этот вопрос в некоторых отделах не обсуждался.

После перерыва.

Председатель. — Заседание возобновляется. Оглашаю списки кандидатов: Ейский отдел — Быч, Кавказский — Быч, Екатеринодарский — Быч, Баталпашинский — Быч, Лабинский — Быч, Таманский — Быч, от горцев — Быч, Майкопский — нет сведений.

Член Рады Коробьин. — Ввиду того что Майкопский отдел не был извещен и его представителей не было в составе комиссии, мы этого вопроса полностью обсудить не могли. Сейчас, во время перерыва, большинство высказалось за то, чтобы главой делегации был Быч. Но я должен сказать, что это решение не всего Майкопского отдела, так как сейчас присутствуют не все представители этого отдела. Вот почему и в перерыве мы надлежащим образом этот вопрос обсудить не могли.

Председатель. — Таким образом, имеется полностью шесть отделов и горцы, которые высказались за кандидатуру Луки Лаврентьевича Быча. Майкопский отдел высказывается тоже за Быча. Так я понял? *(Коробьин с места: «Так».)* Как прикажете баллотировать — ставить ящики? *(Голоса с мест: «Открытой баллотировкой».)* Кто за то, чтобы главой делегации в Париж был Быч, тех прошу поднять руки. Кто против? Нет. Кто воздержался? Нет. *(Аплодисменты.)*

Господа члены Рады! У меня имеется несколько мелких вопросов, которые я хочу доложить вашему вниманию. Прежде всего — вопрос о бесплатном вашем проезде обратно на обывательских подводах. Я прошу председателей отделов составить списки всех членов Рады, где было бы указано, от какой станицы и до какой станицы нужно ехать на лошадях. Эти списки вручить члену правительства Кулабухову. Что касается поездов, то я скажу следующее: я имел возможность говорить с председателем правления Кубанско-Черноморской дороги — он же член краевой Рады и член президиума. Он обещает дать поезд из нескольких вагонов для членов Рады. Что касается Армавиро-Туапсинской и Владикавказской железных дорог, то я думаю, что мы придем к соглашению, а членам Рады будут предоставлены спальные вагоны. Что касается вопроса о суточном довольствии, то я сам сделаю приказание, чтобы деньги были выданы, начиная с того числа, когда депутат выехал из станицы, по 10 декабря включительно; окончательный же расчет будет потом, потому что некоторым, может быть, придется выдать больше, другим меньше. Имеется еще несколько небольших вопросов, между прочим, вопрос о станичных гарнизонах. Я прошу представителей Екатеринодарского отдела высказаться, пояснить, в чем дело.

Член Рады Ткаченко. — Господа члены Рады! Екатеринодарский отдел, обсуждая вопрос о местных гарнизонах, пришел к заключению, что надобность в них миновала; что они пользы никакой не приносят и являются излишней тяжестью, так как содержание этих гарнизонов стоит дорого, а между тем этим гарнизонам делать нечего. Сверх того, между станичной администрацией и между начальниками гарнизона всегда происходят некоторые трения, которые создают двоевластие. По изложенным соображениям, Екатеранодарский отдел просит Раду поддержать его предложение об упразднении этих гарнизонов.

Член правительства по военным делам генерал-майор Савицкий. — Господа члены Рады! Вопрос о гарнизонах в тыловых отделах уже разрешен в положительном

смысле, а именно, что эти гарнизоны упраздняются. Задержка произошла лишь в отношении Екатеринодарского отдела и некоторых станиц других отделов по тем соображениям, что здесь, как вы знаете, атмосфера была несколько сгущенная, и мы не могли остаться без всякой вооруженной силы, которая, в случае ежели бы возникли какие-нибудь нежелательные явления, была бы наготове, чтобы парализовать их. В дальнейшем предполагается гарнизоны упразднить совершенно, с тем чтобы оружие, которое окажется после них, оставить в станицах и дать возможность станичным атаманам в случае необходимости созвать соответствующее количество людей. Например, сейчас в Майкопском отделе появилась банда, человек в 60, которая терроризирует все местное население. Таким образом, ежели потребуется, распоряжением атамана отдела или станичного атамана может быть организована соответствующая сила для преследования бродячих банд. В принципе, мы, конечно, согласны, что станичные гарнизоны должны быть упразднены и пойти на пополнение действующих частей армии. Часть состоящих в них офицеров будет использована для обучения будущих двух призывов, которые предполагается сделать как основу молодой армии. Что касается того, как скоро должны быть упразднены гарнизоны, то я скажу: в ближайшие дни, через 2—3—5 дней. Екатеринодарский гарнизон задержится только в связи с теми событиями, которые вам известны. *(Голос: «А городская стража?»)* Относительно стражи в городах я скажу, что об этом вопрос не поднимался, потому что эта стража подчинена не военному ведомству, а члену правительства по делам гражданского управления. Вот все, что я могу сказать относительно гарнизонов.

Председатель. — Господа, может быть, мы примем к сведению заявление члена правительства по военным делам, или вы все-таки хотите, чтобы голосовать об упразднении гарнизонов? *(«Отчего же не голосовать?»)* Прошу не мешать. Господа члены Рады! Лично мне кажется, что мы просто должны принять к сведению заявление члена правительства по военным делам, потому что если вы проголосуете, то на будущее время нельзя будет создать гарнизона без разрешения краевой Рады, если в этом будет надобность. А вы сами понимаете, может настать такой момент, когда образовать местный гарнизон вы сами потребуете, а правительство, между тем, будет стоять перед фактом запрещения краевой Рады. Я думаю, что нас должно вполне удовлетворить заявление военного министра о том, что гарнизоны упраздняются. Возражений нет? *(«Нет».)* Что касается комиссии по рассмотрению договора с Асмоловым, то с этим делом нужно так или иначе покончить.

Председатель и секретарь ее просят членов комиссии непременно сегодня собраться в 5 часов вечера в Обществе взаимного кредита.

Есть еще заявление Майкопского отдела такого содержания: «Ввиду того что до сих пор хищническое истребление дичи, зубров, оленей, коз и проч. продолжается, Майкопский отдел предлагает незамедлительно издать приказ о строжайшем преследовании браконьерства». Предложение такое, чтобы Рада поручила правительству немедленно принять все меры к недопущению браконьерства в лесах. Я думаю, что это вопрос очевидный, который возражений не вызовет. Принято. Оглашается заявление депутатов Ейского отдела: «Заслушавши 6-го декабря программную речь кубанского войскового атамана генерал-лейтенанта Филимонова, обменявшись в частном со-

вещании мнениями по поводу содержания названной речи и принимая во внимание: 1) что воля Кубанской Рады как державного хозяина земли кубанской должна быть непреложным законом для всех, а в том числе и для избранного ею войскового атамана, и 2) что в программной речи войскового атамана заключаются положения, расходящиеся со взглядами и решениями Кубанской Рады по основным вопросам, — депутаты Ейского отдела, признавая себя обязанными вышеизложенное доложить вниманию краевой Рады, вносят предложения о безусловной необходимости немедленно обсудить названную речь войскового атамана в пленарном заседании Рады и принять определенную и ясную формулу перехода к очередным делам».

Председатель. — Обсуждение по этому вопросу мы отложим до вечера. *(Коробьин с места: «Перерыв на обед».)* Желает ли Рада обсуждать предложение Ейского отдела? *(Голос с места: «Я ничего не слышу».)*

Член Рады И. Белый. — Господа члены Рады! Я предлагаю совершенно никаких выступлений по поводу заявления Ейского отдела не делать, а объявить перерыв до 7 часов вечера. В это время, от 5 до 7 вечера, отделы устроят отдельские совещания и обсудят вопрос о поступившем заявлении. *(Голоса: «Правильно».)*

Председатель. — Таким образом, большинство склоняется к тому, чтобы сейчас сделать перерыв.

Член Рады Д. Филимонов. — Я полагаю, что необходимо открыть прения по поводу внесенного заявления, причем члены Ейского отдела, если находят возможным подавать такое заявление, должны объяснить, что они понимают под расхождением положений речи атамана с постановлениями Рады. Нужно все это объяснить, а потом принять или отвергнуть.

Председатель. — Прения по этому вопросу я откладываю. Объявляю перерыв до 7 часов вечера. Продолжение заседания будет в здании Законодательной Рады.

Перерыв от 2 часов 30 мин. дня до 7 час. 15 мин. вечера.

Вечернее заседание 7-го декабря 1918 года.

(Заседание возобновляется в 7 ч. 15 м. веч. под председательством Н. С. Рябовола.)

Председатель. — Заседание возобновляется. Мною сейчас получено следующее письмо от украинского министра-резидента барона Боржинского. Я его прочту в переводе на русский язык «Прилагая мое заявление, очень прошу огласить его сегодня на общем собрании краевой Рады. О последующем прошу меня уведомить». Содержание письма следующее: «Господа члены краевой Рады! В связи с падением центральной власти на территории бывшей Российской империи на почве самоопределения народов возникли государственные образования как Украина, Кубань, Дон, Грузия, Литва и другие.

Все эти государственные образования, вызванные самой жизнью, имеют огромное политическое значение, особенно при выяснении вопроса о форме будущего устройства России на новых началах.

Естественным последствием этих образований явилась необходимость взаимоподдержки и осведомления как в пределах бывшей Российской империи, так и государств всего мира.

В настоящее время Украиной установлены взаимопредставительства с Англией, Францией, Германией, Австро-Венгрией, Швецией, Норвегией, Швейцарией, Турцией, Румынией, Великороссией, Финляндией, Болгарией, Испанией, Данией, Персией, Грузией, Доном...

Тем более с возникновением Кубани как самоопределившегося государственного образования, ввиду близкого соседства и кровного родства, Украина сочла необходимым немедленно вступить в непосредственные дипломатические сношения. И на Кубань как посол, министром-резидентом, со всеми правами и полномочиями, присвоенными этому высокому положению, назначен был я.

Я с радостью принял это назначение в страну славных героев, тем более что и сам, будучи уроженцем — казаком Киевской губернии, имел честь служить и командовать сотней 2-го Хоперского казачьего полка Кубанского казачьего войска, и по просьбе казаков изъявил согласие и был приписан стариками почетным казаком станицы Исправной Баталпашинского отдела.

Приехав сюда с самыми лучшими и благими намерениями поработать на благо Украины и Кубани, я встретил здесь со стороны власть имущих, помимо воли краевого правительства, к которому я был аккредитован, самые неприязненные отношения. Достаточно указать хотя бы на то, что по распоряжению тех же власть имущих в квартире посольства был произведен обыск, были забраны дела и печати без соблюдения самых необходимых в этих случаях, обычных законных формальностей.

Неизвестно, на каком основании арестован секретарь посольства г. Поливан и не освобожден до сего времени.

Даже национальный флаг Украины при квартире посольства по распоряжению ген. Филимонова, во избежание возможных оскорблений государственного флага, был снят мною.

Непосредственное же сношение с Украиной мне запрещено категорически.

Являясь представителем не каких-либо партий или политических группировок, а Украинской державы и ее народа, я тем более должен иметь с ней непосредственные сношения, дабы, вопреки ложным и враждебным информациям, иметь возможность правильно освещать события на Украине.

Наконец, я был арестован генералом Белоусовым.

Основываясь на вышеизложенном, я должен был бы заявить перед лицом всего мира и пославшего меня народа свой категорический протест против грубых нарушений самых элементарных основ международного права и оставить Кубань.

Я не сделал этого, и не сделал потому, что, во-первых, имел в виду тяжесть положения Кубанского правительства в силу создавшихся местных условий и, во-вторых, не желая нарушать и омрачать дружественных отношений между Кубанью и украинским народом, неоднократно оказывавшим, особенно в тяжелые политические моменты, дружескую помощь кубанскому народу.

Когда же положение на Кубани выяснилось, когда уже забран войсковой атаман на основах, выработанных правомочным народным представительством, Кубанской краевой Радой, мною не далее как вчера был сделан официальный визит войсковому атаману.

Ваш войсковой атаман официально заявил мне, что я могу оставаться на Кубани только в качестве почетного гостя, несмотря на то что подавшее в отставку правительство Л. Л. Быча меня признало как посла.

В качестве почетного гостя оставаться на Кубани я не могу, так как, во-первых, не имею на это полномочий украинского народа и, во-вторых, имея в виду все нанесенные мне как посланнику, министру-резиденту, раньше здесь оскорбления.

Как посланник, аккредитованный при Кубанском краевом правительстве, я обязан покинуть Кубань, о чем считаю своим долгом заявить правомочному хозяину Кубанского края, Кубанской краевой Раде, передав защиту интересов Украины представителю одной из дружественных держав.

Министр-резидент Украинский державы при Кубанском краевом правительстве полковник барон Боржинский. 20/7 декабря 1918 года».

Есть ли желающие высказаться по существу заявления, поданного украинским министром-резидентом бароном Боржинским? Слово предоставляется члену Рады Мореву.

Член Рады Морев. — Господа члены Рады! Сейчас вы выслушали продолжение того недоразумения, которое недавно имело место в Раде и для расследования которого предложено было избрать особую комиссию. Оно так и осталось для всех тайной: правительство не нашло нужным собрать материал и довести его до сведения Рады, и мы значение всей этой печальной истории, которая произошла, не можем оценить. Теперь я, с вашего разрешения, ставлю президиуму вопрос: известно ли правительству это письмо и могут ли представители иностранных государств входить в непосредственные сношения с краевой Радой? Нет, подобные сношения места иметь не могут и не должны, и я предлагаю это письмо передать войсковому атаману и правительству, которое будет сформировано. Я убежден, что мы не можем быть судьями в данном деле, не получивши предварительного заключения и материалов от правительства и от главы края — вашего войскового атамана. Я удивляюсь, что такое письмо имеет доступ в Раду. Оно должно быть послано туда, где ему место. *(Дружные аплодисменты.)*

Председатель. — Господа члены Рады! Я чрезвычайно удивлен и поражен, что после речи Морева раздаются очень дружные аплодисменты. Эти аплодисменты можно считать за выражение недоверия президиуму и особенно мне как председателю. Я полагаю, что в интересах справедливости нужно выслушать не только уважаемого члена Рады Морева, но и президиум, и уже после этого выражать свое мнение голосованием, а не аплодисментами. Это ни к чему хорошему не приведет. *(Голоса: «Зачем нотация?»)* Нужно иметь гражданское мужество, чтобы выслушать и президиум. Есть некоторые люди, которым желательно сделать что-то, чего не следует делать. И если вы желаете быть справедливыми, то нужно быть последовательными и выслушать две стороны, а не одну. Я даю слово члену Рады А. Белоусову.

Член Рады А. Белоусов. — Господа члены Рады! Для меня чрезвычайно печально, что по такому весьма ответственному и важному вопросу, который затрагивает только что оглашенное письмо посла украинского, барона Боржинского, разыгрались страсти. Член Рады Морев заявил, что он удивлен тем, что это письмо попало в Раду, не пройдя предварительно через правительство и через руки войскового атамана. Но я

скажу, что в известные моменты политической жизни народов нельзя быть особенно строгими к известным формальностям, потому что иначе пропущенный день, упущенный час грозит чрезвычайными последствиями. Вот теперь именно мы переживаем такой момент. Вы только что услышали, что полномочный посол дружественного с нами, как теперь говорят, государственного образования намерен покинуть, принужден покинуть пределы Кубанского края. При этом он добавляет, что он не хотел бы портить отношений в столь тяжелый и ответственный для нашего края момент. Он уезжает на Украину оскорбленный. В такой момент нельзя строго придерживаться формальностей, которые соблюдаются в обычной мирной обстановке. Здесь упоминается о том, что правительство подало в отставку, нового правительства еще нет; пока формируются только некоторые отделы. Здесь вы выслушали члена Рады Морева, который говорил: «Почему этот документ представлен непосредственно в Раду, почему не обратились с просьбой к войсковому атаману?» Но, может быть, произошло простое недоразумение, может быть, здесь нет ничьей вины, и к вам как к хозяевам края, когда решается судьба края, и обращаются. Я хотел бы, чтобы вы отнеслись к этому документу чрезвычайно осторожно и спокойно. Потому что теперь, когда у нас нет прежнего государства Российского в таком виде, в каком оно было, когда создались отдельные государственные образования, — мы волею судьбы принуждены считаться с этими отдельными государственными образованиями. Если мы часто заявляем с этой трибуны о нашем страстном желании создать единую Россию, единую, новую, свободную Россию, то мы в вопросы объединения отдельных частей, отдельных государственных образований, в вопросы содружества, в вопросы возможного разрыва уже раз наладившихся отношений с этими образованиями не должны вносить никакой страстности. Но мы не должны этих вопросов обходить молчанием. Может быть, вы через два-три дня разъедетесь, а за то время произойдут такие великие события, что вы этих недоразумений уже не сумеете поправить. К вам обращаются, объявляя, что в данный момент происходят чрезвычайно важные события, которые вы можете уладить своим вмешательством. В особо острые моменты представительство народное необходимо. И счастье, что в данный момент присутствуют представители народа для того, чтобы прекратить происшедшее недоразумение и избавить наш край и Украину и всю нашу родину от могущих создаться чрезвычайно тяжелых потрясений.

Полномочный посол государственного дружественного нам образования принужден покинуть пределы нашего края, считая себя оскорбленным. Это значит — разрыв дипломатических сношений. А мы здесь, с этой трибуны, говорили, что не допустим войны с Украиной. Вчера сам войсковой атаман заявил, что он воевать с Украиной не будет. Поэтому я глубоко убежден, что войсковой атаман и вы в ближайшем будущем, бесспорно, найдете путь, благодаря которому разрыва, страшного разрыва между Украиной и нашим краем не произойдет. Я глубоко убежден, что этого разъединения не произойдет, потому что его не должно быть в такой момент. Вы объявили себя демократией, вы сказали, что будете бороться за идеи демократии, за истинное народоправство.

Если мы хотим строить новую государственную жизнь, демократическую Россию, мы не должны теперь закрывать глаза на то, что происходит на Украине. А там

происходят теперь чрезвычайной важности события. Если вы думаете победить и построить великую демократическую Россию, то все ваши взоры должны быть обращены на Украину. Там решаются ближайшие этапы истории Российского государства как такового. И я присоединяюсь к тому, что вам было здесь доложено: немедленно рассмотреть полученное заявление и, если понадобятся дополнительные сведения от правительства или от избранного вами атамана, настоять, чтобы эти сведения были сообщены для того, чтобы тот, кто написал это заявление, был уверен, что вы приняли близко к сердцу его заявление, что вы к дружественной и родственной нам Украине относитесь с должным вниманием. Повторяю, что там теперь решаются чрезвычайно важные события. Я уверен, что в данный момент на Украине разрешается вопрос отношений союзников к России, потому что мы знаем известные факты чрезвычайной важности. Мы знаем, что правительство Скоропадского пало. Скоропадский бежал. Консул Энно отозван. Там нарождается новое направление. И если мы в данный момент не будем поддерживать посла Украины, это значит, что мы забыли об Украине. Но если бы мы, жители Кубанского края, послали своих делегатов на Украину, мы потребовали бы, чтобы к ним относились с почетом и уважением. А если вы пожалуете на Украину и там вас арестуют или скажут, что вы только почетные гости, а сноситься с Кубанью вам запретят, — что вы скажете на это? Вы как народные представители будете оскорблены и будете требовать объяснения у правительства, действительно ли произошло намеренное оскорбление или это результат простого недоразумения. Я настаиваю на том, чтобы это недоразумение было улажено авторитетом вашим, народных представителей. А если вы этого не сделаете, вы допустите ошибку и будете каяться, и история России, может быть, вам этого не простит никогда.

(Во время речи Н. С. Рябовола председательствует Султан Шахим-Гирей.)

Н. С. Рябовол. — Член Рады Морев бросил мне как представителю той группы, которая принимала участие вместе со мной в обсуждении создавшегося положения, что я как председатель не имел права оглашать полученное заявление, не осведомившись предварительно у атамана и не получив сведений, что эта самая бумага подлежала оглашению правительством. Вероятно, член Рады Морев невнимательно прослушал то, что было прочитано здесь всем. В заявлении указано, что генералом Филимоновым было предложено с украинского посольства снять национальный флаг. Там дальше написано, что когда явился представитель посольства барон Боржинский к войсковому атаману, то войсковой атаман заявил ему, что он может оставаться на Кубани как почетный гость, а не как посол Украинской державы. Этот документ, понятно, должен быть оглашен в краевой Раде, и я совершенно не считаю и никогда не считал себя обязанным в подобных случаях с кем-либо советоваться, кроме вас и моих товарищей по президиуму. Напрасно г. Морев сделал это заявление сегодня. Он должен был сделать мне и всему президиуму это замечание, вероятно, вчера или позавчера. Я считаю нужным обращаться только к вашему компетентному мнению. Я смотрю на эти вещи не с точки зрения симпатии к Украине, а чисто с точки зрения кубанского казака, любящего свой край и не желающего губить напрасно жизни кубанского казачества. И те, которые не хотят смотреть с этой точки зрения,

те, которые не смотрят так, — те совсем не казаки. Они ничем не жертвуют, а живут под защитой казачества *(Аплодисменты.)* и желают поставить казаков в такое положение, из которого Бог знает как придется выйти.

Рада этот вопрос выслушала. Что же она думает по поводу непризнания посла той державы, которая дала нам возможность до последнего момента держать оружие в руках? Это тот факт, который на дипломатическом языке называется «разрыв»; после этого следует объявление войны. Если вы к этому готовы, если вы желаете этой войны, если вы желаете создать еще десятый фронт и если вы чувствуете в себе для этого силы и возможность, тогда, конечно, на это заявление не нужно обращать внимания, положить его под сукно и ожидать, пока сформируются полки. А если посмотреть на это иначе, если вникнуть в то, что происходит, то нужно подойти к этому делу с другой стороны. Я лично говорю так: на Украине происходят какие-то события, какие — к сожалению, нам неизвестно. Мы знаем только, что в мае месяце мы получили от Украины оружие и снаряды в достаточном количестве. Это не секрет. Я скажу, что было привезено 5 мил. патронов, 10 тысяч снарядов, 8 пушек, 100 пулеметов и 10 тысяч винтовок. Это дало возможность сделать наступление на Екатеринодар и освободить его от большевиков. Затем была наша делегация на Украине, пользовалась большим гостеприимством и уважением и опять-таки привезла снаряды и оружие. Теперь я спрошу: что мы сделали для Украины? Пока что — ничего; хлеба не посылали, ничего не посылали. *(Голос с места: «Арестовали».)* До сих пор, может быть, отправлено несколько десятков-сотен пудов масла. Председатель правительства может дать точные цифры. По крайней мере, я знаю, что мы получали оружие и снаряды и не платили ни копейки.

Но это не важно; важно то, что в данный момент нам, может быть, грозит опасность воевать с Украиной. Между тем, только большевики — действительные наши враги, и я отношусь к ним так, как относится всякий казак. На Украине положение еще не выяснилось, и предпринимать ничего не нужно, не нужно делать официального разрыва, а необходимо выяснить все обстоятельства. Когда я читал это заявление, то я это делал не для того, чтобы сделать выпад против кого-либо или вызвать недоверие. Я еще раз повторяю с этой трибуны, что я был всегда сторонником определенного течения и определенной конъюнктуры. И я, как человек дисциплинированный, проповедующий идеи народоправства и верящий, что это есть действительно, возможно, совершенная форма управления, я привык подчиняться большинству, и в данном случае выступаю не для того, чтобы подрывать авторитет чей-либо, а с целью внести примирение, предупредить разъединение в кубанских казачьих частях, ибо оно может привести к тяжелым последствиям. Я считаю, что этот инцидент должен быть улажен. Пока для нас не выяснится положение Украины, пока на нас никто не наступает, мы должны держать себя соответствующим образом, а не бросать вызова. Я полагаю, что нужно сначала осведомиться и убедиться, что нужно делать и чего не нужно, и тогда уже предпринимать то или иное решение. Я считаю, что я сделал то, что должен был сделать, и не знаю, как бы поступил на моем месте другой председатель. Если у нас будет завтра другой фронт и мы будем воевать с Украиной, то это — пустяки, как находит член Рады Морев, а для меня это не было пустяками и не будет. И мне кажется,

что происшедшее недоразумение должно быть каким бы то ни было путем улажено. Слишком уже много крови пролито, и мы больше не можем и не должны ее проливать.

Л. Л. Быч. — Господа члены Рады! Мне не хотелось выступать по этому вопросу, и вы знаете почему. Здесь говорили о том, что я кандидатом в атаманы не могу быть, потому что я признаю Украину «ненькой» и всякое распоряжение, исходящее оттуда, исполняю. Вы знаете, что я атаманства не добивался и неоднократно просил вас не ставить моего ящика, но вы поставили и затем… Но об этом не будем говорить.

Я должен сказать следующее. Если вы помните, отвечая на приветствие представителей Украины, я говорил о том, что Украина — это наша старшая сестра, как Дон — наш старший брат. Вот мои слова. Когда же говорят от моего имени не то, что я говорил, и вкладывают в мои уста то, что мною не было сказано, то я считаю такой прием недобросовестным. Нужно ссылаться только на то, что говорят, читать в сердцах нельзя, неприлично. Читали в сердцах во времена империалистической России определенные лица — жандармы. Читать в сердцах — это было их специальное занятие, а теперь, когда этот институт упразднен, теперь нужно читать то, что пишут и говорят. Покаюсь, был один случай, когда я подписал бумагу, где Украина была названа «ненькой». А случай был такой: офицеры Терского войска во главе с генералом Колесниковым обратились к нашему войсковому атаману и просили командировать их в Киев для получения снарядов для Терского войска, так как таковых у терских казаков не было. Так как мы желали помочь терцам, ибо мы и сами должны были подойти к Тереку, то мы решили, что Кубань должна дать гарантию и принять на себя ответственность за те патроны и снаряды, которые могли быть терцами получены от Украины. И вот, господа, войсковой атаман заготовил бумагу, в которой обращался к гетману Скоропадскому с просьбой принять делегацию Терского войска и оказать всяческое содействие, и в этой бумаге была выражена уверенность, что Украина как общая мать окажет нам эту помощь. Эту бумагу и я подписал, но не я ее составлял. Вот когда нам нужны были патроны и снаряды, тогда о том, что Украина — «ненька-мать», можно писать, а во всех других случаях, конечно, этого говорить нельзя.

Я стою на той точке зрения, что Украина, как я уже сказал, — наша старшая сестра, и как сестра Украина оказала нам незабываемую помощь. А мы ей как сестре оскорблений не должны наносить *(Громкие аплодисменты.)*, ибо то, что происходило и ныне происходит, — это есть оскорбление. Скажите, как мы можем послать в другую страну, в другое государственное образование своих делегатов, когда мы не умеем защищать безопасность и неприкосновенность делегатов той страны, того государства, которое к нам их посылает?.. Какой мерой мерите, такой, господа члены Рады, и вам отмерится. И это нужно знать и понимать. Тот, кто приехал сюда в качестве посла другой страны, тот должен пользоваться здесь полной неприкосновенностью, и его честь, его достоинство, как достоинство пославшей его страны, должны быть защищены. Я говорил уже, что мы как казаки не можем позволить, чтобы представители другой страны — их честь у нас, на Кубани, оскорблялкась. Их честь — эта наша честь. Наконец, мы должны представить себе — что же, в самом деле, вокруг нас происходит? Мы задались целью объединения государственных образований, созидания государства. Но каким путем идем мы к этому? Мы

полагали, что для этого нужен путь соглашения, что только путем сговора, но не путем разъединения, мы в состоянии будем это сделать. А что мы теперь скажем Грузии, вооружая ее против себя, — мы, почти готовые броситься с оружием в руках на эту Грузию, готовые вооружить против себя Крым и Украину? Так, господа, делать нельзя; этим ничего не создашь и ничего не объединишь. В конце концов, разве мы такое сильное государство, разве у нас миллионы штыков, и бесконечные запасы снарядов, и бесконечное число корпусов, что мы сможем идти и на юг, и на север и все покорять на своем пути? Не будет ли это значить, что мы пойдем проливать кровь и губить человеческие жизни, жизни как чужих нам людей, так и своих братьев? Так разве в этом наша задача и разве в этом наша честь? Мы всегда стояли на точке зрения необходимости объединения и вам предлагаем идти только путем соглашения с теми землями, странами и с теми слоями населения, с которыми у нас есть нечто общее и с кем мы могли бы согласиться и договориться. Вы — это народ; вы — представители широких слоев населения, и с представителями другого народа вы должны входить в соглашение. Если же мы будем стоять на иной точке зрения, то мы скоро окажемся в «блестящем» одиночестве, и это одиночество доведет нас до того, что мы надолго можем остаться осиротелые, от всех отделенные и одинокие, а мы ведь мечтаем о том, чтобы воссоздать государство Российское. Господа члены Рады! Я не знаю, как можно назвать такую политику. Только путем соглашения и сговора мы можем подойти к разрешению нашей основной задачи. Я думаю, что на этом заявлении украинского посла нам придется остановиться, мы должны выяснить, в чем тут дело. Значит ли это, что представителя Украины не признают представителем Украины? Тогда мы должны спросить — почему? Нам могут сказать, что, так как гетманского правительства на Украине ныне нет и так как полковник Боржинский был командирован этим правительством, то, следовательно, нет и представительства. *(Голос с места: «Правильно».)* Этот вопрос мы должны рассмотреть, может быть, окажется, что правильно, а может быть, и совсем неправильно. Может быть, мы придем к такому заключению: правительства могут меняться, но, пока новое правительство не признает полномочий посла недействительными и пока оно не отзовет представителя прежнего правительства, то он должен представлять интересы своей страны. Может быть, нам скажут, что Украины нельзя признать в качестве самостоятельного государственного образования — мы и это рассмотрим. Ведь если мы имеем представителей от Дона, если у нас были представители Грузии — они тоже от нас уехали, — так, может быть, мы должны будем признать, что нам совершенно не лишне иметь представителей и от Украины. Вообще, отношения свои к государственным образованиям, выделившимся из состава России, мы должны пересмотреть. Бывшее Кубанское правительство держалось такого взгляда: Россия разделилась на значительное число временно самостоятельных частей; мы, кубанцы, должны входить с ними в тесные сношения и оказывать им помощь и от них просить помощи, раз они стоят на точке зрения необходимости вести борьбу против большевиков. Только таким путем создается содружество, только таким путем можно помогать друг другу и создать почву для того, чтобы объединиться. А ведь наша задача, повторяю, не разъединение, а объединение. Ведь нужно понять, что к стро-

ительству государственному нельзя подходить иным путем. И, несмотря на то что мы, кубанцы, именно в этом направлении работаем, точно какой-то рок нам мешает. Все соседние земли постепенно начинают от нас отходить, и мы оказываемся как бы в пустом, безвоздушном пространстве. И только один Дон имеет у нас своих представителей, но и они на днях заявили, что они уедут, потому что в одной из местных газет была напечатана статья, травящая их войскового атамана ген. Краснова; они заявили, что если не будут прекращены подобные выпады, то они также принуждены будут уехать. Нам пришлось эту газету закрыть и только таким образом удержать на Кубани представителей Дона. Если факты, подобные тому, что случилось с послом Украины, будут повторяться, то они заставят представителей и других государственных образований уехать от нас. Этот путь нас не спасет, а спасет лишь путь объединения и соглашения, а потому и не надо так относиться к делу, как отнесся член Рады Морев, который, между прочим, говорил, что в Раде не следует оглашать заявлений, подобных сделанному представителем Украины; наоборот, только выясняя все такие печальные факты, Рада может дать им правильную оценку и указать правительству путь, по которому оно должно идти.

Скажу несколько слов относительно ареста секретаря украинского посольства Поливана. Краевая Рада поручила правительству расследовать это дело и ей доложить. Насколько я помню, после моего заявления, что правительству не было дано материалов по поводу ареста г. Поливана и что о мотивах этого ареста было помещено в газете «Россия» официальное сообщение от Добровольческой армии, Рада перешла к очередным делам. Никакого требования по этому вопросу правительству Радой заявлено не было. Почему же теперь членом Рады Моревым сделан упрек в недаче правительством объяснений? Я заявил тогда, что нет возможности получить никаких данных, а предполагалось, что эти данные будут рассмотрены в комиссии Рады. Думаю, что к рассматриваемому ныне заявлению посла Украины нужно отнестись по возможности спокойно, но нужно постараться уладить неприятный случай и в дальнейшем выяснить, можем ли мы здесь, на Кубани, поставить себя так, чтобы мы могли иметь представителей от других государственных образований или мы должны будем сказать, что никто к нам не должен приезжать в качестве представителей, так как мы не можем гарантировать им даже личной неприкосновенности? Дело тогда будет совершено ясно — никто к нам и не приедет, и никого мы не будем вводить в заблуждение. Если мы признаем, что должны будем сноситься с другими странами, тогда тем, кто приедет к нам в качестве представителей, мы должны будем гарантировать спокойное пребывание у нас и не допускать никаких эксцессов и оскорблений. Если мы это скажем определенно и твердо, тогда, я думаю, нет оснований к тому, чтобы барон Боржинский оставался здесь только в качестве гостя, он у нас останется в качестве представителя своей земли, т. е. государственного образования Украины, и вопрос может считаться исчерпанным. Вот мое мнение, а вы как хотите отнеситесь к этому. *(Аплодисменты.)*

П. Л. Макаренко. — Господа члены Рады! К сожалению, я лично был осведомлен об этом письме только перед самым началом заседания. Я не мог на первых порах охватить всего того, что в нем заключается; в этом письме я мог разобраться

только после того, как начали с этой кафедры члены Рады произносить речи. Этот вопрос является для нас вопросом не второстепенного значения, этот вопрос является для нас, казаков, господа члены Рады, вопросом первостепенным, и мимо него проходить так, как предлагается, ни в каком случае нельзя. Надо учитывать не только все то, что сейчас нас ожидает, но и то, к чему мы стремились, и также то, что было делом прошлого. Ведь, господа, ни для кого не составляет секрета, что больше половины Кубанского края говорит на том языке, на каком говорят на Украине; ведь не секрет, господа, что еще только сто двадцать пять лет тому назад запорожские казаки и сухим путем, и морем прибыли на Кубань; не секрет, что в наших станицах, во многих из них, распеваются до сих пор с такой любовью и с такой душой те песни, которые распеваются и на Украине. Ведь, господа, еще в прошлом году мы так дружно и так искренно приветствовали родных по духу и по крови нам представителей Украины. Что же история говорит? История говорит, что Украина на протяжении целого ряда веков являлась свободной страной, управляемой выборным гетманом. Мы помним эти песни, и, я думаю, мы помним те удивительные минуты, когда в закрытом заседании Рады перед выборами войскового атамана мы пели одну из этих запорожских песен — «Ой з-за горы, з-за Лыману»... Господа, этой песне все аплодировали, и если некоторые аплодировали руками, то у других говорила душа. Я, господа, обращаю на это ваше внимание и прошу вас всех уважать чувства, которые, быть может, живут еще в душах значительной части членов Рады. Ведь здесь передо мною сидят представители потомков славного Дона, свободолюбивые, бившиеся за свою самостоятельность, ведь здесь сидят перед нами представители потомков славного Запорожья! Недаром мы по песням, недаром мы по книжкам, по Гоголю, учились любить Украину. Украинцы волею судьбы принуждены были воссоединиться под трехцветным русским флагом. Но мы не стремимся к отделению, мы не сепаратисты, мы, потомки Запорожья, стремились к тому, к чему и будем стремиться. А для этого важно, чтобы наши голоса были слышны ясно и определенно на протяжении всего государства, чтобы нам не запрещали учиться на нашем языке, чтобы из наших учебников не вырывали страниц, — как это было недавно, — где говорится об Украине. Мы к этому стремимся, потому что мы видим в этом наше счастье, потому что так говорит наша запорожская кровь, кровь украинская. Мы не сепаратисты, мы, казаки, стремимся к воссозданию единой России только на федеративных началах, ибо мы не забыли того, что в недавнее время было злом. Когда в тысяча пятьсот двадцатом году, четыре века тому назад, чехи были разгромлены немцами, то они не погибли, они возродились. Национальности не уничтожаются, национальности на протяжении многих веков, может быть, и вымирают, но слава не умирает. Украина в прошлом году, как и все народы Русского государства, тоже стремилась к возрождению, и если потом была подавлена, то только силою немецких штыков. Однако, хотя силой немецкого сапога можно было придушить на Украине это стремление, но как только ослабел немецкий сапог, зашаталось немецкое самодержавие, зашаталась власть, поставленная немцами, то тогда снова начинается в ней стремление к возрождению. Мы читаем газеты и знаем, что Петлюра сейчас берет города. Мы сейчас читаем газеты и не слышим возражений тому, что мы получаем по телеграфу. Мы в действительности осведомлены и знаем больше, чем знают это газе-

ты, чем знают это рядовые люди. Мы знаем, что теперь вся власть в руках Петлюры, и знаем, что в это время делается там. Но кому-то желательно, вероятно, чтобы было не так, как мы хотим; кому-то желательно, интересно нас с кем-то поссорить. Мы должны в этом случае с холодным рассудком подойти к тому, что делается.

Значительная часть членов Рады, я повторяю, — потомки той же Украины и потомки славного Дона, вот почему в наших сердцах живет к той стране любовь, потому что в наших жилах струится кровь украинцев. Может быть, это кому-нибудь и не нравится, но это так. Может быть, это пошло с легкой руки недавно умершей позорной смертью газеты «Россия», может быть, кому-нибудь интересно называть нас петлюровцами — сколько угодно, я не боюсь этих слов. Мы ведь знаем о Петлюре, что он борется за республику, — а мы тоже боремся за республику. *(Аплодисменты.)* Мы знаем, что Петлюра союзникам недавно заявил, что борется за федеративную Россию, и мы за федеративную Россию — Петлюра наш единомышленник. Этим я не стараюсь восхвалять того, что делается. Мы, потомки Запорожья, боимся, чтобы под внешним давлением с востока, или запада, или севера, чтобы под этим давлением не зашаталась власть Петлюры, чтобы после этого опять не было бы большевизма на Украине. И пусть сколько угодно называют нас приверженцами Петлюры, мы этого не боимся.

Как член Кубанской миссии я принимал у себя генералов (я могу назвать их фамилии), я принимал офицеров, которые со слезами на глазах говорили о том позоре, который лежит на Украине. «Мы будем бороться за свой язык, за свои украинские порядки, но мы не против великой России», — говорили они. Я видел ту горячность, с какой эти слова говорились, я видел эти слезы на глазах, и я сказал тогда: «Есть еще порох в украинской пороховнице». Господа, может быть, это кому-нибудь и не нравится, но с этим не приходится считаться; может быть, это кому-нибудь претит, но что же делать? Мы в их глазах «самостийники и сепаратисты», а я скажу — «на всякий чох не наздравствуешься».

Пусть нас называют как им угодно, пусть называют сепаратистами, мы не боимся. На Украину в мае месяце была послана делегация, в сентябре — другая делегация. Мы, члены последней миссии, бывшей там во главе с полковником Ткаченко, мы имели письмо к гетману, где говорилось: «ваша светлость», «ясновельможный пан гетман». Гетман признавался как нашим правительством, так и нашим бывшим и настоящим атаманом. Мы от имени атамана приветствовали гетмана. Нас встретили почетным караулом, нас встретили так, как действительно должны были встретить кубанцев, ибо мы, с одной стороны, потомки Запорожья, а с другой — славного Дона. Нам были возданы все почести, которые, я думаю, были оказаны нам по заслугам. Мы, представители Кубани, должны были там поддерживать честь войска, и мы поддержали ее. Нас принимали так, как должно это быть. Я должен сказать, что мы добились всего, чего добивались. Если вы хотите узнать точнее, обратитесь к полковнику Чумаченко, и он покажет вам целый список того вооружения, снаряжения, что мы можем получить с Украины. Но мы подходили не только с точки зрения меркантильной выгоды, но и с другой точки зрения. И я прошу тех, кто так горячо аплодировал ораторам иных, чем мы, взглядов, понять, что, хотя дело каждого иметь свое мнение и своих чувств мы не навязываем, однако просим их все-таки считаться с голосом нашей души, с нашими

чувствами, точно так же, как и мы считаемся с их голосом и будем считаться с тем, что говорят иначе с нами мыслящие.

Я просил бы обратить внимание не только на то, что мы до сих пор через официальных наших представителей называли гетмана «гетманом Украины», но и на то, что мы получили с Украины оружие и еще будем получать, потому что в нем мы особенно нуждаемся. Мы просим обратить внимание на то, что за это оружие, за все то, что мы с Украины получили, мы ничем, кроме благодарности устной и письменной, не заплатили. И они с нас этой платы до сих пор не потребовали. Если здесь были возгласы, что отсюда хлеб посылали на Украину, то я должен сказать, что это совсем не так — не хлеб посылали, а масло, которое отдаем не Украине, а немцам. И сейчас полковник Евтушенко, который в настоящее время сидит в г. Ростове, закончил операцию по обмену пулеметов, ружей и патронов на наше подсолнечное масло. Мы Украине до сих пор еще ничем не уплатили, а между тем министр иностранных дел Украинской державы главе нашей делегации в присутствии полковника Кротова заявил: «Мы не преследуем меркантильных выгод. Я лично не думаю о том, чтобы с вас, кубанцев, получить какую-нибудь компенсацию за то, что мы вам даем, и за то, что мы можем вам дать». Я бы просил ваше внимание обратить на эту сторону дела.

Далее, полковник Боржинский появился у нас, в Раде, в последний раз как представитель гетмана. Вам, господа, угодно было аплодировать ему, тепло встречать его, так как вы находили это нужным. Вам, господа, угодно было выслушать его, и ни одного звука протеста по поводу появления его на этой кафедре как представителя державы Украинской не было. Может быть, полковник Боржинский, появившись на кафедре и употребив способ непосредственного обращения к населению, поступил не так, как это требуется правилами международных сношений, но вы в упрек ему этого не поставили. И я, насколько это мне свойственно как человеку, одаренному ограниченными способностями, я усвоил, что Рада как будто бы очень тепло отнеслась к представителю Украинской державы; что Рада думала получить объяснение от правительства по поводу тех недоразумений, которые произошли с секретарем этого посольства. Поэтому я полагал, что не только правительство и атаман, но и представители демократии кубанской, представители широких трудовых слоев населения Кубанского края тоже встретят полковника Боржинского как представителя державы Украинской. Что же после этого происходит? Пусть полковник Боржинский неправильно обратился к населению, обратился непосредственно к Раде. Но, господа, после всех оваций, которыми вы изволили сами, по собственной инициативе и без всякой подготовки и сговора, наградить представителя державы Украинской, — после этих оваций не совсем понятно, что вновь избранный атаман, как говорится в этом письме, заявил полковнику Боржинскому, что он, конечно, может получить хлеб и соль от нашего кубанского стола, что он может быть гостем, но и только. И после того как войсковой атаман как глава вашего войска указал, что Боржинский, представитель Украинской державы, может быть только гостем, понятно, что полковник Боржинский мог сбиться с настоящего пути и избрать тот путь, который мы наблюдаем теперь, который не соответствует правилам международных отношений, но который быстрее может привести к желанным целям. А наша цель — быть Кубанскому казачьему войску единым, единомышленным, жить в мире с Украиной, не только

потому, что это для нас выгодно с меркантильной точки зрения, но и потому, что иначе не может быть, потому что Украина захвачена войсками Петлюры. Может быть, это кому-нибудь не нравится, но с этим приходится считаться. Может быть, большевикам тоже не нравится, что вы здесь сидите, в краевой Раде, что Кубань очищена от «совнаркомов», но им все-таки приходится с этим считаться. Я полагаю, что все то, что здесь указано, конечно, печальный факт. Конечно, печально, что арестовывают представителя Украины, что забирают печать и флаг Украинской державы — в силу военного положения многие дела изъять из гражданской подсудности, и передать их на разрешение краевого военно-окружного суда, и вменить этому суду при разрешении дел, как поступивших в силу настоящего постановления, так и в силу приказа за № 10, об изъятии дел из гражданской подсудности, руководиться при определении наказания виновных, при наличности тех или иных смягчающих вину обстоятельств, не соответствующими статьями уголовного уложения, а правилами, изложенными в отмеченном приказе № 10, в тех случаях, когда преступления эти касаются наказаний, предусмотренных п.п. «а» и «б» означенного приказа, т. е. когда они не предусмотрены действующими законами, — а каковы эти преступления, я уже докладывал.

Председатель. — Господа члены Рады! Мне кажется, прежде всего нужно разграничить этот вопрос на два: в смысле принципиального решения краевой Рады о том, считает ли она нужным, чтобы чрезвычайные суды продолжали свои действия, или не считает возможным; второе — о том, куда должны направляться эти дела, как разрешаться, какими законами устанавливаться наказания. Эти вопросы очень трудные, разрешить их нелегко. Я предлагаю пробаллотировать вопрос об упразднении чрезвычайных судов. Что же касается подсудности и передачи дел, то мы предложим правительству немедленно этот вопрос разработать и представить на утверждение Законодательной Рады. *(Голоса: «Правильно».)*

Итак, кто находит нужным, чтобы чрезвычайные суды были упразднены, прошу поднять руки. Большинством голосов чрезвычайные суды упраздняются. Что касается второго предложения — даю слово члену Рады Белоусову.

Член Рады Белоусов. — Господа члены Рады! Предложение представителя министерства юстиции приемлемо. В проекте можно указать, что по делам, предусмотренным п. «а» приказа № 10, устанавливается тот порядок наказания, который принят в этом приказе, — значит, от бессрочной каторги до ареста. Таким образом, у нас расхождения с министерством юстиции нет, и мы спорить не будем, а если это не будет принято, то, я, по крайней мере, предлагаю принять п. п. 1 и 2. Содержащиеся в них положения обсуждались представителями министерств, и нет оснований откладывать их утверждение.

Председатель. — Господа члены Рады! Совершенно верно докладчик говорит, что первый и второй вопросы не возбуждают разногласия между министерством юстиции и комиссией, и вопрос о том, куда должны быть переданы дела, для нас достаточно ясен. Что касается скалы наказаний, то она не сразу потребуется; я думаю, что мы разработаем этот вопрос в период нашего перерыва; это может утвердить и краевая Рада, и Законодательная Рада. Итак, ставлю на голосование предложение комиссии: Дела, поступившие в чрезвычайные суды, как назначенные к слушанию, так и не на-

значенные, передать: а) те, по которым было произведено предварительное следствие военно-судебными комиссиями, — краевому военному прокурору и б) те, по которым предварительного следствия произведено не было, — судебным следователям гражданского ведомства. Кто согласен с предложением комиссии и предложением члена правительства по делам юстиции, прошу поднять руки. Большинством голосов принято. Что касается предположений, содержащихся в третьем пункте проекта комиссии, то он должен быть передан в Законодательную Раду для спешного рассмотрения. Возражений нет? (*«Нет».*) Принято. Слово предоставляется докладчику по вопросу об амнистии члену Рады А. Белоусову.

Член Рады Белоусов. — Господа члены Рады! В юридической комиссии рассматривался вопрос об амнистии в связи с тем, что вами уже было признано необходимым постановить ввиду издания верховным главнокомандующим генералом Деникиным соответствующего приказа. Согласно последнему, все лица, участвовавшие в армии большевиков, которые добровольно сложат оружие и возвратятся к нам, — они милуются и не несут никакого наказания. Но, помилуйте, какое получается положение: те лица, которые сражались против нас до последнего момента в армии большевиков и с оружием в руках боролись против нас, — тех милуют, а те, которые не пошли с ними, остались здесь, те, которые служили в качестве писцов, простых служащих в учреждениях, подлежат наказанию — это несправедливо... В собрании своем юридическая комиссия рассмотрела этот вопрос и нашла, что он слишком сложен и серьезен; для разрешения этого вопроса были приглашены представители местного юридического мира, как из среды адвокатов, так и из среды членов суда. Я, прежде чем оглашу этот текст, несмотря на вашу и мою усталость, считаю своим нравственным долгом сказать вам, какую огромную роль будет играть та амнистия, которая предложена здесь, Я только прошу вас вспомнить слова председателя правительства Быча, которого вы единогласно посылаете к союзникам. Вы это делаете для того, чтобы теми или иными мерами прекратить губительную для всех нас ужасную гражданскую войну. Я напомню вам следующие слова председателя правительства, когда он говорил: «Бороться с большевизмом, с гражданской войной нужно не только силой оружия: помимо военной силы, силы оружия, нужны еще те меры законодательные, которые привлекли бы к вам симпатии населения, которое пошло к большевикам по темноте или в силу голода и жаждет возвратиться к нам, но боится вернуться оттуда, боясь народного гнева. Нам нужно взять их оттуда — это нужно на пользу края». Это слова председателя правительства, перенесшего на себе все ужасы похода. Вы их должны помнить в данный момент. Вы должны помнить, как всегда во время войны растет чувство ненависти, как от нее страдают огромные массы людей, страдают более невинные, чем те, которые успели бежать и скрыться. Вам известно, что некоторые офицеры, просто чтобы не умирать с голода, служили в учреждениях во время большевизма. Есть и другие примеры. Например, в здешней казенной палате люди остались, чтобы сохранить дела. Если бы вы пришли сюда, а все важные документы были бы уничтожены, то вы сами не в состоянии были бы наладить ту мирную жизнь, о которой все мечтают. Нам нужно извлечь из этого кровавого кошмара лиц, случайно попавших туда, заставить их работать, чтобы излечить те раны, которые нанесены. Это священный долг народных

представителей. Если самодержавие в известный период, желая привлечь симпатии народа, издавало манифесты и амнистии уголовным тяжким преступникам, то неужели теперь народные представители не отделяют козлищ от овец, неужели им совесть не подскажет: да, виновные должны понести наказание, но те, кто благодаря невежеству попал в этот водоворот, часто помимо своей воли, тех судить не должно. Пусть никто не будет иметь повода бросить народным представителям тот упрек, который бросали самодержавию. Я глубоко верю в вашу мудрость и милосердие и оглашу то, что принято юридической комиссией. Замечу здесь, что данное постановление, как и другие аналогичные приказы и постановления краевой Рады, я бы предложил выносить именем народа.

«Краевая Рада именем народа постановила освободить от суда, следствия и наказания, определенного судом, и взыскания, наложенного в административном порядке, тех, кто в период захвата власти большевиками: а) служил и находился в строевых частях советских войск, не занимая, однако, должностей, присвоенных по уставу внутренней службы штаб-офицерским чинам; б) служил или принимал участие в учреждениях как военных тыловых, так и гражданских, установленных и захваченных большевистскими властями, если их таковое участие не было соединено с посягательствами на личную и имущественную неприкосновенность граждан; в) публично, путем речи, или сочинения, или распространения сочинений, или публичных выступлений, возбуждал: к учинению бунтовщического или изменнического деяния, к ниспровержению существующего в крае законом установленного общественного строя, неповиновению или противодействию закону, или обязательному постановлению, или законному распоряжению краевой власти, а также возбуждал указанными способами вражду между отдельными частями или классами населения, между сословиями или между хозяевами и рабочими». Ст. 2. Лица, деяния которых предусмотрены в настоящем постановлении, если они присуждены судом к наказаниям, влекущим за собою лишение прав или ограничение в правах, помимо освобождения от суда, следствия и наказания, восстанавливаются также во всех правах, которыми они обладали до привлечения их к ответственности. Ст. 3. Действие настоящего постановления не распространяется на лиц, кои совершат преступления, предусмотренные статьей 1, после издания настоящего постановления». Таким образом, здесь помимо уже тех, кто до последнего момента с оружием в руках дрался против нас и только теперь сдал оружие, юридическая комиссия предлагает помиловать менее тяжких преступников — тех, кто служил в большевистской армии и возвратился назад, за исключением лиц, занимавших ответственные должности, т. е., в применении к нашему языку, состоявших в чинах, соответствующих штаб-офицерским чинам. Такие лица под эту амнистию не подходят, и к ним будет применена вся строгость законов. Мы стараемся освободить тех, кто был последней спицей в колеснице, служил в учреждениях необходимых, как, например, в продовольственном комитете и т. д. Раз мы помиловали людей, которые выступали с оружием в руках, и первыми помиловали их даже не мы, а люди, которые от них больше всего страдали — Добровольческая армия, то тем паче вы должны дать помилование тем, кто путем слова и печати был своевременно замешан в этом деле, помиловать так, как вы только что амнистировали лиц, совершавших известные тяжкие преступления

по отношению к Кубанскому краю. Наконец, в статье 3-й проекта говорится, что те лица, которые будут продолжать свои преступные деяния после издания настоящего постановления, они уже ни под какую амнистию не подойдут и будут судиться по всей строгости законов. Заканчивая свою речь, я просил бы вас так же, как и тогда, когда вы принимали приказ о тех, которые возвращаются к нам из большевистских войск, обратить внимание на тех, которые мало виновны и которые давным-давно раскаялись и хотят загладить свою вину. Я думаю, что в народных представителях найдется для них чувство жалости и милосердия.

Член Рады Посевин. — Господа члены Рады! Я буду краток; я лишился родных братьев и лишился очень многих жизней молодых друзей и тех, кто пострадал от большевиков. Кто дерется с ними и сейчас на фронте — знает, что одно дело драться друг с другом, а другое дело — иметь людей, которые руководят этими бойцами. Я говорю о тех, которые находятся в тылу и руководят всеми операциями. Того, который против меня идет, я считаю врагом благородным, потому что он лично идет против меня, а тот, который в тылу руководит, — в 20, 30, 100 раз виновнее. Например, начальник корпуса — он 16 тысячами распоряжается, и вдруг такого господина мы будем миловать, амнистию ту давать. *(Сильный шум.)* Ведь тут говорится, между прочим, что амнистия дается тем, которые служили в тыловых учреждениях. Во всяком случае, пусть они будут обер-офицерами, но иногда начальник в тылу при радиотелеграфе имеет такое огромное значение, как и на фронте при боевой обстановке. Большинство из вас также служили и знают это хорошо. Итак, возбуждать вопрос о том, чтобы миловать и тех, которые служили в тыловых учреждениях, ни в каком случае невозможно. Теперь будем говорить о тех, которые писали, пропагандировали вот здесь, в газетах, которые настраивали население на то, что у нас получилось. В отношении их также нельзя говорить об амнистии, потому что это — народ, который во время кровавых смут возбуждал одну часть населения против другой. Я с этим согласиться не могу; для них достаточно того, что сказано в нашем приказе № 1. Там постановлено ясно и определенно: «немедленно принять строжайшие меры к прекращению самосудов». Это первое. А второе: «неукоснительно следить, чтобы все обвиняемые в каком-либо преступлении, а также в большевизме, были отданы в распоряжение законных судебных властей и ограждены от самосудов». Если он заслужил, то он понесет должное наказание. Законы для всех равны; огульно же прощать за то, что он когда-то говорил, может быть, нечаянно, а, может быть, чаянно, нельзя. У нас был здесь в Екатеринодаре «Круг спасения Кубани», который спас 96 миллионов народных денег. Это цифра довольно хорошая. У нас служили офицеры, они спасали раненых, которые в Медведовской находились, организовали здесь помощь, спасали большие учреждения — электрическую станцию; во время ухода взорвали мост... О службе и деятельности таких людей можно говорить, но говорить одинаково о всех, я считаю, нельзя. Смысл проектируемой амнистии совсем не то, что приказ главнокомандующего, который гласит, что прощаются все перешедшие на сторону Добровольческой армии. Там он, жертвуя собой, собственною кровью заработает свое прощение. Здесь же идет речь о тех, которые были в совнаркоме и людей попросту «в расход пускали». Это не те крестьяне, которые насильно мобилизованы, — о них и говорить не стоит. Я в корне

не согласен, чтобы тем, сознательно и желательно служившим в советских учреждениях, давать амнистию. Сколько там провокаций — и в результате всего мы их сразу простим и дадим амнистию! По моему мнению, дело просто и ясно: кому нужно быть на нашей стороне, тот придет, и ему воздастся все, что он заработал.

Член Рады Горбушин. — Я в принципе ничего не имею против амнистии, тем не менее считаю, что говорить об этом — преждевременно. Укажу кроме этого еще на одно обстоятельство. Надо не забывать, что мы живем в боевой обстановке, и поэтому особенно в станицах наше постановление об амнистии вызвало бы нежелательные разговоры. Лично я не имею наказа от своей станицы и стою на распутье. Голосовать так, как я думаю, я не нахожу возможным, ибо важно знать, как думают об этом те, кто меня сюда послал. Ввиду изложенных соображений я предлагаю этот пункт не рассматривать, а в перерыве сессии мы узнаем настроение своих станиц и тогда скажем по этому вопросу более ясно и определенно. *(«Правильно».)*

Председатель. — Господа члены Рады! Я дал возможность докладчику юридической комиссии высказаться, чтобы вы выслушали ее предложение. Я большой сторонник того, чтобы вопрос был рассмотрен не в спешном порядке. Мы сейчас можем очень спешно отвергнуть и так же спешно принять. Поэтому я настаиваю на том, чтобы мы перенесли этот вопрос, согласно предложению члена Рады Горбушина, на февральскую сессию. Вы видите, что юридическая комиссия задержала этот документ и только в последний день внесла его на обсуждение Рады.

Член Рады Белоусов. — Господа члены Рады! Дело ваше — принять этот вопрос сейчас иди перенести на февраль месяц. Но по поручению комиссии я настаиваю на том, чтобы он был принят сейчас и в том духе, в каком предлагает комиссия.

Председатель. — Прошу тех, кто согласен, чтобы этот законопроект был заслушан после перерыва, поднять руки. Кто против? Принято. Обсуждение проекта переносится на после перерыва.

Далее членом Рады Манжулой было сделано заявление, чтобы в деле развития кооперации правительство шло навстречу. Теперь по этому предмету выработана следующая резолюция: «Полагая, что развитие кооперации и всех видов ее объединения является необходимейшим условием для поднятия благосостояния края и вполне отвечает насущным задачам времени, так как кооперация основывает свою работу на самодеятельности широких слоев населения, Кубанская краевая Рада предлагает краевому правительству всячески содействовать развитию деятельности как местных кооперативов, так и их объединению и предоставлять им полную свободу в их полезной и необходимой для края работе». *(Аплодисменты.)* Возражений нет? *(«Нет».)* Принята.

Господа члены Рады! Возбуждается вопрос, чтобы те помещения, которые вы ныне занимаете, остались за вами, чтобы они не были реквизированы для других целей. Предложение имеет свои основания, так как, хотя начало заседаний приурочено нами к 1 февраля, но может быть и так, что обстоятельства заставят Раду собраться гораздо ранее. Теперь такое время, что поручиться, что будет завтра, нельзя. Во всяком случае, на это обстоятельство будет обращено внимание правительства, в тех видах, чтобы во всякий момент для членов Рады было помещение готово.

Я вам сообщал ранее, что 9-го декабря должны прибыть тела Бардижа К. Л. и его сыновей. Сегодня я получил сообщение, что 9-го числа тела только будут отправлены из Туапсе. Таким образом, вас здесь уже не будет, когда состоятся похороны. Я предлагаю возложить венок на могилу наших кубанских патриотов и просить правительство, чтобы похороны их были бы организованы с подобающей пышностью. *(«Просим».)*

Господа члены Рады! Вы просили о предоставлении вам вагонов. В отношении Черноморской ж. д. этот вопрос улаживается просто; что же касается Владикавказской ж. д., то там еще нужно просить об этом администрацию. Я просил члена правительства путей сообщения сделать соответствующее распоряжение.

У меня много запросов по поводу военнослужащих. Что касается членов Законодательной Рады, то, мне кажется, эти лица должны теперь же поступить в полное распоряжение Законодательной Рады. Им должны быть предоставлены увольнительные свидетельства от частей, и они не подлежат возврату. Что же касается членов краевой Рады, то, ввиду того что мы предполагаем дать своим избирателям отчет сейчас же, а равно ввиду возможности досрочного возобновления занятий Рады, они должны числиться — офицеры и казаки — за президиумом Рады, впредь до того как Рада закончит свою работу.

Вновь избранных настоящей Радой членов Законодательной Рады прошу собраться завтра в 10 часов утра в занимаемом ею помещении.

Господа члены Рады! Многими членами Рады выражено пожелание, чтобы от имени Чрезвычайной Рады был издан приказ воинским частям края. Приказ этот заготовлен, и Султан Шахим-Гирей огласит его. Если вы найдете проект удовлетворительным, то мы его издадим.

Член Рады Султан Шахим-Гирей. *(Читает.)* — «Приказ № 3 Кубанской краевой Рады кубанским войскам. Орлы Кубани! Свой горячий привет и низкий поклон шлет вам краевая Рада. Со слезами радости и гордости мы, ваши деды, отцы и братья, прислушиваемся к тому, что происходит там у вас на фронте. Мы знаем, что вы не посрамили нашей стародавней славы казачьей. Мы знаем, что вы покрыли себя новыми геройскими подвигами. По-прежнему вы — наша гордость и слава. Спасибо вам, родные. Крепко стойте и на будущее время за честь и счастье родной Кубани. Знайте, что в мыслях всегда мы с вами, что всегдашняя наша дума, забота наша — о вас. Вам ведомо, что несчастье злое постигло нашу тихую Кубань. Разорили, разграбили ее насильники большевики; хотели было даже казачество уничтожить, чтобы и памяти о нем не осталось. Но — нет, не удалось им это и никогда не удастся. Как один вы восстали и освободили от извергов-насильников свой край, свои станицы веселые, родные.

Хотя и льется еще кровь наших героев — защитников Кубани и гремят еще пушки вблизи границ ее, мы, ваши деды, отцы и братья, собрались на Раду, чтобы приступить к строительству новой жизни, к залечиванию тяжких ран, нанесенных злым врагом нашей матери Кубани. Тяжелая работа выпала и на нашу долю. Вот уже больше месяца день и ночь мы думаем нашу думу тяжкую. Первым делом мы потребовали отчета от наших избранников — Законодательной Рады, войскового атамана и правительства. Мы признали, что они с честью исполнили свой долг перед краем, что они

высоко несли знамя, Радой им врученное, и не склонили его перед насильниками, не отдали его на поругание жестокому, беспощадному врагу. Нашей следующей задачей было подумать о том, как устроить жизнь у себя на Кубани, как и чем мы можем помочь в деле воссоздания нашей общей родины — России. Государственного единства нет. Россия разделилась на отдельные, самостоятельные ныне, части. Нет и единой общероссийской власти. В центре России продолжается анархия и господство большевизма. Мы, кубанцы, мыслим себя неразрывно связанными с Россией, единой и свободной, и мы твердо стоим на своей прежней позиции: Россия должна быть федеративной республикой свободных народов и земель, а Кубань — отдельной составной ее частью. Ныне же Кубанский край, стоя на пути государственного строительства, сохраняет за собой всю полноту государственной власти в пределах края и управляется на основании подробно разработанного положения, принятого Радой нынешнего созыва. Согласно этому положению державным хозяином края является краевая Рада; издание местных законов принадлежит Законодательной Раде. Во главе исполнительной власти стоит избранный краевой Радой войсковой атаман, который приглашает председателя правительства и назначает членов правительства по предложению председателя. Правительство за свои действия отвечает перед Законодательной Радой. Из этого вы видите, что в основу строительства краевой жизни краевая Рада положила идею государственности и народоправства, и с этого пути она не сойдет.

Вторым важнейшим вопросом краевая Рада признала вопрос земельный. Радой принят закон, которым установлено, что право частной собственности на все земли в Кубанском крае уничтожается. Земли и леса, принадлежащие станичным, хуторским, сельским и аульным обществам, остаются в распоряжении и пользовании их владельцев (обществ). Все же частновладельческие земли, а также церковные, причтовые, монастырские и казенные, отчуждаются в краевой земельный фонд, из которого удовлетворяются землей в первую очередь малоземельные казаки, горцы и коренные крестьяне края, которые не принимали активного участия в большевизме. Итак, государственность, народоправство и земля — трудовому народу, — вот те незыблемые, основные принципы, которые Рада постановила ныне же осуществить у себя на Кубани и которые будут начертаны на седых знаменах кубанцев, когда они рядом с другими сынами свободной России пойдут освобождать ее от ига большевиков.

Одной из главнейших задач перед Радой стояла также забота об укреплении военной мощи родной страны. В этих целях краевая Рада признала необходимым приступить к сведению всех войсковых кубанских частей в Кубанскую армию, во главе которой должен стоять командующий этой армией по назначению войскового атамана. При совместной с другими армиями борьбе против большевиков для достижения наибольшего успеха в этой борьбе Кубанская армия, вся или часть ее, по усмотрению войскового атамана, может быть подчинена в оперативном отношении общему главнокомандующему фронтом. Кубанские казаки, входящие в смешанный состав строевых частей Добровольческой армии, должны быть постепенно — без вреда для хода военных действий — выделены в свои казачьи части Кубанской армии. Затем целым рядом статей краевая Рада установила порядок отбывания службы в Кубанской армии, каковой порядок должен проводиться в жизнь постепенно по мере издания распоря-

жений войсковым атаманом, без нарушения боевой способности нынешних войсковых частей. В то же время краевая Рада издала закон, обеспечивающий воинов, потерявших на войне частично или полностью трудоспособность, а также семьи убитых. Согласно этому закону всем потерявшим трудоспособность от ранений и увечий в борьбе против большевиков будет выдано единовременное пособие, независимо от пенсий, устав о которых будет разработан Законодательной Радой: в случае полной потери трудоспособности — три тысячи рублей и в случае частичной утраты трудоспособности — пропорционально степени утраты, исходя из указанной выше нормы. Семьям погибших в борьбе против большевиков при активных выступлениях будут выданы единовременные пособия: жене без детей — пятьсот рублей и на каждого ребенка до 17 лет — по пятьсот рублей. Дети — круглые сироты до 17 лет получают каждый по одной тысяче рублей, и оставшиеся без приюта должны быть немедленно определены в приюты. Сироты погибших в активной борьбе с большевиками все должны получить образование не ниже среднего за счет края. Отцу или матери, которые жили на иждивении погибших или при которых жил погибший, будет выдано на каждого по пятисот рублей, т. е. на отца и мать. В воздаяние же и в память героических трудов и лишений, понесенных участниками кубанских походов в борьбе за освобождение Кубанского края от большевизма, краевой Радой установлены в качестве высшей награды в Кубанском крае крест Спасения Кубани, дающий кавалерам этого ордена значительные права и преимущества, и медаль «За освобождение Кубани». Краевой Радой принят еще целый ряд законов и постановлений, имеющих своей задачей довести до конца дело борьбы с большевизмом, а также восстановить нормальное течение жизни в крае, улучшить финансы и наладить те отрасли управления, которые вконец были разрушены господством большевиков.

Не жалея трудов и сил, работает краевая Рада над воссозданием благополучия, порядка и законности в родном всем нам крае. Но все ее труды будут плодотворны и для края полезны лишь в том случае, если вы, наши дети и братья, доведете до конца ваше боевое дело. Враг вытеснен из пределов Кубани, но он еще не уничтожен. Он еще силен. Спаянные твердой разумной дисциплиной и верою в счастливое будущее великой и свободной России, за счастье и спокойствие дорогой Кубани, идите, родные герои, смело вперед, сокрушите врага. Бог в помощь вам! Знайте, что мы с вами. И если нужно будет помочь вам, все, кто не призван еще на поле брани, и стар и млад, все поднимутся и пойдут умирать за честь и счастье Кубани. Да здравствует родная Кубань!»

Председатель. — Вы видите, что это воззвание-приказ тоже страдает длиннотой, но автор имел в виду до установления окончательной редакции ознакомить с ним Раду. *(Голоса: «Союзников добавить».)* Это будет написано в виде приказа, а о союзниках будет упомянуто в другом месте. Прошу верить, что у автора не было желания умышленно умолчать о союзниках — тут многое и другое не написано. Теперь важно, чтобы мы дали согласие на принятие этого текста. Возражений нет? *(«Нет»; «Согласны».)* Приказ будет сдан в типографию, а равно в ближайшие дни напечатан в газетах. Господа, ко мне обращаются с сообщением очень печального свойства: будто некоторые люди — безусловно люди злые и, безусловно, враж-

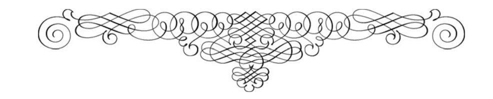
дебные народу — начинают гнусную провокацию, начинают гнусное дело возбуждения одной части против другой — против офицерства. Это очень гнусный факт, но вы знаете, что есть праздные люди, которые только и занимаются натравливанием казаков на офицерство. Во всяком случае, нужно принять меры, чтобы предотвратить такое явление. *(Голоса: «В чем дело?»)* Вы просите указать на отдельный факт, зачем нам это? Пусть прокурор знает, а нам важно знать, что это было допущено и что провокаторов среди нас нет. Несомненно, это очень печальный факт, которому радоваться может только враг наш. Я не имею возможности сообщить вам более подробно, ввиду того что это сообщение получилось только сейчас. Предлагаю Раде единодушно высказать возмущение против таких людей, ибо Рада стоит на той точке зрения, что войско должно представлять собою объединенную, сплоченную организацию и что там не должно быть места никакой провокации. Думаю, что Раде нужно сказать свое слово в виде резолюции о том, что Рада выражает решительное порицание подобного рода агитаторам. Возражений нет? *(«Нет».)* Принято.

Еще маленькое предложение: необходимо избрать по десяти человек от каждого отдела для присутствования во время присяги войскового атамана и сейчас же после перерыва идти туда. Присяга назначена на площади войскового собора в 3 часа дня. Кто выбран, прошу принять участие.

Объявляю перерыв до 10 часов утра 1-го февраля, а если понадобится, то и раньше.

Заседание закрыто в 2 часа 10 мин. дня.

Конец отчета заседаний Кубанской краевой Рады с 28-го октября по 8-е декабря 1918 года.

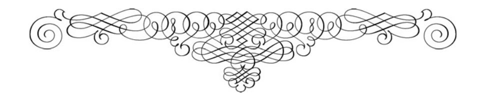
Научное издание

Библиотека Кубанского края

Протоколы и стенограммы заседаний Кубанских краевой и Законодательной Рад. 1917–1920 гг.

Под редакцией А. А. Зайцева

Том 3

Подписано в печать 29.11.2016. Тираж 200 экз.
Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Академия».

Подготовлено к печати и отпечатано в редакционно-издательском комплексе
ООО ОИПЦ «Перспективы образования».
350038, г. Краснодар, ул. Володарского, 6.